

Лара Альм

Кавардак – блюдо
несъедобное

Ростов-на –Дону

2018г.

Ты никогда не знаешь, в какой момент
начнется твоя шизофрения.

/ Ирвин Уэшли /

*Кавардак – беспорядок, неразбериха,
суматоха. Слово тюркского
происхождения, однокоренное со словом
курдюк, означает рубленую баранину.*

*Кавардак – национальное узбекское блюдо
из мяса и овощей.*

Глава первая Машина времени

Степан Ефремушкин, молодой мужчина тридцати пяти лет от роду, любил свою работу, уважал старших и боялся женщин. Чтобы как-то преодолеть барьер, разделяющий молодого мужчину и представительниц прекрасного пола, Степан постоянно посещал художественные выставки и прочие культурно-просветительские мероприятия. Да, у него была тяга к искусству, но еще больше у него была тяга к умным и творческим девушкам, которые посещают культурно-просветительские мероприятия. Если умная оказывалась к тому же привлекательной, Степан считал, что день, потраченный на посещение мероприятия, не прошел даром. Скажем прямо – день удался!

Спросите, почему именно культурные мероприятия? Главное здесь – культурные! Если мероприятия культурные, то их посещают культурные и образованные люди. ВСЕ люди интересовали Степана в меньшей мере, в большей мере – девушки, правильнее – молодые женщины приблизительно его возраста. Он не хотел, чтобы женщины бросались к нему от отчаяния. Раз им... ни двадцать лет, то сгодится и Ефремушкин. Пусть и имеющий ученую степень кандидата физико-математических наук, но скажем честно – не первый парень на деревне. Больше того, и Степа это осознает – он некрасив. Ну, совсем. Рост метр семьдесят два – для мужчины маловато, голова большая, ноги короткие, при ходьбе чуть косолапит. Но есть и плюсы - глаза голубые, умные, живые, тембр голоса приятный, бархатистый, обволакивающий и... притупляющий бдительность у умных, творческих, симпатичных.

Но день не всегда складывался удачно: на знакомство с ним соглашались не все, в основном умно-творческие, но весьма непривлекательные. К тому же эти непривлекательные имели непрезентабельный вид по причине безразличия к своему внешнему виду: одеты кое-как, тем самым выражая полное погружение в творческий процесс. Так погрузились, что подумали о своем одиночестве во всей Вселенной, а раз они одиноки, то можно плевать на свою внешность с высокой колокольни. Такую теорию вывел для себя Степан Ефремушкин, тщательно следивший за собой. Иначе как он может привлечь внимание умной, творческой и симпатичной к себе, мужчине, который не обладает сногшибательной внешностью.

Степа удачно компенсировал издержки внешности подчеркнутым уважением к себе, которое выражалось правильным уходом за собой, не фанатичным, от которого мужчина теряет мужественность: опрятный, выглаженный, одежда не дорогая, но выглядит прилично. И что самое главное – обувь! Вот обувь у Степана была дорогой – известных

брендов. Возможно, он сам себя обманывал, но ему казалось, что обувь исправляет его косолапую походку.

Степан Ефремушкин давно готов к отношениям с женщиной, но женщина, та самая умная и ухоженная, пока об этом не знает.

Степа, вообще, привык обманываться. Как там у классика: ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад...

Почему-то решил, что на художественной выставке легче вступить в разговор с девушкой: ты стоишь у некоего произведения искусства работы известного художника и будто бы просто рассуждаешь вслух, делишься впечатлениями, которые тебя переполнили до такой степени, что удержать их в себе весьма затруднительно. Рядом стоит молодая женщина, без сопровождающего мужчины или без сопровождающей подруги, одинокая в общем, ты рассуждаешь вслух, ее «не замечаешь», причем говоришь так проникновенно, что девушка... попадает в сети твоего ума и твоего бархатистого голоса. Вступает в разговор, ты ее «замечаешь» и... продолжение следует.

Увы, следует не всегда. В любом случае, девушка не обзовет тебя идиотом и уродом или еще каким-нибудь жестоким словом, которое никак не подходит Степану Сергеевичу Ефремушкину, преподавателю точных наук в политехническом университете.

Степан Сергеевич не выносил грубости, особенно из уст симпатичных женщин. И это было еще одной причиной выбора места для знакомств: в культурных мероприятиях нельзя сквернословить, об этом знают практически все, а кто не знает, тот не посещает культурные мероприятия.

Рассуждая о конкретном художественном полотне, Степан и его новая знакомая перемещались из зала в зал, пока автоматически не оказывались на улице, а затем и в ближайшем кафе. В завершении культурно-кафешной программы Степа провожал девушку до дома. И никогда не напрашивался в гости. Но если девушка его приглашала, он, не раздумывая, соглашался. И еще одно «никогда»: никогда не вступал в сексуальные отношения в первый день знакомства. Хотелось лучше узнать девушку.

Возможно, Степан Ефремушкин был несовременным мужчиной, но таковы были его принципы. Такое воспитание ему дали родители.

Отец Степана, Сергей Львович Ефремушкин, потомственный военный, связист. Дослужился до заместителя командира полка, ушел в запас в чине полковника. Семья перебралась из бывшей союзной республики в Россию. Отцу предоставили квартиру, в которой Степан Ефремушкин живет по сей день. Живет в доме сталинской постройки, в тихой части центра города. Место изумительное. И квартира хорошая, пусть в ней всего две комнаты. Но огромные! И потолки три с половиной метра. Семья Ефремушкиных въехала в квартиру, уже обставленную мебелью. Мебель осталась от прежних хозяев, что Ефремушкиным было на руку: из бывшей союзной республики они прибыли налегке, взяли с собой только носильные вещи и предметы, дорогие их сердцу. Особых богатств так и не нажили. И никогда к этому не стремились. Мать Степана сравнила новое жилье с гостиницей, потому что квартира выглядела необжитой. По всей видимости, прежние хозяева давно съехали и какое время квартира стояла пустой.

Кое-что из мебели Ефремушкины выбросили сразу, что-то выносили на свалку постепенно, что-то оставили – прижилось. Осталось то, без чего квартира потеряла бы свою особенность прежнего времени. Отцу Степы было все равно, что оставить, что выбросить, он действовал по указке своей супруги. В семье царил патриархат, но в бытовых делах глава семьи отдавал пальму первенства своей обожаемой жене.

Особую любовь матери Степана заслужил шкаф в прихожей, старинный, из ценных пород дерева. Так высказалась мать в восхищении, а семилетний Степа, развитый не по годам и весьма любознательный, уточнил:

- Каких ценных пород?

Мать, которая в свое время удачно выскочила замуж за молодого лейтенанта, едва окончив десятилетку, посмотрела на сына, как на врага народа – он постоянно ставил ее в затруднительное положение – и подчеркнуто произнесла:

- Очень ценных пород. Наверное, этот шкаф принадлежал какому-нибудь богатому жителю города. Знати, - подумав, выдала она и зачем-то взглянула на потолок.

Степка решил – ищет на потолке подсказку или подтверждение своим словам. На всякий случай, мальчик тоже взглянул на потолок. Ничего не заметил, кроме некрасивого ржавого развода. И осуждающе вздохнул. Осуждение относилось к соседям сверху, которые забыли закрыть кран и залили квартиру снизу. Степка был сообразительным парнем и читал много взрослых книжек. Мать приняла осуждающий вздох на свой адрес.

- Степан, займись своими вещами, - приказала мать тоном, не терпящим возражений. Она не повысила голоса, не процедила со злостью сквозь зубы, она приказала, но усталым голосом, как будто озвучивала просьбу много раз, а сын и «в ус не дует».

Степке показалось, что мать сейчас заплачет. Но мать справилась с эмоциями, не поддающимся объяснению, ушла на кухню и загремела посудой.

Поздним вечером Степка слышал, как родители переругивались придушенными голосами. Они думали, что сын давно спит. А он не спал, читал книгу с помощью фонарика, накрывшись одеялом. Услышав голоса, он испугался и босиком потопал в комнату родителей. Еще не дойдя до открытой двери, он понял, что голоса доносятся из кухни. В большой холл вели три двери: из комнаты Степана, из комнаты родителей и из кухни. Была еще дверь в совмещенный санузел, но это не в счет.

Мальчик не успел открыть дверь в кухню, как услышал слова матери:

- Я тебя не держу, можешь возвращаться к своей...

- Марфуша, не надо, прошу тебя, - не дал ей договорить отец. Он всегда любя называл жену Марфушей, хотя, на самом деле, ее звали Мартой.

Гораздо позже сын узнал, что Марта стала Мартой, когда вышла замуж за молодого лейтенанта, вчерашнего курсанта высшего училища связи, с которым случайно познакомилась в парке на аттракционах. Марфа Тараненко приехала в воскресный день в город из близлежащего села вместе с подружкой. Ее увидел Сергей Ефремушкин, высокий красавец в военной форме, и сразу потерял голову. И было от чего: в отличие от своего сына, Марфа была первой красавицей на селе. Непонятно, в кого уродился Степан.

Степка был третьим ребенком в семье Ефремушкиных. Первым родился Иван, потом родилась Олеся. Иван погиб, когда ему было шесть лет. Нашел с друзьями в лесу снаряд времен Отечественной войны. И не ничего лучше не придумал, как разжечь костер и бросить снаряд в костер. Погиб один Ваня, другие ребята получили ранения разной степени тяжести, но никто не получил серьезных увечий. Все мальчишки поправились и стали жить дальше обычной жизнью.

Марта Гордеевна уговорила мужа перевестись в другой город, подальше от этого населенного пункта, чтобы никто из друзей погибшего сына не напоминал ей о трагедии. Начальство пошло капитану-связисту навстречу. Так семья из трех человек оказалась в Белоруссии, под Минском. Олесе было три.

Марта не отпускала от себя дочь ни на минуту.

Через четыре года девочка пошла в первый класс.

Весной все первые классы отправились в туристических поход. Детей сопровождали не только учителя, но и их родители. Конечно, в числе родителей была и Марта Гордеевна Ефремушкина.

Она не могла понять, когда исчезла Олеся. Будто бы все время была на глазах. И вдруг ее уже нет. Ее и еще одной девочки, ее подружки.

Девочек сразу бросились искать. Они не могли уйти далеко.

Их нашли на рассвете, когда все падали от усталости, когда все охрипли и уже расстались с надеждой на благоприятный исход. Сначала показалось, что девочки мирно спят под старой разлапистой сосной. Оказалось, уснули навсегда.

Причину смерти установили позже: девочки скончались от остановки сердца. Простой народ называл другую причину – от разрыва сердца. Девочек что-то испугало или кто-то сильно напугал. И не удивительно: две крошечные девчушки в большой лесу ночью. Тем более, про этот лесной массив рассказывали разное, в основном ходили всякие небылицы. Некоторые утверждали, что в лесу до сих пор в землянках живут фашисты, остались в Белоруссии еще со времен Отечественной войны. Другие спорили – не фашисты, а беглые каторжане. Каторжанами называли осужденных из колонии, которая находилась неподалеку.

В любом случае, рядом с местом, где обнаружили девочек без признаков жизни, не обнаружили следов пребывания других людей...

Сергей Ефремушкин сам пошел к начальству и попросил перевести его куда-угодно, лучше, если там не будет больших лесных массивов. И его перевели в Таджикистан.

Ефремушкины долго не решались завести третьего ребенка. Когда решились, у них ничего не получалось. Но, наконец, счастье в лице Степки пришло в их дом. В ту пору Сергею Ефремушкину было сорок восемь лет, его супруге – на пять лет меньше.

Несмотря на возраст, Марта легко перенесла позднюю беременность, легко родила сына-великана. Думали, что сын пойдет в отца – будет таким же высоченным красавцем, а он пошел в деда, отца матери, которого Степка никогда не видел. Но мать говорила, что ее отец был плюгавеньким, невзрачным, но он обладал морем обаяния. Женщины сходили по мужчине с ума, он никому не отказывал в участии и внимании. В общем, натерпелась с мужем, обладателем моря обаяния, его супруга. Марта пошла красотой и статью в свою мать, обожавшую непутевого мужа. Она терпела все его выходки, прощала. А когда он умер в возрасте семидесяти с хвостиком лет, еще раз убедилась, что он был светом в окошке, смыслом ее жизни. И вскоре ушла вслед за ним.

Видимо, Степан взял от деда только невзрачную внешность, все остальное, море обаяние, к примеру, досталось кому-то другому.

Марта Гордеевна не водила сына за ручку везде и всюду, не тряслась над ним, не баловала, не сюсюкала. Степан рано почувствовал себя взрослым. Ему казалось, что мать любит погибших старших детей, его брата и сестру, больше, чем младшенького, долгожданного.

Степка знал брата и сестру только по фотографиям. Ваня похож на отца, вылитый. Олеся – на мать. Красавцы. Степка – полудед, полунепонятно кто.

Мальчик постоянно пытался заслужить любовь матери, доказать ей, что он не хуже Вани и Олеси.

Отец всегда был на службе. Наверное, был где-то еще, потому что мама часто встречала отца... нелюбезно. Кормила отца на кухне, при этом вела себя нервозно. Степка крутился здесь же. Пытался залезть к отцу на колени. Мать запрещала. А потом и вовсе «заставляла заняться делом», уводила отца в спальню и начинала шипеть на него. Отец помалкивал, иногда вставлял:

- Марфуша, ты все себе напридумала, нет у меня никого.

А Степка думал: как же нет никого?! А ОН? А Марфуша?

Степка тоже называл мать Марфушей, но про себя. Ему нравилось имя Марфуша, милой, шелестящее, уютное, домашнее. Теплое и ласковое. А имя Марта - не очень нравилось: холодное, как первый весенний месяц. Когда он злился на мать, то мысленно заявлял, выделяя имя матери: «Марта, ты очень-преочень неправа!» Но никогда не спорил.

Слегка повзрослев и не по годам поумнев, высказывал свои умные мысли - рассуждал на разные темы - вслух. И все для того, чтобы завоевать любовь матери. Отец и так его любил, без слов было ясно...

Переехав в теплый южный город, большой по сравнению с военным городком в Таджикистане, Степка снова услышал, как мать шипит на отца. Отец держит молчаливую оборону, привычно вставляя: «Марфуша, ты не права, у меня никого нет». Сын не видит обоих, но знает, что в эту минуту отец щурит глаза, от уголков глаз бегут лучики. Высказавшись, отец закусывает нижнюю губу. То ли привычка такая, то ли удерживает себя от дальнейших высказываний. Он знает – лучше промолчать, дать Марфуше выговориться. Лишь потом, он ее обнимет, прижмет к себе и скажет ласково: «Дурочка ты моя, я люблю тебя больше всех на свете! Тебе и Степку! И никто мне больше не нужен!»

Степке кажется, что мать набрасывается на немногословного отца с одной целью – услышать очередное признание в любви. Отец ее не балует признаниями.

Степка тоже млеет от признаний отца – его тоже любят! Отец, большой, красивый, мужественный, немногословный, вечно занятый, не забывает о нем.

На этот раз после признания в любви сразу что-то рухнуло в ванной. Степка испугался, не громкого звука - он не трус, а того, что его застанут на месте преступления, под дверью кухни. И не нашел ничего лучшего, как юркнуть в шкаф, который из ценных пород. Для этого пришлось высоко поднять ногу, потому что в нижней части шкафа находились два выдвижных ящика. Впорхнув в шкаф, Степка услышал, как из кухни выскочили родители и направились в сторону громкого звука. Но не сразу. Сначала заглянули в комнату сына – вдруг с ним что-то случилось? И тотчас забыли о подозрительном звуке, который минуту назад раздался в квартире, приблизительно из ванной комнаты. А забыли о звуке потому, что их сын, который обязан мирно почивать в своей кровати, исчез. Был сын и нет сына, причем пропал поздним вечером, практически ночью.

Из спальни Степана раздались возбужденные голоса.

- Сережа, ты видел книгу и фонарик? – спросила мать таким тоном, будто и книга, и фонарик были историческими реликвиями.

- Марфуша, это ни о чем не говорит, - убедительно заявил отец. – Наш мальчик читал книгу, пользовался электрическим фонариком, чтобы мы его не застукали. Он любит читать, а мы не позволяем ему читать допоздна.

- Как бы не так! - взвыла мать таким страшным голосом, словно пыталась напугать злодея, который покусился на самое дорогое – на ее единственного сына. – Ты ничего не понимаешь, - уже тише, с легко проглядываемой нравоучительностью, проговорила она, - кто-то пробрался к нам в квартиру, этот кто-то освещал себе путь фонариком...

- Марта! – рявкнул на нее муж, чего отродясь ни бывало, - хватит! Хватит, я сказал! Сочинительница, понимаешь...

Женщина заплакала, мужчина произнес что-то успокоительное, одновременно проверяя все места, куда может спрятаться семилетний ребенок.

Сидя в шкафу, Степка слышал, как открывались со скрипом дверцы комода, двигалась мебель, естественно, не сама по себе, а под действием мужской силы. Рыданий матери слышно не было, наверное, присоединилась к поискам.

- Его здесь нет, - упадническим голосом изрекла женщина.

Вскоре она появилась в прихожей и начала метаться по замкнутому пространству, чем удивила Степана, который решил, что его поиски продолжатся в прихожей, где единственным подходящим местом для игры в прятки был здоровенный шкаф ценных пород. Мать совершала бесцельное броуновское движение, а отец, поддавшись панике, принялся натягивать на себя куртку времен его военной жизни, забыв о брюках: до этого на нем не было ничего, кроме семейных трусов. Куртка была теплой, с цигейковым воротником, и одиноко висела на вешалке: накануне мать штопала дырочку на куртке, не стала убирать в шкаф, чтобы показать свою работу мужу. Куртка осталась на вешалке, ждала своего часа. Все бы ничего, но на улице был май, последний весенний месяц. Как-то непривычно ходить в это время года в теплой куртке, и не совсем культурно бегать по улице в семейных трусах.

- С ним что-то случилось, - завывала мать, нарезая круги по прихожей. – Сережа, с ним что-то случилось. Сережа, я больше не переживу... Сережа...

- Молчать! – выказал командный голос отец. – Степка не мог далеко уйти. Наверное, он просто вышел на улицу.

С поисками на улице вышла задержка – отец искал любую обувь, догадался, что не нужно идти босиком.

- Зачем... ему выходить на улицу ночью? – оторопело спросила Марфуша.

- По... подышать свежим воздухом, - нашелся отец.

- Сережа, ты в своем уме? Наш сын не лунатик какой-то, чтобы... чтобы гулять по улицам... или по крышам домов. Он нормальный.

- Он больше, чем нормальный – он вундеркинд.

Говорите, говорите, - мысленно подталкивал родителей к дальнейшим похвалам в свой адрес семилетний мальчуган. Его не баловали похвалой.

Но когда отец взялся за ручку входной двери, напоследок прижав к себе плачущую мать, Степка смилостивился. Распахнул дверцу шкафа и воскликнул:

- А вот и я! - Заметил ошеломленные, на грани помешательства, лица своих родителей, и скороговоркой добавил, - а в ванной упало корыто, оно постоянно падает. Лучше бы его вынести на помойку. Или в металлолом сдать.

- Что ты делаешь в шкафу? - опешил отец.

- А вы испугались? – вопросом на вопрос ответил мальчик-вундеркинд. Родители ждали ответа. – Я тут... живу. Временно.

- У тебя есть прекрасная комната, - пробормотала мама с непониманием в голосе.

- Или тебя что-то не устраивает? – поинтересовался отец, сдерживая улыбку. Вот-вот возле глаз появятся лучики, так любимые сыном. В такие минуты сын взбирался к отцу на руки, прижимался виском к лучикам, чтобы отогреться, зарядиться солнечной энергией от отца. Чтобы стать взрослым и таким же большим и красивым, как отец.

- Я вас очень люблю, - признался сын. Наконец, выбрался из шкафа, свалив по дороге мамино пальто, которое висело на вешалке. Мама подхватила пальто, присела перед сыном на корточки и обернула сына своим пальто, словно он пришел с мороза и сильно продрог. Всё это она проделала молниеносно, ни Степка, ни отец не успели опомниться. Потом мать крепко-крепко прижала к себе Степку и зарыдала. Степка тоже зарыдал, а отец снял с себя куртку, набросил куртку матери на плечи и пристроился рядом, обняв обоих.

Никто никого не успокаивал, двое рыдали, один с трудом сдерживался. Немного успокоившись, мать отпрянула от сына, заглянула ему в заплаканные глаза и призналась:

- С самого твоего рождения я приказала себе... не сходить с ума. С тобой НИЧЕГО не может произойти! И чтобы с тобой ничего не произошло, я не должна волноваться по пустякам. И я... и я держалась до сегодняшнего дня. А когда... когда увидела пустую кровать, просто сошла с ума. Степка, Степочка, мальчик мой, ты никогда, слышишь – никогда так не поступай!

- Мам, я не буду, прости меня, мам. И ты, папа, прости. Я больше никогда не буду.

С этого дня его отношения с матерью изменились. Она стала нормальной заботливой матерью, не фанатичной, но здраво любящей. Никогда не устраивала тихих скандалов с отцом, видимо, считая скандалы источником зла, а отец стал больше времени проводить с семьей...

А потом Степка пошел в первый класс...

Родители подружились с соседями. Их квартира была рядом с квартирой Ефремушкиных. Это была бездетная пара. Он, Иван Иванович Крашенинников, тоже бывший военный, полковник, но танковых войск. Она, Зинаида Марковна, женщина без профессии, как и мать Степана, но необычайно начитанная. Читала в основном любовные романы и артистично пересказывала Марте прочитанное. Та слушала, открыв рот. Обе дамы стали посещать

кружок по вязанию, теперь у них появилось общее увлечение. Они бегали по магазинам в поисках пряжи. Большую часть времени, если были не на кружке и не бегали по магазинам, занимались вывязыванием красивых узоров. И Иван Иванович, и Сергей Львович, и Степка щеголяли в свитерах ручной работы. Не обошлось и без шапок, шарфов и носок. Женщинам хватало внимания на мужчин, никто не ходил голодным или не обласканным. Как-то так получилось, что Степка стал бездетной паре своим, обрел еще одних родителей.

Он ревностно отнесся к неожиданному появлению внучатого племянника Зинаиды Марковны, сопливого мальчишки по имени Егор, совсем еще малыша. Тетя Зина и дядя Ваня называли его ласково – Егорушка. Когда Степка слышал это обращение, себе под нос бубнил: Егорушка-Скорушка. В итоге к Егорушке прицепилась кличка Скворечник. Когда «очень взрослый» Степан сидел во дворе в компании таких же «взрослых» приятелей и появлялся Скворечник, он цедил сквозь зубы:

- Сейчас бы кааак тетрыкнуть этого Скворечника, чтобы он забыл сюда дорогу.

Не просто так употреблял глагол «тертыкнуть» - Егорушка-Скворушка носил фамилию Тертычный. Его мать, Ариадна Тертычная, племянница тети Зины, дочь ее родного брата, всего один раз привезла своего малолетнего сына к тетке на все лето, потому что они с мужем уезжали в долгосрочную командировку, а оставить Егорушку было не с кем: брат Зинаиды скончался, а его супруга, бабушка Егора, перенесла сложную операцию.

Следующий раз Егор появился у Крашенинниковых гораздо позже, когда приехал поступать в институт. Прежней ревности Степан не испытывал, но неприятие, совершенно, необъяснимое осталось.

Степан сам себе не признавался, но понимал – он испытывает чувство зависти. Во-первых, Егор был хорош собой, во-вторых, очень контактен. Чего не скажешь о Степане.

Дружить с внучатым племянником никто Степана не заставлял, тем более разница в возрасте была ощутимой – почти десять лет.

Егор окончил институт и остался жить у бабушки Зины, которая была только рада живой душе рядом с ней. К тому времени дяди Вани уже не было.

Как и отца Степана, который скончался от острой сердечной недостаточности...

Утром, во время завтрака, Степан смотрел по телевизору местные новости. В новостях сообщили, что с сегодняшнего дня в экспоцентре «Плаза» будет проходить выставка, посвященная столетию октябрьской революции.

Прекрасно! Степан с удовольствием посетит выставку, вернется в свое советское детство. Он успел побывать в октябрятах, о чем вспоминает с гордостью. Возможно, не у него одного есть ностальгия по беззаботному счастливому детству, за которое надо благодарить родную страну – фраза, часто произносимая пионерами на партийных съездах: «За наше счастливое детство спасибо, партия, спасибо, родная страна!»

Вернуться в счастливое детство, посетив выставку к столетию революции, это хорошо, что может быть проще. Гораздо сложнее – завязать знакомство с еще одной... еще одним ностальгирующим октябренок женского пола. Как ее назвать – октябристой?

Степан невольно воззрился на подоконник. На окне стоял горшок с цветком, который Марта Гордеевна, любительница домашних цветов, называла декабристом. Степан называл цветок октябристом – это название ему нравилось больше: какие могут быть цветы в декабре?! Декабрист-октябрист цвел в любое время года, когда ему вздумается. Но только не в положенное ему время. На этот раз ему вздумалось зацвести в конце мая. Это растение с плоскими тонкими листьями, на виде сверху похожими на перетянутые сосиски, выпихивало бутоны из концов своих плоских листьев, из бутонов вскоре появлялись ярко-розовые большие цветы с торчащими наружу зелеными пестиками и желтыми тычинками.

Степан переключил свое внимание с цветов на телевизор, по которому шел уже другой сюжет. Ведущий рассуждал о летних отпусках. Степка лишь вздохнул с долей печали: отпуск не за горами, но удастся ли куда-то вырваться, вот вопрос. Маме нельзя менять климат, так

она сама утверждает. Оставлять ее одну он не имеет права. Придется провести лето на даче.

Степан всегда был и будет заботливым сыном. Тетя Зина утверждает, что его мать, ее дорогая подруга, из сына «вьет веревки» - он делает то, что она хочет. «Послушный мальчик!» – парирует ей Марта. – «Степа давно не мальчик, он мужчина, и должен сам распоряжаться своей жизнью!» - продолжает возмущаться Зинаида Марковна Крашенинникова.

Степан в спорах не участвует. Он не стремится кого-то переубедить. Живет себе и живет. Его все устраивает... Или почти все. Имеет в виду спутницу жизни, которой пора появиться.

Возможно, появится именно сегодня, когда он пойдет на выставку, посвященную столетию октябрьской революции, очень подходящий момент для знакомства с ровесницей, октябристкой.

Конечно, проще было бы найти себе спутницу жизни в университете, в котором он преподает точные дисциплины, тем более, девушки-студентки выделяют молодого преподавателя среди его братии, но Степан Сергеевич не позволяет себе вольностей, разделяет работу и личную жизнь. Ко всему он не верит он в искренность молоденьких девушек-студенток, которые находятся в зависимости от преподавателя. Он не понимает, о чем говорить с молодыми девушками вне стен вуза.

Степан привык общаться с мамой и тетей Зиной Крашенинниковой, знает, как поддержать беседу с ровесницей. И все-таки ему легче общаться с взрослыми тетями: он их не боится. Но это не значит, что он должен жениться на женщине, которая сильно старше него. Степан не желает этого категорически: не хочется, как в случае с матерью, постоянно доказывать, что он лучший, что он достоин. По привычке, автоматически.

Однажды поделился своими мыслями с тетей Зиной. Тетя Зина внимательно выслушала и поддержала:

- Да, негоже жениться на старухе, а будешь ей что-то доказывать, не будешь, это дело другое. Хотя в любом случае, семейная жизнь - это движение, это работа, надо постоянно двигаться вверх, развиваться, работать над собой, чтобы быть интересным своей второй половине. Если остановишься, уже всё, считай конец отношениям. Какое-то время люди еще живут вместе по привычке, живут и оглядываются по сторонам – ищут взглядом человека, который может заинтересовать... - Помолчала, а потом вкрадчиво спросила, - Степушка, неужели у тебя есть на примете... как бы выразиться потактичнее... пенсионерка?
- Что вы, тетя Зина, я не рассматриваю пенсионерок в качестве невесты. Конечно, я всё о себе знаю, но надежды не теряю.
- С лица воду не пить, лишь бы человек был хорошим. А ты, Степушка, очень хороший человек. Хочешь совет? – Степка кивнул. – Тебе надо быть посмелее. Смелость города берет, что уж говорить о нас, о слабых женщинах.

Степка согласился. А тетя Зина набралась смелости и спросила:

- Ты влюблен?
- С чего вы взяли?
- Вид у тебя... загадочный.
- Разговор сложный, потому и загадочный.
- Хотелось бы, чтобы разговор был откровенным.

Глядя на нее честными голубыми глазами, Степка заверил своим необыкновенным бархатистым голосом:

- Никого еще не любил. Не испытал этого чувства. Конечно, вы с мамой не в счет. И на этот раз соврал...

В новом доме они прожили три года, когда однажды во дворе появилась девчонка с огненно-рыжими волосами и лицом, обсыпанным конопушками. Волосы забраны в два

коротких хвоста, торчащих в стороны, что придавало ей озорной вид. Девчонке на вид было лет семь-восемь. Потом Степка узнал – восемь, на два года младше.

Дело было летом, в начале в июне. Пацаны гоняли по двору на велосипедах, увлеченно их чинили, мечтали о мотороллерах. Сидя на скамейке, вели мужские разговоры, слушали умелого рассказчика Веню.

Во время одного из ремонтов велосипедов к группе мальчишек подошла та самая рыжеволосая девчонка с хвостиками. И стала внимательно следить за их действиями, сцепив пальцы в замок сзади себя.

- Чего надо?! – набросился на нее самый старший, Димка. Ему было уже тринадцать. Не выслушав ответа, сказал, - иди, куда шла.

- Вон там девочки играют в куклы, к ним и иди, - смягчил жесткое обращение Димы добросердечный Степан Ефремушкин.

- Не люблю девчонок, - призналась рыжая, удивив пацанов, и вкрадчиво поинтересовалась, - а можно мне прокатиться на велосипеде?

Обращалась, естественно, к добросердечному Степану. Тот замер ненадолго, быстро отмер и подкатил к ней свой велосипед.

- Ты скажи хотя бы, как тебя зовут? – встрял Димка.

Степка не видел связи, но поддержал приятеля кивком головы. Запрыгивая на сиденье велика, девочка назвала свое имя:

- Света! А вас?

- Я Димон, это Степан, это Вениамин, это Дюша, - указал на всех присутствующих самый старший.

Света бросила на ходу «приятно познакомиться» и закрутила педали. Мальчишки внимательно следили, как она ловко гоняет по двору на велосипеде. Димка цыкал зубом от недовольства, он никак не ожидал, что эта мелюзга умеет кататься на велике. В итоге не выдержал и в сердцах пожелал:

- Что б ты грохнулась.

Света, естественно, не услышала.

- Зачем ты так? – вступился за нее Степан Ефремушкин.

- А ты что, втюрился в эту рыжую? - округлил глаза Димон, начал ненатурально закатываться смехом и указывать на приятеля пальцем. – Ой, не могу, влюбился? Нашел, в кого!

- Не влюбился, не влюбился, - злобно затараторил Степка и привел весомый аргумент в свою защиту, - я ее первый раз вижу.

- Бывает любовь с первого взгляда, - уверенно заявил близкий друг и одноклассник Степана, Вениамин Киселевич, круглый отличник.

В этот самый миг к мальчишкам примкнула новая знакомая.

- Бывает любовь с первого взгляда, я в кино слышала, - не удержалась она от заявления.

- Слышала звон, да не знает, где он, - брякнул Дюша Петров, поглядывая на девочку с осуждением.

- Ну, вы тут разбирайтесь, а я еще кружок сделаю. – И укатила.

Степан отвернулся от Вени со словами:

- Еще другом назывался.

Веня покраснел до ушей, он всегда краснел до ушей, когда кто-то высказывал возмущение, пусть возмущение его и не касалось. Веня таким образом - покраснением ушей - сострадал. Сейчас он сострадал Степану, который неправильно отреагировал на его реплику. И тоже отвернулся от Степана.

Димка решил, что Веня тоже влюбился, и не преминул высказаться с печальным вздохом:

- И этот туда же.

На этот раз он не засмеялся. Венюку никто и никогда не высмеивал, Венюка был очень умным и рассказывал мальчишкам интересные истории, которые он черпал из умных книжек из библиотеки своих родителей-профессоров.

Не обращая на друзей внимания, Веня поднял с земли свой велосипед и покатил его к скамейке. Дмитрий тут же последовал за Веней. Степка и Дюша переглянулись и тоже потянулись за ними.

Света лихо затормозила, слезла с велосипеда и спросила:

- Что случилось-то? Поругались?

- Никто ни с кем не ругался! Тебе-то что за дело? – разозлился Степка и добавил, - иди, куда шла, девчонка! – Вложил все свое возмущение в обращение.

Девчонка не обиделась и не ушла. Присоединилась к мальчишкам, которые старательно отводили от нее взгляды – чтобы не влюбиться, как Степка. Было в ней что-то особенное, она отличалась от девочек их двора, которые только и умели, что играть в куклы, усюсюкать, делать себе пышные прически – играли в парикмахерскую, противно хихикать и поглядывать в сторону мальчишек, занятых своими важными мужскими делами.

Почему-то Светку никто не прогнал. В тот день Вениамин пересказывал приятелям роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Мальчишки обожали фантастику и разные невероятности, иногда происходящие в жизни. «Про невероятности» в основном рассказывал выдумщик Дюша Петров. На самом деле его звали Андрюша, но Дюша – короче...

Повзрослев, Дюша начал писать фантастические романы, стал писателем-фантастом, жаль малоизвестным. Но Дюшу Петрова печатали столичные издательства, пусть небольшими тиражами...

Мальчишки слушали Дюшу, как и Веню, - с большим интересом, но в отличие от Вени – еще и с затаенным страхом. Даже всезнайка Веня его не перебивал, не корректировал и не говорил в конце: «Все это ерунда и выдумки, такого быть не может!» Веня заключал иначе: - Много в нашей жизни не поддается объяснению, но это не значит, что необъяснимое не имеет места быть. – Снимал свои смешные очки, тщательно вытирал стекла и водружал очки снова на переносицу. Все ждали продолжения, объяснения необъяснимому, но Веня помалкивал.

На этот раз Вениамин до досказал до конца «Гиперболоид...», остановился на самом интересном месте и заявил, что у него в горле пересохло. Сообразительный Димка протянул ему бутылку с теплой водой. Веня отпил немного воды из бутылки, поморщился и сообщил: - Все-все, на сегодня достаточно.

- Ну, Веняяя, - заканючили пацаны, к ним присоединилась Светка, которую за время рассказа все уже считали своей: разве девочки могут так внимательно слушать фантастический роман?!

- Я еще не дочитал роман до конца, – наконец, признался юный рассказчик. – Сегодня же дочитаю, и завтра дорасскажу.

- Иди домой и читай, - приказал Димка.

- А ты мне не указывай, - парировал Вениамин Киселевич и гордо задрал нос. От возмущения даже очки запотели.

Степан всегда завидовал приятелю, который может поставить на место заводилу. Степка не мог, он терялся и говорил совсем не то, что надо сказать. И его речь была больше извиняюще-оправдывающей, чем нападающей. А как известно, лучшая защита – это нападение.

Димон ступешался, переключил внимание на еще одного рассказчика, Дюшу Петрова. Дюша уже почувствовал себя в своей стихии, но в этот момент из подъезда выплыла величавая тетя Люся, мать Дюши, и позвала сына с собой. Дюша извинился перед приятелями, приткнул свой велик к бедру безответного Степки, который должен сберечь его «коня» до его возвращения.

- Куда это он? – спросила Светка, провожая взглядом пышнотелую тетку и Андрюшу.

- На рынок пошли. Его матери нельзя тяжести поднимать, вот Дюша и отдувается, - ответил добросердечный Степан.

- Ну, что, пацаны, погнали в сквер? – полувопросительно-полуутвердительно сказал вожак Димон и первым прыгнул на «коня».

- Я поеду на велике Дюши, - возрадовалась Светка, опередив Степана, который хотел напомнить о чужом «коне»: не ехать же ему на двух сразу!

- Я не поеду, - с вызовом произнес Вениамин. Он был своенравен, обожал, когда «его носят на руках».

Так говорила о Вениамине Киселевиче Марта Гордеевна Ефремушкина и еще добавляла: «Степа, если будешь много заниматься, станешь таким же умным, как Веня, и тебя тоже будут «носить на руках».

Степан не любил, когда мать приводила кого-то в пример, даже его друга Веню, круглого отличника. Пусть Степа не так умен, как Веня, но тоже учится на «хорошо» и «отлично», и «пятерок» у него больше, чем «четверок», причем имеет «четверки» не по главным предметам - по рисованию, физкультуре и пению. Венька тоже рисует неважно и поет ужасно, но ему все равно учителя ставят «пятерки». Степке казалось, что все учителя немного побаиваются профессорского сынка, тот способен «макнуть» при каждом удобном случае...

- Вень, ну ты чего, обиделся? – спросил за всех Степан, ближайший друг, который имел, пусть небольшое, но влияние на Вениамина.

- Ничего я не обиделся, вот еще! – передернул плечами мальчик. – Я просто не хочу уходить со двора.

- Что будем делать? – спросил Димон, с легкостью расставаясь с прежним предложением.

- Я могу рассказать интересную жизненную историю, - сообщила страшным голосом Светка, дав понять, что история будет наихудчайшая. После такой истории точно будешь бояться оставаться в квартире один, что уж говорить о ночных кошмарах...

Вечером после работы Степан Ефремушкин решил посетить выставку, посвященную столетию октябрьской революции, не откладывая до выходных - мало ли, как сложатся выходные.

На выставке было немногочисленно. Устроители выделили большое помещение, чтобы разместить больше выставочных экземпляров, и чтобы никто не толкался.

Уже на входе в зал Степан окинул взглядом большое помещение и сразу остановил глаза на молодой женщине. Он видел ее профиль, и профиль ему понравился. Еще больше понравилась коса – такая редкость в наше время. Женщина любовалась гипсовой пионеркой с алым галстуком на шее, в пилотке на голове и с барабаном на перевес. Гипсовая пионерка отдала пионерский салют.

Степке захотелось воскликнуть: «Будь готов!», и чтобы ему ответили: «Всегда готов!»

В отличие от других посетителей выставки женщина не перемещалась по залу, стояла как вкопанная перед пионеркой. Степану показалось, что еще немного и женщина не сдержится и отдаст гипсовой «подружке» пионерский салют. Пока она раздумывала, Степан решил воспользоваться моментом. Тем более, рядом с ней никого не было.

Неспешным шагом он подошел к гипсовой пионерке и незнакомке и встал рядом. И только сейчас подумал, о чем надо рассуждать на этой выставке? Какие подобрать слова, чтобы не показаться стариком, который с ностальгией вспоминает прошлое, и не показаться умалишенным, который вступает в диалог с пионеркой из гипса, с пионерским галстуком и барабаном?

Как назло, в голову влезла всего одна известная фраза: «Партия, дай порулить!» И больше ни одной умной мысли. А время идет.

Степан не нашел ничего лучше, как выдать: «Мда».

- И я о том же, - вздохнула незнакомка и пояснила, - да, было время.

Вблизи она выглядела старше, чуть за тридцать. Возраст выдавала складка между бровей и мелкие морщинки возле глаз, которые появились при ностальгическом воспоминании.

Кого-то эта девушка напомнила Степану. Понять бы, кого. Наверное, бывшую студентку. В то время он был начинающим преподавателем и готовился к защите диссертации.

Пока он судорожно пытался вспомнить, кто стоит рядом, молодой женщине хватило одного брошенного взгляда.

- Степка! Ефремушкин! Боже, сколько лет, сколько зим! - воскликнула она.

- Привет, - ответил Степан, продолжая купаться в судорожных воспоминаниях. – Как поживаешь? – отстраненным голосом поинтересовался он.

- Неужели я так сильно изменилась? - улыбаясь, спросила она.

- Что ты, нисколько, - отмахнулся Ефремушкин и обозвал себя анмезийным идиотом.

- Ой, не обманывай, - кокетливо произнесла старая знакомая и улыбнулась еще шире.

Степан подумал: Сейчас начнется, ну, ты как, чем занимаешься, женат, дети есть? А потом придется рассказывать о своих прелестных детях и о муже-злодее. Пора сматываться.

- Рад был... - начал он.

- Думаешь, я не вижу, что ты меня не узнал? – вскинула брови домиком женщина, разгладив складку.

- А должен был? –разгневался мужчина.

- Все-таки, первая любовь, - на полном серьезе заявила она.

- Светка? – с недоумением проговорил Ефремушкин. – Светка, это ты?

- А еще сказал, что я нисколько не изменился, - рассмеялась она, на них покосились посетители выставки.

Степка был так рад встрече, что не обращал внимания на укоризненные взгляды. Он сгреб подругу детства в объятия и несколько раз повторил нараспев:

- Светкааа, Светкааа. – Потом отпрянул, изучил непонимающим взглядом и спросил, - куда делась та рыжеволосая девчонка?

- Девчонке надоело слышать за спиной «Рыжая!», так надоело, что она решила перекрасить волосы в кардинальный цвет, стала шатенкой. Не нравится?

- Во всех ты, милочка, нарядах хороша! - с восхищением признался Степан, имея в виду цвет волос, конечно. Вновь обнял подругу детства и признался, - я безумно рад нашей встрече. Сначала не собирался на выставку, а потом, словно кто-то за руку потянул.

Снова отпрянул, снова полюбовался и сказал:

- Встретил бы на улице, ни за что бы не узнал. Ты в детстве была другой, вызывала интерес... незаурядным поведением и умением завладеть вниманием всех присутствующих, а сейчас... ты необыкновенно хороша! Свет, пойдём, посидим где-нибудь, вспомним молодость!..

Они переместились в кафе с символичным названием «Встреча друзей», как нарочно расположенное неподалеку от экспоцентра «Плаза», всего лишь надо перейти дорогу. Здесь они могли всласть наговориться, предаться воспоминаниям...

Светлана Куролес не проживала в их доме. В тот день она впервые пришла вместе с матерью, которая устроилась в местный ЖЭК уборщицей. Мать Светы убирала подъезды. А жила семья, состоящая из двух человек, неподалеку, в доме дореволюционного времени, который впоследствии стал музеем какого-то революционного деятеля, на радость всем жителям, которые устали топить печи углем и ходить за водой к колонке: жителей переселили в новый микрорайон, далеко от центра города. Некоторое время Света еще приезжала с матерью, потом мать уволилась, нашла себе работу ближе к дому.

Но это произошло спустя несколько лет после знакомства. За эти годы рыжеволосая бестия стала своим парнем. Все мальчишки из их компании были тайно в нее влюблены, но подтрунивали над одним Степаном, который устал доказывать, что он не влюблен, ни капельки, что Светка ему как сестра.

Он был влюблен. По уши. И Светка об этом догадывалась. И даже однажды сама его поцеловала. Дотронулась своими губами до его губ. И обожгла.

Степка не спал всю ночь, постоянно дотрагивался до своих губ, будто проверял, все ли с ними нормально. Что должно случиться после поцелуя, он не мог предположить, что что-то обязательно должно.

И с того дня он стал считать себя взрослым – он целовался с девочкой. Ему в ту пору было двенадцать, ей – десять. А потом Светка исчезла из его и их жизни. Но они часто ее вспоминали: Светка красочно рассказывала жуткие истории, якобы не сочиненные – все было взаправду.

Истории ей поведала ее прабабушка, жительница деревни Чубликово. Старушка была местной знахаркой, со слов Светки – доброй ведьмой, и дожила до ста трех лет...

- Ну, Светка, признавайся, - запугивающим голосом произнес Степан, когда они устроились за столиком в кафе «Встреча друзей», - ты замужем или нет?

- Представь себе – успела дважды побывать замужем и дважды развестись.

Своим признанием пролила бальзам на Степкин души, но быстро «смыла» бальзам очередным признанием:

- Скоро опять собираюсь замуж.

- Вот как, - упавшим голосом протянул он, и проговорился, - когда ты исчезла из моего поля зрения, мир потускнел и размылся, словно мне, человеку с отличным зрением, нацепили очки для близоруких.

Светка положила ладонь на его руку – успокоила. Потом тоже призналась:

- А я всю жизнь живу с чувством вины, как будто что-то пообещала и не выполнила... Что-то очень важное. – Чтобы снять напряжение, вдруг возникшее между ними, свела все в шутку,

- я не обещала выйти за тебя замуж? Нет?

- Жаль, но не обещала, а то бы я напомнил и потребовал исполнения обещания.

- Но я помню наш поцелуй. А ты?

- Никогда не забывал... Как мама? – спросил он, накрывая Светкину руку своей рукой. Получилось нагромождение из рук. Сердце Степана в этот момент исполняло невероятно-ритмичный танец. Степан специально заговорил на отвлеченную тему.

- Мама? Нормально. Бегает. А как твои родители?

- Отца больше нет...

- Соболезную.

- Мама тоже бегаёт, как и твоя. Но моя в основном по врачам. Обожают она лечиться, еще бы знать, что ее беспокоит. Я думаю, что бегаёт по врачам от скуки. И каждый раз по возвращению из поликлиники ругает по чем свет всех подряд врачей, которые неправильно ее лечат. Тетя Зина... Помнишь тетю Зину Крашенинникову?

- Конечно.

- Тетя Зина заявляет: чем меньше ходишь по врачам, тем лучше себя чувствуешь! Пытается переубедить мою мать, и кажется, ей это удалось.

- Может, ее правда, что-то беспокоит?

- В прошлом году я договорился с одним знакомым из диагностического центра, уговорил мать лечь к нему на обследование. Мать тщательно обследовали, сказали, что в организме происходят обычные ее возрасту изменения, ничего страшного. В весенне-осенний период надо принимать определенные препараты.

- Степа, ты по-прежнему очень привязан к своей матери?

- Наверное, не так, как в детстве, - подумав, признался он, - но не представляю свою жизнь без нее. При каждом удобном случае, стараюсь поднять ей настроение, удивить, порадовать.

- Сколько ей?

- Возраст приближается к страшной цифре восемьдесят. Сама так говорит. А потом признается, что нисколько не ощущает свой возраст.

- Мечтает о внуках?

- Наверное, но мне об этом не говорит.
- Не препятствует твоей женитьбе?
- Было такое. Но в ту пору я был очень молод – всего-то двадцать. Еще в университете учился... Она училась со мной в одной группе, жила в студенческом общежитии.
- И твоя мама решила, что ей нужен не ты, а прописка.
- Именно так. Но всё не так просто, как ты думаешь. Она призналась, что беременна, я уже готов был жениться, в потом оказалась, что она беременна от парня из ее родного городка. Позже все выяснилось. Не хочется об этом вспоминать. Расскажи о себе.
- Я слышала, что ты многого добился: защитил кандидатскую, преподаешь, доцент.
- Так и есть. А от кого слышала? – опомнился Степан.
- Как-то встретила Диму Комелюка, он и рассказал.
- Нашего Димку?
- Его, родимого. Надо признать, он сильно изменился. Но, в отличие от тебя, он меня сразу узнал. Но в то время я еще была с рыжими волосами.
- Димка тебе ничего о себе не рассказывал?
- Мы как-то на бегу с ним поговорили и разбежались. А что?
- Димка отсидел три года в колонии, вышел, снова сел. Скоро опять должен освободиться.
- За что получил срок?
- За драку с поножовщиной. Жена от него ушла к другому, а Димка никак не может примириться с ее уходом. Уж сколько я с ним бесед провел, все бесполезно. Сейчас выйдет, и опять пойдет к ней, выяснять отношения с ее новым мужем. Будто бы они хотели перебраться в другой город, сами понимают, что эти разборки ничем хорошим не закончатся...
- А его родители?
- Димкины? Родители живут в деревне, а в их квартире сейчас живет дальняя родственница. Квартиру охраняет до Димкиного возвращения.
- Говорят, Венька живет в Америке?
- Венька Киселевич уже профессор, ведет исследования в области квантовой физики. Думаю, подробности тебе не нужны. Недавно разговаривал с ним по телефону. Признался, что ему сделали заманчивое предложение в России. Возможно, вернется. У Веньки большая семья – жена и трое детей, все мальчики.
- Молодец! Все успевает.
- И не говори. Ты обещала рассказать о себе, - напомнил Степан.
- Рассказывать особо не о чем. Окончила педагогический. Преподавала в начальных классах. Надоело. Уволилась. Устроилась в интернет-магазин курьером.
- Как всегда – кардинально изменила жизнь.
- Как всегда, - согласилась Светлана. – И едва не оказалась за решеткой, как Димка, но по другой статье – кража в особо крупных. Если интересно, могу рассказать. – Степа кивнул. – Не знаю, помнишь ты или нет, что у меня невероятное обоняние, попросту – нюх, как у собаки. Благодаря своему невероятному обонянию, я догадалась, что в интернет-магазине торгуют фальсифицированными духами. Совсем ни «мейд ин Франсе», а всего-навсего «мейд ин Чина». А это, как ты понимаешь, обман чистой воды, совсем другие деньги. И я со всей своей партийной прямоотой пригрозила руководству: прикрою вашу лавочку, если не перестанете обманывать людей.
- Ты всегда была честной-пречестной.
- Такой и осталась. На свою беду. В общем, пригрозила и жду ответных действий. А дальше произошло то, о чем я даже не помышляла. Из кассы исчезла крупная сумма денег. Вызвали полицию. Один из менеджеров рассказал, что видел, как я взяла деньги. Поехали ко мне на квартиру, провели обыск. И, что самое невероятное, деньги нашлись! Да-да, представь себе! Они лежали в пакете, пакет был запрятан с коробку для обуви. Составили протокол, понятые подписали. С меня потребовали признаний. Не на ту нарвались! Я потребовала

проверить отпечатки пальцев на пакете. Проверили. Моих отпечатков не нашли. Если нет отпечатков, то я не брала пакет с деньгами в руки. Но как, в таком случае, деньги оказались в моей квартире? Мне повезло – попался дотошный следователь. Почему-то он мне поверил. Еще раз приехал на мою квартиру и тщательно всё осмотрел. Живем мы с мамой на первом этаже, рамы на окнах старые, деревянные. На кухонном окне он нашел следы от ножа. Кто-то вскрыл ночью форточку с помощью ножа, открыл окно, проник в квартиру и подкинул мне похищенные деньги. Потом нашелся свидетель, который видел человека, проникающего в квартиру через кухонное окно. Решил, что это хозяин, в смысле мой муж. Я тогда уже развелась с первым мужем, второй был на подходе.

- Кто же украл деньги из кассы?

- Тот, кто имел доступ. Мой босс! А его подельником был менеджер, который меня оболгал.

- Ты всегда была сообразительной, - похвалил Степан.

- И честной, на свою беду.

- Чем сейчас занимаешься?

- У меня собственный бизнес. Я устраиваю детские праздники. Доход небольшой, но моя работа нравится. И педагогическое образование пригодилось.

- Светка, а помнишь свои страшные истории?

- Помню, но не все. Те, что прабабушка рассказывала, помню до сих пор, те, что сама выдумала, забыла, потому что сочиняла их на ходу. У меня мурашки бегут по коже, когда вспоминаю, что мы вытворяли.

- Все-таки прабабушка-знахарка была?

- Была прабабушка, дожила до ста трех лет. И жила она в деревне Чубликово. Лечила всех деревенских травами, заговорами, была отличней рассказчицей. Но я ее истории... умело дополняла, чтобы вам интереснее было. Очень нравилось наблюдать за твоей, Степ, реакцией. Ты был самым впечатлительным.

- Еще каким впечатлительным! После твоих рассказов боялся зайти в темный подъезд, всегда маму поджидал. Или тетю Зину, соседку. Обе женщины заметили, что со мной происходит что-то не то, даже к врачу хотели повести, тетя Зина настаивала на гипнозе. У нее был один знакомый врач-психиатр, который владел гипнозом, но мать наотрез отказалась. Сказала, не хочу, что в мозги к моему мальчику залезал какой-то гипнотизер.

- А зачем гипноз понадобился?

- Хотели разобраться, кто меня так напугал. Сам-то я молчал, как рыба.

- Ты всегда был... необыкновенным. Не таким, как все мальчишки. Главное – джентльмен.

- Был?

- И остался. Странно, что до сих пор не женат. Почему, позволь спросить? Мама?.. Извини, не хотела тебя обидеть.

- Я признаю, что был маменькиным сынком. Но всё в прошлом. А не женился до сих пор... сам не знаю, почему. Наверное, не влюбился пока... Искал похожую на тебя, - улыбнулся Степа.

- Детская любовь, - с печалью в голосе произнесла Светлана. Прищурилась и спросила, - неужели, правда, никого не любил? А ту девушку из студенческого общежития?

- Тогда казалось, что любил. Потом разобрался. Хотел матери что-то доказать... А себя наказать. Даже лучше, что все сложилось так, как сложилось.

- Вокруг тебя столько молоденьких студенток, неужели никто не запал в душу и в сердце?

- Никто. Светка, тебе одной скажу, как на духу - я боюсь женщин...

Степка улыбался, поэтому подруга не приняла его слова на веру. И сделала заявление с намеком:

- А меня мама учила в детстве говорить правду и только правду!

- Зуб даю!

- И есть причины... бояться? Или боязнь появилась после того случая? Боишься не женщин, а обмана, предательства.
- Про тот случай я давно забыл. Когда ты спросила, вспомнил.
- Тогда почему? Где собака зарыта? Не может такого быть, чтобы нормальный мужик боялся нас, слабый пол.
- Не то, чтобы боюсь самих женщин, боюсь получить отказ, который... который заставит замкнуться окончательно. Я не умею ухаживать. Говорю что-то умное, пока не определился с отношением к ней, так сказать, пребываю на начальной стадии интереса, а по мере развития чувства, глупею на глазах, становлюсь неинтересен. Женщина, если она корыстна, начинает видеть во мне выгодную партию. Если не корыстна, но дает отворот-поворот.
- А ты - выгодная партия?
- Наверное, - подумав, ответил Степан. – Кандидат наук, не беден и не богат – достаток средний. Живу в хорошей квартире, в центре города. Мама заявила: как только я женюсь, она сразу переселится в соседнюю квартиру, к тете Зине. У них уже все обговорено, остановка за «небольшим», как говорит тетя Зина, чтобы наш Степан, наконец, женился.
- Тетя Зина живет одна?
- У нее обосновался внучатый племянник.
- Скворечник? – удивилась Света.
- Он самый. Егорушка-Скворушка. Окончил институт, устроился в какую-то шарашкину контору. Зарплата копеечная, а планов у Егорушки громадьё.
- Столько планов, столько планов, жаль, что куры сдохли, - вспомнила старый анекдот Светка. – Небось тянет деньги из бабки?
- Не без этого. Но Зина никогда не жалуется, обожает этого оболтуса.
- Это понятно – у нее никого нет.
- Чем еще прихвастнуть? – задумался Степан. - Пока безлошадный: старый автомобиль продал, присматриваю что-нибудь попримичнее. Так что скоро буду перемещаться по городу на новом автомобиле. Еще есть дача за городом, на реке. Чем не жених, чем не выгодная партия?!
- Еще какая! – округлила глаза Светка и предложила, - Степа, надо тебя срочно женить! У меня есть на примете... Прости, я в своей прямолинейной манере. Ты не обиделся?
- Не обиделся. И от помощи не откажусь. Да-да, представь себе.
- Светка понизила голос и спросила:
- Степ, там мужик за твоей спиной сидит... Погоди, сразу не оборачивайся, исподтишка взгляни. Знаешь его или нет?
- Ефремушкин уронил вилку и незаметно покосился на мужика, на которого указала подруга.
- Сзади за соседним столиком сидел тип с лохматой шевелюрой на голове. Такая прическа больше бы подошла женщине. Не прическа, а круглая шапка. Усы, как у руководителя «Песняров» Владимира Мулявина. Очки с толстыми диоптриями. Степан не рассмотрел, но, наверное, диоптрии до такой степени увеличивают глаза, что человек больше похож на инопланетянина, чем на землянина. Был бы лысый, был бы вылитый инопланетянин.
- Ну? – поторопила с ответом Светка, одаривая Степана милой улыбкой – показывала, что речь ни в коем случае не идет о постороннем человеке за соседним столиком.
- Впервые вижу, - пошевелил губами Ефремушкин. – А почему ты спросила?
- Сидит как истукан перед тарелкой и ничего не ест. Мне показалось, он... подслушивает наш разговор, - прошептала Светлана, продолжая мило улыбаться. – Послушает, послушает, а потом что-то запишет в блокнот.
- Может быть, он ученый, который задумался о своем открытии. Чтобы не забыть, делает записи. Или писатель, размышляющий о новом сюжете своего романа.
- А что? Похож, - пробубнила подруга...

Когда они покидали кафе, Степан еще раз взглянул на незнакомца в мохнатой «шапке». Тот ковырял вилкой в салате и параллельно изучал какие-то записи в блокноте. Все-таки больше похож на полоумного ученого, чем на писателя...

Степан посадил Свету в такси, она отказалась, чтобы он сопровождал ее до дома, а сам пошел пешком, несмотря на то, что идти было не близко.

Хотелось подумать, повспоминать. Причина в подруге детства, появление которой в его жизни заставило перенестись в давнее прошлое.

В первую встречу, когда мать увела Дюшу с собой, а Веня отказался рассказывать о чем-то занимательном, Света сразу предложила себя в качестве рассказчицы страшилок. И предупредила, что является всего лишь передаточным звеном - знает всё со слов своей прабабушки, которая живет в деревне Чубликово, все жители деревни считают ее знахаркой, доброй ведьмой, потому что она несет людям добро. Это злые ведьмы несут людям болезни и беды.

Первый рассказ Светка посвятила ночи на Ивана Купала, самой опасной ночи в году. Так считается.

Света не успела еще ничего сказать, только озвучила тему, как тут же вмешался умник Вениамин, решивший блеснуть своей эрудицией:

- Ночь на Ивана Купала – самая короткая ночь в году. Это народный праздник восточных славян, посвященный летнему солнцестоянию. Природа отдает людям часть своей великой силы. В это время растения набирают целебную силу, а вода и огонь получают уникальные целебные свойства. Поэтому знахари во все времена собирали травы на Иван Купала, а все люди должны были искупаться в реке...

- Но надо опасаться нечистой силы, которая тоже гуляет и пакостит в эту ночь, - поспешно вставила Светка. - Поэтому люди принимают все меры, чтобы обезопасить свое жилище, защитить скот. В доме раскладывают крапиву, на дверях хлева, где содержится скот, приделывают чучело сороки.

- Что за травы собирают в эту ночь? – спросил Степка, чтобы что-то спросить, не промолчать.

- Какие травы? Обычные, - передернула плечами Светка, - папоротник, шалфей, дурман, Иван-да-Марья, чертополох, подорожник, полынь. Знахарки колдуют через заговоры трав. Нашепчут траве, дадут больному человеку и тот вылечится. Злые ведьмы поступают иначе – подсыпают заговоренную траву недругу, тот умирает в мучениях. Порчу наводят. Но это не про мою прабабушку, она только помогает людям.

- Я читал, что девушки плетут венки и пускают венки по реке, - не замедлил внедриться Вениамин.

- Да, они плетут венки из трав, весь день носят венки на голове, а потом пускают венки по реке. Чей венок дольше продержится на воде, та вскоре выйдет замуж и будет счастлива. А еще ночью разжигают большой костер и прыгают через него.

- Дуристика, - изрек Веня, не любивший опасные шалости.

- Так всегда бывало в старину, так поступают в деревнях и сейчас.

- И это все, что ты хотела нам рассказать? – хмыкнул Димон.

- Ночь на Ивана Купала окутана тайной, - громким шепотом сообщила Светлана и обвела компанию своими искристыми глазами. По спине Степана пробежало сборище мурашек.

- Ты уже говорила про нечистую силу, - напомнил с независимым видом Киселевич.

- Это я еще не говорила, - протяжно взвыла девочка.

- Что за тайна? – спросил Дима и зачем-то дал подзатыльник застывшему рядом с ними маленькому пацану. «Что» у него вышло как «чито», видимо, от волнения. От волнения же врезал пацаненку по макушке.

- Ты чего? – обиделся малец и потер выгнутой ладошкой ушибленное место.

- А ты не трясись, как испуганный заяц.

- Я трясусь? Я не трясусь, - проблеял тот и на всякий случай отошел от Димки подальше.

Мальчишки опять переключили внимание на девочку-рассказчицу.

- Люди чувствуют присутствие... иного мира, - продолжила страшным голосом она. – В эту ночь деревья могут перемещаться с места на место, а растения говорить между собой. Чтобы защитить себя от нечистой силы, не стать жертвой, люди носили при себе ветку полыни. Потому и через костер прыгали – изгоняли нечистую силу.

- Полное невежество, - не совсем уверенно заключил Вениамин, но его никто не услышал.

- Если в эту волшебную ночь ты искупался в реке, то все хвори тебя покинут, - прищурившись, проговорила Светлана Куролес, правнучка знахарки из деревни Чубликово.

- А как же нечистая сила? – поинтересовался Димон. – Ты в реку, а она тебя... хватя. И поминай, как звали.

- Правильный вопрос! – возрадовалась девочка и подняла вверх указательный палец. – Проблема-то в чем? В том, что нечистая сила может принимать облик обычного человека, например, твоего соседа. Ты идешь себе по сельской улице, ничего не подозреваешь, навстречу тебе идет твой сосед. Ты думаешь, что это твой сосед, а на самом деле, это оборотень, он принял обличье твоего соседа.

- И что делать? – нахмурился Димка.

- Нужен осиной кол, - коротко пояснила Света.

- Чтобы отбиваться от оборотня в человеческом облики?

- А откуда ты знаешь, что это оборотень? Может, это сосед?

- И что?

- В ночь на Ивана Купала можно распознать, кто пришел в твой дом - друг или оборотень в обличье друга - только одним способом. Огреть его осиновым колом.

- Зачем? - проблеял Степан и непроизвольно втянул голову в плечи, как будто приготовился к удару осиновым колом.

- Чтобы оборотень стал оборотнем.

- Ты... бабах соседа осиновым колом, а он не стал оборотнем и того больше – коньки отбросил от удара, - хмыкнул Дмитрий.

- Для начала у человека должно зародиться сомнение, я так думаю, - вставил Степан, придя на помощь новой подруге. И тут же задал вопрос, чтобы увести внимание слушателей, - а что такое порча? Ведьма хочет испортить человеку жизнь?

- Испортить, превратить жизнь в сплошное мучение, оборвать жизнь. Всяко бывает. Потому и называют порчи временными или вечными. Делают их по просьбе одной из враждующих сторон. Ненавидишь ты человека лютой ненавистью, хочешь его извести, отправляешься к ведьме, та наводит на него вечную порчу. Дело сделано! – восхитилась непонятно чему Светка и отряхнула ладони.

- А твоя прабабушка сама по себе стала ведьмой? - заинтересовался Вениамин, у которых были большие пробелы в данной науке.

- Не ведьмой, а знахаркой. Можно – доброй ведьмой. Нет, не сама. Способности перешли от ее матери. Так всегда бывает- всякая колдунья или ведьма передает свой дар, свою волшебную силу, ближайшей родственнице.

- Это обязательно?

- Обязательно, иначе будет долго мучиться, ее не примет мать-сыра земля, - со знанием дела поведала девочка.

Степке представилась старуха с длинными седыми космами, с длинными ногтями, в ветхой одежде – наподобие бабы Яги из сказки, но с осиновым колом в обнимку. Взгляд у старухи, пусть и доброй ведьмы, весьма ни добрый. Глаза мечут молнии, ищут, на кого бы порчу навести. Степу брали большие сомнения, что ведьмы бывают добрыми. Ведьма на то и ведьма, чтобы гадости людям делать, порчу наводить, временную или вечную. Причем здесь осиновый кол? Об этом он не подумал. Вероятно, для борьбы с себе подобными. Или это своего рода волшебная палочка... палка, для превращения нормальных людей в зверей или уродцев.

Неизвестно, что читалось в глазах Степана Ефремушкина, но Светка задержала внимание на его лице, видимо, было на что обратить внимание, и успокоила, словно прочитала его мысли:

- Моя прабабушка выглядит, как обычная старушка, только маленького роста и пальцы у нее скрюченные.

Еще и пальцы скрюченные, - «вдохновился» Степка. – Теперь образ доброй ведьмы стал еще «прекраснее». Такую коротышку не заметишь, а она тебя... шмяк осиновым колом и будь здоров. В том смысле, что был мальчик Степа и весь вышел, стал косоглазым горбуном. А бабке что? Ей ничего, скажет, перепутала: думала оборотень, оказался не оборотень, уродец: тайно его превратила. С каждым может случиться оплошность. Ей оплошность, Степке – не жизнь, а каторга.

После первого рассказа Светы о ночи на Ивана Купала Ефремушкина стала нагло преследовать «добрая» ведьма с осиновым колом. Проснется утром, откроет глаза, а она уже здесь, рядом с кроватью, стоит и ухмыляется. И осиновый кол при ней. Сама крохотная, пальцы скрюченные, а колом лихо орудует.

Что и говорить, впечатлительный малец, ничего не скажешь...

Однажды Света рассказывала о колдуне из соседней с Чубликово деревни. Колдун днем спит, а ночью ходит по деревне с длинной палкой, на конце которой приделан железный крюк. Если кого-то встречает, тут же поддевает человека крюком, поднимает над головой и несет к реке. Бросает несчастного в воду и ждет на берегу.

- Чего ждет? – поинтересовался Димка, голос при этом слегка дрогнул.

- А того и ждет, когда человек вынырнет.

- И что?

- Он вынырнет, а колдун его хрясь своей палкой, тот снова под воду. И так до тех пор, пока человек не утонет.

- А зачем он его... хрясь? – спросил Вениамин и поправил очки на переносице.

- Потому что он злой, - нашел ответ Степан, решив помочь Светлане, снова попавшей в затруднительное положение. Наверное, ее никто об этом не спрашивал, ответ был очевиден. Но не всем всё было ясно. Особо умные хотели докопаться до истины.

Веня посмотрел на друга, как на умалишенного, и обратил свой взор на притихшую рассказчицу, ожесточенно покусывающую губы.

- Ну? – подтолкнул он ее к ответу.

- Потому что... потому что... он один имеет право ходить по деревне ночью! – нашлась Света и заслужила улыбку от почитателя ее сочинительского таланта, от Степки, естественно. – Он ночной царь и любит, чтобы... чтобы... никто не мешал его ночным прогулкам. Одиночество он любит.

- А палка с железным крюком ему зачем? – не отстал Веня.

- Чтобы расправляться с поданными, которые не исполняют его приказы. Ко всему палка выполняет роль... как его... скипетра! Как у русских царей. Только у них еще держава была.

- Символ царской власти, - задумчиво протянул Веня, как бы выразил согласие. – Скипетр - приемник царского посоха.

- Говорю же – у кого посох, у кого – скипетр, у кого-то – палка с железным крюком. Символ власти, - умозаключила Светлана Куролес.

В голове Степки что-то щелкнуло. Ему представился сумасшедший дед Мороз с посохом, на конце которого имеется железный крюк, необходимый для ловли детишек. Детишки пришли на новогодний праздник, хотели получить подарки, а оказались... в мешке деда Мороза – сами стали для него подарками. Сумасшедший дед переловил детишек крюком, завязал мешок тугим узлом и отправился к реке, подернутой льдом – зима же!.. Что произошло потом, Степке даже представить страшно. Впечатлительный...

Не надо говорить, что с наступлением зимних холодов к «доброй» ведьме с осиновым колом присоединился сумасшедший дед Мороз с большим мешком и длинной палкой с железным крюком.

На новогодний праздник, устроенный в школе, Степан не пошел, сказался больным. Пытался отговорить Веню, но так, чтобы тот ничего не заподозрил, но Веня выбрал праздник, а не «заболевшего» приятеля, которому требовался уход, и который крайне нуждался в его обществе.

Веня ушел, а Степан приготовился получить страшное известие о друге. На радость всем, сведущим и несведущим, трусам и героям, Вениамин вернулся с праздника живым и здоровым. Заглянул к Степану и вручил ему новогодний подарок, в котором были конфеты, пачка вафель и две мандарины.

Еще год назад Степан накинулся бы на угощение, а сейчас, после рассказов Светы, он осторожничал: принимался, надламывал шоколадные конфеты, крошил вафли. Присутствующий здесь же друг с непониманием следил за действиями Степы, потом приложил ладонь к его лбу. После чего заключил:

- Температура нормальная, а я подумал, что ты «горишь», и у тебя начались галлюцинации.
- Нет у меня никаких галлюцинаций! Я просто-напросто хочу проверить, с какой начинкой конфеты: с белой или с темной. Я с белой начинкой не люблю.

- А вафли зачем раскрошил?

- Какой же ты, Венечка, бессердечный! – возмутился Степа и пояснил, - сам-то ты налопался вкусностей, а птички должны голодать. Я сейчас насыплю крошек на карниз, птички прилетят и поклюют.

Вениамин взирал на приятеля с подозрением – не поверил. Любитель сладкого, Степка, до сей поры никогда не делился вафлями с пернатыми. И Веня не нашел ничего лучшего, как спросить:

- А разве птицам можно клевать вафли?

- Им все можно, - подумав, ответил заботливый мальчик. Встал ногами на подоконник, распахнул форточку и высыпал крошки на карниз. На карнизе расстелился невысокий сугроб, крошки легко удержались на нем. Тут же налетели воробьи и синички и принялись хватать угощение.

Степан боялся, что пернатые умрут от отравленных вафель, над которыми поколдовала ведьма, решив помочь злобному деду, любителю маленьких детишек, но птички доклевали крошки и разлетелись, почирикав на прощание. А Степка принялся за конфеты...

Побывав в прошлом с помощью машины времени в лице Светы Куролес, Ефремушкина, что ни удивительно, всю ночь мучали кошмары.

Опять вернулась ведьма с осиновым колом, за ней явился дедок, похожий на деда Мороза, который крепко держал в руках посох в виде дубины с железным крюком на конце. Оба, и бабка, и дед, скалились – радовались, что вернулись. Маленький Степа сидел на кровати и с ужасом смотрел на них. Потом не выдержал и спрятался под одеялом. Бабка с дедом не могли понять, куда делся их дорогой мальчик, которого они так рады видеть вновь. А мальчик трясся под одеялом от страха и боялся дышать.

Степан проснулся от удушья, ему не хватало воздуха. И не мудрено – на лице лежала подушка, а сверху подушки наброшено одеяло. Он сбросил с себя и то, и другое, опустил ноги с кровати и осмотрелся. В комнате никого не было.

Неужели опять вернулись детские страхи?..

Глава вторая

Ешь, что дают

Все дни, прошедшие после неожиданной встречи на выставке и последующего после встречи долгого общения, Степан старался не думать о Светлане Куролес. Они обменялись номерами телефонов, но Степка не хотел ее беспокоить и вызывать ревность ее избранника. Ефремушкин о нем ничего не знал, даже – имени, поэтому лучше не проявлять инициативы. Если Светка захочет сдержать свое обещание – познакомить друга детства с девушкой, то он отказываться не станет. И не потому что уже дал согласие, ему хочется поддерживать с Светкой дружеские отношения без опаски вызвать неудовольствие ее жениха. С ней было легко и просто, ее Степан не боялся. Чего не скажешь о персонажах ее рассказов, которые появлялись в Степкиных снах. После пробуждения он толком ничего не помнил, но точно знал – ведьма с осиновым колом и дед с палкой и крюком вернулись. По утрам Степка чувствовал себя, «как побитая собака». Так охарактеризовала его тетя Зина, когда он столкнулся с ней на лестничной клетке.

- Что-то случилось? – спросила соседка после «ласковой» характеристики.

- Все отлично! – приврал Ефремушкин.

- Знаю я... твоё «отлично», - хмуро заметила Зинаида Марковна Крашенинникова. – Ты, Степушка, не обижайся, но мама мне всё рассказала.

- О чем? – сделал он круглые глаза он, прикинувшись непонятливым: будто бы не догадался, какой превеликой тайной поделилась его мать со своей приятельницей.

- Ни о чем, а о ком, - поправила пожилая женщина. – О твоей ненаглядной Светлане...

- И что? – не дождавшись продолжения, спросил Степа. Зинаида молчала и, придерживаясь за его локоть, спускалась по лестнице. Пришлось продолжить самому, – что здесь такого – совершенно случайно столкнулись на одной выставке, посидели в кафе, вспомнили былое.

- Боевое прошлое!

- Не хотите ли вы сказать, уважаемая тетя Зина, что Светка опять собьет меня с пути, как вы всегда утверждали хором с мамой?

- Я ничего не хочу сказать, но лучше тебе с ней не общаться. Эта девочка с придурью.

- Она давно повзрослела, и я давно не мальчик, - не желая вступать в спор, категоричным тоном заявил Ефремушкин. Чтобы сгладить неловкую ситуацию, спросил, - лучше расскажите, как у вас дела? Как поживает Скворечник?

- Вот клечка прицепилась! – без доли возмущения произнесла Зинаида. – Что ему станется, живет, работает, встречается с девушками. У меня тоже все хорошо... Чего и тебе желаю, - добавила она уже на крыльце...

Весь день Степан ловил себя на том, что завидует той легкости, с которой идет по жизни Егор по прозвищу Скворечник. Наверное, с этим чувством легкости, незамарачивания, как говорит современная молодежь, надо родиться. А что делать тем, кто не родился с этим чувством, но очень желает, так сказать, приобрести? Работай над собой, правильно воспринимай действительность. Всё вышесказанное к Степану Ефремушкину не относится: он за постоянство, пусть не всегда приветствуемое в его возрасте. Для одних тридцать пять – не возраст, для других, таких как Степан, - закат жизни. Но и с «закатом» можно договориться, что Степка и делает, причем с завидным постоянством. Договаривается в основном касательно планов на ближайшее будущее, в котором будет полноценная правильная семья. Ближайшее – существенное замечание: чем дальше, тем труднее договариваться с собой, убеждать – любви все возрасты покорны и все в таком духе...

Вечером в пятницу позвонила Света. Ефремушкин услышал ее голос и мигом решил для себя: ничего не хочу, никуда не пойду, знакомиться ни с кем не буду. Уж лучше самому вершить свою жизнь, без дружеских вмешательств. Будет, как прежде, ходить по выставкам, «умничать», стоя у шедевров или сомнительных по ценности произведений искусства.

Пока он судорожно сочинял правдивый повод для отказа, Светка каким-то чудесным образом прочла его мысли на расстоянии, и сразу предупредила:

- Степа, никаких отговорок я не приму.
- Я еще слова не успел сказать.
- А то я тебя не знаю, сомневающийся ты мой!
- В детстве я первым вставал на твою сторону, недолго думая, - напомнил Степан. – Хотя, скажем честно – твои идеи были рискованными, если не сказать – сумасшедшими.
- А все почему? Потому что идеи, пусть безумные, исходили не от кого-то, а от меня. Твоя мать потому меня не выносила, что ей было неловко соревноваться за сына с какой-то соплюшкой.
- Сменим тему, - резко осадил Ефремушкин, кося глазом на мать.

Мать крутилась рядом, прислушивалась, нисколько не беспокоясь о мнении сына. Тот перемещался по квартире, мать следовала за ним, как привязанная. В итоге пришлось укрыться в ванной и закрыть дверь на щеколду.

- Степа, ты помнишь наш разговор?
- О сводничестве?
- Фи, как старомодно! Я всего лишь выступлю посредником... Представляю сейчас твое лицо, - хмыкнула Светлана.

Степан имел возможность оценить свое отражение в зеркале и ничего особенного не заметил: ни тебе испуга, ни тебе внезапного преображения из не красавцев в красавцы. Всё как обычно.

Светка между тем продолжала:

- Сразу хочу тебя успокоить – никто тебя силой в загс не тянет. Твое право - продолжать знакомство или ограничиться одной встречей. Ни ты ей ничем не обязан, ни она тебе. В общем, сами разберетесь. Мое дело маленькое – привел, представил...
- Увел, - вставил Ефремушкин.
- Весельчак У, готова выслушать твою реакцию на мое предложение.
- Свет, я не знаю.
- Не мямли, изволь вырабатывать четкий командный голос, - пошутила подруга.
- Что она обо мне подумает? Что нормальный мужчина, далеко не мальчик, не способен познакомиться с женщиной без посредников?
- Предлагаешь разработать план под названием «Случайная встреча на улице»? – прохихикала Светка. – Я, конечно, люблю заморочки, но в данном случае хотелось бы обойтись без всяких сложностей. Тем более, есть хороший повод...

Светка-интриганка выдержала театральную паузу, рассчитывая, что друг встрянет с вопросом, но того отвлекли осторожным стуком в дверь ванной. Он приоткрыл дверь, увидел озабоченную мать, и погрозил ей пальцем, как часто проделывала она по отношению к нему в далеком детстве. Мать угомонилась, а Светка, не дождавшись уточняющего вопроса, беспрекословно заявила:

- Степан Сергеевич, завтра мы идем на день рождения моей знакомой! И никаких отказов я слушать не желаю! Понятно тебе?
- Как завтра?! Почему ты заранее не предупредила? – слегка опешил Степан, внутренне понимая, что ему не хочется никуда идти, не хочется знакомиться с какой-то чужой женщиной. С женихом подруги детства тоже не хочется ни знакомиться, ни общаться.
- Тебе надо посетить салон красоты, чтобы сразить даму образцовой подготовкой? – поерничала Куролес. – Раз образцово-тщательно готовился, то у мужчины серьезные намерения.
- Не вижу связи, - промямлил Ефремушкин.
- Я тоже не вижу... Ну, нашел вескую причину для отказа?
- Нет. Но...
- Степа, я тебя сейчас убью!

- Но надо что-то подарить, - начал сдавать свои позиции Степан. - Что бы она хотела получить в подарок на свой день рождения? Кстати, сколько ей «стукнет»?
  - Она моя ровесница. Устраивает? Не вышло отвертеться?
  - И не собирался, всего лишь спросил... А вы прям подруги-подруги? Или как?
  - Эх, Степка, Степка, все-то ты забыл, - попеняла ему Куролес. – Я тебе в первый день знакомства сказала, что не люблю девчонок, мне с ними не интересно. То ли дело с мальчишками, с мужчинами. Всё просто и понятно, без всяких уколов в спину, сплетен. Теперь что касается именинницы. Это родная сестра моего бойфренда, они двойняшки. Но совершенно не похожи друг на друга, ни внешне, ни характерами.
  - Как ее зовут?
  - Пусть пока это будет тайной. Но тебе понравится ее имя, - успокоила Светлана.
  - Зря ты всё это затеяла. И знаешь, почему? Если у нас с этой женщиной ничего не сложится из-за меня, недовольство от сестры перейдет к брату, а потом от ее брата к тебе. А тебе это нужно?
  - Степа, заканчивай финтить! Сказала, идем на день рождения, значит, идем!
  - Так что с подарком?
  - Все уже куплено. Ты в доле?
  - Естественно!
  - Тогда завтра в четыре мы за тобой заедем. Мы - это я и мой молодой человек. Заодно и познакомитесь...
- Некоторое время Степан еще посидел на краю ванной, потом покинул свое убежище. Мать громко гремела на кухне посудой, выказывая недовольство поведением сына. Завидев его, не удержалась от вопроса:
- Опять эта, «без царя в голове», донимает тебя телефонными звонками?!
  - Она не донимает, первый раз позвонила.
  - Нам только этой сумасбродки не хватает для полного счастья!
  - Мам, мы дружили в детстве, не виделись сто лет. Светка скоро выходит замуж. У нее есть жених! – подчеркнуто высказался взрослый сын.
  - Что-то мне подсказывает, что она снова втянет тебя в какую-нибудь авантюру...

Да, Светка всегда была выдумщицей.

В продолжении разговора о своей прабабке-знахарке Светлана таинственным голосом сообщила мальчишкам, что прабабка поделилась с ней некоторыми способами лечения страшных болезней. Естественно, при этих словах Света округлила глаза и приподняла свои светлые, едва различимые на белоснежно-веснушчатой коже, бровки.

Тут и случай для лечения - проверки способностей - представился.

У Дюши Петрова заболело ухо. Сначала просто болело, потом заложило. Дюша перестал слышать больным ухом. Светка заявила, что вылечит его в два счета.

Она развела во дворе костер, когда костер догорел, она бросила в золу луковицу, обернутую фольгой от шоколадки, пояснив наблюдателям за ее действиями, что луковица должна испечься, как картошка. Дюша тоже был здесь, вяло жевал шоколад, маялся с больным ухом и с тревогой ожидал своей участи. И уже жалел, что не рассказал о своей проблеме матери. Причина была ясна, как летний день – мать запретила бы ему выходить во двор.

Пока луковица пеклась в золе, юная знахарка решила развлечь больного мальчика «утешительным» рассказом.

- Вот был такой случай. Заболело у мужика ухо. Он решил подержать ухо над паром, перепутал с обычной простудой, когда горло болит, насморк. Подержал над паром, а потом... уж, не знаю, кто-то его надоумил...
- Не прабабка ли твоя, знахарка, она же добрая ведьма? – влез с вопросом умник Вениамин.

- Моя прабабка на такие вещи не способна, - парировала Светка, взялась за два своих хвостика, по обычаю затянутых резинками для волос и закусила концы губами, дав понять, что разговор окончен. Волосы успели отрасти, и она проделывала это не первый раз. Все Светкино внимание было сосредоточено на тлеющем костре, в котором «готовилась» луковица.

- Свет, расскажи, что дальше было, - заканючил Дюша, даже кусок шоколадки ей протянул.

Света отказалась покачиванием головы. Шоколадку купили для больного Дюши, заодно использовали фольгу для запекания луковицы. Девочка сказала, что все должны быть стерильно, хотя она сама и мальчишки сильно сомневались в стерильности.

- Ну, попробуй, вкусная, с орехами, - продолжал уговаривать Петров.

Светка показательно отвернулась от всех и, обращаясь только к тяжело больному, продолжила рассказ проникновенным голосом заботливой матери. Знал бы Дюша, о чем она поведает, лучше бы не просил.

- Если бы тот мужик просто держал ухо над паром – это одно дело, а он сделал воронку из газеты, как бы... указал направлению пару. Произошло большое сосредоточение пара в голове, нарыв в ухе распух, потом лопнул, и произошла... - Светка отдышалась, как после кросса, - произошла неправильная реакция.

- В каком смысле? - задал вопрос Степан Ефремушкин.

- Гной затопил мозг, мужик сошел с ума и вскоре умер.

- Почему гной не вытек наружу? – уточнил Димон Комелюк.

- Слишком много пара, - с умным видом заключила Светка, подтягивая к себе палкой испекшуюся луковицу. Дюша смотрел на луковицу с ужасом, Светка быстро забыла о рассказанных ужасах, засветилась счастьем и проговорила, – ничего, ничего, Дюшенька, сейчас будешь как новенький, вмиг забудешь о больном ухе, это говорю тебе я, потомственная знахарка. – Обратила свой взор на Дюшу, впечатлилась его бешеными глазами, но с улыбкой не рассталась и прежним умиротворенным голосом пояснила, - это всего лишь луковица, пусть и печеная, а не пар из чайника. Не надо бояться, больной, ничего страшного не произойдет.

- Света, мне кажется, ты «слышала звон, но не знаешь, где он», - высказался Вениамин, не желающий отдавать кому-либо, пусть и потомственной знахарке, пальму первенства. – Я имею в виду то, что у тебя обрывочные сведения о методах лечения. Я слышал историю с паром. И там все было не так. Правильным было только начало: да, надо держать ухо над паром, сделав воронку из бумаги, а потом... закапать больное ухо полынным соком пополам с теплым молоком. И тампон сделать из этой же смеси. А ты начало услышала, а конец додумала! – И в довершении показал Светке язык.

- Светка хотела убедить Дюшу, что только она умеет лечить больное ухо, - подпел приятелю Дима.

- И Дылда туда же! - возмутилась Светка, отмахнувшись от подпевальщика, и набросилась на Веню, который покачнул под ней пьедестал, - что-то я не пойму, у кого прабабка знахарка? У меня или у тебя, профессор?! Если у меня, то тебе лучше помалкивать! Тех чудодейственных методов лечения, которые знает моя прабабка, ты ни в одной книжке не найдешь! Понятно тебе?

Понятно было одному Дюше, да и то, что у него уже ничего не болит, он так об этом и сообщил, но слабый голос и несчастный вид, говорили об обратном.

- Не бойсь, Дюшенция, все будет хорошо! – с азартным огоньком сообщила юная знахарка, заворачивая луковицу в марлю. – Мы тоже не лыком шиты, тоже умеем делать сок. – Она выжала сок из луковицы в эмалированную кружку, которую заранее приготовила, как и марлю. - Надо бы льняного масла добавить, но за неимением такового, я добавлю обычного подсолнечного. – Она капнула в кружку несколько капель масла, потрясла кружку – перемешала, после чего достала из своей «медицинской» сумки пипетку, набрала в нее смесь и обратилась к больному, который хотел пуститься наутек – незаметно сполз со

скамейки и с опаской пятился, поглядывая за действиями врачевателя, колдующего над столом во дворе. – Больной, немедленно подойдите ко мне! – приказала Светка, - иначе с вами произойдет то, что произошло с недальновидным мужчиной, - заковыристо выразилась она, вызвав уважение у мальчишек, включая Вениамина.

Вениамин решил исправить свою оплошность, хотя, в душе не считал ее оплошностью: Светка «слышала звон...»:

- Дюша, народные способы лечения более действенные. Опять же никакой химии, всё натурпродукт. Моя бабушка, которая, заметь, была женой доктора, не признавала таблеток и порошков, и когда у меня начался отит – воспаление среднего уха, в то время я был совсем маленьким, она лечила меня именно таким способом, который предлагает тебе Света.

Света увидела привидение – такими ошалелыми глазами она смотрела на своего постоянного конкурента Вениамина Киселевича.

- Слушай умных людей, - посоветовал больному Дима.

Дюша почти согласился, сделал пару шагов к скамейке, а приободренный Димка, вдохновленный своим вкладом в общее дело, выдал:

- Не переживай, хуже точно не будет...

На него цыкнули хором: И Степа, и Веня, тем более Света. Чтобы исправить свою оплошность, Дима Комелюк обнял больного Дюшу за плечи и подвел к месту экзекуции. При этом приговаривал со знанием дела:

- Сок печеной луковицы творит чудеса, поверь мне. Ты любишь лук? Не любишь? А зря. Помнишь в фильме «Морозко» бабкина дочка сидела под сосной и наяривала луковицу за обе щеки? Помнишь? Если бы не луковица, она бы точняк слегла с температурой. Зима была лютая, а она несколько часов просидела в лесу в ожидании деда Мороза.

Степка почему-то охнул, Димка взглянул на него с неодобрением – перебил такую ладную речь! Дюша вздрогнул, словно тоже продрог, как бабкина дочка.

- Ну, если ты говоришь... - промямлил он, сел на скамейку и подставил ухо. Когда жидкость потекла внутрь, он опять вздрогнул, затих, затаился, потом расслабился и прощебетал, - как приятно. В ухе тепло.

Светка сделала тампон из ваты, смочила его в смеси и засунула тампон в ухо Дюши.

Через пятнадцать минут он уже гонял мяч вместе со всеми пацанами. А Светке-врачевателю с тех пор никто не перечил...

- Из-за этой девочки, вы все чуть богу душу не отдали! – вспомнила Марта Гордеевна Ефремушкина.

- Когда это было, - протянул Степан. – Всего лишь детские шалости.

- Шалости, - хмыкнула Мать. - Это совсем не шалости, это форменное безобразие! И как вы, здоровые пацаны, безоговорочно послушали эту соплячку! Точно – «без царя в голове», иначе не скажешь!..

Да, был случай...

Дело было в конце сентября. В городе неожиданно началась эпидемия респираторно-вирусной инфекции. Количество заболевших школьников превысило допустимую норму, поэтому школу закрыли на карантин. Те, кто не успел подхватить инфекцию, были только рады неожиданным каникулам. Тем более, после долгих холодных дней и затяжных дождей, вдруг выглянуло солнце, на улице потеплело. Наступило бабье лето. Чем ни радость для детворы: погода прекрасная, в школу ходить не надо, уроки учить не надо, гуляй, сколько хочешь.

Но вскоре прозвенел первый звонок - заболел Дюша, самый хилый из компании. Светка сразу вынесла свой вердикт:

- Если мы не позаботимся о своем здоровье, то все сляжем. Кому охота болеть на дополнительных каникулах?

Болезнь никому не хотелось.

- У тебя есть конкретное предложение? – спросил Веня и поправил на переносице очки.
- Не было бы, не затевала разговор, - пространно ответила Светлана Куролес и обвела компанию сосредоточенным взглядом, будто что-то подсчитывала. – Но давайте договоримся сразу – или лечатся все, или никто! Согласны? – Пацаны закивали, мол, согласны. – Я знаю одно профилактическое средство от простуды, но сразу скажу: как все лекарства, не очень приятное на вкус.
- Жидкое? – спросил Степа.
- Горькое? – поинтересовался Димка и невольно скривился.
- Лекарство безвкусное, но... проглотить его могут не все.
- Почему? – задал вопрос Веня и сглотнул слюну.
- Потому что это лекарство... живое! Не надо пугаться, - беспечно предупредила девочка. – Это всего лишь жуки! Специальные жучки, миленькие, хорошенькие, почти волшебные. Прелесть, а не жуки.

Степка закатил глаза к небу с бегущими по нем редкими пушистыми облачками. Внимание отвлекла ворона, она громко каркнула и почесала клюв о ветку тополя, на которой сидела и наблюдала за мальчишками.

Не к добру, - подумал о карканье Степка Ефремушкин.

Димка чихнул и сам испугался своего чиха.

- Вот, полюбуйтесь, второй на подходе, - указала на него Светлана Куролес, а потом скрестила пальцы перед грудью. Степка мысленно сравнил ее с католическим священником, даже «пририсовал» к ней соответствующее одеяние. Никакой радости от воображения он не получил и не отвлекся от грозящего профилактического лечения жуками, миленькими и хорошенькими, почти волшебными.
- Что-то я об этом слышал, - между тем промямлил Веня и более уверенно заявил, - но лечение жуками называют лженаукой. – И опять засомневался, - с другой стороны, у наших медиков все нетрадиционные методы лечения – это лженаука.
- Эти врачи одно лечат, другое калечат, - выдал Степан, повторив излюбленную фразу своей мамы. Марта Гордеевна постоянно ходила на прием к участковому терапевту, но никогда не принимала выписанных препаратов.
- Наконец-то, дошло! – вздохнула Света и затараторила, - обязательно нужно глотать жуков живыми. Попадая в желудок человека, жук погибает, тут-то и начинают проявляться его целительные свойства – выделяются ферменты, которые способствуют повышению иммунитета. Иммунитет человека повышается, все болезни отлетают, как мяч от стены.
- «Привет» от прабабки? – не удержался от иронии Димон, намекнув, от кого девочка почерпнула очередные знания по медицине.
- Как бы не так! Этот способ профилактики от простудных заболеваний придумали совсем недавно в Аргентине.
- Блин только что со сковородки, - опять поиронизировал Димка, кося глазом на Вениамина Киселевича, пребывавшего в глубокой задумчивости.
- А какие жуки используют для... профилактики простудных заболеваний, для повышения иммунитета? – поинтересовался Степка. В его животе уже начали происходить непонятные реакции, а еще не глотали никаких жуков.
- Вообще-то нужны жуки, которые называются чернотелка. И будто бы их можно где-то купить. Но с покупкой большие проблемы. И еще не известно, как чужеродный жук повлияет на организм русского человека. Поэтому наши ученые провели множество экспериментов, чтобы понять, каким из существующих в России насекомых можно заменить жука-чернотелку. В результате экспериментов пришли к выводу, что это обычный колорадский жук. Вы не ослышались, тот самый, который поедает листья растений семейства пасленовых, - отрапортовала на одном дыхании Светлана.

Если она так уверенно об этом говорит, то можно успокоиться, - подумал Степан. Но к горлу все равно подступила тошнота, в конечностях появилась слабость. Степа присел на скамейку и постарался абстрагироваться от разговора. Но выходило плохо... Лучше бы у меня уши разболелись, как когда-то у Дюши, - поразмыслил он, - уши заложило, я бы не слышал, о чем они говорят. А когда дело дойдет до... лечения, можно закрыть глаза, чтобы не видеть этих тварей... Брррр...Как можно глотать живых колорадских жуков? Любых жуков?!

- Где мы их найдем? – злорадно спросил Веня, его голос прорвался к Степану, заставив его дойти в унынии до крайней черты.

Зря он злорадствует, - мысленно рассудил Степа, - Света что угодно и где угодно найдет. И не ошибся.

- У меня уже все готово! – воскликнула Светка, почти, как Архимед свою «эврику», когда ему шмякнуло на голову яблоко.

Степка впервые размечтался, чтобы мама сию минуту выглянула из окна и позвала его домой. Он бы не стал, как обычно, вступать в пререкания, потрусил бы домой. Окно не открылось, мама не выглянула и не позвала. Степка уложил локти на колени, согнув спину, и приткнул на ладони подбородок. Наверное, его поза говорила об обреченности, неспособности спорить и отказываться от предложенного метода лечения. Надо бы выпрямиться, сделать независимый вид, заявить, что у него такой иммунитет, что никому такой не снился. Заявить таким голосом, чтобы у друзей не осталось сомнений, что сказанное – правда, а причина кроется не в страхе.

А Светка ликовала, нахваливая себя:

- Вот я умница, заранее всё приготовила, позаботилась о хороших мальчиках. – С этими словами она извлекла из «медицинской» сумки полулитровую банку с колорадскими жуками, вызвав отвращение у присутствующих.

- Где ты их взяла? - удивился Степа, голос предательски дрогнул.

- Трудно было, достала, - выкрутилась Куролес. – Ну, что, мужчины, вы готовы «к труду и обороне»? - усмехнулась она.

Если бы она не назвала их мужчинами и помянула «оборону», весь присутствующий сильный пол нашел бы причину отказаться, при данных обстоятельствах отказываться было стыдно, не по-мужски.

Светка с легкостью стянула с банки пластмассовую крышку и первой вытащила из банки колорадского жука. Недолго думая, засунула жука с рот и проглотила, потом показала язык – ничего, пусто.

Пример оказался не заразительным. Мальчишки не потянулись за жуками, только переглядывались.

- Может быть, есть другой способ... это... повисить... как его... - начал тупить Дима.

- Иммунитет, - услужливо подсказал Веня, показательно отворачиваясь от банки с колорадскими жуками.

- Ешь, что дают! – приказал Степан и более сдержанно, но с нотками злорадства, добавил, - или ты тоже хочешь свалиться с температурой, как Дюша?

Чужой страх придал Степке сил.

Пока Дима и Веня раздумывали: есть-глотать, что дают, или поумничать еще, Степан не заставил себя ждать. Жук никак не желал попадать внутрь его организма, но Степка уговорил и себя, и его. Вскоре к поеданию присоединились друзья, названные уважительно мужчинами. Они с отвращением выловили жуков из банки, проглотили и как будто успокоились, но неугомонная Светка заявила:

- Надо еще по две штуки!

- С какого перепуга? – возмутился Димон.

- Аааа, страшно, - громовым голосом протянула девочка. И опять показала не заразительный пример.

Они проглотили еще по два колорадских жука. Затем принялись подшучивать друг над другом, обрисовывать свои ощущения, слегка привирая. Погоняли мяч, повисели на турнике. Но уже через час ребятам расхотелось шутить, бегать и прыгать. Они сели на две любимые скамейки возле стола и начали прислушиваться к своим внутренним ощущениям. Разговаривать не хотелось. Первым нарушил молчание Вениамин Киселевич:

- Мне кажется, у меня что-то шевелится в животе, - признался он.

- А меня тошнит, - пробормотал Степа.

- У меня застыла кровь в жилах, - констатировал Дима, позаимствовав фразу из вчерашнего рассказа Вениамина, который не хотел отставать от Светланы и тоже переключился на ужастики - пересказал «Вий» Гоголя. Веня употребил фразу во вступительном слове, когда делился впечатлениями о прочитанном.

Высказавшись, Дмитрий вздрогнул, как будто, действительно, чего-то сильно испугался и по этой причине у него застыла кровь в жилах.

Вениамин опомнился:

- У нас могут повредиться кровеносные сосуды! Дима навел меня на эту мысль своим высказыванием о жилах... Ребята, это не шутки, бесследно эта шалость не пройдет.

- Веня, что может с нами случиться? Мы умрем? – дрожащим голосом спросил Степа.

- Не знаю, - забил он первый гвоздь в крышку гроба, за первым последовал второй, - жуки могли повредить пищевод.

- Почему ты раньше ЭТО не сказал?! – возмутился Дима. – У тебя позднее срабатывание?

- Я забыл! – выкрикнул Киселевич, быстро ослаб, сдулся и проговорил себе под нос, - что я обязан обо всем помнить?

Димка решил накинуться на Степана, как на человека, который всегда поддерживает все начинания Светланы. Как бы не было плохо Димке, он сообразил, что на Светку лучше не набрасываться с обвинениями, потому что у нее прабабка - ведьма, пусть и добрая: вдруг та успела поделиться с правнучкой своими колдовскими способностями? Еще наведет порчу!

- Тебя, Степка, кто-то за язык тянул?! Кто-то просил бубнить: ешь, что дают, ешь, что дают! – покривлялся Дима. – Все ты, все из-за тебя!

- Я не бубнил, а сказал всего один раз, - парировал Ефремушкин. – Не хотел бы, не ел этих жуков. Нашел крайнего.

Димка обратил взор к Вениамину, который обязан что-то посоветовать, найти выход из сложившейся ситуации.

Венька сидел на скамейке, как фарфоровая кукла – боялся шевельнуться, чтобы не разбиться. То хмурился, по глубоко вздыхал, но к разговору прислушивался. Не дождавшись реакции от самого умного, Димка спросил у него:

- Веня, с тобой всё хорошо? Или всё плохо?

Веня надул щеки, потом «сдулся» и чуть дернул головой, то ли подтвердив первое, то ли – второе.

Степка сплюнул на асфальт и увидел в слюне кровь.

- Копец, - трагическим голосом заключил он и схватился за живот...

Ребятня побежала к тете Зине, которая, в отличие от их родителей, не упадет в обморок от сообщения о новом методе повышения иммунитета. Тетя Зина среагировала быстро: вызвала «Скорую». А пока «Скорая» ехала, напоила всех марганцовкой...

- Мы могли тебя потерять из-за этой девчонки! – возмутилась Марта Гордеевна, вспомнив старую историю. – У вас есть своя голова на плечах? Как можно так безответственно относиться к своему здоровью?!

Степан знал, почему мальчишки подчинялись единственной в их компании девочке. Они были влюблены в Свету, выпендривались перед ней, хотели привлечь ее внимание. Между

ними постоянно шли негласные соревнования. Наверное, Светке нравилось быть в центре внимания.

С появлением в их дворе Светланы Куролес жизнь, и без того яркая и насыщенная, изменилась. Они не могли себе представить, как раньше жили без этой рыжеволосой девчонки с хвостиками, без ее убедительно-неправдивых рассказов. Но они ей верили. Потому что хотели верить.

Однако родители мальчишек испытывали к девочке-заводиле совсем другие чувства. И на то у них были причины...

Однажды Светка рассказала о разбойничьих кладках. И к тому ее побудило очередное выступление Вениамина Киселевича. На этот раз Веня взялся на пересказ пушкинской «Капитанской дочки». Одним из героев романа был Емельян Пугачев. Так плавно разговор перешел на разбойников. Как обычно Светка поделилась своими глубокими познаниями в этой области:

- Кроме Разина и Пугачева, которые грабили богатых людей, в России было много разбойников, менее известных, которые грабили всех подряд, устраивая засады на дорогах...

- Дорожных трактах, - подсказал Вениамин.

Светка продолжила как ни в чем ни бывало:

- За их головы назначались награды, но поймать разбойников было трудно – они постоянно перемещались с места на место, опасаясь преследования властей...

- Кочевали, - вставил Веня.

Светка убила его взглядом, но Веня выжил, даже больше, одарил ее издевательской улыбочкой.

- Веня, тебя никто не перебивал? – спросил Степа. Ответ ему не требовался, - никто! Вот и ты не перебивай, будь так добр.

Света поблагодарила его кивком головы.

- Раз разбойники постоянно были в движении, они устраивали схроны – места, где хранили награбленные сокровища.

- А историки утверждают, что никаких разбойничьих кладок не существует. На то они и разбойники, чтобы сразу спускать всё награбленное добро, - не удержался от замечания Вениамин.

- Да будет тебе известно, - пошла в атаку Светлана, - что... в отличие от некоторых...

- У меня есть прабабка, которая была в разбойничьей банде, - не дал ей договорить Дюша. Шутка ему очень понравилась, он закатился хохотом. Димон тоже гыгыкнул, поддержал приятеля.

- Дураки! Я, вообще, не буду ничего рассказывать! Никогда! – обиделась Света. Не удалилась, но сложила руки калачиком на груди и независимо отвернулась.

- Свет, я больше не буду, - извинился Дюша. – Просто вспомнил детский фильм «Снежная королева», представил атаманшу разбойников и сболтнул, не подумав.

- Свет, ты не обижайся, - засовестился Дима, - мы же пошутили, хотели всех вас развлечь.

- Ладно, - смилостивилась девочка и продолжила, - слушайте дальше. У моей мамы есть дальний родственник, учитель истории. Много времени он провел в архивах, изучал исторические документы. В архиве он обнаружил старинную карту нашей области. Карта его очень заинтересовала. Он долго разбирался, сравнивал карту из архива с картой теперешнего времени. В результате смог разобраться, какие поселения сохранились с прошлых времен, какие исчезли, особое внимание уделил... дорожным трактам, - подчеркнута выразилась она. – В то время дорог... трактов было мало, и существовали они по много-много лет. Некоторые современные дороги повторяют траекторию старых трактов. И тут в голове историка появилась идея, которую он решил проверить ее на месте.

- Этот родственник нашел что-то интересное? - напряженно спросил Вениамин.
- С помощью металлоискателя он обходил много километров дорог, но ему не посчастливилось найти клад, - развела руками девочка.
- Зачем тогда рассказывала?! – возмутился обманутый в ожиданиях Димон.
- К тому! – брякнула в ответ Светлана. – Я внимательно слушала рассказы родственника и хорошо запомнила его слова: разбойники закапывали награбленное не очень глубоко, чтобы при необходимости проще было выкопать. Это первое. И второе – места разбойничьих кладов часто совпадают в некоторыми природными ориентирами. – Света выдержала паузу и заговорщицким голосом продолжила, - например столетний дуб.
- Какой еще дуб? Тебе что-то известно? - скрывая рвущееся наружу волнение, спросил Вениамин.
- А знаете, где проводил все три летних месяца мой родственник?
- У меня есть предположение, - промямлил умник. – В деревне Чубликово, у твоей прабабки.
- Карлсон сказал бы: ну, я так не играю! Я скажу иначе: Ты, молодец, вундеркинд! - Светка хлопнула Веню по плечу, а тот порозовел, как майская роза – ему было лестно услышать похвалу от конкурентки. Светка могла не только подлить масла в огонь и посыпать соль на рану, но и подсластить пилюлю. И делала это в самый нужный момент. Как сейчас, чтобы Веня не стал оспаривать ее слова, принял их на веру.
- Твой родственник ничего не нашел даже с помощью металлоискателя, а мы найдем, - с недовольством заметил Степка. Недовольство, естественно, относилось к умильному переглядыванию приятеля и объекта его интереса.
- А мы попытаемся найти! – воскликнула Светка, ни у кого из друзей не осталось сомнений, что всё так и будет. – Предлагаю не откладывать дела в долгий ящик, как говорит моя мама, взять день на подготовку к походу, а послезавтра, на зорьке, отправиться в путь!
- Легко сказать – отправиться, - хмыкнул Дюша. – Кто наспустит?!
- Мы не будем спрашивать разрешения, - ошаршила всех Света и привела весомый аргумент в свою пользу, - кто нас будет ругать, если мы найдем клад?! Время сейчас сложное, многие сидят без копейки, а тут... сразу такие богатства!
- Какие? - вкрадчиво спросил Веня.
- Несметные, - быстро нашла ответ Светлана. – Родители нам только спасибо скажут. Тем более, мы уедем всего-то на несколько дней, и записки оставим, чтобы родители не волновались.
- Для поездки нужны деньги, - резонно заметил Степан, готовый идти за Светой на край земли, но его финансы «пели романсы»: недавно потратил все имеющиеся деньги на барский жест – купил мальчишкам и девочке мороженое и лимонад.
- Да, деньги нужны, на билеты на автобус. В деревню из города ходит рейсовый автобус. Жаль бабушки больше нет, а то мы поселились бы в ее доме.
- Но дом-то стоит, никуда не делся, - вставил Димон.
- Наследники продали дом, за бесценок. Не дом был, а развалюха. Но... Ладно, сейчас не об этом... Где мы будем спать, где будем прятаться от непогоды? Мы возьмем с собой палатку. У кого-нибудь есть палатка? Не хочется ночевать под открытым небом.
- У моих родителей есть палатка, - вспомнил Веня, - они в молодости занимались туризмом. Но палатку нужно найти.
- Отлично! – воскликнула Света, нисколько не сомневаясь в положительном результате поисков. - Палатка есть, провиант мы с собой возьмем – у кого что имеется в холодильнике, то и прихватим. Плюс картошка. Обожаю печеную картошечку!
- Надо супы в пакетиках взять, без первого никак нельзя, - сообщил Дима. – Поэтому нужен котелок.

- Я попрошу денег у родителей, у меня скоро день рождения, пусть отдадут обещанную сумму заранее – я хотел купить новый велик, - пояснил Вениамин. – У меня и старый еще ничего, буду на нем гонять.

- Я тоже попрошу, но много мне не дадут, - отозвался Степан.

- С миру по нитке... - развеселилась девочка.

День ушел на подготовку к походу, на рассвете кладоискатели покинули родной дом, оставив на кроватях записки для родителей.

Дети сели на рейсовый автобус, старенький «ПАЗ», который шел до деревни «Чубликово». Кроме ребят в автобусе никого не было.

- Школьники? – без интереса спросил водитель, пожилой дядька в кепке.

- Школьники! – звонким голосом доложила Светлана, - у нас запланирована экскурсия по родному краю. Сегодня мы едем в «Чубликово».

- Это понятно, - кивнул дядька. Сдвинул кепку на лоб, почесал затылок и вернул кепку на положенное ей место. – Так вас до самого «Чубликова» доставить? Конец маршрута на центральной площади.

- Ой, нам в само «Чубликово» не нужно, - возбужденно закачала головой девочка, хвостики, по обычаю стянутые резинками для волос, пошлепали ее по щекам. – Там есть указатель на «Чубликово», вы повернете, и мы сразу выйдем. Так можно?

- Отчего же нельзя...

Мальчишки успели прочитать надпись на указателе «Чубликово - 5 км», водитель свернул и спросил:

- Здесь выйдете или дальше?

- Здесь, здесь! – ответила за всех Светка.

Дети поблагодарили водителя и выкатились из автобуса.

- Мы что, будем шагать пять километров? – поморщился Димон. Он решил, что Светлана нарочно не захотела ехать до конечной остановки – следы путала.

- Я не любитель марш-бросков, - с неудовольствием заметил Вениамин, который тащил на себе упакованную в мешке туристическую палатку.

- О чем вы, мальчишки?! – округлила глаза Света. - Зачем нам деревня?! Вы забыли, о чем я вам говорила? Нам нужен столетний дуб!

- Нам еще и дуб искать! - возмутился Димка. – У меня будет голодный обморок, я не позавтракал, и еще меня укачало в автобусе. Срочно нужен привал. – Он бросил на землю свой рюкзак и уселся на него сверху.

Друзья пока не приняли решения, стояли и смотрели то на Димку, то на Светку.

- Я удивляюсь, - вздернула она плечами, - как можно быть таким слабовольным и нецелеустремленным? Я о тебе, Димочка! Я всё разжевала, в рот положила, осталось пройти короткое расстояние, взять лопату, выкопать яму и забрать клад. Искатели кладов неделями ничего не едят, а этот проехал полчаса на автобусе и уже умирает. – Она обзрела придирчивым взглядом всю компанию, с явным недоверием взиравшую на нее, в сердцах выхватила из рук Степана лопату, бросила, - счастливо оставаясь, - и зашагала по шоссе в сторону Чубликова, показывая всем видом, что ей никто не нужен, она способна сама откопать клад разбойников.

Степа первым двинулся за ней, быстро догнал и забрал лопату. Мальчишки переглянулись и поспешили за друзьями...

Дуб они увидели издали, когда сошли с трассы и миновали лесополосу. Он стоял на лугу в гордом одиночестве и будто бы ждал их. За лугом колосилось поле зеленой пшеницы.

- Что за божественные запахи! – восхитилась Светка, обладательница нюха ищейки. – Даже голова кружится от запахов трав и полевых цветов.

Она шла по полю и собирала букет из ромашек, колокольчиков, васильков, цикория, пижмы. Не бежала к заветному дубу, ничего не говорила, просто собирала букет из полевых цветов, восхищенно цокала языком.

Мальчишки ускорили шаг. Беспечное поведение Светы не поддавалось объяснению.

Наконец, они достигли дерева-старца. Обступили его и принялись внимательно рассматривать. Дерево походило на коренастого человека с физическими изъянами: дуб был невысок, имел толстый ствол, кособок, а ветки напоминали изломанные и неправильно сросшиеся руки.

- Уродец, - поставил диагноз Дима. Светка шикнула на него:

- Ты что, нельзя так говорить, он обидится. Я решила его задобрить, цветочки принесла. Дубочек, вот тебе букетик.

Она положила полевые цветы на выступающий корень дерева.

- Си-си-си, си-си-си, - покривлялся Димка. – На фига ему твои цветы?

- Дима, не надо его злить, - шепотом посоветовала девочка.

Дима промолчал, отошел поодаль и принялся тщательно обследовать землю, поросшую травой и цветами. В некоторых местах земля шла волнами. Сначала Дима решил, что в земле живут кроты, потом понял – здесь орудовали кладоискатели. После места раскопок вновь скрылись под зеленым травяным одеялом.

Приятель зорко следил за его передвижением, как будто Дима видел сквозь землю и мог указать на спрятанный в земле клад. Дима их разочаровал:

- Голый номер, господа-товарищи, - изрек он. Дима всегда был «неверующим Фомой», к тому же не выносил физический труд.

- Комелюк, - обратилась к нему предводительница, - а ведь тебя никто сюда силой не тянул и сейчас никто не держит. Если что-то не устраивает – скатертью дорога. – Указала ему рукой обратный путь и пробурчала себе под нос, - сам ничего делать не хочет, и других расхлаживает.

- Денег на обратную дорогу дать? - спросил Степан Ефремушкин, назначенный общим собранием на должность казначея.

- Что сразу денег-денег? Уже и сказать ничего нельзя! Света, чем набрасываться на меня, лучше дай четкий ответ: у тебя есть доказательства, что клад закопан в этом месте? Возле дуба?

- Давайте для начала разобьем лагерь, позавтракаем, а потом...

- Поедем домой, экскурсия закончена, - поиронизировал Вениамин, намекнув, что разгадал Светкины увливания – у нее нет никаких доказательств.

- Ты думаешь, я... просто так сболтнула? «От фонаря» место нашла?

- А то, нет? – хмыкнул приободрившийся чужой поддержкой Дима.

- Странные вы люди! – передернула плечами девочка, - то сразу согласились, то теперь ищите причину смуться. Трудностей испугались? Так и скажите!

- Как-то не хочется перекапывать весь луг, - отстраненно произнес Вениамин, как будто разговаривал сам с собой. При этом приложил козырьком ладонь ко лбу и посмотрел вдаль.

Худощавый Дюша сорвал ромашку и пропел писклявым голосом, подражая девочке из мультфильма «Фильм, фильм, фильм»:

- Ла-ла-ла-ла-ла-лаааа, сорвала цветочек. – И запрягал на одном месте.

- Дурдом «Ромашка, - выдала Света и рявкнула, - а ну, быстро, ставим палатку и разводим костер!

Как всегда, мальчишки ей беспрекословно подчинились. Вскоре возле дуба стояла палатка, откуда-то взялись кирпичи, дрова для костра. Спустя короткое время друзья пили чай из старого эмалированного чайника, который взял с собой запасливый Дюша и сказал, что это котелок. Пили чай и вели беседу на отстраненную тему, но все с нетерпением ждали неожиданных признаний от Светланы. И они последовали, когда чай был выпит, печенье съедено.

Света достала из кармана своего походного рюкзака слегка помятую кальку. На кальке виднелись линии, прочерченные простым карандашом.

- В тайне от историка я скопировала часть его карты, - пояснила она. Разложила на коврике кальку и разгладила ее ладонью. – Видите, это луг, это наш дуб. В девятнадцатом веке неподалеку от дуба пролегал дорожный тракт... Видите? – Теперь она указывала не на перенесенную на кальку карту, а на утрамбованную дорогу между полем пшеницы и лугом. – А не это ли, друзья мои, тот самый дорожный тракт? – Не услышав подтверждения, девочка затараторила, - в то далекое время люди перемещались верхом на лошадях, если путь был недлинным, а если путь был дальним, то нанимали дорожные экипажи, на крыше которых находились ящики для поклажи...

- Ты говорила – дуб столетний? - перебил ее Вениамин. Экскурс в прошлое ему был не интересен.

- К слову пришлось, на самом деле ему около двухсот пятидесяти лет... Видите, - в который раз повторила Света, - вот почти ровная линия, - теперь она провела указательным пальцем по прочерченной на кальке линии, - это и есть дорожный тракт. И дуб... вот он, - она ткнула пальцем в перекрестье.

- Похоже, - поддержал Димон.

- Дим, ты правильно заметил, что искатели кладов не обошли вниманием это место. А раз места поисков заросли землей, и сейчас, кроме нас, здесь никого нет, можно предположить, что...

Вениамин не дал Светлане договорить:

- Можно предположить, что клад давно нашли, и другим кладоискателям, менее счастливым, об этом известно. Или кладоискатели отчаялись искать и поставили на этом деле бооольшой крест. – И повторил предыдущие слова Димы, - голый номер, господа-товарищи!

- Была бы дверь, я бы указала вам обоим на нее, а мы с Дюшей и Степой будем искать клад, - разозлилась Светка. - Только потом не умрите от зависти.

- Не заносись! - осадил ее Дюша. – Мы одна команда, вместе сюда приехали, вместе и уедем.

Светка обратилась за помощью к Степе, который всегда был на ее стороне. Но не в этот раз.

- Мы вместе, - коротко ответил он на ее молчаливый вопрос и сам спросил, - у тебя есть конкретные предложения по поиску клада?

- Идея есть, но ее надо осмыслить... И лучше нам сделать это вместе: одна голова - хорошо, а несколько – лучше.

Степка не поверил, что у Светы есть идея. Он, вообще, сомневался, что здесь, возле дуба, разбойники спрятали свой клад. И в существование родственника-историка, карты, которую перенесла на кальку подруга, - во всем этом он сомневался. Не сомневался в одном – к Светке он неровно дышит. Произносить, даже мысленно, слово «любовь» он остерегался.

На помощь, как всегда, пришел Вениамин Киселевич.

- В старину были люди, которых называли лозоходцами. С помощью лозы они искали воду и руду. Но кое-кто утверждал, что с помощью лозы можно найти в земле... нечто, что земле ранее не принадлежало. Лоза для поисков представляет собой рогатину из сухого или живого дерева, все равно, какого. Прежде чем приступить к поискам, надо взять рогатину в руки, зажать концы между мизинцем и средним пальцами, при этом ладони должны быть направлены вверх, тыльная сторона рук – вниз. Рогатину надо держать крепко, чуть задрав конец вверх, перемещаться неспешно, реагировать на каждое вращение и резкое наклонение рогатины вниз. При этом надо учитывать одну деталь: если рогатина среагировало на что-то в земле, это не значит, что ты стоишь на нужном месте. Скорее всего, магнитное поле подействовало с запозданием, ты сделал пару лишних шагов.

- Ну, откуда он всё знает! –восхитился Димон, - сказано – профессор, хоть сейчас может учить студентов, для школьников он слишком умный!

- Да, брось ты, - отмахнулся польщенный похвалой Вениамин.

- А рогатина это что? Это рогатка? – на всякий случай уточнил Дима.
 - Рогатка, только большая, - ответил Киселевич и показал, какого приблизительно размера она должна быть, с метр.

- Мне кажется, нам... надо позаимствовать рогатину у дуба, надеюсь, дуб не обидится, - высказала свои соображения Света.

Ребята взялись за поиски подходящего устройства для поисков клада. Устав ходить вокруг дуба, задравши головы, они заставили особо юркого, мелкого и легкого - Дюшу, забраться на дуб и поискать рогатину. А сами отошли подальше, чтобы легче было наблюдать за обезьяньими перемещениями товарища и давать советы, подсказывать. Дюша ловко скользил по корявым раскидистым ветвям старого дерева и что-то бурчал себе под нос.

- Дюша, говори громче, нам не слышно, - обратился к нему Вениамин.

- Я не с вами разговариваю, а с дубом, - отрезал Дюша и продолжил поиски подходящей рогатины. И вскоре нашел. Без труда отломал, потому что ветка нужной формы была подсохшей, отмирающей.

- Ты, дубочек, должен мне быть благодарен, что я тебя освободил от... некрасоты, - пыхтя, произнес мальчик-добытчик, задержавшись с определением того, от чего он освободил старика.

Бросив рогатину с подсохшими листочками вниз, Дюша спустился на землю и выхватил свой трофей из рук Дмитрия, который первым схватил ветку и уже отрывал листья.

Когда ветвь была готова к применению, Веня показал, как надо правильно ее держать во время поисков. Ребята по очереди повторили его указания. После чего, Веня обратился к друзьям:

- С бухты-барухты к поискам приступать нельзя, нужен настрой. Кто готов?

Готовы были все, но с настроем были проблемы. Мальчики и девочка затихли, каждый прислушивался к себе, угадывал, настраивался, а Веня поочередно обводил их придирчивым взглядом. Степану его взгляд не понравился, показался снисходительным.

- Венька, только не говори, что ты один способен найти клад, - хмуро отозвался он.

- Ничего подобного я говорить не собирался, - с нотками плохо скрытой обиды проговорил приятель. – Но среди нас есть человек с нужными способностями. И это Света! – недолго думая, указал он на девочку.

- Почему это должна быть Светка? – набычился Димон. – Светка пусть ищет клад без рогатины, у нее нюх хороший, как у охотничьей собаки.

- Никогда не слышала, чтобы клад искали охотничьи собаки, - надулась Света.

- А, может быть, тебе походить, принюхаться? Что-нибудь и получится? А? – вкрадчиво поинтересовался Дюша. Ему очень хотелось найти клад с помощью рогатины, которую он сам добыл.

- Я выбрал Свету! – заартачился Вениамин, подавляя всех своим авторитетом.

Света не стала юлить, удивляться, отказываться, а сразу взялась за рогатину, как положено, приблизилась к дубу и прижалась к нему спиной.

- Сейчас я подзаряжусь от него энергией, - шепотом сообщила она друзьям. Постояла так некоторое время, потом принялась перемещаться вокруг дуба, увеличивая радиус...

В тот день поиски не дали результата, но приятели не отчаялись. Перекусили на сворую руку консервами, запили водой. Не было сил разводиться костер. Дюша Петров, не любитель консервов, кривился, а приятели постоянно сыпали: «Дюша, ешь, что дают!» и ненатурально веселились. Ребятам взгрустнулось. Думали, что едва растянутся на одеялах в палатке, сразу же погрузятся в сон. Но сна как ни бывало. Может быть, сказалось волнение – впервые они ночевали под открытым небом, крыша палатки – не в счет.

- Представляю, какую нам взбучку устроят родители, когда мы вернемся домой, - с печалью протянул Дюша.

Света почувствовала, что в стане искателей приключений сейчас начнутся споры – это в лучшем случае, а в худшем – паника, захочется домой, якобы чтобы успокоить родителей и не дать степени их возмущения достигнуть предельной черты.

Чтобы переключить внимание, отвлечь, она принялась рассказывать очередную историю.

- Здесь неподалеку, на трассе, много лет назад автомобиль сбил мужчину, жителя деревни Чубликово. Мужчина стоял на обочине, попутку хотел остановить. Автомобиль, как будто нарочно, вильнул в его сторону, не сбавляя скорости. Так очевидцы потом рассказывали. Они же рассказали, что удар был очень сильным, но пострадавший, о чудо, отделался легким испугом. Встал на ноги, как ни в чем ни бывало, отряхнулся и пошел домой. Сначала родные ему не поверили, потом слух распространился по всей деревне. Жители потянулись в сторону дома, в котором жил мужчина, хотели убедиться, что он жив и здоров. Люди удивлялись: как такое могло случиться?! Другой бы скончался на месте, а у этого ни царапины. И вот прошел год. Однажды утром его жена проснулась, а мужа рядом нет. Думала, что он встал пораньше, чтобы заняться хозяйственными делами. В доме его нет, во дворе его нет, в сарае его нет. Нигде его нет. Пробежала по соседям. И у соседей нет и никто его не видел. Всей деревней искали пропавшего мужчину, чудом выжившего в серьезной аварии год назад...

- Так и пропал? – поинтересовался Дюша.

- Нашли, - печально протянула девочка, дав понять, что с мужчиной произошла трагедия.

- Где? – спросил неугомонный Дюша.

- На том самом месте, где год назад его сбил автомобиль. Он был мертв. На теле не было никаких увечий.

- Может быть, произошел сердечный приступ, - предположил Веня.- Ему захотелось пойти на то место, где год назад произошло чудо, он разволновался – воспоминания нахлынули, и сердце остановилось.

- Причина смерти не была установлена, - ответила Света. – Но что самое странное, через некоторое время его жена стала слышать по ночам стук в дверь. В одно и то же время, с полуночи до половины первого. Дверь она боялась открывать, но через окно видела – за дверью никого нет. А стук есть. Ровно в половине первого ночи стук прекращался. Жена ложилась в кровать. И сразу раздавались по дому шаги. Потом рядом с ней кто-то ложился на кровать. Она вскакивала с кровати, зажигала свет... Кровать была пуста. Бедная женщина чуть с ума не сошла. Никто не мог ей помочь. Пришлось продать дом и уехать.

- И стуки прекратились? – спросил Степа.

- Наверное, раз новый хозяин ничего не рассказывал.

- Получается, покойный муж навешал свою супругу, а когда она уехала, он угомонился, - высказался Степка. – Или последовал за ней.

- Слушайте дальше, - загробным голосом произнесла Светлана, у мальчишек от страха побежали мурашки по телу и очень захотелось домой, к мамам и папам под крылышко. – А теперь я плавно перехожу к новому жителю деревни Чубликово, который купил дом у вдовы. Надо сказать, этот человек сразу не понравился жителям деревни. Чужак. Неприятный тип, глаз у него недобрый. Он ни с кем особо не общался, а жители и не стремились к общению. Через полгода после его появления в деревне пропала семилетняя девочка. Она пошла с дедушкой на рыбалку, на озеро, до которого было рукой подать. Клев был плохой, она запросилась домой. Дед ее отпустил, не впервой, ничего плохого с ней случиться не могло. А случилось – девочка пропала. Искали ее всем миром, водолазов вызывали, чтобы дно озера проверить, ближайший лес прошерстили, каждый кустик проверили. Нет девчонки. Напротив, через дорогу, от бывшего дома вдовы в своей развалюхе жила старуха. Старая-престарая, сама не знала, сколько ей лет. Вдруг она вспомнила, что видела своего нового соседа вместе в пропавшей девочкой, в то самое утро. Будто бы он завел девочку в себе в дом. Жители отправились к мужчине. Тот отрицал – старуха полоумная, всё перепутала. Не видел он никакой девочки, к себе не приводил.

Народ не поверил, весь дом ему перевернули, искали девочку или хотят бы ее следы. Не нашли ничего и никого. Тогда обратились за помощью к моей прабабке, она не только лечила людей травами, но умела гадать.

- На картах? – спросил Вениамин с недоверием.

- Ни в коем разе! – обиделась Света, как будто мальчик сказал что-то нелестное о ее прабабке-знахарке, доброй ведьме. – У нее были свои методы: кидала какую-то траву в котелок с кипящей водой и что-то в ней высматривала. Так поступила и на этот раз. Пришлось сказать правду несчастным родителям девочки: их дочери нет в живых. И указала убийцу – новый житель деревни. Он привел девочку к себе в дом, надругался над ней, задушил и закопал. Точное место захоронения указать не могла. Сказала – лежит в земле сырой. Толпа жителей отправилась в дом злодея, и совершила самосуд – сначала избили, а потом повесили в сарае. Когда приехала милиция, все дружно заявили, что он сам повесился. Милиционеры спрашивают: «Откуда ссадины на лице и на теле?» - «Да, мы его побили, - отвечают деревенские жители, - но повесился сам, никто ему не помогал. Он понял, что ему грозит высшая мера наказания за убийство». В доме провели тщательный обыск. В подвале наши кусочек материи от платья, в котором девочка была в то утро. Перекопали весь приусадебный участок в поисках тела девочки. Но тела не нашли... Двери сарая заколотили, как и окна дома. Жители старались обходить дом стороной. Как предчувствовали...

- Что же случилось? – спросил Димка.

- Вскоре в сарае кто-то начал ломиться в дверь, хотел выйти наружу. И не просто ломиться, а вдобавок выть, как волк. Долго терпели жители, в потом сожгли и дом, и сарай. Никто не подумал, что пожар может перекинуться на другие дома. Не перекинулся, повезло... Давайте спать, поздно уже.

- Ага, уснешь теперь, - пробурчал Димон. Немного повозмущался, а потом засопел.

Вскоре уснули остальные, все, кроме впечатлительного Степана. Он закрывал глаза и видел семилетнюю девочку в цветастом платице, которая вприпрыжку возвращается с озера домой. Солнце поднимается из-за пригорка, золотит ее светлые волосы. И вдруг на дороге появляется тот, кто посмел оборвать жизнь девочки...

Степка проснулся позже всех. Его друзья уже завтракали, пили чай с пряниками и обсуждали план на предстоящий день. Света хотела еще раз походить с рогатиной, в случае отрицательного результата, они будут подбирать следующую кандидатуру для поисков клада. Выбор пока есть...

Света ходила с рогатиной уже час, но рогатина никак не реагировала на клад, который обязан находиться в земле, в непосредственной близости от старого дуба, который был хорошей приметой для разбойников, спрятавших награбленное.

Мальчишки сидели поодаль, чтобы не мешать поискам. В результате Вениамин не выдержал и окликнул Светлану:

- Эй, лозоходец, почему ты обходишь стороной куст?

Метрах в десяти от дуба, рос низкорослый и раскидистый кустарник дикого шиповника.

- Что ж мне в колючий шиповник влазить?! – тихо возмутилась девочка, но все-таки двинулась в сторону кустарника.

Двигалась медленно и напряженно. Достигнув кустарника, пошла еще медленнее, еле-еле шевелила ногами, сделала вокруг кустарника круг. Как показалось мальчишкам, облегченно выдохнула и успела сделать пару шагов прочь от шиповника, как рогатина в руках начала жить своей непонятной жизнью: сначала ее конец задрался вверх, затем опустился вниз, Светка испугалась, выронила рогатину из рук, отскочила в сторону и заверещала. Приятели сорвались со своих мест и бросились к ней. Рогатина лежала на земле, Светка стояла в стороне, обхватив себя руками за плечи.

- Вот так значит, - задумчиво протянул Вениамин. Рогатину он не поднял, присел на корточки и уставился на нее. Степка пристроился рядом, на всякий случай дотронулся до рогатины

указательным пальцем. Ему казалось, что рогатина обязана как-то отреагировать на его прикосновение. Рогатина не отреагировала, недвижимо лежала на земле, обеими ответвлениями указывая на куст шиповника.

- Ну что ж, - продолжил свою мысль Вениамин, - будем копать. Где наша лопата?

Дмитрий метнулся к палатке и вскоре вернулся с лопатой в руках.

- Где копать? – спросил он с напряжением.

- Как можно ближе к кусту. Мы тебе поможем, будем придерживать ветки.

- Но рогатина отреагировала там, где она сейчас лежит, - вставила немного успокоившаяся Светлана.

- Ты забыла, о чем я говорил вчера? – скривившись от неудовольствия, спросил Киселевич.

- Рогатина реагирует с опозданием. Следовательно, она что-то обнаружила под шиповником.

- Колется гад, - приближаясь к кустарнику, сообщил Димон.

- Тебе нужно набросить ветровку, чтобы защитить руки, а мы будем придерживать ветки...

- Руками? – хмыкнул Дюша.

- Лучше взять веревку, - посоветовал Степа. - Обхватим веревкой кустарник и потянем концы веревки на себя, отогнем ветки, и Диме будет легче копать. Дима, когда ты устанешь, скажи, я тебя сменю...

Дождей не было давно, копать сухую землю было тяжело, к тому же у лопаты сломался черенок. Чтобы не загнать занозу, обломанный черенок обмотали тряпкой и продолжили поисковые работы.

Мальчишки порядком устали, прежняя уверенность - сейчас они найдут разбойничий клад – пошла на убыль. Хотелось есть и пить. Но никто не канючил – было неловко перед девочкой, которая копала землю наравне с мальчишками. Прошло достаточно времени, а земляные работы не сильно продвинулись - они выкопали яму всего-то сантиметров тридцать глубиной, размером полтора метра на метр.

Когда настал черед копать Степану он воткнул штыковую лопату в землю и тотчас почувствовал, как полотно лопаты скользнуло по чем-то, он взвизгнул от радости и начал осторожно очищать землю с... предмета - ему хотелось, чтобы это был сундук с драгоценностями и старинными монетами.

Сначала Степа не понял, по чему скользнуло полотно лопаты, а когда разобрался, выскочил пулей из ямы, сопровождая полет криком: «Атас, ребята!» И понесся в сторону шоссе. Ребята бросились за ним.

Когда добежали до шоссе и сгрудились на обочине, Венька отдышался и спросил:

- Степ, что ты увидел в яме?

- Там... там... скелет, - округлив глаза до невероятных размеров, признался Степа.

- К...какой скелет? – заикаясь, задала вопрос Светлана.

- Какой, какой, человеческий! – разозлился ее непониманию мальчик.

- Ты ничего не перепутал? – прицепился Венька.

- Что я скелет в кабинете биологии не видел?! Там, в яме, я не успел очистить от земли весь скелет, но... кость ноги и часть таза... успел заметить. Жуть, честно вам скажу...

- Да уж, - выдохнул Дюша.

- Это та самая девочка, - сообщила Света. – Все думали, убийца закопал ее в своем огороде, а он под покровом ночи вынес тело за деревню и закопал. Надо вернуться и довести начатое дело до конца.

- Надо вызвать милицию, пусть они во всем разбираются, - заметил трясущийся от страха Дюша. – Ребята, давайте вернемся домой, - заканючил он, там родители с ума сходят.

- А родители погибшей девочки до сих пор не могут спать спокойно, - процедила сквозь зубы Светлана.

- Они живут надеждой – вдруг их девочка жива!.. Чудеса бывают, - добавил без уверенности Дюша, с тоской поглядывая на бегущие в сторону города автомобили.

- Была бы жива, давно бы объявилась, - констатировал немного успокоившийся Степан. Он не успел продолжить.

Сначала охнул Дюша, потом раздался громогласный командирский голос старшего Ефремушкина. Степка повернул голову. На противоположной стороне дороги, на обочине, остановился знакомый автомобиль. С водительского места показался его отец, Сергей Львович, со свирепым лицом. С пассажирского места выползла тетя Люся, мать Дюши, с заплаканными глазами. Следующими пассажирами оказались мать Димки и мать Светы.

Мама Светы сразу радостно воскликнула:

- Я же говорила, она потянет их в Чубликово! Говорила же! – И бросилась обнимать свою непутевую дочь.

Тетя Люся рыдала в голос и прижимала к своей необъятной груди сыночка Дюшу, ласково называя его балбесом. Мать Димки хотела отвесить сыну подзатыльник, но не дотянулась ввиду своего маленького роста и высоченного роста сына, попала только по плечу. А Димка нахмурился и запричитал: «Ну ты чего, чего ты?!» Мать сообщила: «Дома получишь ремня!»

Сергей Львович подошел к поникшему Степану и только и смог сказать:

- Ты о матери подумал?

- Пап, прости меня. – И попытался оправдаться, - но я записку оставил, чтобы вы не волновались.

- Записку он оставил, - передразнил отец, - а ты забыл, какое сейчас время?! Чай не при социализме живем! Кругом одни бандиты, им человека убить, что плюнуть. Девяностые, черт бы их побрал.

- При социализме тоже разные случаи были, - с умным видом заметила Светлана Куролес. – Мам, помнишь, девочку, которую новый житель деревни убил?

- Ты мне зубы не заговаривай, - отмахнулась мама Светы.

- Ну, помнишь или нет? – настаивала девочка.

- Ну, помню! Что дальше?.. Нашла время вспоминать, - пробубнила мать себе под нос.

- Тело девочки так и не нашли. Верно? Так мы... сейчас... нашли. Кажется...

Когда взрослые убедились, что в земле находятся человеческие останки, судя по размеру - ребенка, старший Ефремушкин вместе с матерью Светы отправились на автомобиле в деревню, к участковому инспектору...

В то время еще не делали экспертизу ДНК, но по истлевшему платью родители опознали свою дочь, которая бесследно пропала десять лет назад...

Долгие годы Степан Ефремушкин не мог отделать от видений. Вскakiвал по ночам и звал девочку по имени... Ее звали Нина.

Он хорошо ее представлял, видел ее фотографии – родители Нины показывали. На всех фотографиях Нина улыбалась. Как сказали родители, Нина была веселой, доверчивой и доброй девочкой.

Нину похоронили на деревенском кладбище. На надгробье тоже была ее фотография. Солнечная белокурая девочка с щербинкой между зубами...

Как это было давно и как недавно, - подумал Степан, медленно возвращаясь из воспоминаний. И в этом ему помогла мать.

- Сынок, я не хочу, чтобы ты встречался с этой женщиной!

- Мама!

- Да, я не хочу, чтобы ты встречался с этой Светой! Не хочу и всё!

- Причем здесь Света, - в который раз попытался объяснить Степан. – Ты сама настаивала, чтобы я встречался с девушкой. Света хочет познакомить меня со своей подругой... С сестрой ее жениха.

- С такой же, как она.

- С чего ты взяла?! И чем плоха Света?! Мало ли чем занималась в детстве? Одни хулиганят, другие рассказывают истории - развлекают друзей.

- Развлекают, хм, так развлекают, что друзья ведут на прием к специалисту по нервным болезням.

- Mam, не сочиняй, меня не водили ни к каким специалистам по нервным болезням. По крайней мере, я этого не помню. И давай не будем продолжать дискуссию – все равно каждый останется при своем мнении.

В тот вечер пятницы они больше не вспоминали ни Свету, ни ее подругу, сестру жениха, по совместительству потенциальную невесту Степана. Степан решил – обошлось, мать вняла его просьбе.

На утро мать сказалась больной. Стонала и закатывала глаза.

- Ясно – воспаление хитрости, - поставил диагноз сын.

- Много ты понимаешь! – возмутилась тяжело больная. – У меня начинается грипп!

- Симулянтский грипп! Не знаешь, такой есть?

- Точно тебе говорю – у меня начинается грипп! Вчера у меня в гостях был Егор, внучатый племянник Зины.

- Ты мне об этом не говорила.

- Потому что ты, по непонятной причине, его не любишь, - поджала губы мать.

- Да, он мне не нравится. И что ему понадобилось в нашей квартире?

- Он забыл дома ключи, не мог попасть в квартиру, а Зина куда-то ушла. Не сидеть же ему на улице!

- Мог и посидеть, не мороз двадцатиградусный.

- Злой ты, Степа.

- Я добрый. Какое отношение к твоей болезни имеет Егор?

- Он постоянно чихал. Сказал, что у него аллергия на тополиный пух, но мне показалось, у него самый настоящий грипп. Он и меня заразил.

- Заболеть гриппом летом – это нонсенс.

Мать не обратила внимания на слова сына.

- Что самое странное, что Зина была дома, - восхитилась она непонятно чему.

- А это уже оочень подозрительно! – протянул Степан.

- У тебя всё и всегда подозрительно, - парировала мать. - Зина – не девочка, слух не тот, могла элементарно не услышать звонок в дверь. Задремала, хотя, уверяет, что не спала, смотрела сериал. Егор просидел у меня с час или чуть больше, потом позвонил в дверь Зининой квартиры, та открыла как ни в чем ни бывало.

- Что-то ему у нас понадобилось, - повторился Степан.

- Еще скажи, Егор в меня влюбился, - усмехнулась Марта Гордеевна. Опомнилась, и снова застонала.

- Я вызываю дежурного врача, - запугал сын, надеясь, что мать вмиг выздоровеет: в последнее время она охладела к медикам, отказалась от посещений участкового терапевта.

- Да, мне нужна медицинская помощь, - удивила мать сына, - но лучше, пусть это будет доктор из платной клиники. Надеюсь, тебе не жаль денег на мать.

- Ты имеешь в виду диагностический центр?

- Ты сегодня необычайно догадлив, - съязвила Марта.

- Так я звоню своему знакомому?

- Звони! И чем скорее придет доктор, тем лучше.

- Я должен знать, что у тебя болит, чтобы к тебе пришел нужный специалист.

- У меня болит спина. И, вообще, мне очень плохо.

- Радикулит? Температура?

Мать прислушалась к себе.

- Все-таки это не грипп, ты прав - летом вирус гриппа по городу «не гуляет». Наверное, это почки. Постоянная ноющая боль в спине, чуть выше поясницы. Раз так, то это не радикулит.

- Еще десять минут назад у тебя начинался грипп, сейчас – почки, что будет через пять минут, мне даже страшно подумать.

- Я думала, что грипп, что болят легкие, сейчас понимаю – проблема с почками. Пиелонефрит, без всякого сомнения.

Степан позвонил приятелю, который работал в диагностическом центре, попытался разъяснить ему ситуацию, насколько это было возможно. Тот подумал и сказал, что к Марте Гордеевне придет специалист в области нетрадиционной медицины, раз к традиционной она охладела, не доверяет. И спросил, устроит ли двенадцать часов пополудни. Сын поинтересовался у матери – устроит или нет? Та посмотрела на часы, часы показывали десять утра. Пораскинув мозгами, недавно умирающая пожилая женщина тихим голосом, чтобы не услышали на другом конце провода, сообщила сыну, что ей нужно привести себя в порядок к приходу доктора. За два часа она не успеет. Сын осудительно покачал головой и назвал приятелю другое время для визита доктора – четырнадцать часов.

Итак, к двум часам дня к Марте Гордеевне должен был прийти доктор, специализирующийся на нетрадиционных методах лечения всевозможных болезней. Пожилая женщина, охая и постанывая, присела на пуфик перед трюмо «времен Очакова и покоренья Крыма», оценила свое отражение в зеркале, и осталась недовольна: и отечность, и бледность, и язык с налетом. Естественно, не оставила комментарии при себе, озвучила сыну. Сын никак не отреагировал на комментарии матери, но всем своим видом выказал недовольство, что нисколько не затронуло чувства родительницы. Она тут же занялась собой, любимой.

Симуляция чистой воды, - подумал сын с осуждением, - а я, как всегда, иду на поводу этой симулянтки.

Глядя на мать, он слегка ошалел от такой неприкрытой наглости: некоторое время назад умирала от болезни с законспирированным диагнозом, теперь сидит перед зеркалом и накручивает волосы на бигуди, еще и мурлычет себе что-то под нос, песенки распевает. Степка взорвался:

- Мама! Нельзя быть такой эгоисткой, мне уже тридцать пять лет, в мои годы у тебя уже была семья...

Мать тут же вставила:

- А я кто? Не твоя семья?

- Ты понимаешь, о чем я... Мама, ты меня слушаешь?

- Я не глухая, - бодрим голосом сообщила Марта Гордеевна.

- Мама, я устал от этого цирка, - произнес сын без крика, без ругани, усталым голосом, как будто проделал тяжелую физическую работу.

Мать закончила с волосами и переключилась на ногти. Выбрала цвет лака и принялась покрывать лаком ногти. Сын смотрел на нее как на некое диво, внезапно оказавшееся в его квартире. От обиды, возмущения и непонимания он застыл как «сидячий памятник». Между тем мать закончила следующий этап своего преображения, изучила сделанную работу, и, как ни в чем ни бывало, продолжила диалог, прерванный десять минут назад:

- Отдохнешь от меня, когда я умру. – Причем ее голос не соответствовал сути сказанного: в голосе напрочь отсутствовала трагедия или ответная обида за нападки. Марта бросила фразу между делом, как будто сообщила точное время. А сказав, принялась пудрить лицо.

Сын нахмурился, открыл рот, передумал что-то обсуждать, отмахнулся и вышел из комнаты. Двинул в сторону кухни, встал у окна и занялся изучением неба. Так он делал всегда, когда сильно нервничал. Небо, в любом виде, его успокаивало. Сегодня был ясный день, небо было светло-голубым, почти белым от яркого летнего солнца.

Постояв у окна и успокоившись, Степан надумал уйти на время из дома, чтобы в очередной раз не сцепиться с матерью. Для себя он принял следующее решение: он выслушает вердикт доктора, а потом сориентируется, идти или нет на день рождения подруги Светланы. Если что, позвонит и найдет вескую причину для отказа, но точно знает, что имя матери фигурировать не будет.

Чтобы убить время, он отправился в супермаркет, расположенный неподалеку. Долго ходил по магазину, бросал нужные и ненужные продукты в тележку и думал о Светлане, пытался понять свое отношение к ней. Да, он был рад неожиданной встрече с ней, очень рад, но вместе с ее появлением из его жизни исчезло спокойствие, в душе с комфортом разместилась тревога, которую никто не приглашал. И будто бы причин для тревоги не было. Подумаешь – встреча с подругой детства, к которой испытывал трепетное чувство. Но то было в детстве. Сейчас и Степа изменился, и чувство давно испарилось, и Светка уже не та Светка, рассказчица страшилок. Как Степа не пытался сосредоточиться на работе, домашнем быте, он все равно копался в себе, искал и не находил причинную связь между нагрянувшим беспокойством и появлением в его жизни подруги Светки, сам себя пытался убедить, что в его жизни все по-прежнему, без перемен, что Света – чужая невеста, детское чувство давно кануло влету. Но внутренняя душевная дисгармония оставалась на месте. Не просто оставалась, беспокойство укоренялось и мешало жить обычной жизнью. Степа чувствовал себя как агент на вражеской территории, который находится на грани провала.

Потом его осенило – причина его душевной дисгармонии кроется в депрессии, которая появляется время от времени без видимых на то причин, но с регулярным постоянством, только промежутки не равные. Взять теперешний случай. У Степана возникла депрессия от дикой усталости и однообразия. Учебный год, слава Богу, подходит к логическому завершению. Вместе с началом продолжительного отпуска начнется обратный процесс - расставания с депрессией, душевной дисгармонией. Жизнь, серо-черная, однообразная, вернется на круги своя ни без собственных усилий - сам разбавит грустные тона яркими красками.

Отпуск начинается, увы, не завтра, у Степана по-прежнему в голове бурлит процесс самокопания, сомнение сражается с уверенностью, из рук всё валится, мысль блуждает по закоулкам, нет сосредоточенности на конкретном деле. Хотел отдохнуть и расслабиться в компании старой подруги и новых друзей, но, как обычно, нашелся человек, предъявивший на него свои права. Иначе утреннее театральное выступление не назовешь. И что обидно – мать нисколько не сожалеет, не стыдится, не скрывает своих намерений, не изображает тяжело больную. Она прихорашивается к визиту доктора.

Степану не хочется выглядеть перед доктором дураком. А придется. Конечно, он не желает, чтобы доктор, вопреки его предвидению, обнаружил у матери некое заболевание, пусть лучше будет дураком, который зря побеспокоил занятого человека.

В очереди в кассу Степан заметил женщину, очень похожую на Светку. Даже хотел ее затронуть, но вовремя сообразил – не она!

Светка. Рыжеволосое чудо природы с двумя хвостиками, выдумщица и затейница.

А мать еще имеет наглость в чем-то ее винить! Сам хорош - излишне впечатлителен! И что самое ужасное - с годами почти не изменился, по-прежнему ловко умеет «превращать муху в слона».

Нет, кошмары Степку больше не мучают и с появлением Светки кошмары не вернулись. Сны беспокойные, это да, после пробуждения чувствует себя избитым, все тело ноет, и голова раскалывается. Как будто всю ночь он маялся от высокой температуры. К утру болезнь отступила, но отголоски болезни дают о себе знать – слабость, мышцы болят, сам потный, белье влажное.

Степан возвращал себя в норму проверенным способом – контрастным душем. Заканчивал водные процедуры всегда одинаково – обливался ледяной водой.

Но как вернуть себе душевное спокойствие, не дожидаясь отпуска?..

Степан вернулся домой в половине второго. Разложил покупки по полкам холодильника, параллельно прислушивался к звукам в комнате матери. Она чем-то шурудила, переставляла с места на место какие-то предметы. А ведь слышала, что он вернулся! Слышала, но из комнаты не вышла, не приободрила ласковым словом, не дала понять, что все недоразумения исчерпаны.

Дуться должен был Степан. Это его в очередной раз поставили в неловкое положение. А мать обязана извиниться и приободрить.

Извиняется всегда Степан, так заведено.

По этому поводу Ефремушкин всегда вспоминал анекдот: Вождь издал указ, состоящий из двух пунктов. Пункт первый: вождь всегда прав. Пункт второй: если вождь не прав, смотри пункт первый.

Ефремушкин не выносил ссор, он не мог долго молчать и дуться. Еще в детстве, после недоразумений с мамой, сначала считал себя жертвой, с трудом сдерживался от слез, вспоминая слова отца – мужчины не плачут. Затем принимался оправдывать мать, столько горя перенесшую за свою жизнь. Она сильная, она справилась, а он, Степка, слабый, потому что позволяет себе доставлять матери неприятности. Тут же вскакивал, бежал к матери и просил у нее прощения. Она гладила его по голове и приговаривала: «Это хорошо, что ты всё понял». На самом деле, Степка ничего не понял. Или понял только одно – мать его не понимает. Когда ему грустно, ей почему-то весело, она не поинтересуется у него, что стряслось, чем вызвана грусть-печаль. Когда он весел и счастлив, мать норовит испортить ему настроение, она обладает удивительной способностью превратить праздник в поминки по празднику.

Но Степка все равно боготворит свою мать. Так было и так будет. Тем более теперь, когда не стало отца, обожавшего свою жену...

Однажды Степан стал невольным свидетелем разговора матери и ее подруги Зинаиды. Видимо, женщины спорили об отношениях между мужем и женой. Он пропустил начала диалога, не услышал мнение матери, вошел в прихожую, когда тетя Зина выговаривала:

- Марта, я знаю одно - нельзя садиться мужчине на голову, рано или поздно ему это надоеет.

- Когда моему Сергею надоедало, он ходил на сторону, но я быстро приводила его в чувство! – хвалилась непонятно чем Марта Гордеевна.

- Ты знала о его изменах? – делая паузы между словами, удивлялась Зинаида Марковна Крашенинникова.

- А твой муж тебе не изменял? – вопросом на вопрос ответила Марта, но в голосе чувствовалась уверенность.

- Никогда не говори никогда, - подумав, изрекла подруга и добавила, - если мой Ваня мне и изменял, то я об этом ничего не знала – не пойман, не вор. И за это ему большое спасибо.

- Ты, Зина, правильно сказала про «никогда». А то иной раз слышишь от женщин: муж меня обожает, всю жизнь носит на руках, ему никто кроме меня не нужен. А что на самом деле? А на самом деле, ее муженек не пропустит ни одной юбки. Все об этом знают, все всё видят, одна она слепа и глуха.

- Ей так проще жить.

- Зина, а ты как бы себя повела, если бы узнала, что твой Ваня тебе изменил? – решила на вопрос Марта Гордеевна.

- Не знаю... И что уж теперь говорить об этом... Нет ни моего Вани, ни твоего Сергея. Иногда такая тоска накатит, хоть в петлю лезь. В потом думаю – грех это, буду жить столько, сколько мне Бог отвел. Одна радость – племяншка Егор. Конечно, он не «подарок к восьмому марта», и твой Степа его не выносит, но он-то, Егорушка, одна родная мне душа.

- А мы с сыном?

- Конечно-конечно, - испуганно зашебетала Зинаида. - Люблю я вас, как родных. Дороги вы мне. Если какая беда – вы рядом, всегда поможете. Я об этом знаю. И вы можете на меня положиться.

- Знаю, Зина, наша дружба проверена временем. Ты нам тоже очень дорога. Вот правда говорят, что друзья иной раз бывают ближе, чем родные люди. Как переехали в этот дом почти одновременно, так и сроднились. И мы с тобой сдружились, и наши мужья. И сейчас друг дружку поддерживаем. Сыновья и племянники – это хорошо, но мы, старики, не всегда находим у них понимания. Лично я не обижаюсь, у сына своих проблем полным-полно,

студенты так мозг вынесут, что он весь вечер ни слова не скажет. А его не трогаю, пониманию его состояние.

- Ага, не трогаешь, - не удержалась от реплики подруга, - ты ему вздохнуть не даешь! Наш мальчик давно подрос, не мешай ему жить. Не обижайся, Марта, но кто тебе еще об этом скажет, как не я, твоя единственная близкая подруга.

- Каким же образом я ему мешаю?! – вспыхнула Марта Гордеевна. - Я ему помогаю, - неуверенно добавила она.

- Сюда не ходи, туда не ходи, сиди возле материнной юбки. Степке давно пора нянчить своих детей, а не свою мать-эгоистку.

- Спасибо, подруга, на добром слове, - все-таки обиделась Марта Гордеевна.

- А что скажешь, не так? Привыкла, понимаешь, чтобы ей сюсюкали-мюсюкали. Одно дело с мужем, и то не ладно, другое дело, с взрослым сыном, мужчиной. У Степки бывают... свидания с женщинами? Ты понимаешь, о чем я говорю.

- Ну, бывают, -- протянула мать взрослого сына. – Но Степа всегда ночует дома.

- Потому что мама приказала быть дома не позже одиннадцати! – досказала за подругу Зинаида Марковна. – Что ж у мужика за личная жизнь такая?! Это не жизнь, это ее отсутствие.

- Не скажи, - покачала головой Марта Гордеевна. – Степа встречается с женщинами.

- Сам сказал или догадалась?

- Мне так кажется. Все-таки он нормальный здоровый мужчина со своими потребностями.

- Как говорит мой Егор – никакого расслабона, всё на лету! Потому как дома ждет мамочка, надо медленно поспешать! А знаешь ли, что от... всего этого бывает? Начинаются проблемы с психикой. А у Степочки, очень ранимого и чувствительного человека, тем более могут возникнуть подобные проблемы. Вспомни, что было в детстве? Он был на учете у психиатра.

- Тоже сказала! Не был он ни на каком учете, не выдумывай! Доктор провел три сеанса психотерапии, после которых Степан освободился от своих фобий. А все эта, Светка-выдумщица.

- Не все в ее рассказах было выдумкой, кое-что оказалось правдой. Вспомни тот случай со скелетом.

- Ужасный случай. Погибшую девочку жаль. Жаль и ее родителей. Кто, как ни я, поймет их чувства. Но в тот момент я прежде всего думала о своем сыне. Ты, Зина, правильно сказала, что Степа очень впечатлительный мальчик. Таким уж уродился. И тот случай... с поисками клада разбойников очень повлиял на его психику. А ты говоришь – вздохнуть не даю, опекаю. Я оберегаю сына от таких, как эта Светка.

- Все началась с невинного желания найти клад, а закончилось... - Зинаида вздохнула. – Но ребята сделали благое дело – нашли останки погибшей девочки. Позже останки были преданы земле по всем божьи законам.

- Зина, ты с возрастом стала такая набожная. Если бы не знала, что бы была членом партии, никогда бы не поверила.

- Я и сейчас член несуществующей Компартии несуществующего государства, членский билет я никому не стол не бросала. Членский билет при мне, значит, я коммунист. А верить в Бога мне по возрасту полагается, я за модой не гонюсь.

- За модой?

- А то, как же! Верить в Бога сейчас модно. Не скажу за всех, но многие совершают некий ритуал, когда посещают церковь, ставят свечи, молятся. В Бога верит только тот, кто, во-первых, не кричит об этом: вера - дело интимное, а, во-вторых, живет по христианским законам: не убий, не возлюби, не прелюбодействуй... и так далее. А у нас как бывает – всю неделю грешил напропалую, потом пошел в воскресенье в церковь, помолился, попросил батюшку отпустить ему грехи, вышел и продолжает грешить. Это правильно?

- Зина, тебе бы партию какую-нибудь организовать и возглавить, - без намека на шутку высказалась Марта Ефремушкина.

- Годы ни те, - призналась Зина Крашенинникова, - если бы ни преклонный возраст, я бы еще повоевала. А так мне хватает и нашей управляющей компании.

- Да уж, начальник от тебя уже стонет...

Степан устал маяться в прихожей, тихо открыл входную дверь и громко захлопнул – возвестил о своем возвращении. Мама и тетя Зина тотчас появились в прихожей, поприветствовали, признались, что «перемывают кости» руководству управляющей компании. Выглядели при этом как заговорщики...

Разложив продукты по полкам холодильника, Степан направился в комнату матери, мириться.

Она сделала вид, что забыла обо всех разногласиях с сыном. Опять пожаловалась на боли в спине. Сын посочувствовал, предложил свою помощь – таблетку, массаж, растирку?

- Дождемся доктора, послушаем, что он скажет.

- Пора бы ему уже прийти, - взглянув на часы, сказал Степан. Он сам никогда не опаздывал и не выносил, когда опаздывают другие.

- Который час? – спросила мать.

- Начало третьего, - успел ответить сын, и сразу раздался звонок в дверь. Он поспешил в прихожую...

Глава третья

Мужчины не плачут

Степан Ефремушкин распахнул дверь своей квартиры. На пороге стоял деловитый мужчина. Степка ожидал услышать привычную фразу - «врача вызывали?», но доктор – так для себя решил хозяин: никого другого он не ждал - поздоровался и, не ожидая приглашения, вошел в квартиру. Пока он напяливал на ноги бахилы, хозяин разглядывал его без зазрения совести, как будто это был вовсе не доктор, а претендент на руку и сердце его матери. Хотя, какой он претендент: не подходит по возрасту. На вид около сорока или чуть меньше, пышные усы, как у почтальона Печкина, совершенно лысая черепушка, бесцветное лицо, украшением которого, как было сказано выше, были усы и широкие короткие брови, если эдакие брови можно назвать украшением – весьма сомнительно.

Доктор-усач безмолвно закончил с бахилами и с молчаливым вопросом обратился к хозяину. Догадливый хозяин не ко времени ухмыльнулся – очень уж странно вел себя врачеватель – и с подобострастием швейцара распахнул перед ним двухстворчатую дверь, ведущую в комнату матери.

Доктор вошел не сразу, слегка задержался перед открытой дверью. Степану показалось, что задержка вызвана волнением: «немой» лекарь явно нервничал, раз переключивал саквояж из одной руки в другую и при этом облизывал губы. Степан Ефремушкин тоже имел такую привычку – облизывать губы в минуты волнения. Раньше имел, сейчас избавился от этой дурацкой привычки, чтобы не привлекать внимание наблюдательных студентов. Некоторые из них, особо «одаренные», успешно пародировали молодого преподавателя на заре его трудовой деятельности.

Желая ускорить процесс «перехода границы», Ефремушкин проявил еще большую услужливость и указал рукой направление следования. Лекарь вежливо кивнул, ступил в комнату и, наконец, хозяин услышал его голос. Оказывается, гость умел говорить, причем голос не напоминал скрип несмазанной телеги. Вполне нормальный мужской голос. Почему-то Степка назвал его «баритональным дискантом»: вспомнилась шутка Новосельцева из «Служебного романа». Но никакой писклявости в голосе врачевателя не было, а вот осторожность явно была.

- Добрынин. Федор Ильич. Врач-гомеопат, - с расстановкой назвал себя доктор, прорезая головой воздух.

Марта Гордеевна Ефремушкина встретила его недружелюбно, не улыбнулась, сдержанно кивнула в ответ на приветствие-прорезание, и замерла в своем кресле с видом вдовствующей императрицы.

- Марта Гордеевна, - представил сын свою мать, посчитав ее поведение невежливым.

- Рад знакомству, - отреагировал Добрынин. Он нисколько не заискивал, говорил ровным, но участливым голосом – уже приступил к своим обязанностям.

– Церемонии ни к чему, перейдем к делу, - осадила его пожилая женщина и взбила пальцами своим волосы.

- Вы правы, не будем терять время, - согласился с мягкой улыбкой Добрынин, окинул взглядом комнату, затем снова обратился с молчаливым вопросом к Степану. Тот догадался и указал на стул возле круглого стола.

Пока Федор Ильич усаживался, пристраивал на коленях свой саквояж, пожилая женщина, она же поклонница творчества композитора Добрынина, замурлыкала одну из его известных песен: «Не сыпь мне соль на рану, не говори навзрыд...» Сын на нее цыкнул, она, прирожденная актриса, сразу изобразила томление болезненной особы. Еще бы у болезненной особы исчез с лица здоровый румянец, тогда было бы проще убедить доктора в необходимости визита. Пока Марта Гордеевна напоминала неопытного игрока в покер.

Степа особо не волновался за неподходящий вид «болезной» особы: в любом случае доктор получит деньги за свой визит. И, при необходимости, пропишет лечение. Другой вопрос, будет ли «болезная» следовать указаниям доктора? Какое-то время точно будет - два выходных дня уж точно, пока опасность в виде новой пассивности не минует. Затем начнется новая трудовая неделя, сын забудет о своем желании познакомиться с подружкой Светы, в итоге Светлана Куролес обидится – мать взрослого сына очень на это надеется - и оставит друга детства в покое. И заживут они, мать с сыном, как прежде.

Доктор Добрынин посмотрел на женщину исподлобья и хитро улыбнулся. Женщина увидела в нем «своего парня», тоже улыбнулась, но сдержанно, кончиками губ, кряхтя, поднялась с кресла и приблизилась к столу. Попыталась заглянуть в открытый саквояж, тут подоспел сын, галантно отодвинул стул и усадил на него любопытную мать. Тем временем Добрынин принялся вытаскивать из своего саквояжа необходимые для диагностирования штучки, прибор с проводами, и выкладывает на стол. Мать с сыном как зачарованные следили за движениями доктора-иллюзиониста. В этот момент оба походили на парочку котиков, готовых к игре с бантиком на нитке, который болтается перед глазами. Но никакого бантика на нитке не было, был загадочный прибор с кучей проводов. Один провод тянулся к керамической чашке маленького размера – минипяле, другой провод соединял прибор и щуп в виде электрода, еще один крепился к металлической полой трубке.

Мать с опаской уставилась на устройство с тремя проводами, удивленно подняв брови, но вопросов не задавала, терпеливо ждала развития событий. Сын тихо радовался ее детскому испугу и наслаждался действием. Пусть это будет мелкой мстостью за ее «воспаление хитрости».

Доктор долго возился со своим имуществом, видимо, взгляды мешали четкой работе. Чтобы отвлечь внимание наблюдателей, он взялся прочесть небольшую лекцию о гомеопатии, которую, как оказалось, некоторые традиционные медики поддаются жесткой критике. Но в отличие от традиционных методов лечения гомеопатия позволяет быстро поставить правильный - подчеркнул! - диагноз и назначить правильное лечение, которое не нанесет вреда больному даже в том случае, если, что случается крайне редко, диагноз поставлен не совсем верно. Если пациент не чувствует улучшений, то врач-гомеопат проводит вторичное обследование, корректирует назначенные ранее препараты.

Раз лечение не нанесет ей вреда, Марта Гордеевна понемногу успокоилась и с вызовом взглянула на сына. Тот скорчил рожу за спиной Добрынина и почему-то подумал, что

читающий лекцию доктор похож на авантюриста. Потому что выказывал ограниченность мышления - так нескладно о своем любимом деле не говорят. Речь должна литься, как ручеек – отлаженно, привычно. Возможно, доктор чем-то озабочен или его смущает поведение клиентки, которая может оказаться вздорной особой, полусумасшедшей старухой, которой во всем потакает сын. Кстати, тоже странный субъект. Так для себя решил сам странный субъект, которого все время разбирало на «ха-ха», по причине ненатуральности происходящего действия.

Но в душе Степана что-то тревожило. Что? Он сам не мог понять.

Доктор приступил к диагностике «болезного» организма. Для начала он вложил в ладонь Марты Гордеевны полую трубку и предложил крепко ее зажать. Что дама и сделала с напряженным видом. Тем временем доктор взялся за другую руку дамы - принялся тыкать щупом в разные места тыльной части той самой руки. Потом перешел на ладонь, пальцы. Одновременно зорко следил за показаниями прибора, за отклонением стрелки. Стрелка отклонялась то слабее, то сильнее. Доктор сопровождал реакцию щупа чоканьем языка и покачиваем головы, чем вызвал недоумение, если ни сказать – испуг, у своей подопечной. Удовлетворенно кивнув, Добрынин сменил руки - теперь он тыкал электродом в ту руку, которая прежде зажимала полую трубку.

Затем пришла очередь минипиалы, в которую доктор выкладывал с помощью пинцета круглые шарики белого цвета – гомеопатические препараты – из разных коробочек. При этом делал заметки на листе бумаги. После того, как чашка наполнилась шариками, доктор взял чашку в руки и высыпал ее содержимое в ладонь своей пациентки. И приказал взять шарики в рот и рассасывать.

Покончив с записями и внимательно их изучив, Добрынин удовлетворенно кивнул и придвинул лист бумаги к пациентке, застывшей на стуле с таким видом, словно ей предложили выпить чудодейственного средства, которое будет соответствовать своему названию: сотворит чудо, «не отходя от кассы» - сию минуту.

Доктор побарабанил пальцами по листу бумаги и произнес, порадовав Степана своим «баритональным дискантом»:

- Я расписал весь прием. Все необходимые препараты я вам оставлю. Принимать необходимо за полчаса до еды.

- Ваш вердикт? - высказался доселе молчавший сын, который с недоверием следил за действиями гомеопата. Одновременно веселился - мстил матери за ее «художества» и пытался разобраться в причинах душевного переживания, возникшего где-то глубоко внутри и медленно пробивающего путь к голове, к мыслительному органу с серым веществом, способным дать вразумительный ответ.

- Ну, что я могу сказать, - вступил с отсроченным ответом Добрынин, - ничего страшного я не обнаружил. Возрастные изменения в сердце, песочек в почках, проблемы с позвоночником – небольшая грыжа в поясничном отделе, гастрит с повышенной кислотностью.

- Это как же вы... без рентгена... поставили диагноз? – ошалела Марта Гордеевна.

- Ничего удивительного - это гомеопатия! – быстро отреагировал доктор.

- Вот... так вот... прям, - сбивчиво затянула пожилая женщина.

- Вот так вот прям, - протараторил ее сын, слегка успокаиваясь – всего лишь возрастные изменения и так, по мелочи. Значит, ложное волнение, ничем не обоснованное.

- Уже завтра, приблизительно, в это же время, я вас навещу и проверю реакцию организма на установленную дозу препаратов. Возможно, внесу коррективы, - отрапортовал Добрынин.

- Завтра воскресенье, - зачем-то напомнил Степан, блаженно скалясь и нисколько не задумываясь о произведенном на доктора впечатлении.

- Еще больше тебе скажу: послезавтра понедельник, - поерничала мать, победно взирая на сына. Хотя, ее победа над сыном была спорной: все-таки никакой страшной болезни, к

счастью, доктор в ее организме не обнаружил. И теперь Степан может с чистой совестью идти на свидание с незнакомкой.

Но у Марты Гордеевны была причина для радости - серьезных проблем со здоровьем у нее нет. Значит, будет долго «небо коптить». Хотелось бы жить счастливо и безбедно, но это зависит от ее сына, от ее надежды и опоры.

- Здоровье пациентов для меня превыше всего, - патриотично-пафосно провозгласил доктор, но пренебрег бессеребренностью – сумму, причитающую ему за визит, с удовольствием принял...

После ухода Добрынина, мать снизила:

- Степа, можешь идти на день рождения, я чувствую себя хор... более-менее нормально, - вовремя поправилась она.

- Хор или более-менее нормально? – уточнил сын, с сочувствием взирая на мать. Веселье улетучилось вслед за доктором Добрыниным.

- Нормально, - сдержанно обронила мать, всем видом выражая неудовлетворение от визита гомеопата. Степан нисколько не сомневался, что мать успокоилась – серьезных заболеваний у нее нет. Тогда чем вызвано неудовлетворение? Не успела договориться с доктором? Не предложила сделку по одурачиванию сына? Рассчитывала, что доктор Добрынин удалит ненужного свидетеля, а он предпочел его оставить: чем больше зрителей, тем слаще триумф?

Добрынин действовал подчеркнуто медленно, уделял много внимания мелким деталям, что говорило о двух вещах: или он начинающий врач-гомеопат, а не профи, который делает свои манипуляции автоматически, или он наслаждался произведенным эффектом на «зрителей», которые обязаны издавать звуки восхитительно-удивленного характера, окрылять, и одновременно выказывать свою неразвитость в вопросах гомеопатии, чем опять же возвеличивать «мага и волшебника» в одном лице... Но ежели он маг и волшебник, то его действия должны быть не только доведены до автоматизма, но обязаны быть плавными, легкими. Без всякого напряжения.

Добрынин был напряжен. Именно это смущало Ефремушкина.

Получается, он начинающий маг и волшебник?..

Степану хотелось набраться наглости и побеспокоить своего приятеля – навести справки о Добрынине Федоре Ильиче, но, будучи человеком воспитанным, не решился вторично побеспокоить приятеля, у которого выходной день был величайшей редкостью. А сегодня у приятеля был выходной, Степан понял это по детскому щебету, когда вел с ним телефонные переговоры.

От дум Степана отвлекла мать, заявившая, что ей пора обедать – положенное время после приема лекарственных препаратов прошло...

Обед прошел в молчании, каждый думал о своем.

- Мам, ты ничего от меня не скрываешь? Ты хорошо себя чувствуешь? - спросил сын, перемывая посуду после обеда и искоса поглядывая на мать. Ее внешний вид ему не нравился. Глаза слезились, лицо было бледно-зеленым, как у светлюбивого домашнего растения, которое забыли выставить на подоконник. Ко всему мать постоянно почесывала ладони. А когда сын заинтересовался причиной «чесотки», она пошутила без всякой радости – якобы чешется к деньгам, наверное, скоро получит пенсию.

Прежде чем ответить на вопрос сына о самочувствии, мать сладко зевнула и пожурила:

- Какой же ты непостоянный, Степочка: то я постоянно жалуюсь, то молчу - что-то скрываю. Тебе всё не так, все не эдак.

- Уж такой я на свет появился, вот таким меня мать родила, - пропел сын, тоже без шутильной радости.

Мать сидя клевала носом.

- Ма-ам, - окликнул ее Степка. - Если ты неважно себя чувствуешь, я вызову «Скорую».

- Еще чего, - отмахнулась мать. - Могу предположить, что у меня своеобразная реакция на гомеопатические препараты, - призналась она. Подумав, добавила, - или запоздалая реакция на доктора Добрынина.

- А что не так с Добрыниным? Он тебе не понравился? Сразу бы дала мне понять, я бы его выставил.

- Дело ни в нем, в его устройстве. Честно говоря, я немного струхнула, когда увидела, что он достает из своего саквояжа.

- Ты ему поверила?

- Ты намекаешь на то, что он, этот врач-гомеопат, «пускает пыль в глаза»?

- Я этого не говорил. Я слышал от знающих людей, что гомеопатия им помогла, излечила от болезней, которые не поддались традиционной медицине.

- Главное – верить.

- Ты поверила?

- Если бы наговорил «бочку арестантов», то я бы сказала – чушь собачья. И не стала бы залечиваться. Попыталась забыть его диагноз или диагнозы, но... осадочек бы остался. Добрынин меня успокоил, убедил, что проблем со здоровьем нет, эта версия мне нравится.

- Несмотря на... благоприятный диагноз, ты выглядишь потерянной, если ни сказать, нездоровой.

- Диагноз – это не прогноз, он не может быть благоприятным.

- Пусть так. Скажу иначе – благоприятный исход.

- Для кого?

- Не цепляйся к словам... Для нас обоих.

- Спасибо на добром слове, - попыталась отшутиться мать.

- Что мне сделать, чтобы ты стала прежней...

- Занудой, - подсказала мать.

- Заметьте, я этого не говорил!

- Ты много чего не говоришь, а... Ладно, не хочу вступать в любезную перепалку.

- Тогда ты точно не в себе, - без намека на иронию проговорил Степан, подошел к матери и чмокнул ее в щеку.

- Степа, не переживай, я немного посплю, и всё пройдет. Ты обязательно разбуди меня перед уходом...

Пока мать спала, Степан отутюжил костюм и светлую сорочку, выбрал галстук, начистил туфли. Полюбовался своей работой, отчего-то разозлился, достал из шкафа джинсы, подходящую рубашку, из обувной коробки – новые мокасины. Примерил, остался доволен и отругал себя за лишний труд. Но хорошо, что вовремя одумался – все-таки, идет не на прием к английской королеве, ни в дорогой ресторан, в обычную кафешку, демократичную. Степа ни единожды посещал это заведение с приличной кухней и демократичными ценами. Посетители заведения были одеты без выкрутасов, редко кто выглядел белой вороной – «при костюме и галстук». Степка хотел порисоваться перед новой знакомой, но вовремя одумался.

Когда уже был готов, заглянул в комнату матери. Она крепко спала, что было редкостью. На лбу выступили капельки пота. Рот был приоткрыт, дыхание было затрудненным.

Степка приблизился к кровати, испытывая неловкость: не потому что решил прервать сон женщины, страдающей бессонницей долгие годы, а потому что считал свое поведение неправильным. Нельзя уходить и оставлять мать одну.

- Ма-ам, - тихо позвал он ее. Она не отреагировала, тогда он осторожно дотронулся до ее плеча, - ма-ам, я ухожу... Просыпайся, соня... Ма-ам, с тобой все хорошо?

Мать с трудом разлепила веки, заморгала, побряхтела и скрипучим голосом восхитилась:

- Вот прицепился – хорошо, нехорошо... - Разглядев сына, расцвела и восхищенно заметила,

- Степочка, какой ты у меня красавец!

- КрасавЭц! – поерничал сын и опять пропел на прежний мотив, - и в кого я таким уродился, и в кого я пошел «красотой».

- Не говори так.

- Мам, ты как? – озабоченно поинтересовался Степан, растеряв напускное веселье.

- Спала как убитая. Спасибо Добрынину. Представляешь, Степ, мне приснился Сережа. – Мать сникла и пробубнила под нос, - к дождю, наверное. Покойники всегда снятся к дождю... Да, будет дождь, я так думаю... Степочка, ты обязательно возьми с собой зонт... Ты поздно вернешься?

- Я позвоню.

Сын отступал к двери спиной, мать сидела на кровати и провожала его взглядом. Сын развернулся, сделал шаг, снова повернул голову, и его сердце тревожно забилося. Мать была такой незащитной, такой несчастной, что он, дойдя до прихожей, вернулся к матери быстрым шагом, присел возле нее на корточки, положил голову на ее колени и почувствовал себя счастливым и успокоенным. Зачем ему куда-то идти? Зачем оставлять мать одну? Ради кого? Ради Светки, к которой он не испытывает никаких чувств? Тем более, Светка – чужая невеста. Или ради незнакомой ему женщины, которая может оказаться «ни в его вкусе»? Или он ни «в ее вкусе»? Что более вероятно. Да, у него занижена самооценка, как утверждает мать. А сам Степан считает, что он реально оценивает себя.

Степке совсем не хочется никуда идти. Совсем. И зачем идти, если исход и так ясен.

- Мам, я не пойду, - уверенно заявил он.

- Почему? – без удивления и радости спросила мать.

- Мне не хочется.

- Если ты переживаешь за меня, то зря, я чувствую себя согласно своему возрасту. Горным козлом прыгать не могу, но пойти на прогулку без сопровождающих – вполне.

- А с сопровождающими?

- У тебя есть на примете подходящая кандидатура? – хитро прищурилась Марта Гордеевна.

- Как тебе моя кандидатура?

- Вполне! Но... я не хочу, чтобы ты менял свои планы. И прости меня, сын, за утреннюю выходку.

- Хорошо то, что хорошо заканчивается. А своим планам я хозяин барин – хочу следовать им, хочу меняю на ходу. Сейчас решил изменить.

- А чем мы будем заниматься?

- Прогуляемся по парку, купим торт, пригласим тетю Зину на чаепитие.

- Я согласна, - сразу согласилась Марта Гордеевна и стала приводить с себя в порядок, потому что женщина должна оставаться женщиной в любом возрасте.

Пока она собиралась, Степан позвонил Светлане и извинился. Светка сказала, что она не удивлена, и бросила трубку. Обиделась.

Мать и сын Ефремушкины погуляли по парку, посидели на скамейке, еще прошлись по аллеям парка, покормили белок семечками, прямо с ладошек, потом направились в кондитерскую, купили любимый торт Марты Гордеевны – торт «Прага», неспешным шагом вернулись домой, заварили чай и пригласили соседку Зину.

После затяжного чаепития играли втроем в лото, много смеялись. Ближе к одиннадцати на город обрушился проливной дождь.

- Ну, что я говорила - будет дождь, - зевая, произнесла Марта Гордеевна, стоя у окна.

- Это не дождь, это светопредставление, - проговорила Зинаида, испугавшись раската грома и молнии, ударившей в землю. – Ой, да ты, Марта, спишь на ходу. Пойду я. Спасибо за торт, за компанию.

- И тебе спасибо, Зина.

Степан проводил гостью и вернулся к матери.

- Ну, и погодка, - сообщила она сыну. - Хорошо, что ты дома... Хорошо?

- Хорошо... Мам, ты не забыла выпить лекарство? – вспомнил он. – А то я не проконтролировал.

- Не забыла... И опять хочу спать. – Марта зевнула. – Сейчас приму душ и лягу, - сообщила она сыну, но с места не сдвинулась. – Степ, правда, это доктор симпатичный?

- Не нахожу, - обронил на ходу сын и скрылся на кухне.

Марта Гордеевна была погружена в свои мысли, поэтому не заметила его ухода.

- Надо бы с ним подружиться: вот так легко, без лишних проблем устанавливает диагноз. Ни тебе УЗИ, ни «кишку» глотать не надо, ни анализы сдавать... Есть диагноз, есть необходимые препараты. Всего лишь бери и пей согласно списку... Легко и просто. И шарики его... не горькие... Степ, почему ты молчишь? – повысила голос мать, по-прежнему наблюдая за непогодой на улице.

- Я на кухне... - громко сообщил Степан и вскоре появился в комнате. Кое-что из ее речи он все же слышал и не сдержался, - а мне этот доктор не показался симпатичным. Он... какой-то неестественный... Ненатуральный.

- Что ты имеешь в виду?

- Как будто усы не его собственные, а приклеенные. Как в третьесортном кино, - подумав, ответил Степан.

- Усы ему не понравились, - в пустоту отреагировала мать и все же обратилась к сыну, - ты к нему пристрастен. А должен быть благодарен за внимание к твоей матери, сложному пациенту «со своими тараканами».

- Пока еще рано быть благодарным. Надо увидеть результаты его лечения. Пока, если честно, результаты меня тревожат.

- А ты тревожишь меня, - вяло парировала мать. – Кому как ни тебе знать о моей мнительности...

- И умения сделать из мухи слона, - договорил Степа.

- Да, в этом я профессор...

Сквозь сон Степан слышал, как мать за ночь несколько раз вставала, ходила в туалет. Наутро она выглядела осунувшейся.

- Мам, как ты себя чувствуешь? – пожелав матери доброго утра, поинтересовался сын.

- Почки работали на всю катушку, - слабо улыбнулась мать. – Наверное, доктор прописал мне мочегонный препарат.

- Он же сказал, что у тебя в почках песочек. Песочек выйдет, почки очистятся и все будет хорошо! - со знанием дела произнес Степка. - Будет хорошо, девушка Марта? – пошутил он, желая ее расшевелить.

- Конечно, - криво усмехнулась мать.

- Может быть, тебе не нужно пить эти лекарства?

- Добрынин сказал, что от гомеопатических препаратов хуже не будет, - напомнила она. – Сейчас я выпью шарики строго по списку, потом мы позавтракаем.

После завтрака Степан занялся уборкой квартиры, мать пристроилась в кресле у окна с книгой в руках. Сегодня на улице ярко светило солнце, выпаривая лужи, оставшиеся на асфальте от вчерашней непогоды. Окно было распахнуто настежь, занавеску шевелил слабый ветерок. На соседнем дереве громко выясняли отношения воробьи, отвлекая мать от чтения. Она время от времени отрывала взгляд от раскрытой книги и смотрела вдаль, в никуда, как казалось сыну, державшему безобидный процесс чтения на контроле.

Марта Гордеевна была погружена в свои мысли, а книгу использовала для отвода глаз: чтобы сын не донимал вопросами о здоровье.

Но сына обмануть было сложно. Поведение матери его беспокоило: она изменяла самой себе – обожала, когда вокруг нее порхают, а теперь сидела тихо, как в читальном зале, и как будто осмысливала каждую прочитанную страницу шедеврального романа, сложного для мгновенного восприятия.

Сегодня Марта Гордеевна не «чистила перышки», сделала необходимые утренние процедуры, не более того. А ведь знала, что скоро заявится вчерашний «симпатичный» доктор Добрынин. Забыла? Степан напомнил ей, на всякий случай. Мать лишь кивнула и снова уткнулась в книгу. Читальный зал.

Степан занялся уборкой квартиры, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Но время от времени заглядывал в комнату матери, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Видимо, у матери появился третий глаз на затылке: при очередном его появлении, она не повернула головы в его сторону, но не преминула заметить:

- Степочка, ты уже прибрался в этой комнате, что ж ты постоянно сюда ныряешь.
- Я ищу тряпку, - нашелся Степочка. – Где-то ее оставил, не могу найти.
- Тряпку, - хмыкнула мать.
- Как ты? – не удержался от вопроса сын.
- Слабость, а так вообще нормально.
- Скоро придет доктор. Прежде надо пообедать.
- Мне не хочется.

Степка уговаривал, мать ни в какую – не хочу и все. Степке тоже не хотелось есть.

На этот раз доктор не опоздал. Выслушал жалобы своей пациентки. Повторил вчерашние манипуляции и прибором, трубкой, минипалой и щупом. Объяснил, что убирает из приема мочегонный препарат, добавляет препарат, богатый калием. Пошурудил в своем саквояже, достал пакетик с травами и пояснил:

- Будете заваривать столовую ложку на стакан кипятка и пить в два приема.
- Что это за трава? – поинтересовался Степан.
- Это листья жимолости.
- Чего-чего? – не поняла мать.
- Листья жимолости. Волчью ягоду знаете? По научному ее называют жимолостью. Это тоже мочегонное средство, слабо выраженного характера. Вам необходимо завершить процесс очищения почек. К тому же жимолость хорошо влияет на процесс пищеварения, что тоже немаловажно.
- С этим у меня большие проблемы, - призналась мать.
- Раз у вас начал выходить песок из почек, то за ним последовал небольшой воспалительный процесс. Жимолость – противовоспалительное и дезинфицирующее средство, кладезь витаминов. В жимолости содержится магний, аскорбиновая кислота, витамины группы В, так необходимые в пожилом возрасте, органические кислоты, микро- и макроэлементы.

Марта Гордеевна никак не отреагировала на «пожилой возраст», что удивительно. Она выглядела безучастной.

Получив деньги, доктор предложил «обращаться, если что...», откланялся и ушел.

- Обращаться, если что, - мысленно повторил за ним Степан, закрывая входную дверь. – Если что? – задался он вопросом.

После выпитых гомеопатических препаратов, мать заметно повеселела, и потребовала вкусной еды. Раскритиковала суп с клецками, который сварил сын, поклевала рыбу на пару, запила отваром. Выпила половину, подумала и допила отвар до конца.

- Тебе же сказали русским языком – делить на два раза, - напомнил сын.
- У меня жажда!
- Пей воду, если жажда.
- Я пойду, вздремну. Ты бы тоже, сынок, поспал, завтра начинается новая трудовая неделя.
- У меня завтра свободный день, послезавтра консультация, на следующий день экзамен у третьекурсников.
- Я и забыла, что сейчас июнь. Скоро у тебя два месяца отпуска. Куда мы отправимся?
- И куда бы тебе хотелось?
- На Майами! - пошутила она...

Мать быстро уснула. Степка послонялся по квартире, потом прилег на диван с книжкой, не заметил, как задремал.

Ему снилась мать. Она, босая, стояла в одной ночной рубашке на холодном бетонном полу подъезда и скреблась в дверь. Не молотила кулаком по двери, а скреблась, осторожно, можно сказать – трогательно. Так трогательно, что Степке во сне захотелось всплакнуть от жалости к ней, босоногой, продрогшей. По непонятной причине он не открывал дверь, не реагировал на мышиную возню за дверью. Он был сторонним наблюдателем. Он видел мать сквозь дверь и ждал непонятно чего. И точно знал – не пустит. Потому что это была ни его мать, а женщина, внешне на нее похожая. Похожая, но не мать. Ее нельзя пускать в квартиру, иначе будет плохо. Всем будет плохо...

Степан проснулся, мысленно порадовался, что не дождался конца мышинной возни за дверью. Прислушался. Тишина. Никакого стука-царапанья. Он взглянул на часы и понял, что проспал всего полчаса. Что-то его разбудило. Снова прислушался. Даже дыхание задержался, как будто погрузился в воду без спецсредств. Тишину квартиры разбавляли кухонные настенные часы, чье тиканье походило на шуршание, опять же мышинное.

Степа нарочно повертелся на диване – прибавил к часовому шуршанию скрип мебели. Отчего-то разозлился, сполз с дивана и на цыпочках направился в комнату матери. Скрипнул дверью, скривился от звука, просунул голову в узкую щель, строго по размеру головы, чтобы избежать лишнего скрипа.

Сначала Степка зажмурился от напряжения, потом оценил комнату сквозь прищур. Мать лежала в той же позе, что и вчера. Он уже собрался ретироваться, заняться приготовлением ужина, но вдруг замер в неудобной позе. Что-то не так.

Он не услышал неровного, как накануне, дыхания.

Степан просочился в комнату, на цыпочках приблизился к кровати. Присел. Присмотрелся, пытаясь увидеть поднимающуюся и опускающуюся грудь спящего человека. Не увидел. От волнения, не отдавая отчета своим действиям, поправил легкое покрывало, и только потом осторожно приложил ухо к левой части груди.

Сердце матери играло с ним в прятки. Его собственное сердце ринулось на поиски, предприняв попытку выпрыгнуть из груди.

- Тихо-тихо, - пролепетал Степа и повторился, - тихо-тихо... Ничего не произошло... Ничего страшного не произошло... Сейчас я ее разбуджу... да-да, сейчас... Ма-ма, - по слогам произнес сын, стараясь, чтобы голос не дрожал. Боялся ее напугать.

Хотелось кричать, вопить, трясти, бегать по потолку. Делать, что угодно, чтобы она только вздохнула, открыла глаза, поморгала, улыбнулась, откашлялась и спросила: «Сынок, что случилось? Чем ты напуган?»

А он бы уткнулся в ее колени, и тихо скулил, как щенок. От счастья и понимания – всё обошлось.

Он не нашел ничего лучше, как уткнуться в еще теплый живот и затихнуть.

Он не знал, сколько времени так просидел. Где-то в гортани застрял тот звук, который помог бы справиться.

Когда понимание вернулось, Степан приказал себе заплакать, чтобы стало чуть легче, совсем немного, чтобы... потом осознать, принять, чтобы что-то делать, куда идти. Потом вспомнил слова отца – «мужчины не плачут» - и... завыл.

Он выл долго и, наверное, громко, потому что соседка услышала непонятные звуки сквозь толстые стены старого дома и позвонила в дверь.

Он не открыл, он выл по-прежнему и боялся замолчать, потому что тогда его прежняя жизнь закончится. Так он для себя решил.

Зина вернулась в свою квартиру, взяла запасной комплект ключей, открыла замок и вошла...

Степан плохо помнит, что произошло потом, когда пришла тетя Зина, оттащила его от тела матери... Кажется, приезжали врачи. Кажется, приезжали полицейские. Кажется, Степа сидел на кухне и отвечал на их вопросы.

Или ему снился кошмарный сон? Сейчас он проснется, войдет в комнату матери, разбудит ее, они пойдут гулять в парк...

Когда в квартире стало очень тихо, так тихо, что у Степана заложило уши, он вышел из кухни. Направился в комнату матери и столкнулся с тетей Зиной.

- Где она? – чужим голосом спросил он.

- Ее увезли... в морг. Будут делать вскрытие, чтобы установить причину смерти.

- Она умерла?

- Степа, пойдём ко мне, - ласковым голосом пригласила Зинаида Марковна. – Переночуешь у меня, так будет лучше.

- Я не могу оставить маму одну, она больна. Я ей не верил, а она говорила...

Зина заплакала, уткнувшись с плечо Степана. Она автоматически погладила ее по голове – успокоил. Поделится новостью:

- Вчера маме приснился отец, она сказала, что покойники снятся к дождю. Так и вышло – к ночи пошел дождь.

- Он позвал Марту с собой. Теперь они встретятся...

Через два дня Степана Ефремушкина вызвал к себе следователь.

Все это короткое время после смерти матери Ефремушкин размышлял и пришел к выводу, что ее смерть была не случайной. Не естественной. И вызов к следователю тому подтверждение. Естественно, Степану хотелось повернуть время вспять – чтобы мать была жива, они мирно с ней переругивались. Чтобы не было встречи с Светкой, не было приглашения на день рождения ее подруги, а следовательно, не было бы симуляции. В результате не пришел бы доктор Добрынин, который занимается нетрадиционными методами лечения. И здесь важно следующее – инициатором вызова того самого доктора был Степан. Значит, он тоже причастен к смерти матери.

И как с этим осознанием жить?

По дороге в следственный отдел Степан уговаривал себя не опережать события, следователь пригласил его... да, мало ли зачем его пригласил к себе следователь! Вдруг подобная процедура необходима. Он хочет задать какие-то вопросы, что-то уточнить, чтобы в итоге закрыть уголовное дело в самом начале за отсутствием состава преступления. Возраст, недуги, непостоянство погоды...

Не сказать, что голова Ефремушкина работала четко, голова работала со сбоями, но иначе и быть не могло – все-таки смерть самого близкого и родного человека. Возможно, сбой в работе головного мозга – своего рода защитная реакция. Не будь этой защитной реакции, еще не известно, что произошло с ним дальше...

Перед дверью кабинета следователя Степан вдруг осознал: это не обычная процедура перед закрытием уголовного дела.

Следователем оказался невзрачный мужичонка. Встретив его на улице, Ефремушкин никогда бы не подумал, что он занимает ответственную должность. И не потому что он был неухожен, невелик росточком, а на голове топорщились три волосины: Степана поразило лицо следователя – отечное, как после беспробудной пьянки, и глаза с красными прожилками. Степан подумал, как таких держат в следственном отделе? И еще подумал: этот «спустит дело на тормозах». Конечно, если уголовное дело имеет место быть.

С первой минуты следователь Азарх Максим Гаврилович вызвал у Степана Ефремушкина неприязнь. Говорил он отрывисто, поглядывал на Степана с презрительным осуждением, словно в чем-то его подозревал и удивлялся, как таких, вообще, земля носит. В чем получал удовольствие Азарх, так это в том, что он говорил. Не просто говорил, а бросал обличительные слова в лицо человека, сидящего напротив, тем самым оправдывал

пристрастное к нему отношение. И пусть пока ему не предъявлено обвинение, но это дело времени. И он, следователь Азарх, обязан предоставить суду доказательства ужасного преступления, совершенного этим недочеловеком.

Именно из-за презрения, в котором утонул Степан Ефремушкин, он не смог разобрать слова следователя. Ефремушкину казалось, что тот говорит на непонятном ему языке, тарабарщина какая-то, а не язык. Или опять самозащита? Он выстроил стену непонимания, чтобы слова следователя, ужасные, не достигли его ушей. Его слова не могут иметь отношения к Степану. Нет, не могут. Или разум следователя помутился?

- Вы могли бы повторить еще раз? – с трудом ворочая языком, осмелился попросить Ефремушкин.

Теперь к презрению, словесному и визуальному, добавилось гипнотическое омерзение в купе с поиском подручных средств для уничтожения – так смотрят на таракана, гипнотизируют и ненавидят, одновременно шарят в поисках тапка, газеты, чтобы прихлопнуть это мерзкое насекомое.

Следователь Азарх сверлил взглядом недочеловека и шарил руками по столу – искал подручные средства, чтобы одним махом уничтожить, оставить мокрое место.

Всякого повидал на своем веку следователь со стажем, но, чтобы так смаковать его заявление... Мазохист...

Следователь Азарх с трудом взял себя в руки, некоторое время посидел, сцепив пальцы в замок, и беспристрастным, как ему казалось, тоном проговорил:

- Степан Сергеевич, сегодня я получил заключение судмедэксперта о причине смерти вашей матери, Марты Гордеевны Ефремушкиной. – Он выдержал паузу, все-таки поднял глаза на посетителя, которого перестал мысленно называть недочеловеком, и покачал листом бумаги, зажатым пальцами. - Итак, смерть Марты Гордеевны Ефремушкиной наступила от... отравления подкормкой для цветов...

- От... чего? – поперхнулся Степан.

- Подкормкой для цветов, - услужливо подсказал Азарх. – Вас это удивляет?

У Степана не было ответа на этот совершенно глупый вопрос. Какими бы окольными или не окольными путями в своих размышлениях Степан не приближался к причине смерти матери, он мог предположить что угодно: врачебную ошибку, не ту реакцию на препараты, на которую рассчитывал доктор, обострение хронического заболевания, одного или всех сразу, даже смерти по неосторожности – мать могла сама переборщить с дозой гомеопатических препаратов, хотя, доктор уверял, что вреда они не приносят, но у разных людей происходит по-разному, в зависимости от особенностей организма. Что угодно мог предположить сын покойной, только не предумышленной убийство. Кто мог его совершить? Зачем?

- Степан Сергеевич, мне продолжать? Или вы пропустили только начало?

- Вы сказали... не всё? - оступело спросил Ефремушкин.

- Значит, пропустили, - с ядовитой радостью догадался следователь и, не обращая внимания на Степана, продолжил, - как я успел заметить, в вашей квартире на подоконниках достаточно много горшков с комнатными цветами.

- Вы заметили? Вы были в нашей квартире? - перебил его Степан.

- Хм... Был в тот самый день, когда скончалась ваша матушка. Я вас опрашивал. Вы не помните?

- Нет, простите.

- Вы не извиняйтесь, это и понятно, - без ноток сострадания заметил Азарх Максим Гаврилович.

- Что вам понятно? – набычился Степан. - Вы на что намекаете?! – Недавнее заявление следователя об отравлении матери подкормкой для цветов не сыграли с ним злую шутку – не отключили мозги окончательно, напротив, Степан как будто окончательно очнулся, пришел в себя, и голова заработала четко.

- Я знаю, что у вас с матерью были сложные отношения, - выдержав паузу, проговорил безразличным тоном Азарх Максим Гаврилович. Безразличие давалось ему с трудом. - Она запрещала вам, взрослому мужчине, встречаться с женщинами. ТERRORИЗировал вас, придиралась по пустякам. Будете отрицать, что ваша мать была категорически против вашей женитьбы?

- Кто вам сказал всю эту чушь?! Я не собирался жениться! У меня нет невесты!

- Потому и нет, что мать была категорически против ваших тесных общений с женщинами.

- Вы сами это придумали?

- Я ничего никогда не придумываю, - твердо выговорил следователь. – Я руководствуюсь фактами.

- И кто вам предоставил эти... факты?

- О ваших сложных отношениях с матерью мне известно со слов Егора Тертычного.

- Егора Тертычного? И вы ему поверили?! - задохнулся от возмущения Степан. - Как можно верить человеку, который «не дружит с головой»!

- А Тертычный уверяет, что это вы... «не дружите с головой», - с необъяснимым для Степана удовлетворением заметил следователь, посмотрел на него, как на человека, судьба которого ему ясна и понятна, и задал вопрос, судя по тону, не требующий ответа, - и зачем Тертычному оговаривать вас?

Но Степан ответил, и ответ был малоутешительным для него:

- Не знаю.

- Вот видите – у Тертычного не было причин оговаривать вас.

– Возможно, он мне мстит, - «схватился за соломинку» Ефремушкин.

- За что? – опешил следователь.

- Этот человек мне несимпатичен, причем давно, с детских лет, и я никогда не скрывал свое отношение к нему. Егор решил мне отомстить.

- Просто так, без причины, он вам несимпатичен?

- Он хитрый и изворотливый.

- Его хитрость и изворотливость каким-то образом касались вас? Как-то влияли на вашу жизнь или жизнь ваших близких?

- Егор приходится Зинаиде Марковне Крашенинниковой внучатым племянником, тетя Зина мне не просто соседка и близкая подруга моей матери, я знаю ее всю свою сознательную жизнь, она родной мне человек, а Егор Тертычный... он... хочет завладеть ее жилплощадью.

– Степан понимал, что несет полную чушь, ведет себя, как маленький мальчик, которого оклеветали, а он пытается поквитаться, но не может найти подходящих аргументов в свою защиту и подходящих доводов, объясняющих поведение Егора Тертычного по прозвищу Скворечник.

- А Тертычный уверяет, что вы, Степан Сергеевич, постоянно настраиваете против него его бабушку, Зинаиду Марковну Крашенинникову. А что касается желаний Тертычного завладеть жилплощадью, то могу я поинтересоваться: у вас есть доказательства? Вы что-то знаете со слов Крашенинниковой? Она вам жаловалась?

- Во-первых, я никого не настраивал, просто говорил, что Егор плохой человек, что ему нельзя доверять. Тетя Зина добрый и доверчивый человек, она любит Егора, а любовь, как известно, слепа... Возможно, мое заявление основано на эмоциях... И тогда, и сейчас... Но как иначе, если тебя голословно обвиняют в том, что ты не совершал.

- А тогда? Тогда вас тоже в чем-то обвинял Егор Тертычный?

- Я не понимаю, о чем вы говорите... Тогда? – опомнился Степан. – Никто меня ни в чем не обвинял. Я же говорю – я чувствую, что от Скворечника, простите, Егора Тертычного, идет отрицательный заряд энергии. Вам сложно это понять...

- Куда уж мне, - хмыкнул Азарх.

Ефремушкин подскочил, снова сел на стул, и, глядя в пол, отрешенно проговорил:

- Я... отравил... свою мать. Уму непостижимо. Кому может такое в голову прийти. – В его голове не было возмущения, убедительности. Непонимание, безразличие и обреченность.
  - Следственным органам может прийти ТАКОЕ в голову, - брякнул Азарх и перешел на официальный тон, - гражданин Ефремушкин, вы задержаны по подозрению в убийстве своей матери, Марты Гордеевны Ефремушкиной.
- Мир Степана, и без того слегка наклоненный, теперь окончательно перевернулся с ног на голову...

Глава четвертая

Желание превыше всего

Степан Ефремушкин, не ожидавший еще одного удара судьбы, все же его получил – оказался в следственном изоляторе. Пусть этот удар был менее чувствительным, чем первый – смерть матери, но тоже не сахар сахарный, в итоге Степан опять погрузился в себя. Вероятно, погружение в себя стало самозащитой, чтобы окончательно не сойти с ума. Степан мало что понимал, он заикнулся на одном – его матери больше нет. О будущем не думал. И какое может быть будущее без самого близкого человека, самого надежного друга. Да, мать для Степана была другом, пусть слегка эгоистичным, но «красной черты» она никогда не переходила, понимала, когда нужно замолчать, чтобы не переполнить чашу его терпения...

Следователь Азарх регулярно вызывал Ефремушкина на допрос, пытался добиться признательных показаний - открыто предлагал пойти на сделку со следствием, в этом случае суд примет во внимание его добрую волю. Азарх уговаривал, грозил, рассказывал об ужасах, творящихся в местах заключения. А такому интеллигенту, как Ефремушкин, там придется ой как несладко. И еще не известно, отсидит ли он назначенный по суду срок, немалый без чистосердечного признания, до конца.

Степан будто бы не слышал слов неприятного следователя, твердил свое: когда ему отдадут тело матери для захоронения?

Степан жил в своем мире, страха и непонимания, следователь – в своем мире, сдерживаемой ненависти и уверенности в своей правоте.

Ефремушкин почти ничего не ел, все больше погружался в себя. На третий день он как будто очнулся, осмотрелся, осознал, где находится, и понял одно - он должен доказать свою невиновность. Молчанием делу не поможешь, как и пустопорожней болтовней, не подкрепленной доказательствами.

Степан попытался здраво размышлять. Здравое – громко сказано. И как будешь здраво размышлять, если в голове один вязкий туман, похожий на жидкую манную кашу – так он сам для себя определил. Хотелось одного - биться головой о холодную стену, но Степан себя отговорил от опрометчивого и неоправданного поступка, который, уж точно, делу размышления не поможет, голову от вязкого тумана не очистит. Но все же не выдержал и приложился лбом к холодной стене. Некоторое время постоял в позе сбрендившего мыслителя, прислушиваясь к своим ощущениям. Кажется, в голове слегка прояснилось.

Соберись! – мысленно приказывал себе Ефремушкин. Повторял вновь и вновь, словно зазубривал диковинное слово. Под конец обозвал себя болваном и нервно взъерошил ежик волос.

Начал вспоминать недавнее прошлое. Благодаря воспоминаниям, до этого кое-как скрученных в клубок, а теперь постепенно распутываемых, туман в голове начал медленно уходить. Степан сообразил: его мозги закисли без тренировки. Похвалил себя: молодец, успел запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда под названием антибезумие - нормальное психическое состояние. Сейчас повисит на подножке, проветрит голову,

очистит окончательно от тумана, и приступит к делу. Попытается разложить все по полочкам.

Пусть Степан не испытывает симпатии к следователю, даже больше – Степан относится к нему с неприязнью, но сейчас надо отбросить чувства, руководствоваться главным – поиском настоящего преступника. Одному Степке не справиться, здесь нужна помощь профессионала. И навыков у Степана нет, и профессия, пусть и научила логическому мышлению, обогатила физико-математическими знаниями, но не позволяет, сидя в камере, вычислить убийцу собственной матери.

Если, конечно, смерть была насильственной.

Именно насильственной, раз его задержали и держат в следственном изоляторе почти трое суток.

Кое-что из юриспруденции Ефремушкину известно: если у следователя нет доказательств вины подозреваемого, пусть мизерных, то подозреваемого нельзя держать в камере более трех суток. Очень хочется на это надеяться...

Но жить-то как? Как жить с осознанием того, что тебя подозревают в отравлении?! И не абы кого, а собственной матери! Это каким же надо быть извергом рода человеком, чтобы расправиться с человеком, благодаря которому ты появился на свет?!

Ненавистное отношение к нему следователя стало понятным. Получается - у следователя есть доказательства его вины? Скворечник постарался – предоставил. Но это полный бред, а не доказательства.

Степан вдруг вспомнил слова матери о том, что Егор Тертычный, Скворечник, в пятницу был у ее в гостях, якобы забыл ключи от квартиры и решил подождать возвращения бабушки у соседей. Значит, мог воспользоваться подкормкой для цветов, чтобы отравить его мать. Однако мать не говорила, что она оставляла Скворечника без надзора: нелояльное отношение сына к внучатому племяннику Зинаиды невольно передалось ей, на подкормке мозга засело, что Скворечник – гнилой человек, а если гнилой, но доверия к нему нет. Это первое. Второе – откуда Скворечник мог знать, где Марта Гордеевна хранит подкормку для цветов. Даже он, единственный сын и второй жилец в квартире, об этом не знал, как не знал, есть ли подкормка вообще. Кажется, мать удобряла почву комнатных растений, и, кажется, это было еще весной. Как сама мать уверяла: летом нет необходимости в подкормке. Степан может и ошибаться, лишняя информация ему не нужна, только голову ею забивать.

Если мать удобряла почву, то могла использовать не всю отраву, где-то хранила остатки, и что самое невероятное, Скворечник был в курсе – что и где. Если, конечно, он приложил к отравлению руку. То-то и оно - если да кабы, да во рту росли грибы. Допустим, знал. И приложил руку. Возникает вопрос – откуда у Скворечника глубокие познание в области отравлений бытовой химией? Скворечник – двоечник по жизни, далеко не интеллект. Что больше всего раздражает Степана – Егор Тертычный любит рассуждать на темы, в которых совершенно несведущ. Лучше бы помалкивал в присутствии умных людей. Молчал и слушал. А умные люди, типа профессора Ефремушкина, слушая его бред, стесняются осадить и заняться воспитанием и образованием. За свое молчание, за свою нерешительность Ефремушкин злился на себя.

Когда Егор начинал «умничать», Степан скрежетал зубами и покидал помещение. Наедине с матерью осуждал поведение Тертычного, на что мать реагировала одинаково:

- Пусть болтает, тебе-то что. Лично я не воспринимаю его слова всерьез.

- Тоже мне – шалости малолетки, - не унимался Степан, рассуждал об уважении к себе – если слушаешь всякую галиматью, значит, себя не уважаешь.

Мать не перебивала, ждала паузы в монологе сына. Выждав, заявляла:

– Не нужно так остро реагировать на всякую ерунду. Тебе известно, что глупый человек ведет себя глупо и выглядит глупо, с этим ничего не поделаешь. Перевоспитывать Егора поздно, так что уймись и забудь.

- Перевоспитывать никогда не поздно, - парировал Степан, - если ему всё спускать с рук, то неизвестно до какой архиглупости он дойдет!

- Ты выдвигаешь свою кандидатуру на роль воспитателя взрослого парня, причем с завышенной самооценкой? – язвила мать, заранее зная ответ.

Степан возмущенно сопел и мысленно говорил: глаза бы мои его не видели!

Почему Степан испытывал к Егору Тертычному одноуровневую антипатию, он сам не мог толком объяснить. Вот и предстал перед следователем в неприглядном виде, когда пытался охарактеризовать Скворечника.

Даже сейчас, размышляя о Тертычном, у Степана сводит скулы от злости. Степан теряет над собой контроль, не способен здраво мыслить.

Ну, Скворечник, ну идиот первостатейный, дошел-таки до архиглупости – оговорил невинного. Зачем? Какую он преследовал цель?

Мелкая месть, как уверял следователя Степан? Или что-то? Скворечник исполнял чей-то приказ? Тогда без материального вознаграждения здесь не обошлось: Скворечник шагу не сделает без денег. Если всё так, как Степан думает, то у Егора не хватит ума затаиться и выждать, он начнет сорить деньгами. Следовательно, надо взять его под контроль, понаблюдать.

Но как понаблюдать, если Степан находится в СИЗО?!

Но свобода уже брезжит на горизонте – истекает положенный по закону срок задержания. Без всяких оговорок: у следователя Азарха нет на него доказательной базы... Если он не подтасует факты... Этот может... Этот всё может...

Степан не возьмет на себя чужую вину даже под пытками. Он будет стоять на своем и тогда его выпустят на свободу, пусть под подписку.

Опять же у следователя имеется прекрасная характеристика на Степана Сергеевича Ефремушкина с места работы. Об этом следователь сам ему сказал, причем ободрил приветом от коллег, их поддержкой – коллеги не верят, что он мог совершить убийство. И сразу, после неожиданных нормальных слов, следователь Азарх опять «влепил пощечину», вкрадчиво поинтересовавшись:

- Знают ли коллеги о ваших проблемах с психикой?

На что Степан быстро отреагировал, выпалив:

- Таковых проблем у меня нет!

- Нет и не было? – вкрадчиво уточнил Азарх. Не дождавшись ответа, вернулся в далекое прошлое, в детство Степана. Оказывается, информация о прошлом Ефремушкина получена из тех же рук – от Скворечника, который знает о проблемах Ефремушкина из разговора бабушки Зины и Марты Гордеевны. Якобы стал случайным свидетелем.

Хочешь временно лишиться ума Степана, заговори в его присутствии о Егоре Тертычном. Азарх это понял, и использовал прием с одной целью – чтобы подследственный обронил неосторожное словцо, которое выдаст его с головой. Просчитался гражданин следователь. Временное помутнение рассудка ведет в одному – к косноязычию и усилению ненависти, причина которой по-прежнему не поддается объяснению. Так вышло и в этот раз.

- Я же говорил: Тертычный низкий тип. Он постоянно подслушивает, выведывает, чтобы потом использовать полученные неправомерным путем сведения в своих корыстных интересах. Он подлый человек, - ровно проговорил Ефремушкин, в голове которого вертелось много «лестных» эпитетов, характеризующих Скворечника. Ровный тон давался ему нелегко. Помутненным антипатией сознанием понимал – лучше промолчи, не веди себя как мелкий ябедник! Но совладать с собой был не в состоянии. Вроде «Ното», но совсем не «sapiens». Видели бы его коллеги и студенты!

- Сколько характеристик на одного Тертычного! - восхитился в ответ за заявление, похожее на ябедничество, Азарх Максим Гаврилович. Хитро прищурился и спросил, - и все-таки, чем он вам так сильно насолил?

- Ничем, до сегодняшнего дня.

- Наверное, вы его постоянно унижали и сами этого не замечали, - решил на предположение Азарх.

- Вы сами себе противоречите – если Тertyчный затаил на меня злобу, значит, он меня оговорил, из мести. Но я его никогда не унижал, много чести вести с ним беседы разного характера. Если человек мне неприятен, я стараюсь его избегать, - протараторил Степан.

- Крашенинникову настраивали против внучатого племянника? – набросился на него следователь, перестав быть добродушным дядечкой.

- Опять вы за свое! - закатил глаза Ефремушкин. - Не настраивал, но о моем к нему отношении тетя Зина знает, и у нее есть свое мнение на этот счет, причем это мнение не меняется в течении двух десятилетий.

- Получается, Тertyчный не так плох, как вам кажется. По крайней мере, с бабушкой он отлично ладит, ни в каком коварстве та его не заподозрила.

- Любовь слепа, - зациклился Ефремушкин.

- Ну да, ну да, - задумчиво согласился Азарх...

Степан решил поведать следователю о незначительной, на первый взгляд, детали, - о визите Егора в их дом, в пятницу. Кто бы мог предположить, какой трагедией закончится неделя. Но почему-то Степан связал два события – визит и трагедию.

Новость не послужила взрывом - Азарх Максим Гаврилович не нашел связи между визитом Скворечника в пятницу и смерти матери в воскресенье. Следователя нисколько не удивило, что Крашенинникова, как оказалось, не отлучалась из квартиры, была дома, но звонка в дверь не слышала.

Ефремушкин начал жарко объяснять, поразив следователя своим напором, что поведение Скворечника очень подозрительно и все в таком духе. Когда выдохся, следователь с плохо читаемым сочувствием и явным осуждением произнес:

- Эх, Степан Сергеевич, Степан Сергеевич, не надо искать в темной комнате черную кошку. Тем более тогда, когда ее там нет...

Разговор с Азархом произошел накануне, когда Степан для себя решил, что надо успеть прыгнуть в последний вагон уходящего поезда. Но, «благодаря» туманной каше в голове ничего вразумительного Степан следователю не поведал.

Ночью, что удивительно, Степан впервые за все время в СИЗО хорошо выспался. И теперь, когда в голове почти светло и ясно, он восстановил по памяти допрос у следователя. Попытался четко вспомнить интонации Азарха, его взгляд, его отношение.

Степану показалось или на самом деле Азарх перестал смотреть на него, как на мерзкое насекомое? Или это игра – был плохим следователем, не сработало, решил стать хорошим следователем, добрячком, авось сработает. Один раз всего не сдержался.

Степана всегда подкупала искренность визави. Он остро чувствовал ложь, подвох – считал себя проницательным, рентгеновским аппаратом, - все-таки есть немалый опыт общения со студентами, готовыми на любую выходку в достижении цели. Вчера в разговоре со следователем он подвоха не почувствовал. На этот раз Азарх над ним подтрунивал, когда речь касалась Скворечника: сколько характеристик на одного Тertyчного! И когда спрашивал, чем тот ему насолил, в голосе не было прежнего недоверия, усталого презрения от несговорчивости, было желание разобраться в причинах, о которых Степан пока сам не догадывается.

Прежние интонации, неприятные, в голосе проскользнули, когда следователь рассуждал о Тertyчном. Или Степан снова выдает желаемое за действительное? Пусть будет второе.

О чем говорят прежние интонации, ныне направленные на другую личность, названную в быту Скворечником? Азарх что-то «накопал» на Скворечника и попытался найти подтверждение у подследственного Ефремушкина, который знаком с Скворечником достаточно давно. У подследственного Ефремушкина, ученого физика, позднее срабатывание по причине тумана в голове. Ученый физик показал себя не с лучшей

стороны, чем не сильно огорчил следователя, решившего поквитаться: о проблемах с психикой заявил скрытно-глумливо, издевательски. Но на устах была улыбочка доброго дяди следователя.

Игра? Или Ефремушкин вскоре перекочет из стана врагов Азарха в стан временных союзников? Хотелось бы...

Неужели Скворечник? Неужели он отравил мать? Скворечник способен на убийство? Но Степан сам утверждал, что Скворечник - подлый и гадкий типчик. И это еще не все отрицательные черты.

Степана осенило: а ведь Скворечник искусно водил всех за нос, скрываясь под маской... глупого человека. Если глуп, то неспособен на коварство? Тяму не хватит придумать план мести и претворить план в жизнь? Тогда что подразумевается под архиглупостью? Подлость высшего ранга – клевета с отягощающими последствиями, как в случае с Ефремушкиным. Называется, отомстил.

Одно дело - клевета, другое дело – убийство.

Для убийства должна быть причина, как ни кощунственно это звучит. Зачем Скворечнику расправляться с близкой подругой его бабки? Что она ему сделала? Пусть не изливалась в любви, не целовала при каждой встрече, но и свое нелояльное отношение не выражала ни словом, ни взглядом.

Ефремушкин попытался восстановить по памяти рассказ матери.

Скворечник заявился, чтобы дождаться возвращения Зинаиды Марковны. Матери ничего не оставалось делать, как пустить его в квартиру. Случалось ли подобное прежде? Степан не упомнит. Мать могла не делиться такими несущественными деталями, чтобы лишний раз не упоминать имя Егора, не раздражать сына. Что называется – красная тряпка для быка.

Но последний раз доложила. Зачем? Хотела переключить внимание? Или что-то предчувствовала?..

Живет по соседству парень. Ничего плохого никому не делает. Ходит мимо, здороваётся, открыто никому не противостоит, иногда вступает в разговор – лучше бы этого не делал, не сражал наповал своим «заумным» разглагольствованием, - будто бы ничего необычного, разные люди, разные умы, разное воспитание, но с первого его появления возникло неприятие. Понимаешь – нехороший, это мягко сказано, человек. С гнильцой. От этого жди беды. Время идет. Ничего не происходит. Неприятие усиливается, перерастает в неоправданную ненависть. Стараешься не вспоминать о человеке с гнильцой. Но время от времени встречаешься с ним, здороваешься, пытаешься прошмыгнуть мимо, чтобы быстрее забыть, не соприкоснуться, не дай бог, с бедой. Так кажется? Или нелюбовь глубоко пустила корни благодаря самому тебе: отчего-то нравится беспричинно ненавидеть. Он соткан из гадостей, ты, на его фоне, выглядишь положительным героем.

В таком случае, откуда взялась зависть? Было бы чему завидовать – наглости?! Но это так. Или завидуешь легкости, с которой он идет по жизни? Ты из всяких мелочей делаешь проблему, у него проблем нет. Ты все рассчитываешь, все планируешь, он живет одним днем, живет и наслаждается. Тебя это злит. Ты жаждешь мести. Но прикрываешься его местью и детским ябедничеством... Детский сад, штаны на лямках – иначе не скажешь.

Степан решил переключиться с одного неприятного типа, Скворечника, на другого, пусть менее неприятного, следователя Азарха, отношение к которому у Степана постепенно менялось. И причина медленного разворота на сто восемьдесят градусов была не в собственном бессилии и некомпетенции в вопросах расследования преступления: Степан начал понимать, что для следователя еще ничего не ясно, что он не собирается всеми правдами и неправдами повесить вину за отравление пожилой женщины на ее сына, на него. Первоначальное мнение было ошибочным.

Степану вспомнились слова Азарха о темной комнате и черной кошке. Неужели следователь настолько мудр, что раскусил философию Степана раньше, чем он сам сознал свой жизненный принцип?

Это неправильная догадка. Всё не так.

Это заблуждение.

Скворечник на самом деле нехороший человек. Человек со скрытыми садистскими наклонностями. Наклонности проявились сейчас. До этого он не решался их проявить. Теперь решился. Жертва была случайной. Безобидной, слабой. Можно предположить, что поначалу он метил в Степана. Но испугался. Превзошел себя в коварстве, одним ударом убил двух зайцев. Вот тебе и глупец...

Азарх сделал неправильный вывод. И с черной кошкой он неправ: кошка есть, и забрела она в темную комнату неслучайно. На то были свои причины.

А у Степан была и есть причина для ненависти. Только правильно ее сформулировать он не в состоянии, несмотря на ученые степени и незаурядный ум. В данном случае, ум зашел за разум, как говорили в детстве.

Ефремушкин вспомнил слова Вольтера: «Случайностей не существует – всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие»...

Оставшееся время Степан посвятил осмыслению высказывания Вольтера, пытаясь понять, почему с ним всё это произошло? К определенному выводу так и не пришел, не успел до конца предаться философствованию – повели в кабинет следователя.

- Ничего нового я вам сообщить не могу. Признаний от меня вы не дождетесь ни-ког-да, - сразу заявил с порога рассерженный Степан Ефремушкин.

Азарх скривил рот и молча подсунул к нему бумагу.

- Что это? – спросил Ефремушкин.

- Подписка о невыезде. Вы не имеете права покинуть город до окончания следствия.

- Меня отпускают? – не поверил Степан, вдруг позабыв об этом варианте развития событий, и забросал следователя вопросами. – Вы мне поверили? Вы нашли убийцу моей матери? Неужели преступление совершил Тертычный?

При каждом вопросе следователь кривился как при зубной боли и по-прежнему молчал. Лицо выражало только одно: «Шел бы ты отсюда подобру-поздорову».

Покинуть кабинет следователя Степан не спешил, хотя, три дня мечтал об этом.

- Ответьте – это Тертычный сделал? - твердо выговорил Ефремушкин.

Азарх Максим Гаврилович ответил вопросом на вопрос:

- Степан Сергеевич, почему вы мне не рассказали о визите в ваш дом врача-гомеопата накануне смерти вашей матери?

- Упустил из вида, - промямлил тот.

- А если честно?

- Если честно, я не верю, что доктор Добрынин причастен к смерти матери.

- Откуда такая уверенность?

- Плохих специалистов в клинике не держат. Тем более, Добрынина мне порекомендовал мой приятель, который руководит в клинике кардиологическим отделением. Мы знакомы много лет через его супругу, с которой мы вместе учились.

- Не захотели товарища подставлять, так и скажите.

- И это тоже, зачем зря наговаривать на человека, которому я многим обязан. Он часто меня выручал... - Степан осекся, ошарашенно взглянул на Азарха и так же ошарашенно пробормотал, - Добрынин? Он... сознался?.. Быть такого не может. Я не верю.

Следователь попытался, попеременно по столу папки, после чего пробубнил:

- Добрынин, Добрынин, Добрынин.

- Что Добрынин? Он намеренно отравил мою мать... этой... как ее... жимолостью? Вовсе не подкормкой для цветов? Первоначальное заключение судмедэксперта было ошибочным?

- Заключение судмедэксперта было верным.

- Получается, Добрынин не убивал? Тогда кто это сделал? И причем здесь подкормка для цветов?

- Степан Сергеевич вы меня утомили. Идите домой, поздно уже.
Ефремушкин не обратил внимания на предложение.
- Я хочу знать правду. Я имею право знать правду? С меня сняты обвинения?
- Если не вы убили настоящего Добрынина?
- Что я с...сделал? – с легким заиканием спросил Степан.
- Не вы убили настоящего Добрынина?
- Настоящего... - автоматически повторил Ефремушкин, встрепетулся и испуганно поинтересовался, - тогда кто приходил в наш дом?.. К нам приходил у...убийца?
- Получается. Мы нашли тело настоящего врача-гомеопата Добрынина Федора Ильича.
- Где нашли? – на всякий случай уточнил Степан, посчитав это важным.
- В подвале вашего дома. По всей видимости, преступник знал о его визите к вам, ему было известно время. Когда настоящий доктор Добрынин зашел в подъезд, преступник набросил ему на шею удавку. Добрынин не ожидал нападения, не оказал никакого сопротивления. После убийства преступник затащил тело жертвы в подвал, благо дверь в подвал была открыта, возможно, он заранее об этом позаботился. Кое-как спрятав тело, он прихватил саквояж и отправился к вам.
- Когда вы об этом узнали?
- Сегодня утром в подвале вашего дома был обнаружен труп неизвестного мужчины. Труп обнаружил работник жилконторы, обслуживающей ваш дом. Он пришел снимать показания общедомовых приборов учета.
- Ничего себе поворот.
- Вы, Степан Сергеевич, не думайте, что я нашел «преступника» в вашем лице и сидел, сложа руки. Я разрабатывал все версии преступления. О визите доктора я узнал от вас, в день убийства. Вы были ни в себе, но отвечали на мои вопросы четко, пусть односложно, но на большее я не рассчитывал. Меня удивило, что после на допросах вы не сказали о нем ни слова. Я решил, что вы были в сговоре. Я обратился в диагностический центр на предмет разговора с доктором Добрыниным. Мне ответили, что доктор Добрынин с понедельника находится в отпуске. Я направился по месту его прописки. Дома его не оказалось. Живет он один. Соседка сообщила, что не видела Федора Ильича с утра субботы. Я получил санкцию, мы вскрыли его квартиру в присутствии понятых. Вся обстановка в квартире говорила о том, что хозяин готовился к поездке, но исчез, не прихватив никаких вещей, из заранее приготовленных. Я объявил Добрынина в розыск. Когда сегодня в подвале вашего дома было обнаружено тело неизвестного мужчины без документов, явно несоответствующее личности без определенного места жительства, я сразу выехал на место. Мои догадки подтвердились. Тело принадлежит Добрынину Федору Ильичу.
- У вас есть фото настоящего Добрынина? Желательно при жизни, - попросил Степан.
Азарх открыл папку, покопался и протянул фото мужчины.
Этот человек совсем не походил на того Добрынина, врача-гомеопата, который приходил в дом Ефремушкиных в субботу, накануне смерти Марты Гордеевны. Настоящий Добрынин был круглолиц, добродушен, имел короткую стрижку, мясистый нос, оттопыренные уши, по-детски удивленные глаза, хотя выглядел он старше «двойника». Лет пятьдесят.
- Ничего общего с другим Добрыниным, с убийцей, - вынес вердикт Степан, - тот был лысым, с пышными усами. Я еще подумал - как у почтальона Печкина из мультфильма... Что еще? А, брови! Короткие широкие брови. После его ухода, я еще сказал матери, что он выглядит ненатурально. Как будто усы приклеены. Да, и брови тоже можно было приклеить.
- Запомнили что-то еще?
- Он явно нервничал.
- Почему вы так решили?
- Он часто облизывал губы. Я тоже раньше так делал, когда волновался. Долго себя отучал от этой привычки. Со студентами лучше держать ухо востро... - Степан всполошился, - как

же я теперь пойду в институт? Там же знают, что я... что меня подозревают... подозревали... Конечно, это не самое страшное, самое страшное уже случилось... Но как же...

- Я сообщил вашему руководству, что ваше задержание было ошибочным.

- Ошибочным. Вам легко говорить.

- Я приношу вам свои извинения. Но и вы меня поймите. Заладили одно и то же: Тertyчный плохой человек, он то, он се, а про гомеопата ни гу-гу. Сами виноваты.

- Тertyчного надо судить за лжесвидетельствование против меня.

- Можете написать на него заявление...

- Я как-нибудь сам разберусь, что мне делать.

- А дерзить мне не нужно. Вы, Степан Сергеевич, лучше ответьте, откуда преступник мог знать, что к вашей матери должен прийти врач?

- Кто? Да, никто, кроме меня и мамы... Он должен был прийти в два часа дня, но опоздал минут на десять-пятнадцать, которые потратил... О Боже! Как же так: ему хватило десяти минут, чтобы...

- Степан Сергеевич, отбросьте эмоции. Вспоминайте, кто еще знал о визите доктора? Не может такого быть, чтобы никто не знал.

- Говорю же - никто, кроме меня, мамы... и моего приятеля, который работает в той же клинике, заведует кардиологическим отделением. Я вам о нем уже говорил.

- Кто-нибудь из соседей?

- Я не бегал по квартирам с объявлением, - разозлился Степан. Все же взял себя в руки и попытался восстановить хронологию субботнего дня, - я вызвал доктора приблизительно в десять утра. Кажется, так. Мать решила привести себя в порядок, я пошел в магазин, купил продукты, вернулся, по дороге ни с кем не общался. Вскоре пришел... врач... Добрынин... Он вел себя уверенно, у меня не закралось мысли, что передо мной авантюрист... Убийца, - упадническим голосом добавил Степан.

- Ой ли? – не поверил Азарх.

- Вы прямо насквозь меня видите.

- С моим-то опытом. Так что, не закралось сомнений?

- Что-то меня тревожило. Но в тот день я собирался идти на день рождения к подруге моей знакомой. Сразу скажу – моя знакомая здесь ни при чем. Мы давно не виделись, случайно столкнулись на выставке, она предложила познакомиться меня со своей подругой. Я думал, поговорили и забыли. А вечером в пятницу она позвонила и сказала, что представился случай познакомиться – у подруги день рождения. Я приглашен. Мать узнала и... «заболела». Я пригрозил, что позвоню приятелю, кардиологу. Она согласилась. В итоге пришел... Добрынин.

- Так что вас встревожило?

- Я не знаю, как действуют настоящие врачи-гомеопаты, я никогда не был на приеме, но этот... доктор делал много лишних движений, я принял это за неопытность, хотя, мой приятель не прислал бы к нам малоопытного специалиста. В тому же говорил этот доктор непрофессионально, терминология была не на высоте, так говорят между собой бабули, почерпнув сведения из телепередач про здоровье. Но бойко тархтел, не сбивался, чем и притупил мою бдительность. И честно говоря, я не сильно прислушивался, продолжал злиться на мать.

- Когда у меня есть свободное время, что бывает крайне редко, я тоже смотрю медицинские передачи по телевизору, - неожиданно признался Азарх. – И ни раз становился свидетелем споров медиков, так скажем, традиционных и нетрадиционных. Первые называют вторых лжеучеными, уверяют, что их лечение наносит вред организму человека.

- Вот-вот, теми же словами изъяснялся... доктор... Добрынин, но в других местах ставил ударение – дескать, не лженаука, не наносит вреда больному. Одно не ясно – откуда он мог знать, как себя вести? Например, я впервые видел, как действует врач-гомеопат. Но этот «доктор» не мог знать, что и мать, и я - профаны! Почему не побоялся попасть впросак?

- Наверное, он знает о вас больше, чем вы думаете.
- Он о нас? Но зачем ему собирать о нас сведения?
- В этом будем разбираться. Вы точно никогда не встречались с этим человеком?
- Я могу ошибиться, если скажу – никогда. Как все ученые, я немного рассеян. И память на лица у меня не очень хорошая. Но я над этим работаю, стараюсь запомнить не только фамилии студентов, но и имена. Кажется, получается.
- После ухода лжедоктора как себя чувствовала ваша мать?
- Мама уверяла, что чувствует себя нормально. Она немного подремала после обеда, потом мы отправились на прогулку, купили торт, пригласили в гости тетю Зину. Пили чай с тортом, играли в лото. Мама не жаловалась на здоровье, как обычно это делала с большим удовольствием, когда причин для жалоб и не было. Но мне показалось, что она всё делает через силу, напускно веселится, напускно радуется своему выигрышу.
- Почему вам так показалось?
- Она явно ощущала недомогание, меня так просто не обманешь. Но боялась признаться, чтобы я в очередной раз не стал ее укорять. Видимо, причина нездоровья была в препаратах, которые этот... «доктор» подбирал наобум. Серьезного вреда они не принесли, но вызвали дискомфортное состояние. Он мог отравить ее в первый свой визит. Но он этого не сделал.
- Для начала хотел втереться в доверие, действовал по наитию, изображая врача. Надеялся, что его «лечение» вызовет недомогание, чтобы потом нанести... последний удар. Могу предположить, что в субботу у него не было с собой травы с добавлением подкормки для цветов.
- Он сказал, что это листья жимолости... Но зачем ему такая сложная комбинация? Мог бы добавить что-то более привычное для преступников, а не подкормку для домашних цветов
- бытовой яд, - пробормотал Ефремушкин.
- Бытовой яд, который легко купить в любом магазине, в отделе для ухода за растениями. На этом был основан его план.
- Какой план?
- Преступник хотел одним ударом избавиться от вашей матери и от вас. Марта Гордеевна умирает от отравления бытовой химией, ее сын получает уголовный срок за убийство.
- Но кому мы могли перейти дорогу? У нас нет врагов. Я ничего не понимаю, - затряс головой Ефремушкин.
- В этом нам нужно серьезно разбираться, - повторился следователь Азарх.
- Но погодите, - опомнился Степан, - ведь я тоже мог выпить этот... отвар, и тоже отдать Богу душу.
- Преступник был уверен, что вы не будете пить отвар, ему не нужна ваша легкая смерть. Для вас он приготовил продолжительные мучения в колонии строгого режима с постоянной душевной болью по поводу самого факта подозрений в убийстве матери. Не всякий сможет жить дальше с этой тяжелой ношей.
- Хочет, чтобы я помучился сначала в СИЗО, потом пережил суд, потом колонию... В итоге наложил на себя руки... Я и без суда и колонии за эти три дня прожил три года. Если ни больше.
- Степан Сергеевич, завтра вы поможете нашему сотруднику составить фоторобот преступника, - озадаченно проговорил Азарх и взглянул на наручные часы, - времечко-то бежит незаметно. Ночь на дворе. Заговорились мы с вами, Степан Сергеевич.
- Да, я помогу составить фоторобот преступника. Но мне кажется, если убрать усы и брови, на которые сосредоточено внимание, я никогда не узнаю этого человека... Максим Гаврилович, я могу быть свободным?
- Так поздно уже. Переночуете в камере, а завтра...
- Максим Гаврилович, я могу быть свободен? – настаивал на своем Ефремушкин, у которого три дня в СИЗО равнялись трем годам жизни. Или больше. - Я дал подписку о невыезде,

и завтра обязательно приду, чтобы составить фоторобот преступника. Как-нибудь доберусь до дома. Автобусы уже не ходят, на такси денег нет, но я пешком дойду. Еще одна ночь в камере для меня невыносима.

- Ладно, черт с вами!..

Степан добирался до дома пешком. Кажется, лил дождь, кажется, он вымок до нитки и, кажется, продрог. Он не замечал глубоких луж, не обращал внимания на мокрую одежду, которую, он точно знал, надо выбросить по возвращении домой. Он мечтал поскорее оказаться дома, принять душ, выпить снотворное из аптечки мамы и проспять несколько часов без сновидений. Чтобы завтра со свежей головой осмыслить всё то, о чем сообщил Максим Гаврилович Азарх, который оказался нормальным мужиком и хорошим следователем. Степан надеялся, что Азарх найдет преступника, с его помощью, конечно.

Перед глазами стояло лицо лжедоктора Добрынина, мерзкое, отвратительное до умопомрачения. Незрелый физически Добрынин чувствовал в себе невообразимый прилив сил, способный снести с лица земли не только лжедоктора, но и его подельника. Без подельника в этом деле он не обошелся. Но кто он?

Кто мог знать, что в тот злополучный день субботы к Ефремушкиным должен прийти врач?

Егор по прозвищу Скворечник? Едва ли. Скворечник не может быть подельником убийцы, он скорее мелкий пакостник. А то, что о нем говорил следователю Степан, ерунда и глупость. В сердцах сболтнул, что тот метит на квартиру тети Зины. Получается, что Степан – мелкий мститель. Пусть так. Гораздо хуже, несоразмерно хуже, - убийца.

У Степана мир не просто перевернулся, он разломился на части, взорвался, когда он услышал обвинения следователя.

Ефремушкину казалось, что клеймо убийцы навсегда приклеилось к нему. Все вокруг будто бы знают, что сын не убивал мать, и будто бы не верят словам следователя, но в душе понимают – подозрения появились не на пустом месте - а вдруг? Вдруг он расправился с матерью в гневе, не отдавая отчета своим действиям? Как сказал Скворечник, сын устал от давления матери. Или он сказал иначе, но по смыслу похоже.

Отпустили подозреваемого под подпись? Важно не то, что отпустили, важно – под подпись! Значит, подозрения не сняты, но пока нет доказательств вины.

Вброс информации о задержании подозреваемого в убийстве был? Был. Опровержение было? Было... А вдруг...

Как теперь Степан будет людям в глаза смотреть?

Сам же говорил: это не страшно, страшное уже случилось.

Как жить?

Степан не понимал: он плачет или лицо мокро от дождя? И то, и другое, и все вместе. И пусть отец убеждал его, что мужчины не плачут.

Мужчины плачут от бессилия, от невозвратимой потери. Имеют право и никто их за это не осудит... Осудят за другое...

Когда Ефремушкин оказался в подъезде, он невольно покосил глазом на дверь, за которой скрывалось подвальное помещение дома. Ко входу в подвал вели ступени, с левой стороны от большого холла. Степан не сдержался, спустился по ступеням, подошел к двери, подергал за ручку. Дверь оказалась запертой.

Степан спешно вернулся в гулкий и плохо освещенный холл. То ли от страха, неоправданного, то ли от мокрой насквозь одежды, Степан вздрогнул и осмотрелся. Кажется, ему показалось, что кто-то стоит за колонной. Показалось. Но можно подойти и проверить.

Трусишь, Степа? - мысленно спросил он себя.

Как бы тяжело не было на душе, какие бы мрачные мысли его не посещали, умирать ему не хотелось. Больше всего хотелось найти преступника. А как его найдешь, если будешь мертв? Так он объяснил свою трусость. Но все-таки сделал несколько шагов в сторону

пугающей его колонны, за которой притаилась опасность. Замер в нерешительности. Напряг слух. От тишины слегка заложило уши. Степан то ли кашлянул, то ли каркнул. Потоптался на месте, шаря глазами по темным углам большого холла. На колонну старался не смотреть.

Вспомнил о предложении следователя переночевать в СИЗО. И тотчас подумал: дома лучше.

- Чего ты стоишь? – шепотом спросил у себя Ефремушкин, - домой, домой, домой.

Направился к лестнице, перед первой ступенькой снова затормозил.

- Что ж такое, - возмутился он под нос.

Что-то останавливало Степана от подъема в свою квартиру. Хотелось убежать, что странно. И, что совсем нестранно и понятно, хотелось оказаться в своей теплой квартире. Смыть с себя грязь следственного изолятора, чего-нибудь перекусить по легкому, выпить крепкого чаю, принять пару таблеток снотворного и спать, спать, спать. Чтобы потом, на свежую голову, понять – кто убил его мать? Кто заставил его страдать и мучиться?

Когда от холода начали клацать зубы, Ефремушкин решил покинуть холл неуютного подъезда. Он решительно поднялся на свой этаж. Вставил ключ в замочную скважину, задумался – вспомнил мать, печально вздохнул, открыл замок и вошел в темную прихожую.

Хотелось крикнуть: «Мам, я дома». Не крикнул. Потоптался на месте, заслоняя собой свет из подъезда. Развернулся, осторожно прикрыл входную дверь, как будто боялся кого-то потревожить, потянулся к выключателю и... получил удар по голове...

Он очнулся в больничной палате. Рядом сидела незнакомая женщина в наброшенном на плечи одноразовом медицинском халате вяло-голубого цвета.

Когда он открыл глаза, она тут же прижала к губам пальцы обеих рук, словно пыталась остановить поток слов, рвущихся наружу. Потом засуетилась, коснулась его лба, провела мягкой ладонью по щеке, шепотом вознесла слова благодарности Богу. Выпрямилась на стуле, впилась взглядом в его лицо, сунулась поправлять подушку, чтобы чем-то себя занять. Не сдержалась всхлипнула и скоренько отвернулась.

Он смотрел на нее с непониманием и силился вспомнить, кто находится рядом с ним.

- Бедненький, - прошептала женщина, найдя в себе силы повернуться, и вновь погладила его по щеке. Ладонь была приятной.

Он ждал каких-то объяснений, не дождался и хриплым голосом спросил первое, что пришло ему в голову:

- Сейчас утро или вечер? – Не решился спрашивать, как ее зовут, чтобы не обидеть. Ему казалось, что с этой пожилой женщиной он знаком... был когда-то давно. Еще в далеком детстве.

- Сейчас утро, - ответила она с сожалением. Сожаление относилось то ли к утру, то ли к его внешнему виду, то ли к самому вопросу, ставившему крест на ее планах касательно него.

- А почему я здесь? - задал он следующий вопрос.

- Степочка, ты ничего не помнишь?

- Степочка, - протянул он за ней и тут же ответил, - я ничего не помню. – На лице отразилась боль.

- Плохо? Совсем немогуту? – сострадательным голосом поинтересовалась женщина, сложив брови домиком. И тут же осудила себя, – что ж я спрашиваю, конечно, плохо. Но ты не переживай, все будет хорошо.

- Что со мной произошло? – делая паузы между словами, задал вопрос Степочка.

Пожилая женщина с сомнением посмотрела на него, пришла к какому-то выводу и сбивчиво пояснила:

- Ты вернулся домой, было уже поздно... Ночь была. Зашел в квартиру, а там кто-то уже был. Этот кто-то никак не ожидал твоего возвращения. Видимо, перепугался, с перепуга

ударил тебя по голове и сбежал. Думаю, решил, что убил тебя. А ты потерял сознание. Крепкой оказалась ученая голова! – восхитилась она.

- Это был грабитель?

- Если и грабитель, то он ничего не взял. Или не успел.

- Вы... извините меня за вопрос, но мне хотелось бы знать, с кем я сейчас разговариваю? - решил на вопрос Степан.

- Так я это... тетя Зина, - пролепетала женщина. - Зинаида Марковна Крашенинникова. Твоя соседка. Вспомнил, Степушка?

- Степушкааа, - снова протянул больной и сомнением спросил, - это мое имя?

Тетя Зина кивнула. Ее глаза налились слезами. Одна слеза выкатилась и поползла по щеке, женщина незаметно ее смахнула и поспешно заговорила, лишь бы не молчать:

- Степушка, ты в больнице, у тебя черепно-мозговая травма. Так доктор сказал. И еще он сказал, что ты поправишься. Это главное. Надо только подождать. И про временную потерю памяти он предупреждал... Надо подождать. Только волноваться тебе никак нельзя... Как же не волноваться, если... - прошептала она после недолгой паузы и осеклась.

Степка слышал, но не отреагировал.

- Что произошло потом? Это вы меня спасли?

- Спасла – это громко сказано. Вообще-то я чутко сплю, если сплю: у меня бессонница, как у... О чем я? Ага, о бессоннице. Но в последнее время, сплю как убитая, даже снотворное не принимаю. Сама на себя удивляюсь. А ведь столько событий произошло в последнее время... - Она прикусила язык. Степан уцепился за последнюю фразу.

- А что произошло?

- Как что? На тебя напали прямо в собственной квартире.

Степан с трудом поднял руку и ощупал голову. На голове была повязка.

- Беспокоит?

- Не так чтобы очень... В голове шумит, как будто в ней ветер гуляет.

- Пройдет, - успокоила его женщина и повторилась, - надо подождать. Ты главное – верь. И не думай о плохом.

- О плохом я думать не буду, - неуверенно пробормотал Степан и добавил, - потому что не помню ни плохого, ни хорошего.

- Это к лучшему.

- Когда вы меня обнаружили?

- Утром третьего дня. На рассвете. Как будто кто-то меня толкнул, разбудил. Я вскочила и не могу понять, что меня тревожит. Походила-побродила, в дверной глазок заглянула. Потом дверь открыла. Вышла на лестничную клетку. Подошла к вашей... к твоей двери. Ручку надавила, а дверь открылась. Я испугалась, честно тебе скажу. Тебя-то дома не должно быть. И дверь я самолично закрывала. Точно помню. У меня хранятся запасные ключи.

- Вы сказали, что меня дома не должно быть. Я где я должен быть?

- В к...командировке... Степушка, тебе много разговаривать нельзя. Отдохнуть тебе нужно.

- Я вернулся из командировки ночью. Зашел в квартиру и получил удар по голове. Чем меня ударили? - зачем-то уточнил он.

- Статуэткой. Степочка, помнишь, у вас... у тебя в прихожей на высокой тумбе стояла статуэтка?

- Не помню. Я ничего не помню. И то, что меня зовут Степочка, тоже не помню. А фамилия?

- Ефремушкин твоя фамилия. Степан Сергеевич Ефремушкин.

- А кто меня ударил по голове... статуэткой? Вы не знаете?

- Откуда мне знать, - всплеснула руками тетя Зина. – Кто-то прознал, что в квартире никого нет. - Пожилая женщина надрывно закашляла, потом повторила, - квартире никого, можно чем-то поживиться.

- Вы сказали, что грабитель ничего не взял?

- Ничего не взял, слава Богу. Все ценные вещи на месте. Я самолично проверила, после того, как тебя увезла «Скорая» и приехали полицейские. А как я себя ругала, как ругала...

- За что? – вклинился с вопросом Степан.

- Как за что?! За то, что проспала! Прозевала грабителя этого. И не слышала, как ты вернулся, как этот изувер на тебя напал. Слышала бы, все вышло бы иначе. В любом случае оказала бы своевременную помощь, медиков бы вызвала. Ведь, несколько часов пролежал на полу без сознания, истекая кровью... Мальчик мой, - тетя Зина всхлипнула. – Но ничего, ничего, все плохое позади. Теперь быстро пойдешь на поправку. Организм молодой.

Зашла медсестра, сделала внутривенную инъекцию, Степана потянуло в сон. Уже засыпая, он услышал еще один голос, на этот раз мужской. Голос показался ему знакомым. Мужчина разговаривал с тетей Зиной. Из начала разговора Степан понял, что это человек «из органов». Он сожалел, что не успел опросить пострадавшего, тетя Зина объясняла, что Степочка ничего не помнит после перенесенной черепно-мозговой травмы...

Ефремушкин проснулся, когда солнце пряталось за крышу ближайшего дома. Он проследил, как солнце играет с ним в прятки, а затем уходит на покой, хотел прикрыть глаза, но его внимание привлек шорох.

Степа переместил взгляд в сторону шороха и заметил девушку, которая стояла у двери и зажимала двумя руками пакет с фруктами. Он надеялся, что она что-то скажет, но она молчала и со страхом смотрела на него.

Неужели всё так плохо? – вкралась пугающая мыслишка в большую голову Степана.

- Привет, - сиплым голосом поприветствовал он незнакомку.

- Привет, - протянула незнакомка и сделал пару шагов в сторону кровати. - Я тебя разбудила, милый?

- Милый? – переспросил Степан.

- Милый, - подтвердила она и поцеловала его в губы.

- Странно, - озвучил свою мысль мужчина.

- Что тебе странно? – удивилась она и присела на стул, на котором недавно сидела тетя Зина. По крайней мере так она себя назвала.

- Милый... - задумчиво протянул больной. - Я точно не помню, но... мне кажется, ко мне так никто не обращался.

- Ты забыл. Ведь, у тебя временная потеря памяти. Так сказал твой лечащий врач, - заявила девушка, улыбаясь во весь рот.

Степану не понравилась бравурная тональность ее голоса, и улыбка, пусть и приятная, но неуместная, ему тоже не понравилась. Он не сдержался от замечания:

- Ты так говоришь, как будто рада, что я потерял память.

- Надо же такое придумать – рада! – вспыхнула она. – Но в чем-то ты прав, я, действительно, рада, что ты жив. – Она опять прильнула губами к его губам.

- Ты пахнешь клубникой, - сообщил он деловито.

- Я тебе принесла клубники, целый мешок. И еще много чего. Ты любишь клубнику?

- Я не помню, - безразличным голосом признался Степан.

Девушка оставила в покое фрукты, которые выкладывала на тарелку, присела на край кровати, положила голову на живот больного, вцепилась своими руками в его руки, всхлипнула и призналась:

- Твоя потеря памяти для меня ничего не значит. Я как тебя любила, так и люблю. И потеря эта временная. Все вернется на круги своя. Главное – ты жив, ты рядом, я сделаю всё, чтобы ты быстрее восстановился.

- Но ты чем-то огорчена. Я чувствую.

- Ты прав! Мы так долго откладывали нашу свадьбу, и теперь, когда уже все оговорено и решено, ты... ты в таком состоянии. Я не могу заставить тебя на мне жениться! – отпрянув, призналась она. И снова уткнулась лицом в его живот.

- У нас должно состояться бракосочетание? – отстраненным голосом поинтересовался Степан, с трудом скрывая свое недоверие ее словам.

Как он ни старался «примерить на себя» бракосочетание с этой девушкой, пусть и симпатичной, но у него ничего не выходило. Ну, совсем не выходило.

- Вот видишь, - с укоризной заметила она, якобы найдя подтверждение своим словам.

- Вижу, - ляпнул Степан и попытался оправдаться, - но ты должна меня понять: как я могу помнить о свадьбе, если даже имени своего не помню.

- А как меня зовут, помнишь?

- Готов познакомиться заново, - выкрутился Степан, даже изобразил подобие игривой улыбки.

- Юлия.

- Юлия, - кивнул мужчина, как будто подтвердив. – А фамилия?

- Мишкина.

- Юлия Мишкина... Не помню. Уж, простите... прости.

- Ничего другого я не ожидала, - надулась она. Потом спохватилась, показала миленькое колечко на пальчике и похвасталась, - это ты мне подарил, когда делал предложение.

- Мы успели подать заявление в загс?

- Не успели... Степан, а ты... меня по-прежнему любишь? Что подсказывает тебе твое сердце?

- А я тебя любил? – насупился Степан, сердце которого отказывалось быть подсказчиком.

- Очень! - закатила глаза Юлия. – И я тебя очень люблю. Безумно люблю.

- Ты об этом уже говорила, - обронил мужчина, сурово поджав губы.

- Я готова повторить сто тысяч раз, лишь бы тебе это помогло, - восторженно произнесла Юлия Мишкина. - Скоро тебя выпишут из больницы, и мы сразу пойдем в загс подавать заявление.

- Еще несколько минут назад ты уверяла, что ты не будешь меня принуждать...

- Хочу, чтобы свадьба была летом, - мечтательно протянула девушка, не обращая внимания на замечание мужчины. - Жаль, что надо ждать целый месяц. Помнишь, куда мы хотели поехать в свадебное путешествие?

- На Майами? – ляпнул Степа первое, что пришло в его травмированную голову.

- При чем здесь Майами?! – нахмурилась Юлия. – В России тоже немало прекрасных мест для отдыха! – патристично высказалась она.

- Так куда же?

- На озеро Байкал, - восхищенно произнесла она.

- Байкал так Байкал, - обреченно согласился Степан и на всякий случай поинтересовался, - Юлия, а тебя совсем не напрягает, что я тебя вообще не помню?

- Рано или поздно вспомнишь, - констатировала она, проехала задом по кровати и расцеловала его в обе щеки.

Степан непроизвольно сложил губы трубочку, она чмокнула его в губы. Ее взгляд, полный любви, напугал его и заставил закрыть глаза. Юлия неправильно его поняла и впиалась своими губами в его губы. Степка сначала ошалел, потом стал страстно отвечать на поцелуй.

Видимо, страсть овладела им не полностью. Он не успел в ней раствориться, потому услышал, как дверь в его больничную палату распахнулась, затем раздалось громкое предупреждающее покашливание.

Пара нашла в себе силы отодвинуться друг от друга.

Теперь Степан имел возможность рассмотреть очередную незнакомку. Эта была шатенкой, постарше Юлии. Улыбка медленно сползала с ее губ.

- Хорошо ты проводишь время, болящий, - с осуждением произнесла она. – Жив и то славно.

– Потом обратилась к Юлии, - девушка, а подобные нагрузки Степану разве не вредны?

Юлия одарила соперницу презрительной улыбкой, не соизволила дать ответ и занялась фруктами.

Новая посетительница процокала по полу каблуками и расположилась на стуле. Печально вздохнула, не выдержала, привстала и поцеловала Степана в щеку. Степан сдержанно улыбался.

- Как ты, вообще? – с сочувствием спросила незнакомка.

- Как сказать, - неопределенно ответил Степан и развел руками.

- Понятно, - с пониманием вздохнула молодая женщина. - Я только сегодня узнала, что с тобой произошло. И сразу сюда. До этого звонила тебе, звонила, а ты всё не отвечаешь и не отвечаешь. Надоело обижаться, направилась к тебе, чтобы выяснить причину. Столкнулась с тетей Зиной, она мне все и рассказала. Вот беда-то. Но ты не падай духом, память обязательно вернется.

Степка глупо скалился - эта молодая женщина вызвала умиление, совсем необъяснимое. На всякий случай он спросил:

- Ты тоже моя невеста?

- Я? Когда-то была, - усмехнулась она, - но это было очень давно. И почему ты сказал «тоже»? Впервые слышу, что у тебя есть невеста. В нашу последнюю встречу ты, напротив, жаловался, что тебе не везет в любви.

Юлия сосредоточенно выкладывала на тарелку фрукты, почти как Кай слово «вечность» из льдинок.

- Вот Юлия...эээ... Мишкина, - Степа указал на девушку, - мы...

- Какая еще Юлия Мишкина? – грозно поинтересовалась шатенка, не позволив ему продолжить.

- Я-то Юлия, я ты кто такая?! – с вызовом сказала Мишкина, резко развернувшись.

- Меня зовут Светлана, - сообщила шатенка. - Я подруга детства Степана. При нашей последней встрече...

- Слышали уже, - бойко вставила Юлия.

Светлана продолжила как ни в чем ни бывало.

- Степан просил меня познакомиться с кем-нибудь. Я пригласила его на день рождения своей подруги. Я сразу поняла, что они очень подходят друг другу, - доложила Света, оценив Юлю критическим взглядом, дав понять, что она не подходит ее другу детства. – Очень подходят, прям две половинки. Абы кого я своему другу не сосватала.

- Степан не нуждается в... свахах.

- Но зачем он мне соврал, что ему не везет в любви, что он одинок?

- У меня есть простое объяснение. Мы со Степаном были в ссоре. Именно в этот момент вы с ним встретились. Но мы быстро помирились. Мы не можем жить друг без друга.

- У нас доверительные отношения, - слегка, как ей самой казалось, приврала Светка. – Еще с детских лет так сложилось, что у нас нет тайн... друг от друга, - выделила она последние слова. – И, если бы у Степы была...хм... невеста, он бы обязательно мне рассказал.

- Не обязательно, - парировала Юлия. - Степан скрывал от всех родных и знакомых нашу связь, и что мы собираемся пожениться. – Она придвинулась к Светлане и придуренным шепотом, чтобы жених не услышал, сообщила, неожиданно перейдя на «вы», - вы же знаете его мать. Разве она разрешила бы сыну жениться? Никогда. Она всегда хотела, чтобы сын принадлежал ей одной.

- С этим трудно не согласиться, - тоже шепотом произнесла Света.

- Девочки, о чем вы шепчетесь? – вклинился Степан.

- О своем, о женском, - брякнула Светлана, - с недоверием поглядывая на невесту друга детства, которая отошла к окну и прижалась поясницей к подоконнику. – Когда свадьба?

- Степан Сергеевич выйдет из больницы, и мы подадим заявление в загс. Предложение он мне сделал давно. Вот и колечко подарил, - любуясь подарком на пальчике, донесла до сведения подруги детства Мишкина.

- Рада за вас, - буркнула подруга детства. – А что же ты, Юлечка, называешь жениха по имени-отчеству?

- По привычке. Чтобы никто из коллег не догадался, я всегда обращаюсь к нему по имени и отчеству. Так привыкла, что и вне стен альма-матер так же себя веду. Я работаю на кафедре теоретической физики, лаборантом. Там мы и познакомились со Степаном. У нас любовь с первого взгляда.

Светлана вновь оценила Юлию придирчивым взглядом. Призналась себе, что девушка-блондинка не дурна: стройная фигура, густые, слегка волнистые, волосы до плеч, высокая, вровень с Степкой, на каблуках и того, выше. Даже близко посаженные глаза ее не портят. Как и курносый нос. Губы чуть припухшие. Все бы ничего, но простушка, никакой изюминки. И взгляд запуганный. Чего-то эта девица боится. Ясно чего – не успеет женить на себе Степochку. Память вернется и прощай, Юлечка, - знать тебя не знаю, ведать не ведаю, кто ты есть на самом деле. Лаборанточка на кафедре теоретической физики, не более того.

Вслух Светлана выразилась коротко:

- Ну-ну. – Поди, разбери: то ли поверила, то ли осудила, то ли будет бороться за друга всеми правдами и неправдами.

- Не верите? - напряглась Мишкина.

- Не-а, - подергала головой Света и выразительно усмехнулась.

- Почему ты не веришь? – уточнил жених с перевязанной бинтами головой.

- Что ж при такой любви... с первого взгляда тянете время? Надо было давно... тайно обвенчаться, как это делали гусары с девушками из высшего сословия в девятнадцатом веке.

- Я во всем виновата, Степан Сергеевич был только «за». Мы только соберемся в загс, я затею скандал, мы ссоримся.

- Ты скандалистка? Ужас ужасный, - заохала Светлана.

- Вот вы всё ерничаете, а зря. Я не скандалистка, я очень ревнивая, - призналась Юлия. – Степан Сергеевич... Степа очень привлекательный мужчина, девчонки-студентки вокруг него постоянно вьются, меня это раздражает. Конечно, я ему доверяю, но все равно злуюсь.

- Ну да, ну да, привлекательный, - согласилась Светлана, - особенно сейчас. Степка, эта чалма тебе к лицу.

- Степа, у тебя странные подруги детства, - насупилась Юлия. – Нет чтобы поддержать человека, попавшего в трудную ситуацию, а она насмехается.

- Я не насмехаюсь, это раз, второе – у него уже есть... поддержка в лице самозванки.

- Как вы смеете!

Чтобы затушить разгорающийся спор, Ефремушкин с блаженным видом сообщил:

- Свадебное путешествие мы проведем на озере Байкал. Я хотел лететь в Майами, но Юлия настояла на своем.

- Степа, давай сначала, - обратилась к нему подруга детства, - скажи честно, ты вспомнил Юлю? Ты вспомнил о планах на свадебное путешествие?

- Всё со слов Юлии. Света, но ты так не волнуйся, память обязательно ко мне вернется. Так и врачи говорят, и тетя Зина, и вот... Юлечка.

- Юлечка, - покривлялась Куролес.

- Света, что тебя не устраивает? – спросил Степан.

- Ее не устраивает одно – что ты женишься на мне, а не на ней! – вмешалась Юлия Мишкина.

- Ты в своем уме, невеста без места? - хмыкнула Светка.

- Признайся, признайся, я права? – снова перешла на «ты» Юля.

- Не желаю рассказывать первой встречной о своей личной жизни. И думай, что хочешь, мне фиолетово. Но знай – просто так я тебе Степку не отдам. Поняла?

- Света, все нормально, не надо нервничать, - успокоил ее Ефремушкин. - Скоро меня выпишут из больницы, и мы пойдем подавать заявление...

- Степа, ты в своем уме?!

- Нет, - тотчас отреагировал Степа.

-То-то я и вижу – принимаешь какую-то авантюристку за свою невесту!

- Вы бы шли отсюда, больному нужен покой, - посоветовала Светлане выше упомянутая авантюристка.

- Я пойду, но тебя, милочка, я обязательно выведу на чистую воду.

- Я его невеста, - твердо проговорила Юлия и указала пальцем на того, кто считается ее женихом, на Степана, лежащего на больничной койке. Степан переводил взгляд с одной посетительницы на другую. – Вот его кольцо, которое он мне подарил, когда делал предложение. – Она в который раз вытянула вперед руку с кольцом.

- Степа, неужели так ты боишься свою мать, что скрывал не только от нее, но и от всех свою невесту? Вы бы тайно поженились, и что дальше?

Степан уставился на потолок, сразу погрузившись в свои мысли, он не услышал обращение к нему Светланы.

- Защитная реакция организма, - непонятно для Светы высказалась Мишкина тихим голосом, вежливо подхватила ее под руку и повела к двери. – Что уж теперь об этом рассуждать. Но я могу поведать вам о наших прежних планах – Степан привел бы меня в свой дом, поставил бы мать перед свершившимся фактом, и никуда бы его мать не делась.

- И все равно, мне ЭТО не нравится, - промямлила Света.

- Вам не нравится, а нам нравится. Мы скоро поженимся, как бы вам этого ни хотелось.

Дойдя до двери, Светла оглянулась на Степу. Он по-прежнему пристально изучал потолок, позабыв о невесте и подруге детства. Потом и вовсе закрыл глаза.

- Ну что ж, в добрый путь, на озеро Байкал, дорогие товарищи будущие молодожены, -- зло пошутила Светлана и вышла из палаты.

- Ненормальная какая-то, - вздохнула Юля и поправила Степе подушку...

Степан лежал с закрытыми глазами – делал вид, что спит, а сам размышлял: где моя мать? Почему она не пришла ко мне в больницу? У нас сложные отношения? Она узнала о предстоящей свадьбе и отказалась со мной общаться?..

Углубляться – думать дальше - ему не хотелось. Казалось, что поставлен невидимый барьер в размышлениях на тему родственных отношений. Степан понимал, что сейчас не стоит заикливаться на этой теме. Вот окрепнет, в голове утихнет ураган, память вернется – он на это очень надеется, тогда и начнет восстанавливать отношения с матерью.

Одно не мог понять Степан Ефремушкин: почему при одном упоминании слова «мама» сердце тревожно щемит?

Что не так? Степан силится вспомнить, становилось только хуже, боль разрывала голову на мелкие кусочки-частички. Хотелось собрать кусочки-частички, правильно их соединить, но сил на это совсем не было.

Надо с кем-то поговорить о матери. Например, с тетей Зиной, с соседкой. Вдруг она что-то знает о сложных взаимоотношениях матери и сына.

Едва ли. Степан не был уверен, но ему казалось, что он не любит «выносить сор из избы». Наверное, и мать такая же – тоже не любит. Значит, надо немного подождать. Немного – ключевое слово. Сложно жить на свете, когда ничегошеньки не помнишь из прошлой жизни. А избирательная память – здесь помню, здесь не помню? Хорошее помню, плохое - «быльем поросло». Это здорово. Легче жить.

Сейчас Степан как маленький ребенок: ничего не знает, ничего не помнит. Нет, Степан кое-что знает. Например, таблицу умножения. «Величайшее достижение»!

Чем же он так насолил матери, что она не удосужилась проведать сына? Единственного?.. Единственного ли?

Степан прислушался к себе: один он у матери или нет? Ответа не нашел, медиум-предсказатель из него так себе...

Наконец, невеста Юлия собралась уходить. Надоело сидеть и пялиться на «спящего». Она склонилась над Степаном и коснулась губами его губ. Задержалась. Он «спал» и опять

прислушался к себе, к своим чувствам, реакции на ее подростковый поцелуй. Сейчас, после всех высказанных недоверий Светланы, прежней реакции не было.

Чурбан бесчувственный, - подумал о себе мужчина. Заслышав удаляющиеся шаги, он приоткрыл глаза и по достоинству оценил стройную женскую фигуру. Ничего так, ему нравится. Хотелось ее окликнуть, прижать к себе, впить в ее губы своими губами, разобраться - реакции ноль или не ноль... Нельзя ему... реагировать, рано еще.

Как сказала тетя Зина: надо себя поберечь. Она так сказала? Или он сам дал себе такую установку, чтобы поскорее вернуть себе прошлое, восстановиться окончательно? Без разницы. Лишь бы скорее стать самим собой.

И все-таки память постепенно возвращалась. Жаль воспоминания не касались конкретно Степана. Он вспомнил, что где-то читал, как один мужик ударился головой, очнулся и заговорил на иностранном языке, которого раньше, до черепно-мозговой травмы, не знал.

Степан напряженного задумался. Кое-какие слова из английского языка он вспомнил, но бегло не заговорил. Увы. Пользы из черепно-мозговой травмы никакой.

В больничную палату зашла медсестра, гренадерского вида девица. Но голос у нее был лаковый, обволакивающий. Девица сообщила, что «сделает укольчик, и он крепко уснет». Сделала безболезненную инъекцию в мягкое место, пожалела спокойной ночи и удалилась, тихо прикрыв за собой дверь.

Степана тут же затянуло в сети сна...

Ему приснилась пожилая женщина. Она была босой и в одной ночной сорочке, несмотря на то, что находилась на лестничной клетке перед дверью квартиры. У ее ног стоял маленький чемоданчик. Она постоянно отталкивала чемоданчик ногой, тот не валился на бок, а покачивался, как Ванька-встанька, и возвращался к ней. Степан наблюдал за женщиной в дверной глазок. Ему казалось, что он уже видел этот чемоданчик, в далеком детстве, и назывался он «тревожным». С ним военные следуют в условленный пункт по тревоге. Об этом он рассудил во сне. Но ответа – почему возле женщины в ночной сорочке стоит «тревожный» чемоданчик, он не стал искать во сне. Его больше озаботило – кто это? Спросить у нее он не решился. Наверное, он был уверен, что это его мать.

Степан понимал, что надо открыть дверь, приласкать – обогреть, но что-то ему подсказывало – лучше этого не делать, себе же будет хуже.

Если бы она постучала в дверь, пусть даже робко, не настойчиво, он бы не выдержал и впустил ее. Но она не стучала, просто стояла и чего-то ждала. И совсем не выглядела продрогшей, посиневшей.

Потом женщина стала исчезать на глазах, как будто в подъезд напустили туману. Она сообщила тихим-претихим голосом, едва различимым: «Будет дождь», и окончательно исчезла. Вместе с ней исчез туман.

Степан пребывал на грани сна и яви, по крайней мере, так ему казалось. Он размышлял: будет дождь в том смысле, что ожидается непогода? Или будет дождь в иносказательном форме, это предупреждение о грядущих испытаниях, как если бы ему сказали: жди грозы – жди беды.

Ефремушкин открыл глаза. Перевернулся на спину и взглянул через окно на небо. Небо уже просветлело в ожидании рассвета. Через открытую форточку в палату проникал свежий воздух. Пахло скошенной травой и почему-то слегка болотом. Степан прислушался, ожидая уловить успокаивающий звук лягушечьей песни. Песен не было, только вдали прошелестел шинами одинокий автомобиль.

Трудно жить без прошлого, любого, - поразмыслил Степан, - поэтому будущее пугает.

Но он знал, что справится. Тем более, он ни один. У него есть Юлия. Есть мать. И напористая подруга детства по имени Светлана тоже есть. С этой не забалуешь.

Еще есть тетя Зина, главный, но его предположению, хранитель информации. Завтра она придет, и Степан обязательно спросит о матери...

Опять промчался вдали автомобиль. Небо стало светло-прозрачным. Птички запели в ожидании настоящего рассвета. Мелодично, красиво. На душе стало спокойнее.

Степка перевернулся на бок и заснул, теперь без всяких сновидений...

Утром Светлана Куролес перехватила Зинаиду Марковну Крашенинникову во дворе, где много лет назад они с ребятами весело проводили время.

Света сбивчиво, от волнения, рассказала о вчерашнем визите в больницу. Тетя Зина слушала с явным недовольством, а, выслушав, сказала совсем не то, что ожидала услышать Куролес.

- Вот ты вчера меня не дослушала, сорвалась с места, а я ведь с тобой не всеми новостями поделилась. Ты Светка, как была взбалмошная, так взбалмошной и осталась.

Светка не обиделась на взбалмошную – она знает, что никакая она не взбалмошная и не с придурью она, как уверяла мать Степана, тетя Марта.

- А что еще произошло? – напряглась она.

- Зря ты упомянула мать в разговоре с этой... невестой, зря. Степочку надо беречь.

- Ничего не понимаю, - затрясла головой Куролес.

- Марта-то померла, - наконец, выдавила из себя тетя Зина. Ей даже произносить это слово было затруднительно.

- Как п...померла? Когда?

Тетя Зина обстоятельно обо всем рассказала.

Хорошо, что две женщины, молодая и пожилая, успели дойти до скамейки. Света бухнулась на скамейку – ноги ей отказали от новости, что тетя Марта умерла не своей смертью, и что Степку подозревали в ее смерти.

- Я... я не знала, - проблеяла она.

- Откуда тебе знать. Вчера я хотела тебя предупредить, так тебя ветром сдуло, как только узнала, что Степочка в больнице.

- Я хотела... он сам просил... или я предложила... не важно. В общем, мы договорились, что я познакомлю его с девушкой, это сестра моего молодого человека. Они двойняшки. Пригласила его на день рождения. Естественно, у обоих двойняшек в тот день выпал день рождения, но я сделала акцент на дне рождения сестры моего парня. А Степан услышал, что они двойняшки, но не подумал, что будет двойной праздник. И даже лучше – а то бы сразу отказался. Он поначалу согласился. Я уже потенциальную невесту подготовила. Но скажу вам честно – сомнения у меня были: так и знала, что мамаша Степкина, тетя Марта, просто так его не выпустит из своих цепких рук. Тем более, когда узнает, кто выступает в роли свахи. Что ж я не знаю, как она меня «любила»? Царство ей Небесное, пусть меня простит. Так и вышло: Степка мне позвонил и начал юлить. Я не сдержалась, спросила, мама не разрешает? Он вспылал. Я обиделась. Думаю, сто лет с тобой не общалась и не буду, как-нибудь проживу. А потом мне его так жалко стало. Думаю – надо за него бороться. Того и гляди, останется старым девом. Холостяком. Он и так всегда был ранимым, впечатлительным, что уж скрывать – с неустойчивой психикой, а останется холостяком, еще не известно, как одиночество на его психику повлияет.

- Степан совсем не одинок, он встречается с женщинами, - вставила тетя Зина, - мне Марта сама говорила. И зря ты на Степана наговариваешь. Что было, то было. А сейчас у него с головой все в порядке... Было до сей поры. Вот оклемается, и... все будет хорошо, - без уверенности проговорила она. – Женим его, хоть на твоей знакомой, сестре твоего кавалера. Почему бы нет? Как она, ничего из себя? Не передумала знакомиться с нашим Степаном Сергеевичем?

- Тут, тетя Зина, проблемка одна образовалась. Вот почему я с утра сразу к вам. Хотела кое-что выяснить... - Светка сходу переключилась на другое, - ой, как нехорошо вчера получилось... Но я-то ничего не знала. Не знала я, что с тетей Мартой такая беда приключилась. Убийцу нашли?

- Вроде нет. Если бы нашли, я бы знала. Вчера тот самый следователь к Степочке приходил. Но Степочка только заснул, я не разрешила его будить. Да, и что он расскажет, ведь не помнит ничего. Я что знала, рассказала. В тот вечер, ночью вернее, когда Степана выпустили из изолятора, все и произошло. Он вернулся домой, а в квартире кто-то был. Этот кто-то не ожидал, что Степан вернется. Услышал, как ключ в замке проворачивается, подготовился – схватил статуэтку и огрел Степана по голове, когда тот зашел в прихожую. Удивляюсь, как не убил.
- Черепушка у Степы крепкая. Или не хотел убивать. Хотел оглушить.
- Я вот думаю, может, этот тот самый «доктор», что Марту отравил?
- Кто его знает. Может, их целая банда орудует.
- Что ж этим иродам понадобилось? Жили Ефремушкины небогато. И не взял преступник ничего. Все ценности остались на своих местах.
- Странное дело, очень странное, - пробормотала Светлана. – И еще эта невеста.
- Ты о подружке своей, что ли?
- Нет. Говорю же – проблемка одна образовалась. Сама начала и опять на тетю Марту переключилась.
- Давай, выкладывай.
- Тетя Зина, оказывается, у нашего Степана есть зазноба. Зовут ее Юлия Мишкина, блондинка, ростом с него. Внешность обычная, - слукавила Светлана.
- Вот балаболка! – взвизгнула Зинаида Марковна, - балаболит, балаболит, ты о чем?! Нет у Степана никакой невесты! Я-то знаю!
- Вот и я думала, что нет... Прибегаю я вчера в больницу, захожу в Степкину палату, а там... в общем, сидит эта Юлия. Вся такая счастливая. Называет себя невестой.
- Чей невестой? – не сообразила тетя Зина.
- Степана! И кольцом, представляете, в меня тычит, дескать, Степка ей подарил, когда предложение делал. Они хотели идти в загс, заявление подавать, а тут... нападение.
- Ты, Светка, всегда любила сочинять, годы идут, а ты не меняешься.
- Крест на пузо, год на санках не кататься, - вспомнила она детскую поговорку.
- Ты о чем? Я в толк не возьму!
- Тетя Зина, у нашего Степы есть невеста, Юлей звать, - медленно проговорила Куролес, чтобы информация улеглась в голове пожилой женщины.
- Тююю, сказала! Нет и не было у Степы никакой невесты, ни Юлии, ни Мулии.
- Это вы так думаете, а оказывается есть! Но они от всех скрывали, особенно от матери, Марты Гордеевны, чтобы она не разрушила их крепчайший союз. Они бы поженились, потом поставили ее перед свершившимся фактом.
- Откуда она, невеста эта, взялась?
- Из того же университета. Утверждает, что работает лаборанткой на кафедре теоретической физики. У них, видите ли, любовь с первого взгляда, = язвительно заметила Светлана.
- Если у них любовь-морковь, то зачем Степка соглашался на знакомство с твоей подружкой?
- И я о том же! А эта Юля отвечает мне, что это произошло как раз в то время, когда они якобы поссорились... Но о смерти тети Марты она знает, - запоздало сообразила Светлана,
- потому и выражалась непонятно. И поспешила вывести меня из палаты.
- Если она работает в том же университете, то, конечно, она в курсе всех последних событий. Весь университет гудел, но никто из коллег не верил в виновность Степана. Все знают, он человек порядочный, никогда и мухи не обидит. А мать как свою боготворил, не каждый сын будет так о матери заботится. – Тетя Зина загрустила. – Я была у них накануне. Чай пили с тортом, в лото играли. Марточка веселилась, а глаза грустные. Кто ж знал, что всё так выйдет... Беда, беда. – Женщина вытерла глаза платочком. - Степочке хорошую характеристику написали с работы... Уважают его все, и коллеги, и студенты. Он требовательный, но справедливый. И умный. Очень умный наш Степочка.
- А по жизни – дурак! – не сдержалась Светлана Куролес.

- Он не дурак, он память потерял.
- А кое-кто этим воспользовался. Я о Юлии, невесте, черт бы я побрал.
- Светка, может и взаправду они... того...жениться собирались в тайне от всех? А что? Я в это верю.
- А я нет! Зачем он бы меня просил с девушкой познакомиться?
- Не думаю, что он просил. Небось, ты со своей инициативой?
- Ни без этого, но он не отказался. Не отказался же!
- Согласился для отвода глаз. Когда Марта говорила о женщинах сына, может быть, она не знала, что речь идет об одной женщине. Если бы речь шла об одной, то Марта точно пошла войной, пустив вперед разведгруппу. А раз были разные женщины, постоянных не было, она относилась к его романам терпимо, мол, куда не денется, а свидания необходимы для здоровья.
- Просто так я это дело не оставляю. Выведу эту невесту на чистую воду.
- Свет, давай подождем. Вот память к Степану вернется, он нам скажет – невеста она или самозванка.
- Пока память к нему вернется, она его на себе женит. Они уже свадебное путешествие планируют. Как вам?!
- Ты ревнуешь, что ли?
- Теть Зин, вы о чем? Я замуж собираюсь. За брата несостоявшейся Степкиной невесты.
- Сегодня за брата невесты, завтра... еще за кого-то.
- Ай, не сочиняйте. Это мы в детстве хороводились. Встретились спустя много лет, и поняли, что... лучше нам держаться вместе. Степка мне как брат.
- Как брат. Понимаю.
- Ничего вы не понимаете. Я другого люблю. А Степку в обиду не дам. И пока эта особа его не окрутила, нам надо во всем разобраться. Вы со мной?
- А что от меня нужно?
- Нужна информация. Я о Степкиной жизни мало что знаю...
Теть Зина знала больше, снабдила информацией Светлану, та отправилась в университет, где преподавал Степан Сергеевич Ефремушкин.
Светлана горела желанием вывести самозванку на чистую воду и разобраться, почему самозванке так хочется заполучить Степку в мужья?..

Глава пятая

Кипучая деятельность

Величественное здание технического университета постройки тридцатых годов прошлого века находилось на площади Гагарина.

Светлана вышла из автобуса, пересекла проезжую часть и направилась решительным шагом мимо клумб с многочисленными кустами роз. Цветы благоухали до умопомрачения. Развитое обоняние в очередной раз сыграло с молодой женщиной злую шутку: голова закружилась от сильных цветочных ароматов, стало слегка подташнивать. Пришлось ускорить шаг, чтобы быстрее преодолеть клумбу с роскошными розами, не вызывающими у Светланы никакого восторга. Уже подойдя к ступеням, ведущим к массивной двери здания университета, она резко затормозила, поозиралась по сторонам, как секретный агент на задании, а, заметив за высокими голубыми елями ряд скамеек, решила переждать и собраться с мыслями. Благо легкий ветерок уносил цветочные ароматы в противоположном направлении. На одной скамейке сидела влюбленная парочка, на другой трое парней спорили на «космические» темы – недостижимые для простых смертных, коей являлась Светлана Куролес.

Темный лес, - подумала о себе она, с уважением поглядывая на умную современную молодежь. Парни еще какое-то время посидели-поспорили, потом заторопились по домам, напоследок поздравив друг друга с успешным завершением летней сессии.

Влюбленная парочка тоже опомнилась и медленно потянулась к зданию – видимо, для них сессия еще продолжалась. И судя по лицам, особых успехов они не достигли.

Светка осталась в гордом одиночестве. Она так стремилась прийти и вывести Юлию на чистую воду, так торопилась, и вдруг раз и сдулась. Куда делась ее решительность?! А всё потому, что запоздало поняла - Юлия сейчас на работе, на кафедре теоретической физики, и наводить справки о ее отношениях с мужчинами в общем и с Ефремушкиным в частности неловко в ее присутствии. Конечно, можно заявиться и приказать Юлии удалиться, пойти прогуляться, пока она будет собирать сплетни. Смешно.

- Эх-хе-хех, - вполголоса озвучила свою нелегкую долю Светлана.- Не все так просто, как кажется на первый взгляд. Кто это сказал? Я сказала... - Вдруг обратилась она к себе в третьем лице, - если ты такая умная, но иди и действуй, не тяни резину, потому как время идет, твоего друга скоро женит на себе авантюристка, и ее мечта, авантюристки этой, воплотится в жизнь. Видимо, она рождена, чтоб сказку сделать былью... Не то, что у некоторых – всё через пень-колоду. Включая Степана Сергеевича. Бедный, бедный Степка. В голове пусто – ничего и никого не помнит.

Светка посидела с глупым видом, изучая чуть отросшие еловые веточки, которые отличались от «источника» слабым цветом и отсутствием колкости. Даже потянула носом, чтобы вовремя улигнуть, если хвойный запах зашкаливает. Не зашкаливал. И дышалось здесь легко, однако она заключила трагическим голосом:

- Как трудно жить...

- Согласен, не легко, - заметил дворник - сухопарый мужчина, явно злоупотребляющий спиртными напитками, которые поспособствовали переходу из мачо в полуопустившегося человека. Но прежний мачизм еще просматривался: глаза оставались лукавыми, магнетизм мужчины ослабел, но не исчез, в связи с чем, отвращение не возникало. Хотелось оценить «итоги разрушений» данной личности, не ради самой личности, а чтобы в очередной раз понять - падение в пропасть происходит незаметно, и задуматься – все ли ладно у тебя или твоих близких, вдруг ты что-то упускаешь.

Светка явно упустила... свою личную жизнь. За всеми своими «следственными мероприятиями» она позабыла жениха, своего Петю, Петра Алейникова, который уже начал на нее обижаться. И не удивительно – Светлана постоянно где-то пропадает, они общаются только по телефону, да и то на бегу, Светлане всё некогда. Она считает, что разговоры с Петей мешают ей сосредоточиться на главном – на спасении друга Степана. Петр Алейников в курсе проблем Ефремушкина, поверхностно, и пока не давит на Свету, и будто бы не обижается и будто бы не ревнует. В отличие от некоторых девушек, она не выносит даже намек на ревность. Ревность унижает обоих, потому как строится не на недоверии. А раз не доверяешь, то не веришь в любовь своего партнера. Возможно, и сам не любишь, всего лишь влюблен, и ищешь повод для раздора. Такова была у Светланы Куролес философия отношений мужчины и женщины. Светка часто спрашивала себя: скучает ли она по своему Пете? И с испугом понимала – не скучает, совершенно. Хотя некоторое время назад не могла прожить без него ни дня. Ни часа, чтобы не позвонить, чтобы не услышать его голос – бальзам на душу.

Вспомнив Петра, Светка загрустила. Захотелось плюнуть за Мишкину – пусть женит на себе Степана, пусть что хочет, то и делает. Сами разберутся, кто есть кто. Это их жизнь, общая или разобщенная, пусть решают сами.

Но Степка - великовозрастный ребенок. Раньше у него была мать – указующий перст, теперь матери нет. Сейчас у него переходный период, как известно, в переходный период всегда возникают сложности, что уж говорить о теперешнем времени, когда Степана

нельзя назвать человеком разумным, если грубо: он существо с примитивными инстинктами. Но Светлана никогда не произнесет это вслух. Про себя – можно.

Надо подождать, пока существо станет человеком разумным, со своим прошлым, с настоящим. Когда станет, тогда и направление в светлое будущее будет выбирать сам, без участия извне.

- Да, все-таки жизнь сложна и удивительна... своими сюрпризами, - подвела вслух итог своих предыдущих размышлений Светлана Куролес, совершенно позабыв о дворнике, бывшем мачо, который ее к этим размышлениям и сподвиг.

Между тем дворник деловито вытаскивал мешок с мусором из бетонной урны и косился в сторону странной особы, которая бросается фразами, больше свойственными людям пожившим и повидавшим.

Мужчина показательно откашлялся – напомнил о себе.

Светлана опять воззрилась на него с задумчивым оцениванием. Поняла, что оценивать ей совсем не хочется, хочется сбежать без всяких перебросов ничего не значащими словами, как обычно бывает между незнакомыми людьми. Однако она посчитала неучтивым и подозрительным подскок и побег, и пусть перед ней мужчина, которого она видит в первый и в последний раз: не стоит окончательно портить свою подмоченную репутацию - разговор самой с собой это нечто! Это на грани помешательства.

Куролес не подскочила и не побежала, продолжала сидеть и делать отстраненный вид – я одна в целом мире. Между тем, мужчина-бывший мачо вытащил из урны черный мешок, свернул конец жгутом и обратился к женщине, имевшей отстраненный вид:

- Как думаешь, дождь сегодня будет?

Панибратское отношение Светлану нисколько не задело – стоило ли обращать внимание на такие мелочи, к тому же, легкое препирательство может быть им расценено как кокетство.

Светка подняла глаза к небу, полюбовалась летней линялой синевой и легкими ватными облачками и заключила с умным видом, подтрунив над синоптиками «из телевизора»:

- Вероятны дожди в некоторых районах области.

Фраза не сразу улеглась в голосе дворника, а когда улеглась он уточнил с нажимом:

- У нас будет дождь?

- Для вас это архиважно? – отделалась вопросом Светлана.

- А то нет?! Если будет ливень, я не поеду на дачу. Смысла никакого нет. Что там делать – земля сырая, ни прополоть, ни обиходить... - Подумал и расплывчато добавил, - и вообще...

Светка вновь самоустранилась, недовольно поджала губы, дав понять, что в собеседниках не нуждается, предпочитает одиночество.

- Ты... это... ждешь кого?

- Жду мужа! Он у меня очень ревнивый, - намекнула она.

- Красивая ты, повезло твоему мужику, - высказался незнакомец и решил назвать свое имя.

– Меня Василием Васильевичем зовут.

- Шахерзада Ивановна.

- Шутница... Пойду я, дела у меня.

- Я вас не держу.

Василий Васильевич попереминался с ноги на ногу, будто ждал чего-то, потом все же исчез со своим черным мешком.

Принесла его нелегкая – с нужной мысли сбил на ненужную настроил, - возмутилась про себя Куролес, высказываться вслух не решилась, вдруг кто-то еще захочет подключиться к разговору. Задумалась, - с кем бы посплетничать про Юлию? Кто пойдет со мной на откровенность? Кто я такая? С какой целью собираю информацию о Юлии Мишкиной? Если бы я была сотрудником следственного отдела, тогда бы не было вопросов. Увы, не сотрудник. Но близкая подруга Степана Сергеевича Ефремушкина! И чего сижую? Информацию о Мишкиной не высижую, это точно. Надо действовать. Сейчас проникну в

здание университета, найду нужную кафедру, загляну в кабинет... Если Юля на месте, спрячусь неподалеку и буду ждать... «с моря погоды». Со стороны мое поведение будет выглядеть странным, если ни чудаковатым. И что? Плевать. Буду ждать, когда Юлия Мишкина куда-то отлучится, например, в туалет. Тогда и предприму вылазку в «логово неприятеля».

Только Светлана вскочила на ноги, только вышла из-за необъятной и высокой голубой ели, как тотчас увидела интересующую ее особу, сбегаящую по ступенькам. Светка нырнула назад, за ель. Мишкина никого вокруг не замечала, парила над землей. Вид у нее был несколько не озабоченный, счастливый был вид и... глупый. Если бы Светка встретила такую счастливую особу, то несколько бы не обзавидовалась ее счастьем, а подумала, что та с большим приветом: ну чего, спрашивается, идти по улице и цвести майской розой? Сказано – с приветом!

Мишкина пролетела мимо голубых елей, за которыми сидела в засаде Куролес, и направилась в сторону автобусной остановки.

Светка проводила ее убийственным взглядом и мысленно обозвала «моделью на ходулях». Из зависти, наверное. Юлия была стройной девушкой с длинными ногами. Чего не скажешь о Светлане, которая мечтала немного подрасти – что нереально, и сбросить пяток килограммов – что тоже почти нереально, она проверяла: безуспешно сидела на диетах, не ела после шести вечера и много чего предпринимала. Почти безуспешно – избавлялась от пары килограммов, потом быстро их возвращала, еще и с плюсом.

Юлия удалилась на значительное расстояние, а Светка, обладательница отличного обоняния, еще долго кривилась от запаха ее парфюма. Хотя, запах был приятным, фиалково-сиреневым, напоминающий «Diorissimo» от Dior.

Светка нашла очередной повод прицепиться к Мишкиной: этот запах ей совершенно не подходит – ни ее! Светка знает, что говорит.

Раз теперь путь был свободен, не стоит откладывать сбор информации, надо спешить. Но Светлану что-то удерживало. Она продолжала высматривать стройную девичью фигуру в легком пестром платье с расклешенной юбкой. Подол платья игриво трепыхался при ходьбе, вызывая у мужчин понятный интерес к стройным женским ножкам. Светлане данный интерес был несвойственен, но она все равно провожала задумчивым взглядом удаляющуюся женскую фигуру.

Светлана догадывалась, куда направляется Мишкина. Захотелось последовать за ней, стать третьей лишней, чтобы всячески помешать ей обхаживать больного амнезией, старого друга Светы – Степана Ефремушкина. Кому как ни Светлане знать, что Степан легко поддается внушению, тем более сейчас, в его нынешнем состоянии. Юлия Мишкина будет ему долдонить – я твоя невеста, надо скорее идти в загс, и, в конце концов, «жених» сдастся под ее напором. После свадьбы-скороспелки, рано или поздно память к Степке вернется. Но хватит ли у него смелости порвать отношения с девушкой, которая на самом деле никогда не была его невестой? В том, что Юлия – его невеста, Светлана сомневалась, потому что друг детства обязательно рассказал бы ей о существовании дамы сердца. В чем она НЕ сомневалась, что вернувшийся к жизни Степан останется жить с Юлией под одной крышей и воздержится предпринимать любые действия к разрыву отношений. Он будет раздумывать, взвешивать и откладывать решение на неопределенный срок. Потом стерпится-слюбится. И промучается всю оставшуюся жизнь.

В Светкину отчаянную голову ворвалась мысль – а не рассказывать ли Степану о смерти его матери. Жестоко? Но эта жестокость поможет избежать скорой свадьбы. Однако последствия от новости могут быть необратимыми.

В разговоре с тетей Зиной они заспорили – рассказать Степочке о смерти матери или промолчать до лучших времен? Света уверяла – надо рассказать, иначе как они ему объяснят, почему мать не приходит к больному сыну? Можно, конечно, сочинить – живет в

другом городе, в захолустье, там и связи нет, поэтому о нападении на сына ничего не знает. Как держат связь? Сын периодически к ней наезжает. Вот поправится и поедет.

Тетя Зина стояла на своем – нельзя рассказывать Степочке о смерти матери. Он должен окрепнуть. Светка спорила – надо сказать! С большой вероятностью трагическая новость поставит мозги на место, Степка всё вспомнит. И если не вспомнит, свадьбу точно отложат до лучших времен – нельзя праздновать, если произошла трагедия с близким человеком...

На что тетя Зина ей попеняла: «У вас, молодых, все шиворот-навыворот! Вожжа под хвост попадет, и понеслась, ничего не остановит – ни смерть, ни болезнь!» Как ни хотелось, но пришлось Светлане согласиться «про вожжу». Но Степан – человек порядочный, это плюс, но мягкий, это минус: согласится перенести свадьбу, но сдастся под напором невесты, которая запугает уходом, – пойдет у нее на поводу. А невесте этой пофиг условности, связанные с трагическими обстоятельствами, к тому же она целеустремленная – поставила себе цель женить на себе завидного кавалера и женит, не сомневайтесь.

Если она, действительно, невеста, а не авантюристка.

Светке тоже «палец в рот не клади», она тоже привыкла добиваться поставленной цели. И считает лучшим выходом – рассказать Степану о смерти матери. Да, для него это будет ударом, но этот удар поможет увести от следующего удара, от женитьбы на девушке Юлии. Светлана допускала мысль, что у Степки была с ней недолговечная связь. Потом они расстались. Степан благополучно обо всем забыл, а его бывшая возлюбленная ничего не забыла, и с желанием воссоединиться не рассталась. Ее час настал, когда Степан Сергеевич потерял память.

Светлана просто обязана помешать планам Мишкиной, потому что точно знает – Степка не собирался жениться на ней, как не собирался в поездку на Майами или на озеро Байкал.

Светлана пометалась, потом все же выбрала верный путь – в университет. Когда еще представится возможность собрать информацию о Мишкиной без ее присутствия...

На вахте со скучающим видом сидел мужчина средних лет в униформе. Он никак не отреагировал на появление молодой женщины. В пустынном холле было прохладно и тихо. Светка не решилась спросить у охранника, где находится кафедра теоретической физики – поймет, что она чужачка, спросит пропуск или студенческий билет, а раз ни того, ни другого нет, выставит ее на улицу.

Пришлось прошмыгнуть мимо скучающего стражника, остановиться на перепутье. Из этого места шли три дороги: прямая – к широкой лестнице, влево и вправо тянулись бесконечные коридоры. И ни одной живой души.

Вымерли все, что ли?! – мысленно возмутилась Светлана и, недолго думая, направилась в сторону лестницы, надеясь найти живую душу. И душа нашлась. Между первым и вторым этажами, приткнувшись к стене, на одной ноге стояла девушка в джинсах и белой футболке, другая нога упиралась в стену. Девушка прижимала к груди рюкзачок и беззвучно плакала. Слезы бежали по щекам, девушка слизывала их языком, когда они добирались до губ.

- Завалила? – сочувственно поинтересовалась Куролес.

- Ага, – печально согласилась она и смахнула ладонью слезы. Даже попыталась улыбнуться. Наверное, обрадовалась появлению участливого человека, который способен выслушать ее жалобы. Так и вышло. – Я отлично знаю предмет, все сокурсники так считают, а препод, сволочь, меня завалил. Мы приперлись с утра пораньше, а он перенес экзамен на после обеда, видите ли, ему так удобнее. Мы устали от ожиданий, отупели, а он еще мурьжит каждого по часу! И «неуды» раздаст за милую душу. Я уже четвертая получила неуд. Еще и половина группы не сдала.

- Если преподаватель захочет, он всегда завалит, – со знанием дела заявила Светлана.

- И я о том же, – согласно кивнула девушка.

- Не повезло тебе, наверное, у препода настроение плохое. Наверное, с женой поругался, – ляпнула, не подумав, Света.

- А я причем?! – вспыхнула студентка. – А то, что нам не повезло, это вы в точку попали. Наш преподаватель, классный мужик, серьезно заболел, а этого...

- Который сволочь? – уточнила на всякий случай Света, чтобы наладить контакт, едва не потерянный.

- Еще та сволочь! - закатила глаза девушка, - а этого назначили приказом ректора вместо Степана Сергеевича.

- Степана Сергеевича? Ефремушкина?

- Да. А вы с ним знакомы?

- Вот с таких лет, - восхищенно произнесла Куролес и показала, с каких лет они знакомы - не более метра от паркетного пола.

- Здорово, - протянула студентка. – Как себя чувствует Степан Сергеевич?

- Медленно идет на поправку. Надеюсь, к новому учебному году будет в строю.

- Хотелось бы... И хочется надеяться, что меня не отчислят, - вздохнула она.

- Не падай духом.

- Буду стараться. Передавайте Степану Сергеевичу большой привет, пусть поскорее выздоравливает, мы его очень ждем.

- Обязательно передам. Ему будет приятно... Не подскажешь, где находится кафедра теоретической физики?

- На втором этаже, от лестницы поверните налево, дойдете до конца коридора и еще раз поверните налево. Пройдете, и потом увидите, там на двери есть табличка.

- А... Юлия Мишкина на ЭТОЙ кафедре работает? Кажется, лаборантом?

- Лаборантом, но гонору на всего доцента. Она параллельно учится на заочном отделении. Уже много лет учится, всё никак не закончит.

- Семи пядей во лбу, наверное, - поерничала Светлана.

- Она то академы брала, то еще что-то, я точно не знаю...

Куролес поднялась на второй этаж, повернула налево. Двигалась по коридору и читала таблички на дверях, чтобы не пропустить нужный кабинет – вдруг расстроенная девушка что-то перепутала.

Оказалось, не перепутала, пришлось еще раз свернуть. И от неожиданности остановилась. Она так привыкла, что в здании почти никого нет, а тут вдруг перед глазами выросла группа студентов. Светка вспомнила свою студенческую молодость и фразу – перед смертью не надыхайся. Ребята хотели надыхаться перед смертью – штудировали конспекты в полном безмолвии. И это безмолвие больше всего испугало Светлану. Она не стала мешать студентам и прошествовала мимо. Никто из них не обратил на нее внимания.

В самом конце коридора, наконец, нашлась нужная дверь. Светка оглянулась на студентов. Они по-прежнему мечтали «надыхаться перед смертью», и никого вокруг не замечали, но до тех пор, пока из кабинета из выпорхнула приземистая девушка с безумном счастливым лицом. Сотоварищи тут же обступили ее кольцом и забросали одним и тем же вопросом: «Ну, что?! – «Пять!» - воскликнула девушка и показала ладонь с растопыренными пятью пальцами. – «Да, ладно», - не поверили приятели. Девушка показала им зачетку. Все головы соединились – изучали зачетку. Потом так же хором протянули: «Везет же». Одна девица не выдержала и приглушенно бросила:

- За какие это красивые глаза он тебе пять баллов поставил? Даже Файке неуд вкатил. А Файка лучше всех знает предмет.

- А Файке не нужно было свысока на препода смотреть, - парировал отличница. – Вот он ей и отомстил.

Светке были неинтересны перипетии студенческой жизни будущих физиков, она прикинула ухом к двери лаборантской, прислушалась, потом постучала и, не дождавшись приглашения, открыла дверь.

В большой комнате в два параллельных ряда тянулись длинные столы, составленные из нескольких, с покрытием из текстолита. На столах стояли разноразмерные приборы и тянулись провода, их соединяющие.

Перпендикулярно столам с приборами, стояли еще три ряда обычных рабочих столов, рассчитанных на два человека. Светка зачем-то пересчитала – столов было двенадцать, по четыре в каждом ряду.

- Есть кто живой? – повысив голос, спросила она. Ей никто не ответил.

Тогда Светлана вошла в кабинет, осмотрелась и заметила еще одну дверь в конце кабинета. Дверь была приоткрыта. Света смело зашагала к двери, предположив, что там кто-то должен быть, иначе входная дверь в кабинет теоретической физики была бы закрыта на замок. Приблизившись к двери, Света побарабанила по ней костяшками пальцев. Никакой реакции.

Куролес решила заглянуть, затем решила войти. Не успела толком ничего рассмотреть, как сзади ее кто-то обхватил за шею одной рукой, чужой локоть оказался у нее под подбородком. Этот кто-то прошипел на ухо пугающим голосом как из преисподней:

- Вот и смертушка твоя пришла.

Душа Светланы двинулась прямиком вниз, к пяткам, куда ей и положено двигать в момент испуга, но повременила с движением вниз по причине глупого «гы-гы», которое издал тот же голос, выпрыгнувший из преисподней и сменивший тональность.

Если бы Некто не гыгыкнул, то Светка потеряла бы сознание от неожиданного нападения сзади, хотя, была не робкого десятка, душа уж точно не успела дойти до конечной точки следования.

Странно, что этот раз ее не только подвел слух, но и развитое обоняние – чужого запаха Светлана не почувствовала, и пропустила приближение чужака. Но теперь, когда чужак шутиливо пригрозил и гыгыкнул, она принялась и уловила знакомый запах детского крема. И решила, что ребенок забавляется. Но ребенок явно был немалого росточка и голосок грубоватый, мужской был голосок, признаться – приятный, если бы ни угроза и глупое гыгыканье.

Вдруг запоздало осознала, что это совсем не шутка, что ей грозит опасность, что на нее напал маньяк, допустим, студент, у которого «поехала крыша» на почве неудачной сдачи летней сессии, и теперь ему придется облачаться в армейскую форму и целый год служить России, замечательной стране...

Светлана Куролес опять мысленно распрощалась с жизнью. Представила свое бездыханное тело на паркетном полу... Приготовилась к смерти, благо не мучительной, но схватка быстро ослабла. И не просто ослабла. По-прежнему стоя сзади нее, убивец сграбастал ее двумя руками и лизнул щеку, вызвав у нее крайнее неудовольствие, но подтвердив мысль – маньяк, притом сексуальный. Маньяк промурлыкал на ухо:

- Испугался, мой котенок?

Светлана извернулась и, наконец, смогла рассмотреть убивца. По мере ее разворота его лицо, похожее на лицо котяры, объевшегося сметаны, менялось – от умильного к обалдевшему. В итоге он ошалело уставился на нее, не успев ничего сказать, как она, скорая на разборки, вlepила ему пощечину.

- А если бы я окочурилась от страха?! У тебя, вообще-то, голова работает?! Ты мозги иногда включаешь?!

Молодой парень, на вид студент, лишь потирал щеку и удивленно пялился на нее.

Вдруг на пороге возникла молодая женщина лет тридцати. Надо признать, у этой женщины и у «жертвы сексуального маньяка» были одинаковые стрижки (угораздило же Светку на днях сделать стрижку, избавиться от надоевшей косы), и цвет волос был один в один, как будто красились одновременно и использовали один тюбик краски для волос. Даже платье на «близняшке» тоже было красного цвета, как у Светланы, но другого фасона. Но

кому это интересно, если чувства зашкаливают – вот и перепутал Светку со своим котеночком.

- Что здесь происходит? - грозно поинтересовалась дама в красном, переводя взгляд с незнакомки, тоже в красном, на парня с красной щекой. – Сергей, я тебя спрашиваю, что здесь происходит?!

- Я... это... перепутал тебя... вас, Виолетта Андреевна, с этой женщиной.

- Он перепутал, а я чуть в ящик не сыграла, - доверительно сообщила женщина.

- Вы кто? И что вам здесь нужно?

Еще пять минут назад Светлана решила идти окольными путями – не называть истинную причину своего визита в университет, на кафедру теоретической физики, но побывав в объятиях «убивца», позабыла об окольных путях, но не сразу выложила карты на стол.

- Мне очень нужно с вами поговорить по одному деликатному делу...

- Вы кто такая? – накинулась на нее Виолетта Андреевна, багровея на глазах. Причина была ясна как божий день – своим поведением Сергей раскрыл их тайну – их любовную связь.

- Кто я? Совершенно посторонний человек, которому нет никакого дела до личных отношений незнакомых мне людей! – отрапортовала Куролес.

- А имя у вас есть, посторонний человек? - смягчилась Виолетта.

- Меня зовут Светлана Куролес, я давний друг Степана Сергеевича Ефремушкина. Пришла обсудить... один важный вопрос. Очень надеюсь на вашу помощь и понимание.

- Ты иди, Сергей, - напутствовала парня женщина, - мы потом с тобой серьезно поговорим.

- Нисколько не сомневаюсь, - ухмыльнулся Сергей и исчез.

- Присядем, - предложила Виолетта и указала на стулья возле небольшого стола для чаепитий. – Хотите кофе или чаю?

- Воды, если можно.

Виолетта налила в стакан воды из кулера и поставила стакан перед Светланой.

- Я не буду юлить и спрошу прямо – у Степана Сергеевича были отношения с Юлией Мишкиной?

- В смысле? О каких отношениях идет речь?

- Об обычных отношениях между мужчиной и женщиной.

- Впервые слышу. Но Степан Сергеевич человек закрытый, о его личной жизни мне ничего неизвестно?

- А о личной жизни Мишкиной?

- Что я вам могу сказать... Юлия непростой человек со сложным характером. Она почти никогда не рассказывает о своей личной жизни, у нас в коллективе вообще не принято говорить о личном, на работу мы приходим чтобы работать, а не языками чесать.

- Вы сказали – почти, - не пропустила ключевое слово Светлана, - значит, бывают редкие случаи откровений.

- Бывают, - кивнула Виолетта Андреевна с мягкой улыбкой, - когда хочется с кем-то поделиться наболевшим. Понимаешь – не расскажешь, с ума сойдешь. Наверное, у Юли произошло нечто подобное. Именно тогда она призналась, что у нее есть навязчивый поклонник. Как вы понимаете, я знаю о поклоннике только с ее слов, сама я его никогда не видела, да мне этого и не нужно, я не из любопытных. Юлия призналась, что не питает к нему ответных чувств, а он ей прохода не дает, измучил своей любовью. И тут самое интересное - она заявила, что давно любит другого человека. Имен – ни навязчивого дыхателя, ни объекта ее страсти - она не называла. Только сказала - один измучил любовью и преследованием, другой - долго оставался безразличным. Но Юлия не отступала, прилагала все силы, чтобы привлечь его внимание, завоевать. И ей это удалось, путем невероятных усилий она достигла желаемого. Они начали встречаться, итогом их встреч стало предложение руки и сердца.

- Когда она разоткровенничалась с вами?

- Я не помню, - пораскинув мозгами, призналась Виолетта, сведя брови.
- Год, два, полгода, месяц назад, - терпеливо перечислила Светлана, но в глазах читалось отчаяние пополам со злостью.
- Что вы, нет.
- Поконкретнее, если можно.
- Может, месяц назад, может, пару недель... Простите, точнее не скажу. Мне не интересен чужой мексиканский сериал.
- И его имя она так и не раскрыла? – полувопросительно-полуутвердительно произнесла Куролес, вызывая у ученой дамы недоумение – ну, говорила же, нет!
- Не раскрыла, - сдержанно обронила дама. Что-то вдруг вспомнила и доложила, - я, вообще, узнала о его существовании только тогда, когда увидела на ее пальце кольцо... Она заметила мой немой вопрос, сначала пожаловалась на навязчивого кавалера, потом обмолвилась о долгоиграющем чувстве и достижении своей заветной цели.
- Не это ли стало причиной ее откровения, - пробубнила себе под нос Светлана.
- Я не поняла...
- Я говорю, что Юлия хотела, чтобы коллеги узнали о ее предстоящем бракосочетании. Просто так она не решилась похвастать, сначала заговорила о навязчивом поклоннике, потом рассказала о «взятии Эвереста». «Эверест» в итоге был покорен, пик счастья достигнут, однако полному счастью мешает поклонник, который не желает принимать во внимание ее безразличие и предстоящие перемены в ее личной жизни. В сердцах Юлия и высказалась о своих проблемах.
- Вы предполагаете, что Юлия ведет свою игру? Что нет никакого воздыхателя и нет человека, которого она долго добивалась? Однако всё сложно для моего восприятия.
- Очень жаль, что Мишкина была откровенно-неоткровенной – так до конца и не раскрыла карты. Ни имен, ни фамилий, ни рода занятий... Нет людей, к которым можно обратиться за помощью... Все очень странно и подозрительно... Я вот о чем подумала: допустим, навязчивый поклонник имеет место быть. Юлия его использовала для своей игры... Если, конечно, это была игра, а не настоящая история со счастливым концом, - сбивчиво рассудила Куролес.
- Чего вам бы очень не хотелось, - договорила за Свету Виолетта, прочитав ее мысли.
- Вы правы, но сейчас я о другом. Допустим, поклонник был. Он повсюду следовал за Юлией. Но старался остаться незамеченным. Раз следил, то мог видеть ее в компании другого мужчины.
- Вам надо поговорить с Сергеем, он живет с Юлией в одном доме. Когда вы заговорили о людях, к которым можно обратиться за помощью, я о нем сразу подумала.
- С Сергеем? – Светлана кивнула в сторону двери, за которой некоторое время назад скрылся «убивец».
- Да, с ним, он, как и Юлия, учится на заочном отделении, но на другом факультете, - глядя в сторону, бесстрастно произнесла Виолетта.
- Где я могу его найти?
- Сейчас я ему позвоню...

Сергей и Светлана вышли на свежий воздух и пристроились на скамейке под голубыми елями. Сегодня скамейка пользовалась у Светланы популярностью.

- Что вам угодно? – издевательски поинтересовался парень. По всей видимости, решил отомстить своей «жертве» за свою же оплошность.
- Тут мне... птичка на хвосте принесла, что вы, сударь, знакомы с Юлией Мишкиной. Скажу сразу – мне нужна кое-какая информация о ней.

Сергей оказался непростым парнем, и не собирался тактично, пусть и не напрямую, извиняться за свое неджентльменское поведение, которое Светлана, его «жертва», не считала случайным совпадением. Мог бы сразу расшаркаться, а не смотреть на нее, как на

ненужного свидетеля, которого необходимо немедленно ликвидировать. Его подруга сердца, Виолетта Андреевна, посоветовала «оказать любезность, побеседовать с милой женщиной». Милая женщина перестала быть милой, когда услышала вопрос своего визави, не успев вклиниться со вступительным словом, отчего ее ответное пояснение было насквозь пронизано ядовитой «благожелательностью», а на устах повисла улыбка, от которой становилось не по себе.

Сергей быстро отреагировал на просьбу Светланы неожиданным заявлением:

- Не пристало такой... милой женщине собирать сплетни. Еще Элеонора Рузвельт утверждала: великие умы обсуждают идеи, средние умы обсуждают события, малые умы обсуждают людей.

- Что вы говорите?! – всплеснула руками Светлана Куролес, - кто бы мог подумать, что личности, подобные вам, способны запомнить такую длинную тираду. А кто такая эта Элеонора Рузвельт, вам известно?

- Мне-то известно, а...

- Слушай, парень, может быть, хватит Ваньку валять?! Ты мне до лампочки, как и твои отношения с женщинами. За нападение на меня, на милую женщину, - поерничала она, повторив изречение своего визави, - я тебя прощаю. И зла не держу. Ты мне - информацию о Мишкиной, я говорю тебе большое человеческое спасибо и отваливаю. Я тебя не знаю, ты – меня. Идет?

- Что тебя конкретно интересует? – подобрался Андрей, избавившись от снисходительной улыбочки.

- Я хочу знать: были ли у Мишкиной отношения с Ефремушкиным Степаном Сергеевичем до нападения на него? И были ли у нее другие поклонники?

- Мы знакомы с Юлькой много лет, живем в одном доме, учились в одном классе. Но не с первого, я позже в их класс пришел. И сразу «положил на нее глаз». Юлька была... и есть очень симпатичная девчонка. Но как все симпатичные, с гонором – считает себя выше других. Спрашивается, с чего вдруг? Да, симпатичная, но не дивной красоты, про интеллект я, вообще, промолчу.

- Дура? – уточнила Светлана.

- Не сказать, что дура – дуры они бесхитростные, а эта - себе на уме. И везде ищет собственную выгоду. И этот взгляд...

- Что не так со взглядом?

- Смотрит, как баран на новые ворота, как будто не догоняет - ни одного слова, из сказанного тобой, не понимает. А на самом деле – дает понять, кто она, а кто ты. Я понятно выражаюсь?

- Вполне. Что-то еще?

- Что еще? У нее снега зимой не выпросишь. Живет по принципу: сначала давай съедим твоё, потом каждый – своё.

- Портрет Мишкиной прорисовался: симпатичная, с гонором, себе на уме, корыстолюбивая - везде ищет выгоду. Теперь о Ефремушкине. Все-таки ты с Юлей в одном доме живешь, мог стать свидетелем встреч-расставаний.

- Врать не буду, не видел их вместе ни разу. Но они могли шифроваться. Все-таки, он преподаватель, она студентка-заочница, к тому же коллега, работает на кафедре.

- Поклонники? - напомнила Светлана.

- С поклонниками у Юльки бооольшая проблема.

- Все ей не ровня – по ее личному мнению, поэтому сразу – отворот-поворот?

- Не вникал.

- Или есть любовь на всю жизнь? Хоть пока ему и не отдана, но уже всю жизнь верна.

- Ефремушкина имеешь в виду? А он тебе, кто?

- Друг детства. Мы с ним вот с таких вместе. – Светка привычно показала, с каких они вместе со Степкой – ростом не более метра. – У Степана Сергеевича потеря памяти после черепно-

мозговой травмы, и теперь Юлия Мишкина утверждает, что они давно жених и невеста и теперь обязательно поженятся.

- А что? Все может быть, - пробормотал Сергей. – Потому Юлька так себя ведет.

- Как, так?

- Чуть на горизонте появится поклонник, она быстро убирает его с дороги едким словом. Так приговоздит, что у того отпадает всякое желание продолжать ухаживания.

- Значит, быстро улепетывают женишки, - констатировала Куролес и с надеждой в голосе поинтересовалась, - неужели никто не задержался? Неужели не нашлось парня, который был в нее влюблен по уши? Так, чтобы ему было наплевать на обидные слова?

- Есть тут один. Фомой зовут. Правильно – Фомин, Фома – это кликуха, еще со школы. Он умирает за Юлькой.

- А она? Никогда... не умирала? - с долей иронии спросила Куролес. Она не поняла, что рассмешило Сергея, и не стала уточнять, но он расплылся в улыбке, но быстро совладал со своими эмоциями и ответил на вопрос:

- Они, Фома и Юлька, какое-то время встречались, и было это... - Сергей призадумался, выпятив губы, - кажется, в выпускном классе. Фома оказался парнем целеустремленным – достиг желаемого, но радость была недолгой: Юлька его все-таки кинула.

- И что он?

- Он? Он продолжал ее преследовать, ходил по пятам и канючил, клялся в любви. Смотреть было противно. Не любовь, а одно унижение. Но продолжалось это преследование не так чтобы долго, до окончания выпускных экзаменов. У Фомы появились свои заботы - его призвали в армию. На проводы Юлька не пришла, а Фома очень ее ждал. Он отслужил и по окончании срока службы заключил контракт. Несколько лет служил по контракту, затем у него появились проблемы со здоровьем, его комиссовали, он вернулся в родной город. Вернулся ни один, с женой. Есть у его жены что-то общее с Юлькой, мы все это заметили. По причине сходства Фома, наверное, и выбрал себе спутницу жизни.

- У Фомы имя есть?

- Как без имени! Эдик его зовут. Эдуард Фомин.

- Эдик, значит.

- Когда Фома появился в городе, он сразу всех наших обзвонил и предложил устроить пикник на природе.

- Юлю не обошел стороной?

- Нет, конечно. Я думал, откажется, а она согласилась. Наверное, хотела посмотреть на жену Фомы и проверить свою власть над бывшим поклонником.

- Проверила?

- Ага, - печально выдохнул Сергей. – Эдькина супруга ей чуть глаза не выцарапала, когда увидела, как Юлька виснет на ее муже.

- А она висла?

- Не знаю, я за ними не следил.

- В общем, вышел скандал. Разошлись по-хорошему?

- Без эксцессов, но встреча была испорчена. Можно было еще гулять и гулять, но все засобирались домой. Настроение у народа было испорчено. Чего не скажешь о Юльке – она светилась счастьем, - уныло заметил Сергей.

Он явно был расстроен тем, что гулянка была испорчена, Юлька, действительно, его мало интересовала, и к выяснению отношений с «языкатой» девицей он не стремился. Светлане показалось, что он слегка побаивается бывшую одноклассницу: неизвестно, чем может закончиться даже безобидное общение.

- Что б себе доставить радость, надо людям сделать гадость, - глубокомысленно изрекла Светлана, тайно мечтая сделать гадость Мишкиной. Ее разрыв с Ефремушкиным – самая большая для нее гадость-огорчение.

- В этом вся Юлька, - перешел на трагический шепот молодой человек.

- Добренькая девочка, - съязвила Куролес.
- Ни в доброте, ни в человечности замечена не была, - отрапортовал Сергей. Светка не успела вклиниться с очередным вопросом, как он добавил к выше сказанному, - но недавно я ее не узнал. Будто бы Юлька, будто бы не она.
- Что-то с собой сотворила, чтобы жениху понравиться? – буркнула Куролес, мучаясь от запаха детского крема, который исходил от Сергея. Ей хотелось завершить разговор, но она терпела запах изо всех сил, надеясь узнать что-то важное о Мишкиной. То, что ей пригодится в следующем наступлении.
- Не в том дело, - отмахнулся парень. - Я недавно... - он выдержал паузу. У Светы от напряжения зачесался нос и зачесались ладони. Она потербила нос, потеряла ладони друг о друга, не сводя напряженного взгляда с собеседника, который не спешил озвучивать «про недавно».
- Ну? Что? Что недавно? – поторопила его Куролес.
- Недавно я заглянул на их кафедру... по делу...
- Мне без разницы, чего тебя туда занесло, - поморщилась она и поскребла нос.
- Заглянул на кафедру теоретической физики...
- Серега, ты издеваешься, что ли?!
- Будешь перебивать, вообще, ничего не скажу.
Светка возбужденно посопела и промолчала.
- Мы с Юлькой поболтали немного, о том, о сем. Кстати, она спрашивала о Фоме. Но так, для проформы. Я хотел поделиться последними новостями, а потом решил промолчать, чтобы она не сильно радовалась.
- О последних новостях ты расскажешь позже, сейчас о Мишкиной. Что с ней-то произошло?
- А то и произошло, что я увидел перед собой другого человека. Даже засомневался – Юлька ли это?
- Что с ней в тот день было не так?
- Ни язвит, ни смотрит на тебя как на гадко пахнущее пресноводное, ни ведет себя, как владычица морская. Ведет себя как нормальный человек. Никакого высокомерия, прям, друг-друг.
- Что ж послужило поводом для таких изменений в лучшую сторону? – напряглась Светлана.
- Для изменений должна быть веская причина.
- Я тогда толком ничего не понял, она говорила путанно и пространно. Вывод из ее философской речи можно сделать один - наконец-то, она перестанет жить двойной жизнью. Так сама заявила, я ничего не добавил, не убавил.
- В чем же заключается прежняя двойность жизни? Почему ты не уточнил?
- Мне оно надо?! Ну, сказала, и сказала. Я выслушал ее монолог, и ушел... слегка пришибленный: оказывается, ничто человеческое ей не чуждо.
- И всё? Вспомни еще что-нибудь, ну, пожалуйста, Сергей, - заканючила Светлана. Она очень надеялась на откровенный разговор, позволивший предпринять правильные шаги.
- Точно не воспроизведу, но кажется, она заявила, что может всем рассказать, что счастлива. Например, как мне сейчас. Еще недавно она скрывала от всех свое счастье, свою любовь, а теперь...
- Может о ней вопить на каждом углу, - договорила за Сергея Света с хмурым видом. Но вдруг лицо просветлело, - а все почему?! Потому что теперь Юлия Мишкина – названная невеста Степана Ефремушкина... Только названный жених узнал об этом со слов всё той же невесты. Сергей, а ведь твоя бывшая одноклассница готовила почву. Начала трезвонить о своей необычайной радости и выбрала тебя.
- Почему именно меня? С какой-то радости выбрала меня, чтобы поделиться радостью?
- «глубокомысленно» изрек он. - Ничего не понимаю! Ни тогда, ни сейчас. Хоть ты мне объясни.

- С какой-то радости, спрашиваешь. А с кем ей еще... якобы откровенничать? Ты ее бывший одноклассник, знаешь ее лучше других, - медленно тянула Светлана, как будто придумывала ответ на ходу.

- Почему я? - не приняв объяснений Сергей и решил уточнить, при этом умудрившись сделать паузу в коротком вопросе.

Со Светланой произошла метаморфоза: из задумчивой-тягучей она вмиг превратилась в скороспелку-тараторку:

- Да, потому что тебе тонкости момента до лампы! Ты суть уловил? Уловил! Вот и сейчас мне пересказал одну суть, без всякой конкретики – что? Кто? Зачем и почему? Допустим не я, а кто-то другой поинтересуется у тебя: знал ты о любовной связи Мишкиной и Ефремушкина? Ты призадумался, а потом ответишь: да, знал, хотя имени мужчины она не называла, но раз сейчас она с Ефремушкиным и светится от счастья, то речь шла о нем. Значит, они встречались и раньше, но скрывали от всех свою связь. И теперь... ее заветная мечта сбылась.

- Что за мечта? – запутался в ее монологе Сергей.

- А мечта состоит в том, что твоя бывшая одноклассница, наконец, выходит замуж за того, кого давно любит, и он платит ей взаимностью. И еще в том, что она, твоя Юлечка...

- Она не моя, - вставил Сергей.

- Не придирайся к словам!.. И еще в том, что Юлия намертво приклеила к себе мужчину, который после черепно-мозговой травмы начал жизнь с чистого листа. Что он помнит из прошлой жизни? Ничего он не помнит из прошлой жизни. И ни-ко-го! – по слогам добавила Светлана Куролес и цокнула языком.

- Ты намекаешь на то, что Юлька никогда не была девушкой Ефремушкина? - в полном смятении спросил Сергей.

- Допускаю, что мимолетная связь была. Но Ефремушкин к ней быстро охладел, а она так ждала продолжения, так мечтала стать его женой, так надеялась на предложение руки и сердца, - театральным вздохом молодая женщина. – Уже и свадебное платье приглядела. А тут вышел об-лом.

- Зачем он ей? Степан твой? Он старый и некрасивый.

- Сам ты старый, - нахмурилась Светка. – Внешность у Степки... скажем честно... средняя, но не отталкивающая, он ни Аллен Делон, но... - Она с такой тоской подумала о мужчине, у которого средняя внешность, и который в данную минуту слушает разные бредни своей «невесты», что у нее кольнуло в левой части груди, там, где сердце. Даже сердце Светланы противиться этому союзу, этому «счастью».

- Что ты приуныла? – забеспокоился Сергей.

Светка не заметила, что тяжело вздыхает и ладонь лежит на сердце – явное нездоровье, возможно, даже сердечный приступ. Сергей решил – ее задела характеристика, данная им Ефремушкину – немолод, некрасив.

- Зачем мужчине красота? Красота мужчине ни к чему, - констатировал Серега.

Светка скользнула по нему взглядом и тихо затаила, вспомнив слова старой песни:

- Он не прекрасен, может быть, наружно, зато душой красив наверняка...

- С этим я согласен. Все тетки на кафедре от него млеют.

- Вооот! И Юлечка твоя... извини, не твоя, тоже не исключение, - очнулась от печали Куролес. - Она давно влюблена в Степана, чем он ее взял, не знаю, но главное – девушка любит.

- А мужчина избегает, - вставил Сергей.

- Может избегает, а может, и оказывал какие-то знаки внимания...

- Ага, согласился один раз на...

- Только не надо подробностей, - осадила его Светлана. – Опять же – это все наши догадки. Возвращаемся к безответной любви девушки к немолодому человеку. Могу предположить, что она любит его искренне, или думает, что любит искренне. И будет думать

до тех пор, пока она, любовь, не растворится без остатка, как сахар в горячем чае, - без особой уверенности произнесла она. Посидела в глубокой задумчивости, потом обронила без продолжения, - Или...

- Или? - подхватил Сергей.

- Или она преследует свои меркантильные цели... Черт ее разберет, - выдохнула Света.

- А если на спор твоего Степу окучивает?

- Об этом я не подумала, - протянула она, сощурившись. – Но скажу честно - касательно этой версии меня гложат большие сомнения. Ты рассуждаешь с мужской точки зрения – это мужчины могут на спор завоевать женское сердце, а потом исчезнуть без следа. У женщин все иначе.

- Женщины еще похлеще себя ведут, - пробубнил с обидой Сергей, явно вспомнил о личной трагедии.

- Да, женщинам тоже свойственна жестокость – надоед, получил отворот-поворот без долгих объяснений. В случае с Ефремушкиным и Мишкиной все по-другому.

- Все-таки не веришь в ее светлое чувство к Ефремушкину?

- Честно? Не верю. И не потому, что мне очень подозрительно ее поведение: появилась рядом со Степаном в самый подходящий момент. А все потому, что в последнее время вокруг моего близкого друга происходят непонятные вещи.

- Поговаривали, что его задерживали по подозрению в убийстве собственной матери. Но никто в это не поверил. Чтобы Степан Сергеевич убил человека! Полная бредятина!

- Серега, я тебя измучила вопросами, но и ты меня пойми – Степану надо помочь. Открыть ему глаза на эту... невесту.

- Есть еще вопросы? Спрашивай, чего уж. Мне, честно говоря, тоже эта ситуация не нравится. Как представлю себя на месте Степана Сергеевича, то ужас берет.

- Юлия точно не называла имени Степана? Или какое-то другое имя, не называла? Я почему спрашиваю – вдруг она любит ни Степана, а человека, который затеял возню вокруг него?

- Тот подослал Юльку к Ефремушкину?

- А что? Версия имеет право на существование.

- Говорю же – наш разговор превратился в ее монолог. Я подумал – пусть человек выговорится. Так ошалел от другой Юльки, человеческой, что сам язык проглотил.

- Ее монолог больше походил на философские рассуждения на тему «Предпосылки для полного человеческого счастья», - монотонным голосом проговорила Куролес.

- Точно так, - подтвердил Сергей.

Вдали замаячил новый знакомый Светланы, дворник Василий Васильевич. Завидев ее в компании молодого человека, он ретировался, вызывая насвистывая нелепую мелодию собственного сочинения.

- Если вопросов больше нет, я побегу. – Сергей поднялся со скамейки.

Светка будто бы не обратила внимания на его порыв, как ни в чем ни бывало спросила:

- Что с Эдуардом Фоминым? Он счастлив в браке? Новость, которую ты не рассказал Мишкиной, касалась него?

- Счастлив, как же, - хмыкнул Сергей, присаживаясь. – Ушла жена от нашего Фомы, сбежала к родителям, чему я нисколько не удивлен: кто захочет жить с мужчиной, который любит другую женщину, только о ней и говорит, околачивается под ее окнами, поджидает, чтобы словечком перекинуться. А жене всё видно: квартира Фомы в доме напротив. О том, что Фома опять один, я и хотел рассказать Юлке.

- И рассказал?

- Ну, да. Но в другой раз ей рассказал.

- А она?

- Прежняя Юлька порадовалась бы и не отказала бы себе в удовольствии высказать какую-нибудь колкость в адрес обоих супругов. А эта, новая, Юлька промолчала, ни слова не сказала, но вид у нее был... загнанный какой-то.

- Почему ты так решил?
- Напрашивается один вывод - Юлька испугалась Фомы, получившего «вольную»: его не связывают никакие обязательства, а, заметив ее с другим мужчиной, он может потерять над собой контроль и пустить в ход кулаки.
- Даже так?
- Не уверен, но может.
- Сбежала, значит, молодая супруга, - неожиданно повеселела Света. – А ты, Серега, молодец! - Серега непонимающе уставился на нее. Но Светка свои мысли не озвучила, только поинтересовалась, - Фома ходит к Мишкиной как на работу? Преследует ее?
- Не скажу, что ходит как на работу – все-таки у него есть какие-то свои дела, но о себе напоминает: букетики носит, конфетки, вино, в кино приглашает, на прогулку. Все честь по чести, без глупостей.
- А Юля? Она как-то реагирует на его знаки внимания?
- Подарки принимает. Разрешает проводить себя до дверей квартиры, в квартиру не приглашает, знает, что от Фомы так просто не отделаешься. Кажется, пару раз они ходили в кино. Но могу и соврать, потому как свидетелем не был, знаю со слов Фомы, он делился радостью.
- Без глупостей, значит... Он мог приврать про совместные прогулки?
- А смысл?
- Чтобы повысить свой авторитет среди друзей, которые осуждают его за коленопреклонение перед той, которая его и в грош не ставит. Ведь осуждаете?
- Скажем так – мы его поведение не понимаем. Мог бы добавить в оправдание Фомы – потому что никто из нас так преданно не любил девушку, но не стану. Я знаю одно – у мужчины должна быть гордость и самоуважение. Если у мужчины этого нет, то его ни одна девушка не полюбит.
- Серега, а как бы мне поговорить с Фомой. Вдруг он что-то знает о Ефремушкине.
- Да не вопрос, записывай адрес. Но лучше приходи к Фоме после шести, когда он с работы вернется...

Прежде чем отправится к Эдуарду Фомину, Света Куролес посетила следственное управление, где имела нелегкий разговор с Максимом Гавриловичем Азархом, которые вел два уголовных дела: об отравлении гражданки Ефремушкиной Марты Гордеевны и о нападении на гражданина Ефремушкина Степана Сергеевича. Куролес пыталась убедить следователя, что ее другу детства грозит опасность, и особу, которая выставляет себя его невестой, необходимо задержать и допросить по всей форме. Так убежденно и заявила. Следователь смотрел на нее, как на нашкодившую девчужку, которую и наказать жалко, и спускать на тормозах недопустимо. Выслушав, коротко объяснил, что для задержания гражданки Мишкиной у него должны быть веские причины. Пока у него нет причин для возбуждения уголовного дела против нее. Светка прицепилась к слову «пока», поинтересовалась, какие действия Мишкиной могут попасть под статью уголовного кодекса Российской Федерации. Так и спросила, величественно и важно, как в прошлые времена судья при зачитывании приговора. Светка сама видела подобное в старых советских фильмах. Азарх напомнил, что в уголовном кодексе Российской Федерации есть статья 128.1 за клевету – за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица, или подрывающих его репутацию. После таких обидных слов Светлана с достоинством поднялась и прошествовала по направлению к двери. Стоя в дверном проеме не удержалась и заявила: «Не мешало бы вам, товарищ следователь, вспомнить классика. А именно Антона Павловича Чехова». – «Что конкретно вы, уважаемая Светлана, предлагаете мне вспомнить?» - благодушно улыбаясь, спросил Азарх. – «Те слова, которые автор «Человека в футляре» вложил в уста главного героя по фамилии Беликов – как бы чего не вышло!»

Уже на улице Светлана мысленно наградила следователя разными злыми характеристиками, и двинулась по направлению к дому Фомина. По дороге купила стакан кофе эспрессо, обожгла язык и заключила, что во всем виноват Азарх, мужчина с хитрым взглядом...

Погрузившись в свои думы, она незаметно добрела до дома, в котором Фомин проживал вместе с бабушкой, уже без супруги. Бабушка воспитывала внука с младенческих лет, к ней же он вернулся после расторжения контракта на военную службу.

Света получила «емкое» описание внешности Эдуарда Фомина от его бывшего одноклассника: высокий качок, лысый череп с ушами. Она пристроилась в сторонке от подъезда и принялась ждать высокого качка с лысым и ушастым черепом. Непроизвольно косила глазом на подъезд Мишкиной. Встреча с ней не входила в планы Светы.

Она не успела разнервничаться от долгого ничегонеделанья, интересующее ее лицо, подходящее под описание, данное Сергеем, неожиданно вырвалось из-за угла дома. Светка оценила Фому придирчивым взглядом и задумалась: почему этот физически развитый молодой человек, пышущий здоровьем, был комиссован? Но мысль как влетела в ее голову, так быстро и упорхнула - влезать в чужие проблемы у нее не было никакого желания, было одно желание - выпытать у Фомы информацию о личной жизни Юлии Мишкиной.

Светка его окликнула. Парень замедлил ход и непонимающе уставился на нее, пытаясь понять, кто не перед ним? Не перепутали ли его с кем-то другим?

- Эдуард, нам надо поговорить, - спешно приблизившись к нему, проговорила Куролес, причем тон был таким, словно она собирается сообщить трагическую новость. Видимо, так и предположил Фома, поэтому дернулся и еле слышно спросил:

- Бабушка?

- Не волнуйтесь, с вашей бабушкой все в порядке, по крайней мере, я на это очень надеюсь. Речь пойдет о... другом человеке.

- Вы подруга Розы? Она хочет помириться со мной и прислала вас?

- Роза – это ваша супруга?

- Что вам нужно? – с явным недовольством уточнил Фомин. – Мы знакомы?

Светка едва не лягнула: «Не знакомы, но я жажду с вами познакомиться!» Почти, как в комедии «Иван Васильевич...»

- Нет, мы не знакомы, - покачала она головой. – Меня зовут Светлана. Я пришла поговорить с вами по одному... очень важному делу.

- Что за дело?

- Для начала давайте присядем воон на ту скамейку. – Светлана окончательно обнаглела – прихватила парня под локоть и потащила к скамейке, которую облюбовала до этого. Парень не упирался, мирно двинулся рядом, но был настороже, как будто чувствовал, о ком пойдет речь.

Светлана сбивчиво изложила последние новости, заявила, что не верит ни одному слову Мишкиной, но постаралась не ранить чувства влюбленного в нее мужчины, сидящего в данный момент рядом на скамейке и пристально изучающего играющих в песочнице детишек.

- Что вам от меня нужно? – скривился Эдик.

Других слов не знает, что ли? – про себя возмутилась Светка. Он ее начал раздражать. Успокоила она себя одной фразой: эти двое, Юлия и Эдуард, очень подходят друг другу. Оба недалекие, оба – уверенно идут к своей цели. Жаль, их направления движения расходятся. Но она обязана направить этих двоих навстречу друг к другу.

- Я хочу знать – видели ли вы Юлию в компании невысокого мужчины, обычной наружности, тридцати пяти лет?

- Нет, не видел, - тряхнул головой Фома, без долгих раздумий.

Светка отнеслась к его словам с недоверием. И неожиданно для самой себя лягнула:

- А сдается мне, что видели. И ни единожды. Даже проследили, где он живет. Выждали момент, пробрались в его квартиру, и там набросились на него. Мужчина получил серьезную травму головы, сейчас находится в больнице. А правоохранные органы прилагают все силы, чтобы найти нападавшего и наказать по всей строгости закона.
- Вы в себе? – ошалело пробормотал Фома.
- А вы? В себе? Почему вас комиссовали из вооруженных сил?
- Вы на что намекаете? – набычился парень.
- Ни на что, я просто спросила, - передернула плечами Светка. – А это тайна?
- У меня постоянные головные боли, а совсем не то, на что вы намекаете. Постоянно болит голова по причине повышенного внутричерепного давления. Никакое лечение не помогает. Физические нагрузки запрещены. Пришлось уйти из армии, о чем я очень сожалею.
- А жена от вас ушла, потому что приревновала вас к Мишкиной? Вы ее, Мишкину, по-прежнему любите? Или так, по старой привычке, ухаживаете, преследуете?
- Вас ЭТО не касается! И вообще, мне пора.
- Эдуард, погодите. – Света вцепилась ему в локоть. - Поймите, мне надо выяснить, были ли близки Юлия и человек, о котором я вас спрашивала, до того, как на него было совершено нападение, в результате которого он потерял память.
- Кто он вам?
- Он мой близкий друг. Но это не то, что вы подумали, он мой друг детства. Поэтому мною движет не ревность, я хочу знать правду, чтобы мой друг не оказался... в сложной ситуации. Он очень доверчивый человек, порядочный. И этим все сказано: он держит данное им обещание. Сейчас ему внушили, что он... В общем, это не важно. Я не представляю, что с ним случится, когда память к нему вернется. Вернется в тот момент, когда будет поздно что-то изменить.
- Изменить никогда не поздно, если человек жив.
Куролес тяжело вздохнула.
- У него мать недавно скончалась от отравления. Ее кто-то намеренно отравил. И хотел, чтобы в убийстве обвинили ее сына. А он... мухи не обидит. Преподаватель в вузе, имеет ученую степень, интеллигентнейший человек.
- Иногда это мешает, - со знанием дела изрек Фома.
- Согласна, - кивнула Светка. - Из-за своей порядочности он может испортить себе жизнь. Нельзя, чтобы кто-то использовал человека с амнезией в своих корыстных интересах. Вы согласны со мной?
- Ни мне судить... Неужели он ничего не помнит?
- Совсем ничего.
- Даже о смерти матери?
- Представьте себе. Как отрезало прошлое. Я постоянно голову ломаю, как ему рассказать о трагедии, - посокрушалась Светлана. – И промолчать нельзя – обидится, когда вернется к жизни, а скажешь, неизвестно, какие будут последствия. Палка о двух концах.
- Надо аккуратно сказать. Хуже уже не будет.
- Он очень ранимый, чувствительный. Надо повременить. Пусть восстановится, пройдет время... А с другой стороны, столько всего может произойти.
- Вы о чем?
- Он женится на девушке, которая выдает себя за его невесту, - протараторила Светлана, глядя в сторону.
- Вы на Юлю намекаете? Вот откуда эти странные вопросы.
- Тут и намекать нечего. Она хочет выйти за него замуж, а он, в прошлой жизни, контактировал с ней только по работе. И не спрашивайте, откуда у меня такие сведения! Я уверена, что между ними ничего не было. И быть не может!
- Много вы понимаете.
- Побольше вашего!

- Я пошел, прощайте.
- Эдуард, чего вы себя ведете как маленький обидчивый мальчик. – Светка привычно повисла на его локте.
- А вы лезете туда, куда вас не просят. Они взрослые люди, сами разберутся. А поженятся, так не беда – как поженились, так и разведутся, тоже мне, проблема.
- Не у всех людей всё так просто.
- На меня намекаете? – с неудовольствием заметил Фомин.
- Меня не интересует ваша личная жизнь, я хочу защитить своего друга от вашей... бывшей одноклассницы, которая впилась в него, как клещ! Я не позволю ей сделать из него доверчивого идиота!
- Что вы так разошлись, - осадил ее Эдуард. – С чего вы взяли, что Юля делает из вашего друга доверчивого идиота? Вбили себе в голову, что у них никогда не было романа. А вдруг был?
- У вас есть доказательства, что они встречались? Что у них была любовь? Что в их ближайших планах значилась свадьба? Знали?! Вижу по глазам – впервые слышите. И вам это слышать неприятно.
- Да, неприятно. И что теперь? Пойти и повеситься от горя? Как-нибудь переживу.
- Не сомневаюсь, - притихшим голосом произнесла Светлана.
Незаметно они дошли до подъезда, в котором жил Фома. Светка висела у него на локте, Фома не решался сбросить ее руку.
- Светлана, я вам честно говорю - я не видел Юлю в компании постороннего мужчины. Вас устраивает такой ответ?
- Устраивать-устраивает, - промямлила Куролес, - но я понимаю, что вы ни ее сиамский близнец - она не была под вашим постоянным контролем двадцать четыре часа в сутки... Эдуард, может, она что-то вам говорила в доверительной беседе? Делилась переживаниями?
- Было дело. Как-то Юля признавалась, что любит другого мужчину. Я отнесся к этому с пониманием. И с недоверием, чего уж скрывать – решил, что она ищет причину меня отвадить.
- И отвадила?
- Всё не просто, - подумав, пространно ответил Эдуард.
- Получается, вы знали о любви Юлии к другому мужчине, но никогда не видели их вместе. Вам не кажется это подозрительным? Возможно, на самом деле мужчины и не было. Юлия была тайно влюблена в преподавателя, а он... ни сном, ни духом, что называется. Она выдавала желаемое за действительное. Или просто хотела, чтобы вы от нее отстали, как вы сами предположили. Вы что-то еще знаете о нем? Имя, профессию или что-то еще? Она могла проговориться.
- Ничего она мне не говорила. Только то, что любит другого...
- Любит, - повторила Светлана. – Она любит другого мужчину. А он?
- Про него она не говорила.
- Значит, о его чувствах разговора не было.
- Вы придираетесь к словам.
- Ээээ, не скажите, - протянула Светка. – Вот представьте, встречаюсь я со старым знакомым. Как жизнь, то, се. Я делюсь с ним новостями о своей жизни. И говорю: у меня есть мужчина. Он такой-растакой, в смысле хороший-распрекрасный, потом я подвожу черту под разговором – мы любим друг друга, в ближайших планах у нас свадьба. Заметьте – есть мужчина, мы любим друг друга. А Юлия вам сказала – я люблю другого. А должна была сказать – у меня есть мужчина, мы любим друг друга...
- Всего лишь игра слов. Вы придираетесь, - повторился Фома, но на свою собеседницу он смотрел с оживающей надеждой.

- Странно, что вы, Эдуард, являетесь адвокатом своей любимой девушки в данных амурных делах. Вы должны быть на моей стороне, чтобы Юля вышла замуж за вас, а не за мужчину с амнезией, которому внушили, что он кого-то любит, что скоро свадьба.

- Хотелось бы мне иметь такую преданную подругу, - признался Фомин. - Вы с таким жаром его защищаете, что и адвокатов не нужно.

- Еще добавьте про себя: насильно мил не будешь. А вы не подумали, что Юля, в какой-то степени, больна любовью к мужчине, который для нее всегда был недостижим. Она женит его на себе, и выздоровеет. А что будет с ним, с больным человеком? Думаете, ей захочется с ним возиться? Это пока она с ним, пока болезненная любовь не отступила. Она будет его терпеть, потом очнется, увидит мужа другими глазами, и... подаст на развод. Выход один – расстаться. Поверьте, расставание наступит рано или поздно. Юлии-то что, ей только в радость обретение свободы от болезненной любви, а ему, моему доброму другу, какво? Что будет с ним? Еще один удар, пусть ни физическое воздействие, но медведьки не слаще. Что будет дальше происходить с психическим состоянием моего друга, который до покушения был здоров, потом получил увечье и, как следствие - потерял память? Затем развод – снова удар, на этот раз, он получит душевную травму. Что с ним будет, кто может дать прогноз? В том-то и дело, что никто? Знаю одно - скакать и петь от радости он не будет. Не тот человек. Пережить обман – это вам... это вам... не пакет семечек пощелкать, - высказалась Светлана.

- Они еще не поженились, а вы их уже разводите.

- И не поженятся никогда, я... мы с вами им этого не позволим. Не позволим Юлии разрушить чужую жизнь! Повторяю – это в ваших интересах тоже! Она вылезет из любви к другому мужчине, пелена с глаз упадет, и тогда она заметит вас, мужчину, который ее любит по-настоящему, который ей предан. И пусть, по примеру моего предыдущего высказывания, Юля расскажет приятельнице, что она скоро выходит замуж за мужчину, которые ЕЕ любит, забыв поделиться своими чувствами к нему, но всему нужно время. Для того, чтобы осознать ценность любви преданного человека, тоже нужно время. Тут главное что? Любовь, внимание, такт и терпение со стороны преданного человека. Вас, Эдуард.

- Не пытайтесь перетянуть меня на свою сторону обманчивым путем. Я не верю, что мы можем быть с Юлей вместе.

- Значит, вы ее не любите, у вас тоже болезнь, принятая за любовь! – в сердцах сказала Светлана. – В одном фильме, названия не помню: девушка спрашивает парня: «Ты меня любишь?» - «Меня к тебе тянет», - отвечает он... Это не любовь, это какой-то любовный аркан. Что в этом случае надо делать? Лечиться, как при любой болезни. В вашем случае лечение очень простое - не теряя время даром, возвращайтесь, Эдуард, к жене, вымаливайте у нее прощение. Желаю вам прожить долгие годы в любви и согласии.

- Я ее не люблю, - быстро отреагировал на ее слова Фомин.

- Зачем тогда женились?

- Пытался забыть Юльку, думал – стерпится-слюбится.

- Я в этом не сомневалась. Жаль, что выводов никаких не делаете, продолжаете преследовать девушку, которая вас недостойна, которая, как вы сами недавно утверждали, никогда не будет вашей. Тогда к чему ВСЁ ЭТО? Зачем тратить свою жизнь за подобные глупые размены? Перед вашим носом захлопывают дверь, а вы лезете в окно. Вас бьют по рукам, вы зализываете раны и опять пытаетесь втиснуться в чужое пространство, где вас не ждут. В этом пространстве есть один вход и этот вход предназначен для другого мужчины, которого... со временем ждет ваша участь, - быстро растеряла боевой настрой Светлана. - Надеюсь, он не будет унижаться и найдет в себе силы отказаться от женщины, которая его недостойна.

- Замкнутый круг – с чего начали, тем и закончили, кто кого достоин.

- И знаете, почему? Потому что Мишкина... Ай, ладно, не хочу толочь воду в ступе – без толку. Вы все равно останетесь при своем мнении. И мне вас жаль.
- Но это моя жизнь, я сам выбрал свой путь.
- И куда он вас приведет? На скамью подсудимых?
- С какой стати?
- Эта женщина вас погубит.
- Вы ее совсем не знаете. У вас ошибочное мнение. Юля хочет казаться хуже, чем есть на самом деле.
- Где-то я это уже слышала.
- Зачем вы приходили?
- Чтобы выяснить, был ли у Мишкиной роман с моим другом детства. Если вы не видели их вместе, и знаете о любви Юлии к другому мужчине с ее слов, то это дает мне право заявить, что никакого романа у них не было.
- Сами утверждали, что я ни ее сиаковский близнец, не могу постоянно контролировать ее действия и поступки, ее круг общения.
- Пыталась найти подтверждение своим предположениям.
- Все-таки это было предположение, уверенности у вас нет?
- Вы злитесь? Это моя удача! Мне удалось вывести вас из себя.
- Чего вы добиваетесь, кроме того, чтобы вывести меня из себя?
- Эдуард, знаете, о чем я подумала, когда увидела вас? Я подумала, что вы с Юлей очень подходите друг другу.
- А как насчет того, что она меня погубит?
- Я остаюсь при своем мнении, но с одной оговоркой – если вы позволите себя погубить, если будете вести себя так, как сейчас ведете себя – раб госпожи, иначе не скажешь. Возможно, между рабом и госпожой случались любовные связи, но мимолетные. Чтобы влюбиться в себе госпожу, надо стать ЕЕ господином. Вот и все.
- Как просто! – поерничал Фома.
- При желании – просто. Надо всего лишь совершать мужские поступки, и верить в себя. Вы в себя не верите, раз говорите, что Юлия никогда не будет вашей. Надо бороться за нее! Делайте, в конце-то концов, хотя бы что-нибудь!
- Ой, только не надо пафосных слов. Я этого не люблю.
- Хорошо, - покладисто согласилась Светлана. – Поступайте, как знаете. Ваше право. Хотите –любите без ответа, хотите – унижайтесь, пляшите под чужую дудку. Но кто это оценит? Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей. Это еще А.С. Пушкин сказал в романе «Евгений Онегин».
- Советовать мы все умеем, - пробурчал Фомин.
- Ладно, уйдем от советов, вернемся к вечеру вопросом и ответов.
- Что еще, неугомонная женщина Светлана? - с иронией спросил Фома. Светка заметила, что он преобразился после ее слов, хотя пытался скрыть свою радость под приятельским возмущением.
- Эдуард, очень вас прошу – напрягите память, вспомните, что вам еще говорила Юлия? Одна надежда на вас. В этом вопросе мне никто не может помочь, - слюкавила она, подчеркнув его значимость.
- Что любит другого. Хвасталась, что скоро выходит за него замуж. Колечко показывала, - признался Эдуард с печалью в голосе.
- Задолбала она всех своим кольцом, - вспыхнула Куролес. – Небось, сама себе кольцо купила.
- Вы не верите ни одному ее слову.
- А вы верите?
- У меня нет причин ей не верить, - резонно заметил Фомин.
- Ладно. Что-то еще? Она говорила, что ее жених сейчас в больнице?

- Мне неприятно его обсуждать, Юля это поняла и ограничилась коротким сообщением.
- Когда она вам сообщила о свадьбе?
- Два дня назад. Я ждал Юлю у подъезда. Она обычно буркнет приветствие и спешит пройти мимо. А тут остановилась... Такая счастливая была...
- А про любовь к мужчине когда призналась? В тот же день? Или это случилось раньше?
- Раньше. Но вот когда?.. Когда же это было, - попытался Фома, пытаюсь вспомнить. – Когда же, когда же?.. Еще холодно было, но не зима. Кажется, в марте. Я потом целый месяц ее избегал.
- Так уж и избегал? Не появилось желание найти соперника и морду ему начистить? Признавайтесь, все свои. Наверное, следили за ней? А?
- Ну, следил, - нехотя признался Фома.
- Сиамериканский близнец, - мысленно порадовалась Куролес. – Чего хотела, того и достигла – откровения с переходом на мою сторону. Не зря выводила его из себя, не зря задаривала ненужными советами.
- Следил и... - затянула она.
- И ничего.
- Так никого и не заметил! Bravo! Бис!
- Несвоевременная радость – мои показания ничего не значат.
- Да, ладно вам, - отмахнулась ошастливленная Светлана и затараторила, - что и требовалось доказать, что и требовалось доказать!
- Это не доказательство. Юлька не хотела, чтобы я видел их вместе, только и всего... Я не отдаю отчета своим действиям – увидел бы ее с другим, не сдержался. И ей это известно.
- Получается, про «морду» я была права. Но они не могли скрываться от вас всю жизнь.
- Этого и не нужно. После свадьбы я бы их не побеспокоил...
- А пока надежда жива, надо использовать все возможности, - договорила за него Светлана, даже постаралась подстроиться под его голос.
- Вам бы на сцену.
- Я почти там – организовываю праздники для детей.
- Светлана, я ничем не могу вам помочь. Что мне, Юльку пытать? Она мне правды никогда не скажет.
- Но что делать? – задала вопрос Светка, растеряв весь свой пыл.
- Остается ждать...
- Ходили-ходили по кругу и вернулись в отправную точку.
- Ждать и надеяться на авось.
- Светлана призадумалась, потом выдала:
- Как сказал Пауло Коэльо: если человек, действительно, чего-то хочет, то вся вселенная будет способствовать тому, чтобы его желание сбылось...
- Одно дело – повторить слова известной личности, другое – свято в них верить. Светка любила блеснуть красноречием, всегда говорила уверенно, но о чем она думала на самом деле, оставалась загадкой. И никогда не признавала своих ошибок, но это не значит, что перекладывала вину на других людей.
- Что касается «святой веры», то она не привыкла сидеть сложа руки, она привыкла действовать. Опять же – на вселенную надейся, а сам не плошай!..

Каждый день Светлана приходила в больницу, чтобы проведать своего друга, потерявшего память. Визит начинался одинаково: сначала Светка вспоминала смешные случаи из их детской поры, при этом внимательно следила за Степаном, пытаясь уловить малейшее осмысление в его глазах. Но взгляд Степана оставался по-прежнему по-детски удивленным – он заново познавал свое прошлое. Светка сердилась, но свои эмоции держала при себе. И как тут ни рассердиться, если некогда сверхумный человек выглядит, как дитя неразумное – всему верит, со всем соглашается, и безропотно принимает свое

теперешнее состояние. Светлана не знала, как бы она себя вела, если бы с ней случилась амнезия, но была уверена – работала бы над собой день и ночь, пытаясь вернуть себе память.

Степку всё устраивало – по мнению Светланы Куролес. Он жил себе и жил, на головные боли почти не жаловался, не страдал, с нетерпением ждал появления в его больничной палате Юлии Мишкиной, своей невесты. Что особо нервировало подружку детства. Как ни хотелось ей замечать его мечущийся взгляд - то на настенные часы, то на дверь палаты, ничего не поделаешь, замечала. Степкино неприкрытое волнение от ожидания «невесты» Светку выводило из себя, молоточки стучали в голове, отбивая ритм возмущения. Возмущаться Светке хотелось по безумия, она теряла нить разговора, мечтая об одном – высказаться прямолинейно, заставить друга принять ее версию происходящего. Друг ждал продолжения ее рассказа об их общем прошлом, возвращал в действительность коротким «Ну», Светка нехотя возвращалась к своему неспешному повествованию.

Однажды, между делом, поведала о матери, которая «живет в захолустье», Степка удивленно поднял брови, потом перекинул рот, хотел что-то сказать, но Светлана его опередила, в очередной раз, ляпнув не подумав:

- В тот населенный пункт можно добраться только на автомобиле, да и то в хорошую погоду – дороги там ужасные...

- Но почему...

- Твоя мать сама выбирала место жительства, ей надоела городская суета, шум-гам, - услужливо вставила она, догадавшись, о чем ее хочет спросить друг, который в очередной раз решил втиснуться с очередным вопросом, но Светка защебетала, - у моего знакомого есть внедорожник, на внедорожнике туда можно добраться без проблем, тем более, в это время года - ливень прошел, солнце выглянуло, дорога просохла... Не застрянем, - упадническим голосом добавила она, дав понять, что застрянут, без сомнения.

- Ты хочешь...

- Я хочу сказать, что как только представится возможность, мы поедем к твоей матери и привезем ее к тебе.

- Было бы...

- Было бы отлично, но есть ни одно «но» – в ближайшем будущем не получится съездить, мой знакомый отбыл в долгосрочную командировку.

Вру и не краснею, - подумала Светлана, нисколько не раскаиваясь – ложь во благо!

- Хорошо, ладно, - задумчиво протянул Степан Ефремушкин и опять покосился на часы, на дверь.

Взвинченная собственными мыслительными метаниями, взглядами своего визави, стуком отбойных молотков в голове, Светка потеряла над собой контроль, выразительно охарактеризовала Мишкину – назвала обманщицей и авантюристкой. Ефремушкин остро отреагировал на «клевету в адрес его невесты», именно так он выразился. Светка поспешно извинилась: дескать, вырвалось, больше ни-ни, если его всё устраивает, но ее и подавно. И вновь вернулась к воспоминаниям, через слово вставляя: «А ты помнишь?..» Естественно, делала это нарочно, принуждала, чтобы друг детства захотел вспомнить хотя бы что-то. Степка еще выражал обиду, безмолвствовал, только тряс головой – не помнит.

- Как же так?! - возмущалась подружка детства, умильно скалясь и выпучивая глаза – совсем не обижается, готова разъяснить, напомнить, открыть старые тайны. Хотела сдружиться – «придержать коней», получилось, как всегда. - Степа, ты не можешь не помнить тот случай, ты обязан...

- Свет, ну, не помню я, не мучай ты меня! – высказался Степан.

- Я тебя мучаю! Я тебя не мучаю, я пытаюсь тебе помочь, а ты не включаешь свои мозги! Степ, давай уже, включайся!

- Я пытаюсь, но у меня ничего не выходит, - на этот раз с извиняющейся улыбкой произнес Ефремушкин.

- Ты не пытаешься, ты только делаешь вид, что пытаешься! – взвинулась Светлана и рассудила, - я думаю, причина в твоей сверхумной голове: другому бы тюкнули дубинкой по черепу, он бы очнулся и жил себе дальше, как жил - без всяких осложнений, а для твоих умных мозгов... лишние потрясения имеют неожиданные последствия. Как в данном случае – тюк и амнезия, и когда вернется память, только богу известно. Но ты, Степка, на бога надейся, а сам не плошай!.. – посоветовала она, изучая его блаженное лицо. Сдерживая эмоции, проговорила с досадой, - не могу видеть твою умильную физиономию. Я тебя в детстве таким приближенным не видела... Может, мне надо кого-то попросить, чтобы тебя снова по черепу шарахнули. Бах и нет никакой амнезии! Простое решение проблемы, которую ты, мой милый друг, проблемой не считаешь!

- Дурочка! Думаешь, мне сладко живется? Однако, чем сильнее я буду концентрироваться на своей проблеме, тем будет только хуже. Надо отпустить проблему и ждать.

- Кому-то хуже, кому-то лучше, - пробубнила себе под сон подруга детства.

- Ты сейчас о чем? Или правильнее – на кого намекаешь?

- Степан Сергеевич, не разрушайте мой мир, в котором вы предстаете идеальным мужчиной, - высказалась Светка с таким видом, как будто упомянутый мужчина повел себя несвойственно себе, позабыв элементарные понятия.

- Твой тонкий намек требует пояснений... Хотя, лучше эту тему не поднимать.

- Для кого лучше? – на этот раз прицепилась Светлана.

- Лучше... для моего эмоционального состояния, - выкрутился Степан и улыбнулся. Улыбка была такой мягкой, такой солнечной, добрейшей из добрейших существующих улыбок, что Света неожиданно растрогалась и едва не всплакнула.

Чтобы не выдать свое... эмоциональное состояние, она решила побурчать, по привычке:

- Конечно, лучше сидеть овощем, принимать чужие слова на веру и ждать... неизвестно чего!

- Я не овощ, - нисколько не обиделся Степан Сергеевич. – И я не принимаю чужие слова на веру. Я прислушиваюсь к себе, в своих чувствам.

- И что говорят тебе твои чувства? – проникновенным голосом поинтересовалась Светлана. Почему-то ей захотелось потрепать друга, подергать, потискать. По-дружески. От нахлынувших чувств. И вдобавок звонко чмокнуть в щеку, ближе к уху, чтобы у него заложило это самое ухо, и он начал морщиться, так смешно, что Светке опять бы захотелось что-то сотворить, рассмешив обоих. Но не стала тискать, трясти, трепать и тем более целовать, пусть по-дружески. Сидела рядом на стуле с ровной спиной и с умилением смотрела на него, пытаясь спрятать поглубже и умиление, и переживания за него, и дружеское участие. С последним выходило не очень.

- Кто о чем, а она о том же! - пожурил ее Ефремушкин, не ответив на вопрос.

- О той же, - поправила его Светка, не сдержалась. А зря!

На этот раз все вышло как обычно: Степан сдержанно высказался: устал, хочет отдохнуть. Лег на кровать и отвернулся к стене. Ничего нового.

Светка возмущенно посопела некоторое время, потом извинилась, как обычно, и все лишь потому, чтобы ей «не отказали от дома». И пусть своего мнения она не изменила, но иначе поступить не могла: если ее не будет рядом, неизвестно, какие еще эксперименты затеет с ним «невеста», получившая от Куролес новое прозвище – Чудище Природы. Естественно, при Степане вслух она Юлию так не называла, только «Она», без фамилий, имен и «родственной принадлежности». «Она» - Степка сносил молча...

После визита в больницу, Светлана возвращалась домой. Закрывалась от всех, не отвечала на звонки - строила план дальнейших действий. Для себя она поняла одно – общение с другом детства не приносит желаемого результата. Нужен союзник, одной ей не справиться с «полтора землекопами» - как в старом мультфильме. Почему полтора? Потому что Светлана ведет войну против одной здравомыслящей особы, Юлии Мишкиной, и наполовину здравомыслящего человека – Степана Ефремушкина, которые ни черта не

помнит, но не желает сходить со своих позиций, навязанных ему «его поделницей» и «невестой» в одном лице...

Глава шестая

Верить иль не верить

Светлана Куролес недолго искала кандидатуру на роль своей соратницы – выбор был невелик. Она остановилась на Зинаиде Марковне Крашенинниковой, которая, увы, неизвестно в какой момент, успела переметнуться в стан врага: прониклась сочувствием к «несчастной девочке», которой - о ужас! - приходилось скрывать от всех свое глубокое чувство к «несчастному мальчику Степочке». Момент «перехода границы» был упущен Светланой Куролес. Наверное, она не предполагала, что всё произойдет так быстро, что тетя Зина, пусть и доверчивая до невозможности женщина, легко попадет на крючок «рыбачки»-авантюристки.

- Теперь Степочка и Юлечка обязательно будут счастливы, - говорила с придыханием тетя Зина Светлане при каждой встрече, заставляя ту скрежетать зубами. Светка даже подумывала пойти на прием к стоматологу.

После разговора с Фомой, Светлана Куролес несколько дней осмысливала сказанное им, подходила к скудным новостям то с одной стороны, то с другой, выходило одинаково – подтверждений близкого знакомства Ефремушкина с Чудищем Природы нет! Если бы близкое знакомство имело место быть, то влюбленный Фома обязательно заметил бы рядом с объектом своего обожания соперника. Получается, Светкино неверие - одни слова, слова, слова.

Пусть слова, но Светка уверена в своей правоте, и она пойдет до конца, чтобы освободить друга детства от навязанному ему пути в будущее. Будущее должно быть светлым, ему положено быть светлым, а чтоб оно таковым и было - счастье с вставками обыденной серости, совсем незначительными, но без этого никак, если ты находишься в здравом уме и трезвой памяти, - ты обязан стать кузнецом своего счастливого будущего. Спрашивается, кто станет «ковать» себе несчастливое будущее?!

Только один - совсем не кузнец - сидит на печи и ждет, другой прилагает все свои силы и умение – идет к намеченной цели, а третий... похож на Степана Ефремушкина: он не способен идти в светлое будущее без помощи близкого человека, и причин - масса, в том числе и недееспособность.

Сейчас Степан стоит на перепутье: у него два направления движения, - меньше, чем у сказочного героя, и на том спасибо: в одну сторону его тянет «невеста» с ее любовью и подаренным колечком, в другую перетягивает Светлана, у которой нет пока доказательств того, что невеста, на самом деле, совсем ни невеста, авантюристка со своими далеко идущими планами, и все ее планы касаются Ефремушкина, который является средством для...

Светлана Куролес могла составить целый список, зачем Чудищу Природы так хочется выйти замуж за Ефремушкина, но Света не хочет терять драгоценное время на ненужный список, она обязана отрезать Степану путь в неправильном направлении, к той самой «невесте» с грандиозными планами.

Не бывать этому! - подумала Светлана, потом не нашла ничего лучше, как повторить еще раз, для большей убедительности, - этому не бывать!.. Да-да... Не бывать этому... Кажется, эту фразу я позаимствовала у великого Горького, так говорила мать в его повести «Детство»... Горький не вложил бы неумных слов в уста матери...

- Куда-то я... не туда двигаюсь, - с осуждением в свой адрес проговорила Светка, имея в виду свой мыслительный процесс, переключившийся на классика.

Неизвестно, о чем подумал сидящий рядом пассажир, но он заерзал, а затем и вовсе поспешил пересесть на другое место. Светка проводила его невидящим взглядом,

подобный взгляд перевела за окно автобуса. За окном «бежали» дома и тротуары, спешили по своим важным делам прохожие. Солнце с любопытством заглядывало в окна домов и одновременно плавало асфальтовое покрытие тротуаров.

Автобус затормозил, впустил в салон новых пассажиров, рядом с Куролес кто-то плюхнулся на сиденье. Мысли Светланы были далеко от автобуса, доставляющего ее до нужного места, и от пассажиров.

Она обязана восстановить тетю Зину против Чудища Природы, однозначно. И приложит для этого все свои силы. Каким образом? Решит по ходу дела. Пока никаких идей нет.

- Главное – восстановить против, - вслух высказалась она, вздрогнула от своего голоса и осмотрелась, не желая вновь оказаться в пикантной ситуации, как в случае с дворником Василием Васильевичем.

Рядом сидела девица, сосредоточенная на телефонном разговоре. Нисколько не таясь, она обсуждала с кем-то какого-то Митьку. За ее обсуждением никто не услышал слов Светланы.

Света попыталась вновь укрыться за своими мысленными рассуждениями о «восстановлении тети Зины против Чудища», но девица со своим Митькой ей мешали. Благо, вскоре девица вышла из автобуса, и Светка смогла сосредоточиться на своей проблеме. Но времени не хватило прийти «к общему знаменателю» - автобус подкатил к нужной остановке.

Куролес покинула душный салон автобуса и подставила лицо освежающему ветерку, выполнившему роль стилиста – коварно уложил волосы. Светка пригладила прическу и зашагала в сторону Степкиного дома.

Путь не занял много времени, уже через десять минут, она заворачивала в знакомый двор, чтобы провести сложный разговор с Зинаидой Марковной Крашенинниковой, преследуя главную цель - перетянуть ее на свою сторону, на правую сторону – от слова «правда».

Едва войдя во двор, Светка остановилась как вкопанная. А всё потому, что заметила знакомую фигуру, Модель на ходулях, она же – Чудище Природы. Модель-Чудище вышла из подъезда с большим баулом в руке и села в поджидавшее ее такси.

- Уже и квартиру обчистила, - пробормотала себе под нос Светлана, провожая такси выразительным взглядом. Взгляд выражал нелюбовь и беспомощность одновременно. Неужели «невеста» опять опережает ее на несколько шагов? Заявилась к тете Зине и укрепила свои и без того нешаткие позиции. И что теперь делать Светлане? Искать другого союзника? Кого, например? Кого, кого, кого? Например, Нину Алейникову. Привести ее к Степану и сказать: «Вот, Степа, полюбуйся на свою настоящую невесту! Незадолго до всех жизненных перипетий вы с ней разругались вдрызг, и она, в расстроенных чувствах, уехала... на Камчатку, отдыхала она там, лечилась от стресса...»

На Камчатке лечатся от нервных болезней? - неожиданно задумалась Светка, желая придать истории с Ниной правдоподобность. И тут же запротиворечила себе, - о какой правдоподобности идет речь?! Ложь на лжи! Это не мой путь... Хотя... Для достижения цели все средства хороши.

Такси с Чудищем Природы давно укатило со двора, а Светлана запоздало сообразила: надо было остановить такси практически ценою собственной жизни - так, чтобы не пострадать, чтобы найти в себе силы для выяснений: зачем, почему, что? Зачем приходила, почему с баулом, что в бауле? Возможно, в бауле улики против нее, против Чудища. Или доказательства связи между нею и Степаном Сергеевичем. Какие доказательства? А такие – вещи Степы, которые «переедут» в дом Чудища, и станут доказательством того, что «жених» часто у нее бывал-ночевал...

Хитра чертовка... Но есть еще хитрее...

Осознав, что мыслишка с остановкой такси - практически ценою собственной жизни, но так чтобы... - совсем уж безумная, и хорошо, что пришла с запозданием, автомобиль-такси успел выкатить со двора, а то неизвестно, чем бы всё закончилось. Светлана Куролес впервые поблагодарила нерасторопность и позднее срабатывание, причем так

впечатлилась картинкой наезда – ведь невозможно просчитать все варианты, что у нее слегка закружилась голова. Света прижалась спиной к шершавому стволу старого тополя, за которым нашла укрытие, закрыла глаза и постояла так некоторое время. Во дворе было так непривычно тихо, что она испугалась за свой слух. Непроизвольно повозила подошвой обуви по замеченному на земле камню. Шуршащий звук ее успокоил – слух не потерян.

- Всё правильно, всё верно, - высказалась шепотом Куролес, оценивая свое позднее срабатывание. И мысленно рассудила: я вступила на тропу войны с невестой-самовыдвиженкой, пока скрытную для самой самовыдвиженки: не думаю, что Степка передает ей содержание наших разговоров, а то, что я смотрю на нее косо, лишь выдает мое неприятие, расцененное ею как ревность. Ее право так думать. Я молодец, что поостереглась вступать с Чудищем в открытое противодействие. Тем самым, не раскрыла свои планы, не дала ей в руки козырь - она не стала настраивать против меня Степана: у твоей подруги детства неадекватное поведение, лучше тебя, больного человека, оградить от общения с ней. Возможно, нечто подобное она говорит «жениху», но «жених» не из болтливых, «передатчиком» не работает.

Светка не слепая, понимает, что Чудище давно ищет повод направить ее «по экзотическому маршруту», и своим дерзким поведением Светлана этому поспособствует. Чего скрывать – одними косыми взглядами не ограничивается. Но держится из последних сил.

Молодец, - мысленно похвалила себя Куролес за выдержку. Ведь знает, с выдержкой у нее бооольшие проблемы: сначала действует, потом думает. Но не в этом случае.

Светлана покинула свое укрытие. На ходу поплевала на ладонь и потерла слюной плечо, поцарапанное о жесткую кору старого тополя. Называется, полечила ядовитой слюной, как сама утверждала ни единожды. После чего решительным шагом направилась к подъезду, из которого некоторое время назад вышла Мишкина. Но вдруг на полпути решимость улетучилась. Светке захотелось осмыслить идейку, забрезжившую в голове. В связи с чем пристроилась на автомобильной шине, вкопанной наполовину в землю. Шина оказалась у нее на пути, и хорошо подошла для приземления и обдумывания возникшей ситуации.

Светка попыталась восстановить в памяти разговор со следователем Азархом, который ни к чему не привел. На первый взгляд. Но сейчас, вспомнив слова следователя – нет причины для возбуждения уголовного дела против Мишкиной, она сделала очень важный для себя вывод, который ей очень понравился...

Подхватившись со своего мягкого сиденья, приободренная Светка потрусила к подъезду в полной уверенности, что тетя Зина дома, потому что без нее Чудище Природы не смогла бы проникнуть в квартиру Ефремушкиных.

Крашенинникова встретила ее словами:

- Светка, когда ты уже угомонишься?! Перестань изводить Степочку.

- Ябеда-корябеда, - буркнула Светлана, обозвав друга детства, которого еще несколько минут назад не считала «передатчиком».

- И ни ябеда, и ни корябеда, - осадила ее тетя Зина. – Мне и без жалоб понятно, кто «воду мутит».

- Я мучу? Я мутю? - Светка отмахнулась и заверила, глядя честными глазами, - никогда!

- Ты мне дурочку не валяй! Оставь их в покое, - деля паузы между словами, попыталась внушить Зинаида.

- Их - это Степу и Чу... Юлию?

Тетя Зина осуждающе повздыхала. А Светка доложила, тщательно выговаривая слова:

- Дорогая тетя Зиночка, вашего любимого Степочку никто не изводит. – Осмотрелась и спросила с заговорщицким видом, – Скворечник дома?

- С чего бы ему быть дома, день на дворе, Егорушка на работе, - с долей восхищения произнесла Крашенинникова, как будто ее обожаемый внучатый племянник совершил геройский поступок.

- Егорушка-Скворушка еще и работает! – напускну восхитилась Светка, забыв о своем намерении перетянуть тетю Зину на свою сторону.

- Что ж вы к нему постоянно цепляетесь?!

- Это вы меня на «вы» называете?

- Тебя... и Степу, - нехотя, добавила Крашенинникова, нервно поправляя на шее бусы из бирюзы. Тетя Зина была «при параде», видимо, куда-то собиралась идти, но гостя ей помешала.

Гостя была рада сему обстоятельству: не успела перегореть со своей идеей.

– Степка не изменил к нему отношения? - спросила она безразличным тоном, лишь бы что-то спросить. Она по достоинству оценила и бусы из бирюзы на шее пожилой женщины, и нежно-голубое платье из льна, и тщательно уложенные волосы. И подумала при этом: будет ли у нее желание в таком возрасте ухаживать за собой, принаряжаться?

- Сейчас-то нет, конечно, - ответила на поставленный вопрос принаряженная хозяйка, исподтишка оценивая себя в зеркале. Светка не удержалась и показала большой палец – дала понять, что выглядит та прекрасно. Зинаида зарделась, как молоденькая девушка на смотринах, улыбнулась и вдруг разоткровенничалась, отблагодарила за комплимент, пусть и безмолвный. – Степочка до болезни нет-нет, да выскажется против него. Егорушка хороший парень. Да, он бывает иной раз неправ. Сама это понимаю, пытаюсь его перевоспитывать, но где там – даже слушать меня не хочет, говорит – у нас демократия. Насколько я понимаю, демократия – это несколько иное, это не вседозволенность.

- Целиком с вами согласны, - поддакнула Светлана. – Как я понимаю, это было вступительное слово, хотелось бы услышать продолжение... Теть Зин, а почему вы глаза прячете? Ну-ка, ну-ка, выкладывайте, что случилось? Чем Скворечник вас... удивил? Или сразил наповал? Чем? Дело касается Степана?

- Нечего рассказывать, - промямлила Крашенинникова, мысленно ругая себя за болтливость.

- Так уж и нечего? – не поверила Светлана.

- Егор получилось от меня свое. Было – забыли.

- Ремешком отлупили и в угол поставили? За что, скажите на милость? Сомневаюсь, что забыли.

- За что, за что... За то, что... оговорил Степушку перед следователем, - протараторила Зинаида Маркова. Светка округлила глаза и открыла рот – выразила удивление. Чего-чего, а вмешательства в расследование низкого типа Скворечника Светка никак не ожидала. Отомстил, так отомстил. Жаль, раньше об этом не знала.

- И... что он... рассказал? – вкрадчиво поинтересовалась она.

- Что он мог рассказать? Якобы мать и сын не ладили. Якобы Марта запрещала сыну встречаться с женщинами. Ему надоело, и он...

- Что за бред?! Да, Марте Гордеевне трудно было угодить – та не такая, другая не подходит, но думаю, если бы Степка влюбился и надумал жениться, то мнение матери его мало бы интересовало. Чтобы не разругаться вдрызг, нашел бы к матери подход, был бы убедителен. Она – мать, рано или поздно, всё бы поняла, и невестку приняла бы, никуда не делась.

- Вот в случае с Юлей Степа не успел ничего рассказать матери, выжидал удобный момент, - вставила тетя Зина, жарко кивая – соглашалась с заявлением предыдущего оратора.

- Тетя Зина! Я вас умоляю! - возмущился предыдущий оратор. - Милая моя, вы о чем?! Какой удобный момент?! Я вам русским языком говорю: у Степана не было постоянной девушки! Он не собирался жениться! Ни на Юле, ни на ком-то еще! Не со-би-рал-ся! Ясно вам?

- Мне давно все ясно, - пространно заметила Крашенинникова, вновь берясь за свои бусы.

- Напомнить про Нину?

- Про какую Нину?

- Про ту самую, про сестру моего парня? Напомнить? Именно с ней я хотела познакомить Степу. Он согласился, и они бы познакомились, если бы... Ну, вы сами знаете.

- Не самое хорошее имя для невесты Степы, - нашла причину тетя Зина. – Ты помнишь ту девочку Нину, чьи останки вы нашли неподалеку от деревни Чудиново?
- Чубликово, - автоматически поправила Светлана и трагическим тоном добавила, - разве такое забудешь. На нас всех... эта... находка сильно повлияла, а на Степуууу.... вообще...
- И не говори, - вздохнула Зинаида Марковна.
- Теперь опять испытание для него. И в СИЗО побывал благодаря усилиям вашего любимого Скворечника, и мать без него похоронили, теперь новая напасть – невеста.
- Какая же это напасть, - без эмоций возмутилась тетя Зина, - общение с невестой благотворно влияет на Степу, надеюсь, в скором будущем память вернется...
- Он посмотрит на невесту новыми глазами и спросит: «Ты кто?» Нет, не так, он спросит: «Юлия, а ты что делаешь в моей палате?» Не хотелось, чтобы он не вспомнил имя лаборантки с кафедры теоретической физики, - пояснила Куролес.
- Света, у тебя все плохое, так нельзя. Ты никому не веришь.
- Где-то я это уже слышала. А вы бы не защищали малознакомых людей.
- Ты о Юле?
- И о Юле тоже. Скворечник еще тот фрукт – умеет прикидываться добрячком, пудрит вам мозги. Опасайтесь его, тетя Зина.
- Егорушка еще молод, не всё понимает, вот и сболтнул следователю лишнее.
- Сболтнул! Следователю! Тетя Зина, вашему Егорушке не пять лет, надо думать, что и кому ты говоришь. Он, конечно, глупый парень, но всякой глупости есть предел. Как говорил Бисмарк: «Глупость – это дар Божий, но не следует ею злоупотреблять».
- Знаешь ли, Степа тоже хорош. Сказал следователю, что Егор мечтает заполнить мою квартиру, что хочет меня со свету изжить, и все в таком духе.
- Степка? А я не удивлена. Я бы еще похлеще чего-нибудь придумала, чтобы раз и навсегда отучить Скворечника «нести пургу».
- Зачем пришла? – поджала губы тетя Зина.
- Поговорить.
- О чем?
- О...том, о сем, - выкрутилась Светлана.
- Догадываюсь, куда ты гнешь.
- Догадливая вы моя, тетя Зиночка! – Светка подошла к женщине, обняла ее и звонко чмокнула в щеку.
- Хитрованка, - улыбаясь, сказала Крашенинникова. – Ну, давай, пытай меня. Что знаю, расскажу, скрывать не стану. Мы с тобой, Светка, в одной лодке – душой бодем за Степочку, желаем ему только добра.
- Это да, - протянула приободренная ее словами Светка и безразличным тоном спросила, – тетя Зин, а зачем Чу... Юлия приходила? Я ее видела издалека. Вышла из подъезда с сумищей и села в такси. Что происходит?
- Юлия приходила за вещами. Степочку на днях выписывают. Вот Юлия и приехала, чтобы взять кое-что из вещей, на первое время.
- Первое время получилось долгосрочным - что-то сумка очень большая и тяжелая. Вы проследили, чтобы она не взяла... лишнего?
- Вот балаболка! – беззлобно высказалась Крашенинникова. - Иной раз даже завидую тебе – никогда не унываешь, все тебе хиханьки, да хаханьки.
- Много вы знаете, - театрально опечалилась Светлана Куролес, - в данный момент мне совсем не смешно. У меня, в отличие от вас, есть одно важное качество – я не верю людям на слово. А вы, тетя Зина, очень доверчивая, так нельзя.
- Доверчивость – не самое плохое качество человека.
- Не самое, - согласилась Светлана, - но нельзя злоупотреблять этим качеством.
- Никто и не злоупотребляет.

- Что-то мы не о том говорим, - сокрушенно заметила Света, - получается не разговор, а пинг-понг какой-то.

- Несварливая перепалка, - поправила ее тетя Зина.

- Кстати, - опомнилась Куролес, - а что значит – на первое время? Разве сразу после выписки из больницы Степка не вернется домой?

- Юля очень заботится о Степане, - зашла издалека Зинаида Марковна. - Решила на время поселить его у себя, чтобы домашняя обстановка не навеяла на Степана плохих воспоминаний. И опять же - чтобы он был под ее постоянным контролем.

- Ключевое слово – контроль! Кто бы сомневался! Боится выпустить женишка из своих цепких ручонок.

- Что за манера – видеть в людях только плохое, - повторилась тетя Зина, как в случае со Светой – сказать, чтобы что-то сказать. Света подозрительно на нее посмотрела, хотела что-то спросить, но передумала, решила пофилософствовать:

- А если у некоторых людей положительных качеств нет и не было? Как с этим быть? Я не виновата, что не могу откопать среди залежей отрицательных черт хотя бы что-то хорошее.

- Быть такого не может – в каждом человеке есть что-то хорошее и что-то плохое. У одного – хорошего больше, у другого – наоборот.

- Это вы так думаете. Плохие люди хотят казаться хорошими, они искусно прячут все свои гадости благодаря своей находчивости, изворотливости и сверхлжи, притворяются мягкими и пушистыми. Никто не подумает, что каждое их действие необходимо рассматривать под микроскопом, чтобы разобраться и сделать правильный вывод.

Тетя Зина призадумалась над закрученным высказыванием Светланы, та смотрела на нее с ожиданием: пожилая женщина должна была мгновенно принять ее точку зрения.

- Это ты такая догадливая – рассматриваешь под микроскопом каждое действие Юлии, - осторожно обронила тетя Зина, не оправдав ожиданий.

- Так больше никому, - развела руками Светлана, - кто-то должен вывести ее на чистую воду.

- Ну, да – кто, если ни ты, - хмыкнула тетя Зина.

Куролес сказала совсем не то, что рассчитывала услышать хозяйка квартиры:

- Легко уживаются под одной крышей глупость и доверчивость.

- Придумай что-нибудь поновее, - отрезала Зинаида Марковна. И грозно произнесла, - если у тебя больше нет ко мне вопросов, то попрошу на выход! Мне пора идти, ты меня задерживаешь. – И указала гостье направление движения – в сторону входной двери.

Светлана не сдвинулась с места. С участием посматривая на пожилую женщину, доверительно сообщила:

- Я-то пойду, но и вы, тетя Зиночка, тоже пойдете... Но не по своим делам, вы пойдете... как соучастница преступления. – Последнее слова выделила для особого понимания. Понимание не возникло, хозяйка вышла из себя:

- Я с тобой с ума сойду!

- Я не дам вам сойти с ума, - парировала Светлана. – И избежать наказания, тоже помогу. Но и вы... пойдите мне навстречу.

- Чего тебе надо?

- А скажите мне, милая тетя Зина, вы сами открыли дверь Степкиной квартиры Чу... Юлечке вашей?

- Ну, открыла. И что? Как бы она попала в квартиру? Ключи-то у меня хранятся. Надо было вещи взять...

- На первое время, - услужливо подсказала Светлана. – Что было дальше? Вы открыли квартиру Ефремушкиных и?... Вы присутствовали при противоправных действиях гражданки Мишкиной?

- Светка, вот ты чума! Какие противоправные, - с трудом выговорила женщина, - действия?! Ты о чем, вообще?! Юля собирала Степины вещи, я ей помогала.

- Одну, собирательницу эту, в квартире не оставляли? Не отлучались хотя бы ненадолго?

- Ты на что намекаешь?
- Одну не оставляли? – требовательно повторила свой вопрос Светлана с видом следователя, допрашивающего подозреваемого.
- Но не тон смутил тети Зину, а ее собственная оплошность – именно так она охарактеризовала свое недавнее поведение в квартире Ефремушкиных.
- Ну и чего вы затаились, как мышка в норке, перед которой сидит кот? - сверля ее взглядом, констатировала Светлана.
- Нет, ничего.
- Что нет? Что ничего?
- Я отлучилась всего на... п...пару минут, потом сразу вернулась. Юля стояла перед шкафом...
- Отлучились по собственной инициативе? - перебила Куролес.
- Как сказать, - промямлила Крашенинникова.
- Так и скажите! – взвилась Светка, уставшая от игры вопрос-ответ - прям, пинг-понг.
- Мы побыли в квартире недолго, и тут Юля спрашивает у меня: «У вас на плите ничего не стоит?» Я спохватилась и побежала к себе. Зашла в кухню и задумалась: с чего это я рванула? Ведь обед я еще с утра приготовила, пока не так жарко.
- А у вас молоко убежало, - задумчиво протянула Светка, вспомнив классику – мультфильм «Малыш и Карлсон», с этими словами Карлсон обращался к домохозяйке, чтобы сбить ее с толка, усмирить. Цель хитреца, мужчины в полном расцвете сил, была достигнута – домохозяйка растеряла боевой пыл.
- Нет, о молоке Юля не говорила, - каким-то встревоженным голосом донесла тетя Зина.
- Светлана не обратила внимания на ее слова, продолжила размышлять вслух:
- Сработал рефлекс. Вы автоматически откликнулись – побежали в свою квартиру, проверить... Потом вернулись в квартиру Ефремушкиных и застали Чу... Юлию перед шкафом.
- Что ты чукаешь?! – разозлилась тетя Зина. Причина злости лежала на поверхности – оплошала.
- Светка догадалась, что ей удалось вбить клин между тетей Зиной и Чудищем Природы, что тетя Зина на «точке возврата», поэтому ей можно открыть новое имя «невесты» Степана.
- Юля – она совсем не Юля, она Чудище Природы. Век живу, но такой дальновидной изощренности еще не встречала. Чем ни Чудище Природы?
- Зинаида Марковна промолчала. Спорить и перевоспитывать Светку не стала – и то ладно, достижение, маленькая победа.
- Продолжим, - деловито произнесла Куролес. – Вы сбегали домой, проверили, вернулись и?
- Застала Юлю... - Зинаида призадумалась, восстанавливая в памяти сцену возвращения. - Как оставила, так и нашла, ничего подозрительного, - проговорила она с недовольством, непонятно, кому адресованным.
- Сколько времени вы отсутствовали?
- Несколько минут. Чуток посидела, отдышалась, водички попила. Это вы, молодые, бегаете и не устаете, я передвигаюсь неспешно и устаю.
- Точнее?
- Минут пять.
- Пять минут, пять минут, - повторила Светлана нараспев, - это много или мало, пять минут...
- Света, вот зря ты, зря.
- Что зря?
- Зря наговариваешь на Юлю. Вот и Чудищем Природы называешь ее зря. Милая, добрая девочка. Опять же Степochку очень любит.
- Я сейчас умру от вашей говорильни! Любит она! С чего вы взяли, что она его любит? С ее слов? Она сказала, вы ей поверили. Я тоже сейчас наговорю вам в три короба, вы мне тоже поверите?

- А вот и нет! – с великой радостью заявила тетя Зина.
- Вы не забудьте добавить – потому что я тебя давно знаю, знаю, что ты за человек. Но вы меня знали ребенком. Между той Светой и теперешней Светой большая разница. А Чудище Природы вы, вообще, толком не знаете. И сразу ей верите. Ну, почему? С виду пай-девичка. С ви-ду! Внешность, дорогая тетя Зина, бывает обманчивой.
- Ты не думай о Юле плохо, она просто так спросила, без задней мысли, она не хотела удалить меня из квартиры. – Тетя Зина опять стала адвокатом Мишкиной. - Позаботилась обо мне девочка. Я-то старуха без памяти, могла оставить кастрюлю на плите, забыть.
- У вашей... Юли, - ядовито проговорила ее имя Светлана, - «снега зимой не выпросишь» - так ее бывший одноклассник охарактеризовал. Будет она заботиться о чужом человеке!
- Почему бы и нет, - передернула плечами Крашенинникова.
- Действительно – почему бы и нет, если... у нее есть на то выгода.
- Какая же у нее выгода касательно меня? Если сблизиться со Степочкой, так в этом деле я ей не помощница – у него своя голова на плечах.
- У него не голова на плечах, а одно недоразумение.
- У самой у тебя... недоразумение, - встрепенулась тетя Зина.
- Чем же она вас всех взяла?! Околдовала, по-другому не скажешь, - констатировала Светлана и тихо пропела с недовольным видом, - за мои зеленые глаза называешь ты меня колдуньей... Кстати, какого цвета у нее глаза?
- У кого? – прикинулась дурочкой Крашенинникова.
- У мартышки из зоопарка, - взвилась Светка.
- Я не присматривалась, не знаю, какого цвета глаза у Юлии, - отчетливо произнесла Зинаида Марковна.
- Зеленые у нее глаза, раз она вас всех околдовала, - брякнула Светка, думая о своем.
- О всех говорить не стану. А меня она взяла прекрасным отношением к Степану. Не забудь, что он мне как сын. Особенно сейчас, когда он потерял мать.
- Раз он вам как сын, то вы должны сначала разобраться в ситуации, а не... дружить с кем попало.
- Я с Юлей не дружу, мне незачем с ней дружить.
- Не дружу, незачем, он мне как сын, она его любит, - протараторила Куролес. – Как же я устала!
- Пойди, отдохни, не тревожь людей по пустякам, - ответно протараторила тетя Зина, передвигаясь в сторону прихожей. Светка двинулась за ней, сначала молча, потом завелась:
- Тетя Зина, откройте глаза! Неужели вы не видите, что ВСЁ ЭТО сплошной обман?! Вас, и не только вас, водят за нос!
- Ты устала, - напомнила Зинаида.
- Я устала от пустопорожней болтовни! Я хочу знать, - твердым голосом, без намека на высказанную усталость и недавнее возмущение, проговорила Куролес, делая паузы между словами, - что Мишкиной было нужно в квартире Степана? Почему она вас удалила?
- Тебе не надоело?
- Зинаида Марковна, вы забыли, что человек, который ударил Степу, тоже что-то искал в квартире? Что-то определенное, нам пока неизвестное, забыли?
- Ты думаешь, они... заодно? – неуверенно пробормотала Крашенинникова, замедляя шаг, затем и вовсе, остановилась и приложила пальцы обеих рук к губам – давняя привычка.
- Не знаю, - передернула плечами Светлана. - Пока у меня нет ни доказательств, ни опровержений, - насупилась она, заключив еле слышно, - может быть, заодно, может быть, у каждого свои цели. Нельзя исключать все варианты.
- Ее задумчивость, ее тихое рассуждение повлияло на Зинаиду больше всего. Если бы Света по-прежнему возмущалась, язвила, выговаривала, называла доверчивой – ее и глупым – Егора, Крашенинникова выставила бы ее из квартиры и приказала бы больше не появляться – никогда. Что-то щелкнуло в голове пожилой женщины, к глазам подступили слезы.

- Свет, мне не нужно было пускать Юлю в квартиру? – плаксивым голосом спросила она. – Она меня использовала? Но я не могла допустить мысли, что она... Быть такого не может... Юля сказала, что нужны вещи... Ты тоже меня пойми - как бы я ей отказала...

- Тетя Зина, не расстраивайтесь, - успокоила пожилую женщину Светлана и обняла ее за плечи. - Не думаю, что за пять минут она могла что-то найти и украсть... Но проверить необходимо. Вы были дружны с Мартой Гордеевной долгие годы, знаете все ее сокровища наперечет, знаете, где она их хранила. Ведь знаете?

- Марта была равнодушна к безделушкам, - со вздохом призналась Крашенинникова. - Но кое-что у нее было, как и у многих женщин.

- Стоит проверить, - направила Светлана разбегающиеся мысли Зинаиды в нужное русло.

- Да-да, конечно, - засуетилась тетя Зина. - Я сейчас возьму ключи, мы пойдем с тобой в квартиру Ефремушкиных и проверим... Вот я дура старая, как же я так опростоволосилась.

- Рано еще посыпать голову пеплом, - проговорила Светлана, слишком радостно для такого случая...

Пока тетя Зина искала ключи от дверного замка квартиры Ефремушкиных, почему-то слишком долго, Светлана неожиданно подумала о Фомине, несчастливом кавалере Юлии Мишкиной.

После первой встречи во дворе они виделись еще несколько раз, Светка подкарауливала его после работы – на том же месте, в тот же час. Но на этот раз они покидали двор, прогуливались по тротуару, вдоль проезжей части, дышали выхлопными газами автомобилей и не замечали этого.

Фомину хотелось с кем-то поговорить об объекте своей неземной любви, Светка слушала и зомбирровала одновременно, заставляя вновь и вновь вспоминать недавнее прошлое, в котором присутствовал или не присутствовал ее близкий друг Степан Ефремушкин.

Фома почти смирился с потерей любимой девушки, но от разговора не отказывался. Иногда Светлана сама не понимала, зачем ей нужны эти пустопорожние разговоры. Фома так и не стал ее союзником. Светка уже сомневалась, любит ли он Мишкину, возможно, он разобрался в своих чувствах, до него дошло, что это была несознательная, юношеская, любовь, чудесным образом перескочившая в другую возрастную категорию. Разобравшись, отпустил Юлию. Возможно, Светлана ему в этом помогла и помогает стать невозвращенцем в прошлую жизнь, в жизнь зависимого человека.

Для Светки осталось загадкой – почему Фомин ее терпит? Ну, поговорили, обсудили, разобрались, - разбежались и забыли. Получается, чувство еще теплится где-то глубоко внутри? Так глубоко, что сам не поймет - живо или умерло?

Послал бы Светку подальше, и дело с концом, пусть не надоедает, не берedit душу. Или ему необходимо общение? Или он не хочет избавляться от чувства к Юле, глубокого, пустившего корни, да так, что не вырвать, чтобы не убить себя.

Или все серьезнее? Светлана ему нужна в качестве катализатора чувства, пребывающего в спящем режиме. Без катализатора, без взвинчивая всех имеющихся чувств, не только того самого Чувства, Фомин не решится на Поступок.

Это она поняла только сейчас, сидя в прихожей тети Зины на низком пуфике с потертой обивкой. Поняла, испугалась и решила прекратить всяческое общение с Фоминим.

Зря она считала его слабым и безвольным, ой зря. Заигралась.

- Свет, ну, что пойдём? – вырвала ее из мира страха и нехороших предчувствий тетя Зина...

Светлана зашла в чужую квартиру с опаской, как будто ожидала нападения.

Тетя Зина тотчас направилась в комнату покойной подруги. Светка замерла в прихожей, вращая головой, почти как сова.

- Проходи, чего ты, - издали пригласила Крашенинникова.

- Я в ванную, хочу умыться, - напряженным голосом сообщила Куролес и скрылась в ванной комнате. Сразу открыла кран, засунула под струю воды обе кисти рук и принялась изучать свое отражение в зеркале. – Выгляжу, как застигнутый врасплох воришка, - сообщила она своему отражению. – Почему воришка? – призадумалась и скорчила рожу – выпучила глаза и показала язык. Вернулась к обычному виду, улыбнулась сама себе и выдала, - вот так-то лучше – прелестница, право!

Светлана согнулась, чтобы под струю холодной воды попали локти: решила снять напряжение и усталость. Разговор с тетей Зиной вышел сложным, однако дал кое-какие результаты – заставил ту задуматься. Нужен еще один шаг в правильном направлении...

Взгляд упал на пластмассовый стакан для полоскания рта. Стакан был перевернут – стоял на полке вверх дном. Светлана не нашла ничего лучше, как автоматически перевернуть стакан, и тотчас округлила глаза от удивления. Под стаканом пряталось золотое колечко с жемчугом. Жемчуг был небольшого размера, само колечко - без всяких изысков, простенькое, миленькое, интеллигентное. Светка напятила колечко на палец, сначала на безымянный – оказалось велико, потом на средний – в самый раз. Полюбовалась, стянула с пальца, прикрыла стаканом – как было.

С задумчивым видом вытерла мокрые руки о полотенце, висевшее на крючке, при этом не сводила взгляда со стакана, под которым спряталось колечко с жемчугом. Затем оперлась руками на раковину и вновь стала смотреться в зеркало, не замечая своего отражения. Потому как погрузилась в размышления.

Размышления не заняли много времени. Светлана Куролес подняла двумя пальчиками стакан, в очередной раз удивилась тому, что колечко никуда не исчезло, как будто кто-то играл с ней в «наперстки». Молниеносным движением схватила кольцо и зажала в правой руке. Некоторое время постояла, пытаясь утихомирить биение сердца, переложила кольцо в левую руку и, наконец, покинула ванную.

- Ты где пропала? - поинтересовалась Крашенинникова при ее появлении в комнате.

- Задержалась, простите, - вставила Света с покаявшимся видом, словно натворила бед. – Тетя Зина, я... тут...

- погоди ты, - отмахнулась от нее Зинаида и сбивчиво доложила, - я проверила шкатулку Марты и... обнаружила... недостачу. – Как будто она ревизором, прибывшим для проверки бухгалтерии предприятия.

- Н...недостачу чего? – слегка заикаясь, спросила Светка, крепко сжимая кольцо в ладони, отчего ладони стало некомфортно, даже больно, но Света терпела. Она мысленно поблагодарила Крашенинникову за то, что та не позволила ей высказаться – признаться, ЧТО она обнаружила на полочке в ванной комнате. Сам бог послал ей это кольцо в качестве помощника в борьбе против всяких невест-самозванок. Нечто подобное в ее голове сложилось еще во дворе, когда она сидела на вкопанной в землю автомобильное шине, но не могла подумать, что ценная вещица сама придет ей в руки.

- Как чего? – возмутилась между тем тетя Зина, - безделушек Марты. Я помню их всех наперечет, в этом ты права, поэтому напрягаться не пришлось, тем более их не так много... было, а сейчас и того меньше... На одну единицу. – Крашенинникова очень волновалась, поэтому речь выходила нескладной.

- Чего же не хватает? – подобралась Куролес, лелея в ладони свою находку.

- Вот погляди, - предложила тетя Зина, стоя перед раскрытой шкатулкой, выполненной из красного дерева. Шкатулка была немаленькой, весь объем занимали бусы, цепочки из серебра и золота, колечки, сережки – не сказать, что скудный набор ценных вещиц. – Видишь сережки с жемчугом? – Женщина вытащила из шкатулки упомянутые серьги и показала Светлане. – К этим серьгам прилагалось кольцо с жемчугом. Этот комплект Марте подарил покойный супруг... Тогда он был еще жив, естественно. Марта очень дорожила этим комплектом, все-таки память о любимом муже. И в тот вечер, в тот последний вечер, когда

мы виделись, - тетя Зина печально вздохнула, - на ней были эти самые серьги, а на пальце колечко с жемчугом, из комплекта. Сейчас серьги есть, а кольца нет.

- И что же выходит? – задалась вопросом Светка. - А то и выходит, что пока вы ходили домой, проверяли газовую плиту, Чудище Природы открыла шкатулку и схватило первое, что попало под руку. Под руку попало колечко с жемчугом. Она клептоманка? Как думаете? Или у нее другие планы?

- Света, я не верю, что Юлия могла украсть кольцо Марты. Не верю, и все!

- Могла, не могла, это все эмоции. Надо рассуждать здраво. Допустим, не клептоманка – была бы клептоманкой, коллеги заметили бы: клептоманы не отдают отчета своим действиям, тырят всё подряд, даже совершенно ненужные вещи. Это своего рода болезнь. Получается, она украла кольцо с умыслом.

- Что за умысел? Ты о чем?

- А умысел заключается в следующем. Я сейчас рассматриваю следующий вариант: я соглашаюсь, что Чудище – невеста Степана, некоторое время они тайно любили друг друга, собирались пожениться, но откладывали бракосочетание по известным причинам. Сейчас путь свободен. Однако, ей известно, что Степан Сергеевич – человек внушаемый, впечатлительный. Меня Чудищу удалось убрать с дороги – Степка не принимает мои слова близко к сердцу, вообще на них не реагирует. Если я скажу что-то плохое о его... хм... невесте, он закрывается, обижается, перестает со мной общаться. Опять же, у меня взрывной темперамент и, чего скрывать, подмоченная репутация, хотя, прошло много лет с той поры, когда я чудила. Поэтому меня нельзя принимать всерьез. Другое дело вы, тетя Зиновья, вы имеете влияние на Степана, сами сказали, что вы ему как мать. Пока он не знает, что его матери больше нет, а когда узнает, его сыновья любовь автоматически передастся вам. Степан станет относиться к вам, как к своей матери, начнет прислушиваться к вашим советам. Очередная зависимость, ничего нового, но Степан без этого не может. Данное обстоятельство не устраивает Чудище. Как бы я к ней не относилась, но глупой ее не считаю, несмотря на услышанное, невысокое, мнение о ее умственных способностях ее бывшего одноклассника. Но он мне рассказал, что «она себе на уме».

- И что это значит? Я пока ничего не пойму из сказанного тобой, слов много и все непонятные, - обиделась Крашенинникова.

- Сейчас объясню. Чудищу надо... подмочить вам репутацию. Она стибрила кольцо Марты Гордеевны. Когда память вернется к Степану, он вспомнит покойную мать, попадет в очередную зависимость к вам... Попадет, попадет, - покивала головой Светлана, заметив рвущееся наружу возмущение Зинаиды Марковны, - ему эта зависимость нужна как воздух...

- Но Степочка может попасть в зависимость своей молодой супруги, - все-таки изловчилась и вставила словцо пожилая женщина, при этом освободилась от сережек с жемчугом – положила их в шкатулку - и облегченно вздохнула, словно украшение жгло ей ладонь.

Ладонь Светки тоже горела, праведным гневом. Но вида Светка не подавала, изображала из себя прорицателя.

- У Степки есть зависимость от женщин старшего возраста, в хорошем смысле этого слова. Чудище на эту роль не подходит... Но до той поры, пока ваша репутация не покачнется. А она покачнется, когда Степан, избавившийся от амнезии, захочет перебрать украшения матери. Трогательно перебрать, вспомнить прошлое – когда что куплено, подарено. Ностальгия, одним словом...

- Что-то я не...

- Сейчас всё поймете. Перебирая немногочисленные украшения своей матери, Степан заметит, не может не заметить, что пропало кольцо с жемчугом, из комплекта, подаренного матери его отцом, потому особо ценное...

- Конечно-конечно, не в денежном эквиваленте, для души и сердца, - деловито вставила тетя Зина.

- Опа, кольца нет! Что делать? А вот что делать, Степан не знает. Поэтому он обращается за советом к своей «невесте». И что она, сообразительная до безобразия бабенка, себе на уме?
- Что?
- Она сразу «сообразит», что колечко с жемчугом, дорогое его сердцу, взяла... Кто бы вы думаете?
- Кто?
- Соображайте быстрее!
- Вор, который проник в квартиру и который ударил Степochку по голове статуэткой?
- Взя-ла! Чувствуете разницу? Вор – мужского пола, а кольцо взялаааа, - затынула как песню Светлана.
- А кто говорил, что в квартиру проник мужчина? Это могла быть женщина, - выдала Крашенинникова. – Женщина могла схватить статуэтку и махнуть Степу по голове. А, маханув, она скрылась, оставив несчастного истекать кровью. Если бы мужчина со всей дури ударил его по голове, то результат удара для Степы был... более плачевный.
- Светка смотрела на пожилую женщину с таким видом, как будто она совершила величайшее открытие в области физики. Прямо сейчас, на ее глазах.
- Надо ваше предположение обмозговать, - констатировала она, оправившись. – Да. Нужно обмозговать. Но ни сейчас. – Света порционно выдавала фразы. – Я должна продолжить, чтобы не упустить нить... Женщина... Почему женщина?
- А почему мужчина? Мы ухватились за того человека, который выдавал себя за гомеопата. Но не обязательно, что это был один и тот же человек.
- Не хочется думать, что здесь орудует целая банда, - пробормотала Светлана.
- А как же Юля? Ты сама сказала, что она может быть пособницей преступника.
- Может. Тогда Степке грозит опасность, если он поселится у нее. Или напротив, не грозит? Тем самым, она себя подставит?
- Не грозит, - проблеяла тетя Зина, привычно прижимая пальцы к губам, от волнения.
- Допустим. И будем исходить из первоначального заявления – на Степку напал мужчина. А насчет силы удара могу сказать следующее - он не хотел его убивать... Время не прошло... Я ЭТО сказала?
- С...сказала, - слегка заикаясь, ответила Крашенинникова. – Свет, что это значит?
- Боюсь подумать.
- Но ты ЭТО произнесла!
- Как-то само вырвалось, - покаялась Куролес и голосом, полным неосознанного страха, успокоила, - не обращайтесь внимания. Знаете, что меня иногда заносит.
- С тобой такое бывает, - испуганно согласилась тетя Зина. – Так что там с похищением кольца с жемчугом? – поспешила она перевести разговор в прежнее русло.
- Как что? Дело ясное, скажет ваша любимая Юля, кольцо свистнула соседка.
- Какая соседка? – не сообразила Крашенинникова.
- Вы, тетя Зина!
- Светка, ты... того... этого? С ума сошла?! Да, я никогда чужого не брала.
- Не брали. И я это знаю. И Степа знает. И он не поверит словам Чудища.
- И правильно сделает!
- Но она будет очень убедительной, и предложит провести обыск в вашей квартире. Они заявятся к вам. Чудище бросит обвинение в краже вам в лицо. Что сделаете вы?
- Я буду возмущаться...
- Возмущаться и? Что дальше? А я знаю, как будут развиваться события. Как любой честный человек, вы, тетя Зиночка, согласитесь на обыск, вам-то скрывать нечего. Покажите, где у вас хранятся украшения. Степан начнет извиняться, оправдываться, но напористая «невеста» или уже супруга, скорее - первое, возьмет на себя функцию проверяющего. И что она обнаружит? То самое кольцо! С жемчугом! Сама же его и подкинет пока будет копаться в ваших драгоценностях. Далее. Вы начнете оправдываться, возможно, пустите

слезу, от величайшей обиды, но Степану не будет дела до ваших оправданий и ваших слез! Как вы могли?! Он вам так верил! А вы...

Тетя Зина заплакала. Светка обозвала себя бессердечным дьяволом. Как будто дьявол бывает сердечным. Но отступить было поздно...

Светка долго успокаивала тетю Зину уже у нее дома. Тетя Зина, на всякий случай, проверила все свои украшения на предмет обнаружения кольца Марты. Хотя, Светлана утверждала, что пока не время пропавшему кольцу находиться.

- Если вы, тетя Зина, обнаружите кольцо сейчас, а вы его обязательно обнаружите, то затея Чудища с вашей подмоченной репутацией будет бессмысленной – должен быть один свидетель вашего морального падения, главный свидетель, и этот свидетель – Степан Сергеевич Ефремушкин.

Светлана вымоталась, изолгавши, поэтому отвалилась на кресле и прикрыла веки. Теперь найденное на полочке в ванной колечко спокойно лежало в ее сумочке, в отдельном кармашке. Она успела его переложить, когда тетя Зина возилась с дверным замком чужой квартиры.

- Спасибо тебе, Светка, - поблагодарила ее доверчивая женщина. – Если бы ни ты, даже... не знаю, чем бы дело закончилось. Эдак можно и в тюрьму угодить. И что нам теперь делать?

- Играть по правилам неприятеля, - сразу отреагировала на вопрос Куролес, открывая глаза и спархивая с кресла. – Мне надо бежать, но я не могу уйти, пока не удостоверюсь, что с вами все в порядке. Вы в порядке?

- Удивительно, но да. Только злость съедает.

- Кого-то грусть-тоска съедает, вас – злость. Но это лучше, чем грусть-тоска, - с многозначительным видом заключила Светлана, - только вы не переусердствуйте со своей злостью, поберегите до лучших времен. И положитесь на меня. Только Скворечнику о наших планах ни слова – неизвестно, на чьей стороне он играет. Договорились?..

На выписку Степана Ефремушкина из больницы пришли Юлия Мишкина, что естественно и обязательно, тетя Зина Крашенинникова, почти родственница, и Светлана Куролес со своим женихом, Петром Алейниковым.

Завидев на крыльце больницы компанию из знакомых людей и одного незнакомца, Степан напрягся, ожидая надоевших ему вопросов: «Но меня-то ты должен помнить! Помнишь?» Сдержанная улыбка сползла с его уст, а Светлана, подруга детства, сразу познакомила мужчин, чтобы снять напряжение – догадливая до невозможности. И предприимчивая.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями. Светка оттеснила «невесту» и расцеловала друга детства в обе щеки, потом настал черед тети Зины, а потом уж «невесты». Крашенинникова и Куролес выражали полное дружелюбие в ее адрес, та сводила брови, недоумевала. Ладно бы тетя Зина, с ней контакт налажен, но Светка... Явно что-то затевает.

Наконец, настала очередь Чудища. Она нагло прильнула к губам Степана своими алыми губами и одновременно схватилась руками за горло, как будто хотела перекрыть кислород и задушить одновременно. Степка выглядел нелепо со своими пакетами в обеих руках и с висящей на шее девушкой, впившейся в его губы.

- Ну, хватит уже, - не выдержала тетя Зина и отстранила «невесту» от «жениха». Хотела забрать пакеты, но Степка не позволил, только переложил оба пакета в одну руку. Другой рукой обнял за талию свою «невесту».

Все уместились в автомобиль Алейникова, чтобы ехать на квартиру Мишкиной. Для этой цели Петр и был приглашен на выписку близкого друга Светланы, коварной женщины со своими планами.

- Я забираю Степана Сергеевича к себе домой, - тоном, не терпящим возражений, на всякий случай сообщила Светлана.

- Она забирает его к себе, - повторила Светка, скривившись. – Степа - не вещь, надо услышать его мнение – хочет ли он ехать к тебе?

- Светочка, не придирайся к словам, - мягко осадил ее тетя Зина. Она сидела рядом с водителем, с Петром Алейниковым, и во время своей реплики даже не удосужилась повернуть головы, не хотела лишней раз видеть неприятеля, неприятельницу по прозвищу Чудище Природы. Злость съедает.

- Степа, ты хочешь? – промурлыкало Чудище Природы, потирая своим плечом о плечо Степана. Они сидели на заднем сидении, рядом с ними пристроилась Светка, для контроля. Степан оказался зажатым между двух женщин.

- Хочу, хочу, - успокоил ее Степан, отмахнулся, как от надоевшей мухи, что пролило бальзам на душу подруги детства.

- Хочу – потому что нельзя отказаться? Или хочу - потому сам этого хочу? – уточнила привязчивая особа Куролес. Петя покосил на нее глазом и хмыкнул.

В свою очередь, Степка покосил глазом на Петра и подумал, что Светке этот мужчина совершенно не подходит: мелковат, вровень с самим Степаном, но плечи у Петра узкие, оттого он выглядит несформировавшимся подростком.

Степан заметил у Петра на ногах сандалии - ну, точно подросток из советских времен. И стрижка идиотская, пусть и модная – с боков выбрито, сверху - шапка из волос, уложенных до неприличия. Как у известных футболистов. Так то футболисты, им положено блистать и поражать не только игрой, но и внешностью. А Светкин Петечка, кажется, компьютерный гений, так она сама сообщила с придыханием, ненатуральным придыханием: чтоб Светка кого-то ставила на пьедестал, возлагала цветы и смахивала пыль? Ни-ког-да. Сама себя не ставит, другим не позволяет – ограничивается уважением и легким почитанием, заслуженным. Добиться от Светки похвалы так же трудно, как сдружить все народы мира, нереально. Конфликты всегда были и будут.

Но в жизни всегда есть место чудесам.

Между тем неугомонная Светка, чье слово должно быть последним, бурчала себе под нос:

- Что ж такое: мне постоянно выговаривают – не придирайся к словам, не придирайся к словам. – И обратилась к Крашенинниковой, - тетя Зина у меня скверный характер?

- Ни без этого. Но тебя можно понять – ты беспокоишься о друге.

- Я не просто беспокоюсь, я... Впрочем, мне лучше помолчать.

- И это правильно, - похвалила Зинаида Марковна...

Все же Светке удалось высказаться, но после того, как они высадили у дома Мишкиной влюбленную парочку и помахали на прощание рукой.

- Я бешусь от своей беспомощности, - проскрежетала она зубами.

- Светка, возьми себя в руки. Надо подождать, сама же говорила, - миролюбиво произнесла тетя Зина, хотя, на душе было беспокойно, кошки на душе скребли, не просто домашние кошки, дикие кошки – пантеры, черные, страшные, опасные.

- Чего ждать? Их свадьбу? Только через мой труп!

- Типун тебе на язык!

Петр помалкивал и ухмылялся.

- Ты чего улыбаешься? – набросилась на молчуна Светлана. – Улыбается он! Мне плохо, голова идет кругом, а он... улыбается! Посмотрите на него, люди добрые!

- Светик, чего ты разошлась. Все будет так, как ты задумала, я даже не сомневаюсь.

- Твои слова, да богу в уши, - присмирела она и тяжело вздохнула.

Некоторое время в салоне автомобиля царил молчаливое взаимопонимание, затем Светка все же не выдержала:

- Эта Юля, Чудище несчастное, отрезала нам все подступы к Степану. Сейчас закроет его в своей квартире на семь замков, не подступишься, и начнет обхаживать. Того и гляди, нас скоро пригласят на... бракосочетание, которое состоится... - покривлялась она. После чего заключила нормальным голосом, - и все-таки, зря Степка не вернулся домой: может быть,

память вернулась, в родных-то стенах. Начал бы помаленьку вспоминать. Именно этого и боится Чудище.

- Нельзя ему домой, - сокрушенно призналась Зинаида, - сама понимаешь - появятся вопросы о матери.

- Не появятся, - буркнула Куролес.

- Что ты еще натворила? Признавайся, - набросилась на нее тетя Зина, выворачивая голову в сторону заднего сиденья.

- Петь, ты бы остановил машину, а то неровен час, наша тетя Зиночка себе шею свернет, - просветила Светлана водителя на предмет травматизма пожилой пассажирки.

Как только представилась возможность, Петя остановил автомобиль.

Светка и Зинаида Марковна тотчас выбрались наружу. Алейников остался в салоне, ему женские разговоры были неинтересны.

- Я сказала Степке, что его мать живет в глухомани, она сама так решила, якобы устала от городской суеты, - тщательно выговаривая слова, сообщила Куролес. – В этой глухомани нет никакой связи. Как только Степа поправится, мы к ней поедем. Или вместе с Степкой, или сами, я и Петя, и привезем его мать в город.

- И как долго ты будешь его «кормить завтраками»? Рано или поздно он захочет встретиться с матерью.

- Тетя Зина, давайте решать вопросы по мере их поступления. Вот захочет увидеться, тогда и... что-то решим. Согласны?

- Ну, согласна. Что ты думаешь дальше?

- Кое-какие мысли есть... Но я вам ничего говорить не буду.

- Почему? Я, каким-то боком, имею отношение к этой странной истории. Это меня хотят подставить, если ты не забыла... Если уже не подставили, - пробормотала пожилая женщина с испугом.

- Не скажу и точка, не приставайте. И не переживайте – пока время терпит, Чудище не перейдет к решительным действиям. Будет ждать удобного момента.

- Пока к Степке не вернется память?

- Тетя Зина, положитесь на меня!

- Светка, и как тебя твой Петя терпит! – в сердцах заявила Крашенинникова.

- Сама удивляюсь, - прошептала молодая женщина, заглянула в салон через окно и послала жениху воздушный поцелуй.

- Что-то мне неспокойно, - с волнением в голосе сообщила тетя Зина.

- Мне не лучше, - разгибаясь, призналась Светлана Куролес. - Лучше бы Степка на дачу поехал. У Ефремушкиных же есть благоустроенная дача?

- Есть.

- Там свежий воздух, тишина, покой, красота. Опять же – никакой невесты, что б ей пусто было.

- Раньше надо было предлагать. А мы бы с тобой заранее поехали на дачу, подготовились к Степкинскому приезду, убрали с глаз долой все вещи, которые напоминали бы ему о матери.

- Дааа, - протянула Светлана, - опростоволосились мы. Умная мысль приходит опосля.

- Две дурехи.

- Ага, - поддержала старшую подругу Куролес. - Лишили Степку приятного времяпровождения. Он гулял бы вволю, читал свои умные книжки, и не умные - тоже, отдыхал и наслаждался жизнью. И Юля бы перед глазами не так часто маячила.

- Однако, там врачей нет, совсем. А Степчка нуждается в медицинской помощи.

- Это верно, - согласилась Светка. - Ладно, поживем, глядишь и дождемся развития событий. – А про себя добавила, - ни без моего участия...

Никогда Светлану не мучили ночные кошмары. И вот, спустя много лет, когда они обнаружили тело пропавшей девочки Нины, жительницы деревни Чубликово, ей приснился страшный сон.

Будто бы они еще дети, как в том времени. Приехали на автобусе «ПАЗ», тот же водитель, дядька в кепке, высадил их на развилке, дальше они пошли пешком. События развивались без изменений, но до той поры, пока они не раскопали... якобы клад... Они обнаружили совершенно живую девочку в платьице. Она встала из могилы, которую ей соорудил убийца, новый житель села Чубликово, отряхнула от земли свое платьице и вежливо поздоровалась. Ребята, в числе которых была рыжеволосая Светка, хотели разбежаться на все четыре стороны, от безумного страха, но не смогли. Именно от безумного страха у них отнялись конечности. Между тем девочка назвала свое имя. И потребовала у новых приятелей назвать себя. По мере знакомства, Нина предрекала каждому будущее. Вене Киселевичу она сказала, что он станет великим ученым, у него будет большая семья. Димону Комелюку предложила серьезно подойти к выбору спутницы жизни, иначе все пойдет через пень-колоду. Долго смотрела на Дюшу Петрова с сочувствием, потом тихо пролепетала, извиняясь: «Я должна это сказать. Ты рано умрешь. Мне очень жаль». Потом ее внимание сосредоточилось на Степане Ефремушкине. Девочка Нина выпячивала губы, хмурилась, все же выдала свою информацию, пусть и зашифрованную: «Всё в твоих руках. Ты можешь».

Светку она проигнорировала. Когда та напонила о себе, девочка Нина, не взглянув на нее, отмахнулась, а потом и вовсе улетучилась, превратившись в облако. Как Снегурочка в одноименной сказке.

Светлана проснулась в холодном поту.

К чему мне привиделся весь этот ужас? – задалась она мысленным вопросом. Завернулась в покрывало и вышла на балкон. На востоке небо уже светлело, солнце выталкивало оттуда ночную тьму. Светлана поежилась от холода, но с балкона не ушла. Только сильнее закуталась в покрывало.

Так и простояла до утра, наблюдая за небом, лишенным своей инициативы, служившим преданным рабом дневному и ночному светилам.

Она пыталась выбросить из головы сон-предсказание. Но разве выбросишь? Венька и Димон уже подтвердили предсказание девочки Нины: Венька ученый, пусть пока не мировое светило в своей научной области, но это дело времени; у него большая дружная семья. Димон... Несерьезно подошел к выбору спутницы жизни. Жизнь покатила по наклонной, через пень-колоду. Но у него еще есть шанс. Вот выйдет на свободу, и Светка объяснить ему как жить дальше. Она обязана это сделать, ради самого Димона, ради их прошлого. Очень надеется на его понимание, на то, что еще не всё потеряно. Шанс еще есть... Чего не скажешь о Дюше Петрове. О нем она ничего не знает. Степка не говорил, она не спрашивала. Дюша всегда оставался незаметным. Сам о себе говорил – не личность. Они не спорили. Кто-то из них пятерых может быть неличностью.

В голове продрогшей молодой женщины промелькнула мысль: детские шалости имеют непредсказуемые последствия. Чаще всего оставляют на теле физические увечья, значительные и незначительные. Реже - душевные травмы. Должно произойти что-то из ряда вон выходящее, как в случае с... находкой близ деревни Чубликово, чтобы с тобой ЭТО осталось навсегда. Будто бы забыл, будто и не было ничего, но рано или поздно даст о себе знать, в самый неподходящий момент, когда и без того жизнь закрутилась в тугой узел и не знаешь, как его распутать... Или в самый подходящий момент? Но зачем?

Неужели, что убедить в неправильности твоего решения?..

Надо кое-что проверить.

Дождавшись семи часов, времени, когда можно побеспокоить людей – так решила для себя Светлана, она робко набрала домашний номер телефона Дюши, Андрюши Петрова, нисколько не надеясь, что ей ответит он сам или его мать, или кто-то еще из его родственников.

Ей ответили сразу, как будто ждали телефонного звонка. Ответил скрипучий старческий голос. Светлана спросила Дюшу, так и сказала: «Дюшу можно?» Как в детстве. И как в детстве, забыла поздороваться.

– Света, это ты? - догадался старый человек на другом конце провода.

– Я, - осторожно призналась она и вся сжалась, как будто испугалась чего-то.

– А это мама Дюши.

Светка хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Она только прохрипела в ответ и задержала дыхание, когда женщина, мать Дюши, начала сбивчиво говорить:

- Спасибо, что позвонила... Но откуда... Или ты ничего не знаешь? Не знаешь, раз спросила моего мальчика.

- Что? Что случилось? – нашла в себе силы Света, прерывая долгое молчание.

- Мой мальчик... Он умер сегодня ночью. У него был сахарный диабет... Диабетическая кома...

Дюши больше нет. Он умер молодым... Всего-то тридцать пять...

Нина... Сон... Этого не может быть...

Почему же мне она ничего не предрекла?.. Или так лучше?

Димон... Степка... Дюша... Веня...

Степка... Что она ему сказала?

Всё в твоих руках. Ты можешь.

Он может... Я должна ему помочь?.. Или лучше отойти, чтобы не усугубить?..

Утром Юлия тщательно готовилась к приходу Зинаиды Марковны Крашенинниковой, получившей от нее приглашение на ужин. Сказала, посидим втроем по-семейному, выделив «втроем», чтобы гостя не вздумала прихватить с собой «бесплатное приложение» - Светлану Куролес, женщину без комплексов, которая узнает о приглашении и прилипнет к тете Зине.

Эта на всё горазда, - подумала Юлия о подруге детства Степана. Она надеялась, что тетя Зина ее правильно поняла, и если Света захочет к ней прилипнуть, то та обязательно даст ей отворот-поворот.

Приглашение состоялось накануне, предварительно Мишкина заручилась согласием жениха, который отнесся к ее затее с полнейшим безразличием. Юлия даже обиделась: ради него она и устраивает ужин - хотела показать, какая она хорошая хозяйка, приветливая, шустрая. Как умеет ладить с людьми старшего поколения – не всем молодым это дано. А что Степан? Хочешь, приглашай. Сказал и забыл. Нет бы поблагодарить, предложить свою посильную помощь...

Но Юлия не в обиде на него – большой человек, что с него взять.

Спозаранку Мишкина сбежала на рынок, вернулась домой, перемыла фрукты-овощи, накормила завтраком только что проснувшегося Степана, выпила кофе на ходу и отправилась в ближайший супермаркет. Перед уходом чуть не ляпнула: «Степа, а что любит Зинаида Марковна?» Чуть не обидела человека, потерявшего память. Он знает не больше Юлиного. Ладно, она сама разберется.

Очень ей хотелось угодить соседке Степана, почти родственнице, которая единственная встала на ее сторону, поддерживала, помогла советом. Теперь Юля обязана отплатить добром за добро – приготовить ужин и подобающе встретить гостью.

Мишкина долго бродила по супермаркету – выбирала продукты. Расплатившись на кассе, набила продуктами два пакета и еле дотянула их до дома, благо дом от супермаркета находился близко, в двух шагах.

Чего она боялась, то и случилось. Во дворе встретила Фому. Он поздоровался, он буркнула в ответ что-то невразумительно, он вырвал из ее рук пакеты с продуктами, произошла борьба за пакеты, Юлька вышла победителем, потому что непримиримо заявила:

- Фома, оставь меня в покое, я замуж выхожу! И точка! Всё!

Фома расслабился от заявления, и ослабил хватку. Юлька схватила свою непосильную ношу и скрылась в подъезде.

- Значит, всё? – проводив ее взглядом, вопросительно протянул Эдуард Фомин. – Ну, это мы еще посмотрим – всё или не всё.

Ему вспомнились слова странной женщины Светланы, которая утверждала, что он и Юля – два сапога пара. Возможно, сказала не совсем так – подходят друг другу. Смысл одинаков. И еще Светлана говорила, что за свое счастье надо бороться, что нельзя унижаться, что если сам себя не уважаешь, то тебя тоже никто не будет уважать, а любовь строится на уважении.

Эдуард и Света часто виделись в последнее время. Сначала Эдуарда тяготили философские беседы о любви, дружбе и взаимоуважении. Потом он к ним привык, потом ему стало их не хватать. Он больше слушал, чем рассуждал сам. И жалел, что на его жизненном пути не встретила такая умная и рассудительная женщина раньше – жизнь могла сложиться иначе.

Жаль, в последнее время Светлана не появляется. Но их разговоры дали свои плоды. Кое-что он для себя решил...

Юлия втиснулась в прихожую, бросила пакеты на пол, закрыла входную дверь и прислушалась. Из ванны доносился звук, чем-то похожий на легкий шум воды. Она решила, что Степан что-то делает в ванной. Из двух звуков – из ванной и из комнаты – солировал один: «говорящий» телевизор. Сначала Юля пошла на звук соло, и увидела сидящего перед телевизором Ефремушкина, который увлеченно смотрел передачу по телеканалу «Культура», познавал мир заново.

- Привет, милый, - поздоровалась она и бухнулась рядом с ним на диван.

- Привет, - поморщившись, ответил Степа. Ему не нравилось обращение «милый». Еще больше не нравилось обращение «любимый». Попахивало театральщиной, неискренностью. Он не говорил Юлии о своем неприятии подобных обращений, не хотел ее обижать, но непроизвольно морщился.

Юлия была недогадливой. Степан - терпеливым.

- Почему вода в ванной шумит? – спросила она, укладывая свою голову ему на плечо. Степан вновь поморщился – он не выносит женской липучести. Про прошлую жизнь не помнит, а сейчас - не выносит.

- Понятия не имею, я там не был, - холодным тоном ответил он и попытался отодвинуться от невесты, чтобы ей стало неудобно держать свою голову на его плече.

Степан зачем-то прислушался к себе и подумал: пустое сердце бьется ровно. Пустое – без любви. Может быть, раньше, в прошлой жизни, когда он был человеком с памятью, он любил Юлию, но сейчас всё изменилось. Он не просто ее не любил, она его тихо раздражала. Он жалел о своем согласии временно поселиться в ее квартире, и искал повод вернуться к себе домой. Повод пока не находился по причине Степкиной лени. Но главным была ни лень, а страх. Противный страх, засевший глубоко внутри. Степан был уверен – едва он окажется в своей квартире, страх вылезет наружу, он начнет медленно сходить с ума – бояться каждого звука, шороха, стука. Сам не знал, что его пугало. Кто-то на него напал, когда он вошел в квартиру. Но снаряд в одну воронку не падает - тот человек не посмеет еще раз проникнуть в его дом.

Можно пожить на даче, тетя Зина рассказала, что у него есть дача. И тетя Зина же предупредила – лучше пока находиться в городе, он нуждается в медицинской помощи. Жаль. На даче хорошо. Наверное.

Следователь Азарх рассказал, что подписка о невыезде с него снята, может ехать, куда угодно. Куда он поедет? Если только к маме. Светка обещала съездить к ней вместе со своим бойфрендом, Петром Алейниковым. Ну и типчик. Престарелый мажор, иначе не скажешь. И что она в нем нашла?

- Ты сейчас о ком? – спросила Юлия, тиская его руку и елозя головой по его плечу.

Оказывается, последний вопрос он произнес вслух. Надо как-то выкручиваться, не говорить же Юле о Светлане, с которой у нее не складываются отношения.

На экране телевизора появился косматый лев, неподалеку возлежала львица. Степан повторил свой вопрос:

- Что она в нем нашла? – И указал на экран. – Он такой... неухоженный, она такая... грациозная. – Глупость, конечно, сморозил.

- Это тебе нужно у нее спросить, - хмыкнула Мишкина. Оторвала голову от его плеча и прислушалась, - ну, точно - вода журчит.

- Так пойдя, посмотри.

- Так пойду и посмотрю, - с обидой брякнула девушка и гордым видом удалилась.

Вернулась быстро и сообщила:

- Степочка, у нас проблема - на полу в ванной полно воды. Воду я перекрыла, кажется, источник течи где-то под ванной, сейчас вызову слесаря и сама всё уберу.

- Я тебе помогу. – Степан подхватился с дивана и двинулся в сторону ванной.

Юля побежала за ним.

- Степа, я сама, тебе нельзя...

- Можно, - перебил Степан.

- Степа, тебе нельзя, - упорно повторила девушка.

- Чего мне нельзя?

- Тебе ничего нельзя, - с укором произнесла она.

Степка догадался, чем вызван скрытый укор: накануне он сослался на головную боль. Точно, как в анекдоте. Юля не настаивала, но явно обиделась. Степан прислушался к себе и понял - он не хочет быть с этой женщиной. Быть, в смысле, заниматься сексом. Он не помнил, когда у него была... крайняя сексуальная связь. И была или эта связь с Юлией. Он по-прежнему ничего не помнил, и как-то привык с этим жить. Как привык жить без секса. Правильно ли это? Пока, да. До восстановления, пусть не полного. Или до того момента, когда у него появится острое желание...

- Мне ничего нельзя, но это временное явление, - четко выговорил Степан и успокоил, - сейчас я сам соберу воду, затем...

- Затем – ничего не будет. Я уже вызываю слесаря. Еще не хватало, чтобы ты напрягался. Степа, я тебя прошу.

- Воду я могу собрать?

- Тебе нельзя наклоняться.

- Можно.

- Ладно, но только воду. А потом ты будешь отдыхать.

Юля занялась делами на кухне, Степан привел ванную в божеский вид, сильно устал с непривычки – обленился за последнее время, доковылял до дивана и прилег. Телевизор продолжал усыпляюще бубнить. Степана потянуло в сон. Он еще не перешел в фазу глубокого сна, поэтому отчетливо услышал звонок мобильного телефона откуда-то из прихожей.

- Юля, у тебя телефон звонит! – повысив голос, сообщил он.

- Ох, и слух у вас, Степан Сергеевич. Иногда мне кажется, что ты симулируешь, - из прихожей заявила Юля, копаясь в своей сумке.

- Я симулянт, - пробубнил себе под нос Ефремушкин, так чтобы девушка не услышала. - Вот придумала – симулянт. Она правда так думает? Или пошутила? Зачем мне это... Сама бы попробовала жить без прошлого, я бы на нее посмотрел... И вообще – не вижу связи между хорошим слухом и амнезией. Оказывается, она глупа. Как я отношусь к глупым людям? – Подумал и ответил, - снисходительно.

Рассуждать вслух стало опасно – Юля разговаривала по телефону и зыркала в его сторону, время от времени поглядывая на экран телевизора. Картинка сменилась, теперь по саванне важно вышагивали жирафы.

Степан ушел от мыслей вслух. Подумал: я веду себя как нервический старикашка, которого всё и вся раздражает, оттого он и бубнит без перерыва. А все почему? Потому что чувствую себя не в своей тарелке... Я хочу домой. Там тетя Зина, она не оставила бы меня без внимания и заботы... И Светка...

На душе потеплело. И сердце забилося неровно.

Светка... Зачем я на нее накричал по телефону?.. Потому что идиот... Она ко мне со всею душой, переживает, а я – отстань, надоело... Надо позвонить и помириться, признать свою неправоту...

- Кому это ты собрался звонить? Степан, ты сам с собой разговариваешь?! Вот это новость! – удивленно протянула возникшая в комнате Юлия, закончившая свои телефонные переговоры с неизвестным абонентом. Степану было не интересно, с кем общается его невеста, ну, совершенно, ни капельки не интересно. Пустое сердце бьется ровно.

- Люблю поговорить с умным человеком – сам с собой, - отшутился Ефремушкин и натянуто улыбнулся. Вот опять – забылся!

- И все же – кому ты собрался звонить? – прицепилась Юлия. .

- Я уже забыл.

- Быстро ориентируешься. Можешь не отвечать, я и так знаю – Светочке своей.

Степка точно не знал, как смотрел Ленин на буржуазию, но, наверное, с непримиримой ненавистью. Подобным взглядом он одарил свою невесту, которая стусевалась и перевела разговор на другую тему:

- Степа, мне нужно срочно отлучиться. Виолетта звонила, она не может найти важную бумагу для отчета. – Юля засуетилась, забегалась. У Степана, лежащего на диване, от ее беготни-суеты закружилась голова.

- Когда ты вернешься? – спросил он напряженным голосом, переключаясь на изучение неба за окном. Так спрашивает любвеобильный муж у жены, отбывающей в командировку. При этом отводит глаза, чтобы себя не выдать.

Юлия уловила подозрительную интонацию в его голосе, хотела что-то сказать, но ограничилась ухмылкой.

- Постараюсь – скоро, - все же ответила она на вопрос и сокрушенно заметила, - всё так некстати – у меня дел невпроворот.

- Может быть, я на что-то сгожусь?

- Лучше не надо. Я постараюсь долго не задерживаться. Я тебя об одном прошу - не забудь, скоро придет слесарь. Течь под ванной! - твердо выговорила она. Пока не починит, не выпускай его из квартиры. Так ему и скажи. Вот деньги. Заплатишь ему... Кажется, всё... Я побежала. Не скучай, я скоро...

Степан вышел на лоджию, помахал невесте. Вернулся на диван, полистал журнал. Накрыл лицо раскрытым журналом и задремал.

Ему приснилась рыжеволосая девчонка с торчащими по бокам хвостиками, стянутыми цветными резинками для волос. Девчонка прыгала на скакалке и лукаво поглядывала в его сторону.

Потом картинка сменилась. Та же рыжеволосая девчонка, и мальчишки. Среди мальчишек сам Степан. Они бродят вокруг старого дуба, всматриваясь в вытопанную землю. Солнце клонится к горизонту, потом исчезает за горизонтом на глазах. Компания собирается у костра. Они наскоро перекусывают – спать очень хочется, почти не разговаривают. Степка засыпает сидя, все же заваливает на бок. А рыжеволосая девчонка вдруг стучит ему ладонью по лбу и приговаривает: «Проснись, проснись».

И Степан проснулся.

Откинул с лица журнал, провел рукой по лицу, как будто вытирал остатки сна, и тут услышал шорох. Повернул голову в сторону шороха и увидел молодого парня в бейсболке, потертых джинсах и футболке ярко-зеленого цвета. Парень смотрел на него настороженно. Степан заторопился, поднялся с дивана и направился к нему.

- Извините, я заснул и не услышал, как вы вошли. Вам нужно в ванную. Хозяйка сказала, что течь под ванной. Вы специалист, вы сами разберетесь.

Степан указал ему правильное направление. И очень удивился, когда слесарь не сдвинулся с места.

- Вам... туда, - непонимающе пробормотал Ефремушкин. - Молодой человек, вам... Погодите, а как вы вошли? - опомнился он. - Насколько я помню, входная дверь была закрыта на замок... - Степан повысил голос. - Как вы оказались в чужой квартире? Отвечайте или я вызову полицию... Вы слесарь? Или...

- Или... - У молодого человека, наконец, прорезался голос.

- Что вам нужно? - без тени страха спросил Ефремушкин. На лице застыло удивление.

- Уже ничего, - заявил незнакомец и молниеносно выкинул руку, сжатую в кулак. Кулак пришелся в лицо Степана. Уже падая навзничь, он успел подумать - ну, и кулачище.

После чего рухнул на спину, ударившись своей несчастной головой о стену прихожей, и застыл в нелепой позе...

Глава седьмая

Не было бы счастья...

Неожиданно Юлия сильно задержалась на работе - возникли непредвиденные обстоятельства, как обычно бывает - планировала одно, получилось другое.

Мишкина нервничала, пыталась улизнуть и переложить свои обязанности на чужие плечи, на плечи своей непосредственной начальницы, Виолетты Андреевны, но начальница пригрозила увольнением, чего ранее не бывало. Видимо, была не в настроении, получив нагоняй от своего непосредственного руководства. Она, вообще, последнее время была ни в себе, пресекала все разговоры вне служебной необходимости. Не сказать, что раньше их приветствовала, но теперь выходила из себя при любом намеке «не по теме». Юлия стала ее побаиваться. И даже попыталась пожаловаться на начальницу Степану Сергеевичу, но тот как-то по-особенному на нее посмотрел, как будто она сморозила несусветную глупость, задумчиво покусал губы и вкрадчиво поинтересовался, не выказывая обиды:

- А кто это Виолетта Андреевна?

Юлия затихла, решив отложить ненужные объяснения. Но про себя проворчала: «Кто, кто, дед Пихто и баба с пистолетом, вот кто».

Раз никакой защиты у Мишкиной нет, то пришлось покориться начальству, возомнившему себя царем зверей, и просидеть на кафедре больше планируемого времени. Мишкина пыталась дозвониться до Степана, предупредить, но тот не брал трубку, видимо, снова уснул, как утверждала сама - «без задних ног». Оставалось надеяться, что он не пропустит звонок в дверь, когда придет гостья.

Не пропустит, - успокаивала себя Юлия, - чем-нибудь ее займет, тут и я подоспею... Ну, почему Степан не берет трубку?!

Званная гостья - Зинаида Марковна Крашенинникова и незванная - Светлана Куролес, не вовлеченная в планы своей соратницы, званной гостьи, и в планы относительно нее хозяйки квартиры, пришли раньше самой хозяйки, причем столкнулись уже на лестничной клетке.

- Ты чего здесь? - громким шепотом осведомилась у Светки тетя Зина.

- А вы... чего? - с задержкой спросила ошеломленная неожиданной встречей Светлана.

- Меня пригласили на ужин.

- А меня приглашать не нужно, я сама прихожу.

- Потому что воспитание «хромает», - добавила Зинаида Марковна и посоветовала, - приходи завтра, а то Юля подумает, что это я тебя с собой притащила, а мне бы этого не хотелось. Юля подчеркнула, что мы посидим втроем, по-семейному.

- Не нужен мне ваш ужин, я в доме врага ничего не ем – опасуюсь. – Светка потопталась на месте в нерешительности, потом все же согласилась, - ладно, зайду в другой раз. Но уйду не из-за боязни, только ради вас – не хочу подставлять.

Она стала спускаться по ступеням, тетя Зина принялась звонить в дверь. Никто не спешил ей открывать. Светка притормозила, ожидая развития событий.

- Что? Не пускают? – язвительно произнесла она, повысив голос, чтобы ее услышали. Все-таки не сдержала своих эмоций.

Тетя Зина проигнорировала ее замечание, что-то пробубнила себе под нос – не для чужих ушей. Но «чужие уши» уловили сказанное: приходи кума, когда меня дома нема.

Светка развернулась и поднялась на несколько ступенек. Теперь ей была видна соратница с озадаченным выражением лица. Светлане стало жаль пожилую женщину, ненависть к Чудищу Природы накатила с новой силой и попыталась снести все живое. Из «живых» на лестнице присутствовали двое, да и те не годились для «сноса».

- Теть Зин, не унижайтесь, - посоветовала Светлана, - пойдете-ка отсюда. Пойдем, а? Посидим в каком-нибудь уличном кафе, холодного сока выпьем. Теть Зин?

- Никуда я не пойду, - разозлилась, почему-то на нее, Зинаида Марковна.

- Ну, вот, опять я крайняя, - с печалью в голосе протянула в пустое пространство Куролес. Не нашла ничего лучше, как вернуться на лестничную клетку.

Между тем тетя Зина прислушивалась к шумам внутри квартиры через входную дверь. Светлана следила за выражением ее лица, пытаясь разобраться, что слышно за дверью. Тетя Зина повторила свои недавние действия. Звонок разлился по всей квартире, ответных шагов хозяев не последовало.

- Что происходит? – спросила у самой себя Крашенинникова, всем своим видом показывая, что в чужих советах не нуждается – Светку она полностью игнорировала, даже повернулась к ней спиной. Светка не издавала ни звука, но возмущенно сопела за ее спиной.

Некоторое время одна продолжала трезвонить в дверь, другая - сопеть и наблюдать.

Наконец, Зинаида Марковна обратила свой взор на молодую соратницу.

- А вдруг что-то случилось?

- С кем? С Чудищем? – презрительно выгнув дугой губы, процедила Светлана. – Эта всех нас переживет.

- Причем здесь Юля, эта особа меня интересует меньше всего, я беспокоюсь о Степочке. Вдруг...

- Что – вдруг? Пока ваш Степочка находится в ее квартире, никакая опасность ему не грозит, - со знанием дела заявила Куролес.

- Много ты понимаешь, - отмахнулась тетя Зина.

- Не стоит так волноваться. Все хорошо, всё страшное уже позади, - проворковала Света и погладила пожилую женщину по плечу. – Дело молодое, сами должны понимать. – Тетя Зина одарила ее непонимающим взглядом. Светка торопливо доложила, - мало ли, чем они там занимаются.

- Нет, ну это надо - в такой момент болтать всякую чушь! Я, понимаешь, вся изнервничалась, а она... - Тетя Зина чуть не плакала.

- А что я такого сказала? Уж и сказать ничего нельзя. Ладно, хорошо, если вы не желаете уходить, то я вас больше уговаривать не буду. Можете ждать до синего каления, а я уйду.

- Свееет, не уходи, - заканючила тетя Зина. – Мне одной страшно.

- Мы вдвоем должны сидеть под дверью и ждать, когда нам соизволят открыть?

- А вдруг... - в который раз произнесла Крашенинникова и в который раз осеклась – побоялась договорить то, что может следовать за этим «вдруг». На самом деле - всё, что угодно, включая предположение Светланы про «дело молодое», но это самое безобидное, хотя, и обидное для приглашенной гостьи...

- Вы у нас дама интеллигентная, вам не позволяет воспитание... выносить чужие двери, а мне можно всё. – С этими словами Куролес забарабанила в дверь со всей своей силой, а

потом, недолго думая, с бешеным азартом принялась дергать дверную ручку, как будто поставила себе цель ее оторвать. Неожиданно дверь отъехала под напором. Обе женщины произвольно отпрянули, задержали дыхание от волнения и переглянулись.

- Я не переживу, если... - прошептала тетя Зина, опять же без продолжения.

- Перестаньте, - прошипела в ответ Куролес, - еще беду накличете.

- Я молчу, - так же шепотом сообщила пожилая женщина.

- Этак лучше, - кивнула Светлана и огласила свой план, мигом родившийся в ее сумасбродной голове, - послушайте, я сейчас зайду в квартиру, а вы останетесь здесь. Ни шагу - ни туда, ни сюда. Замерли и стойте. И ни звука. Ясно?

Крашенинниковой было всё ясно, что она и подтвердила уверенным кивком головы. Но когда Светка перетупила порог квартиры Мишкиной, тетя Зина с опаской поозиралась по сторонам и не нашла ничего лучше, как двинуться следом, тоже просочилась в квартиру Мишкиной. Не сделав и пару шагов по прихожей, тут же налетела на Куролес, не попавшей поначалу в поле ее зрения по причине странной позы последней: Светлана согнулась и что-то высматривала на полу. Когда на нее налетела соратница, не внявшая ее приказу, она едва не упала на пол, но не проворчала, застонала, как раненый зверь. Тетя Зина решила, что как-то ей навредила, и только собралась спросить, но тут увидела распластавшегося на полу Степана, вокруг головы которого растеклась лужица устрашающе-багрового цвета. Светка тихо выла, не разжимая губ, тетя Зина издала сдавленный крик, покачнувшись, и чтобы не упасть, оперлась ладонью о стену. Другая ее ладонь покоилась на груди, в районе сердца, которое увеличилось в размере в несколько раз и обещало в скором времени лопнуть, как наддувной шар.

- Он жив, - внушала себе и тете Зине Светлана, боясь приблизиться к другу детства, чтобы не убедиться в обратном. – Он жив. Да-да, он жив, - как мантру повторяла и повторяла она.

- Надо куда-то позвонить, - с трудом ворочая языком проговорила Крашенинникова.

- Куда? – оступела Куролес. Оступела от волнения, от боязни, от увиденной картины, от неопытности, от беспомощности. Как в замедленной съемке Светка опустила на колени, затем подползла к Степану, вокруг головы которого расплзлась лужица страшного цвета, мягко дотронулась до его руки и доложила, - теплая. Рука у Степы теплая.

- П... пульс проверь, - запинаясь, посоветовала тетя Зина.

- Пульс, - четко выговорила Светлана. – Я сейчас проверю пульс. – Не нашла ничего лучше, как приложить ухо к груди друга детства, после чего радостно, но очень тихо, чтобы не спугнуть удачу, сообщила, - жив. Наш Степка жив. Теть Зин, он жив, вы слышите? Я звоню в «Скорую». – Теперь она вспомнила, куда надо ей звонить, к кому обращаться.

Пока вела переговоры с диспетчером, переместилась в ванную, схватила полотенце, вернулась к Степану и приложила полотенце к разбитой голове.

- Боже мой, кровищи-то сколько, - бормотала она. Сейчас она была прежней Светкой, уверенной в себе. Раз Степка жив, раз ему в очередной раз повезло, то всё наладится.

Тетя Зина доковыляла до кухни, налила воды в чашку, вернулась в прихожую, с трудом опустилась на пол, не расплескав ни капли воды, и попыталась напоить водой Степана, который находился без сознания.

- Что вы делаете? – возмутилась Светка. – Хотите, чтобы он захлебнулся?!

- Много ты понимаешь.

- Тетя Зина, не нужно суеты. Кровь мы остановили, Степка жив. Сейчас приедут медики и помогут ему. Он выкарабкается, не впервой.

- Свет, что ж такое происходит? Ты мне можешь сказать?

- Меня интересует, куда делась эта... невеста.

- Свет, неужели это она? - трагическим шепотом спросила Крашенинникова. – Или ее подельник?

- Полиция разберется. Азарх мужик досужий, он всех выведет на чистую воду.

- Очень на это надеюсь, - без уверенности пробормотала тетя Зина.

- Что вы сделаете? - заголосила появившаяся в прихожей Юлия Мишкина. – Что вы сделали со Степой? Степа, Степа! Ты меня слышишь? – Юля бросилась к жениху и принялась его тормозить.

- А ну быстро отошла от него, - прошипела Куролес, - быстро, я сказала, а то я за себя не отвечаю.

- Это... ты... его? – обадлело произнесла невеста, обращаясь к стоящей на четырех конечностях Светлане – ей так было легче прикладывать полотенце к ране на голове пострадавшего. Но Юля вняла приказу и предпочла отойти подальше.

- Ты умом тронулась на почве своего вранья, - констатировала Светлана, не удосужившись повернуть головы в сторону отступившей Мишкиной.

- Ты опять начинаешь, - взвизгнула та, вновь приблизилась, при этом нервно подергивалась, как будто ее подключили к источнику электрического тока.

- Девочки, сейчас не время ссориться, - вмешалась тетя Зина. Она отлила часть воды из чашки себе в ладошку и умыла пышущее жаром лицо.

- Я ссорюсь с этой? Много чести, - занимаясь своим важным делом, высказалась Светлана.

- Но ты знай, невеста, если... с ним... будет плохо, я от тебя мокрого места не оставлю. – Светлана еле сдерживала слезы.

- Я здесь ни при чем, - затрясла головой Мишкина. – Когда я уходила, Степан был... Он был в нормальном состоянии. Я правду говорю.

- Где ты была? Почему оставила Степу одного? Обещала не оставлять его без контроля, а сама? – обратилась к Юлии тетя Зина с мокрым от воды лицом. А, может быть, от слез.

- Я была на работе. Меня срочно вызвали на кафедру. Не верите, можете позвонить и поинтересоваться.

- Прекрасное алиби, - выдохнула Светлана.

- Зинаида Марковна, - обратилась к ней Мишкина, - ладно эта ненормальная, - она указала на Светлану, которая успела сменить позицию – теперь она сидела к Юлии лицом, голова Степана покоилась у нее на коленях, влажное полотенце она по-прежнему прижимала в ране, - ладно эта ненормальная, но вы-то здравомыслящий человек, поэтому должны понимать, что я не могла... не могла такое сотворить Степаном, я его люблю. Разве с любимыми людьми так поступают?

Тетя Зина не отреагировала ни словом, ни взглядом, все ее внимание занимал Степан.

- Что ж так долго «Скорая» не едет? – взывала Светлана.

- Может, еще раз позвонить? – предложила Крашенинникова и взялась за телефон.

Несмотря на расстройство и душевное волнение, наблюдательная Светлана заметила возле плинтуса некий блестящий предмет. Она незаметно схватила блестящий предмет и засунула в нагрудный карман своего платья рубашечного покроя.

Наконец, прибыла бригада медиков. Степана положили на носилки, перенесли носилки с пострадавшим в автомобиль. Юлия поехала в больницу. Тетя Зина приходила в себя после перенесенного стресса и инъекции препарата, понижающего артериальное давление. Светлана ждала появления представителей правоохранительных органов и изучала свою находку.

Она вспомнила, у кого видела эту подвеску из серебра в виде знака зодиака близнецы.

Подвеска болталась на серебряном браслете толстого плетения. Браслет находился на левом запястье – даже вспомнила эту маленькую деталь - одного человека, с которым Светлана провела немало часов в последнее время. Порваться браслет никак не мог, значит, растянулся, и подвеска соскользнула. Хозяин сразу заметил исчезновение браслета, почувствовал, тотчас поднял браслет, не заметив, что подвески на нем нет. Ему, хозяину браслета, некогда было вновь застегивать браслет на запястье, он явно торопился, а раз не застегнул и торопился, то не обнаружил пропажи подвески. Но обнаружит. И что тогда? Вернется на место преступления, и... увидит двух слабых женщин. Пытаясь сохранить свое инкогнито, он... уберет свидетелей. Ерунда полная! – решила Светлана, но без уверенности.

И попыталась себя убедить, - он выглядит вполне нормальным человеком, адекватным. – Перед ее глазами встал «как живой» тот самый нормальный человек. Светка так впечатлилась его бешеным взглядом, способным испепелить всё живое, что поспешила в комнату, поближе к Зинаиде Марковне: все-таки, вдвоем как-то спокойнее.

Зинаида Марковна сидела в кресле, изучила ее из-под приоткрытых глаз и поинтересовалась:

- Чего ты мечешься, как тигр в клетке?

- Расшатанная нервная система не позволяет «приклеиться» к стулу.

- «Приклейся» к дивану, авось получится, - посоветовала тетя Зина и сладко зевнула. Светка автоматически тоже зевнула. – Лекарство действует, - пояснила пожилая женщина.

- А я за компанию, - решила оправдаться Куролес. – И долго мы будем здесь сидеть и ждать нашей доблестной полиции? Может быть, они завтра надумаются появиться на месте преступления?

- Появятся, - со вздохом ответила Крашенинникова и добавила, - когда-нибудь. Куда им спешить – пострадавший жив, слава тебе Господи, придет в себя и расскажет, кто на него напал.

- А вы думаете, что нападавший Степке паспорт предъявил, прежде чем его чем-то огреть по башке?

- Я думаю, что он ему знаком. Кстати, а где... предмет, которым он его стукнул? – задумалась тетя Зина.

- Здравсти-приехали! Предмет! Вы, тетя Зина, идете проторенной дорожкой: раз первый раз Степку ударили по голове статуэткой, то и сейчас... статуэткой?

- Почему же сразу статуэткой?

- Мне кажется, чтоооо... - затынула Светка, соображая на ходу.

- Ты запеваешь в хоре не была? Чего ты тянешь кота за хвост? Высказывай уже свои соображения!

- Я думаю, что... этот человек...

- Преступник, - услужливо подсказала Зинаида Марковна.

- Этот человек, - напористо повторила Куролес, - не хотел убивать Степана, всё вышло случайно. Он его ударил, Степан упал и ударился головой. Но я его не защищаю.

- А мне кажется, что именно защищаешь. И еще мне кажется, что у тебя есть соображения, кто напал на Степочку. Ну-ка, выкладывай.

Возможно, Светлана и выложила бы свои соображения – кто совершил нападение на ее друга детства, но тут скрипнула входная дверь. Даже не скрипнула, а жалостливо заныла. Светка встрепенулась, завертела головой в поисках средства защиты, потому что решила – ТОТ человек вернулся, а раз вернулся, что в его адекватности она сильно сомневается. Значит, свои предыдущие адвокатские слова можно забрать назад.

Ничего достойного для защиты собственной жизни и жизни пожилой женщины Светлана Куролес не нашла, но на глаза попалась безобидная метелка для удаления пыли с мебели. Света вооружилась метелкой и с величайшей осторожностью направилась в прихожую, не забыв приложить палец к губам – дала понять тете Зине, чтобы та затаилась. Видимо, тетя Зина хотела привычно ее обозвать – перечень прозвищ из детства Светке был известен, ни раз слышала в свой адрес, причем незаслуженно, но воздержалась. Тревога молодой подруги неожиданно передалась и ей. Хотела двинуться за ней, как совсем недавно, когда проникали в квартиру, но ноги занемели, отказались держать, пришлось застыть в кресле с ужасом на лице.

Светка замерла на выходе из комнаты, оглянулась на тетю Зину, подбодрила ее кивком головы и решила выглянуть из-за угла в прихожую, на всякий случай выставил свое «оружие», как шпагу – собралась нанести болезненный укол неприятелю.

Неприятелем оказался следователь Азарх Максим Гаврилович.

- Чем это вы здесь занимаетесь? - несколько не удивившись, поинтересовался он, пристально изучая орудие защиты.

- Уборкой з...занимаемся, - легка заикнувшись, сообразила Светка и принялась тщательно водить метелкой по дверному проему.

- Улики уничтожаем?

Безобидный вопрос сыграл со Светкой злую шутку. Ее губы выгнулись дугой, слезы покатались по щекам. Светка шмыгнула носом и заявила:

- Гражданин следователь, я хочу признаться, что... что косвенно причастна к нападению на Степана Сергеевича Ефремушкина.

- Косвенно, значит, - без эмоций протянул Азарх.

Тетя Зина доковыляла до прихожей и «вставила свои пять копеек»:

- Не верьте ей, Максим Гаврилович, она всегда взболтнет что-нибудь эдакое, что остается только удивляться. Сказано – взбалмошная.

- Ничего не взбалмошная, - заспорил Куролес, смахивая слезы метелкой для пыли. - Я отдаю отчет своим словам, я нахожусь в трезвом уме и... какой-то там памяти.

- Твердой памяти, - подсказал Азарх.

- Вот-вот, твердой, - согласилась она.

Тетя Зина вырвала из ее рук метелку и тихим голосом обратилась к следователю:

- Вы сами все видите.

Светка услышала и возмутилась:

- Что ж такое происходит? Человек первый раз в жизни захотел сказать правду, а его обзывают разными нехорошими словами.

- Получается, что до сегодняшнего дня вы постоянно всем лгали? – уточнил Максим Гаврилович.

- Это я так, фигурально выразилась. Что мне сделать, чтобы вы согласились меня допросить? Что?

- Светка, ты здесь цирк не устраивай, - осадила ее тетя Зина, тревожно поглядывая на мудрого и опытного следователя.

- У меня есть, что вам, Максим Гаврилович, предъявить, - между тем заявила Куролес.

- Максим Гаврилович, не обращайтесь на нее внимания, она испытала стресс, что ни удивительно – мы пришли, дверь открыта, а в прихожей... Степочка с... с окровавленной головой лежит на полу. Мы подумали – всё, конец.

Обе женщины - и молодая, и пожилая - дружно всхлипнули.

- Но гражданка хочет сделать заявление, я обязан ее выслушать. Допросить.

Недолго думая, Светка безмолвно протянула ладонь, на которой лежала обнаруженная возле плинтуса в прихожей подвеска в виде знака зодиака близнецы. Азарх свернул ее ладонь в кулак своей пятерней с толстыми пальцами, повертел головой и сообщил всем присутствующим:

- Я буду проводить допрос на кухне. – После чего обратился к Куролес, - следуйте за мной.

На кухне они расположились за обеденным столом. Светка – чуть поодаль.

- Если бы я не знал тебя с молодых лет, то задержал бы сию минуту до выяснения всех обстоятельств дела, - сообщил ей Максим Гаврилович.

- Меня? Знали? С молодых лет? – непонимающе проговорила молодая женщина.

- Ты не попугай, чтобы повторять за мной каждое слово, - скривился следователь. – Давай, показывай, что там у тебя. – Он кивнул на ее кулак.

Светлана показала, ни издав ни единого звука. Ахарх подумал, потом все же взял подвеску в виде знака зодиака близнецы и повертел ее, пристально рассматривая.

- Где ты это взяла? Или она твоя?

- Нашла. В прихожей. Она лежала возле плинтуса. Недалеко от... Степки... Максим Гаврилович, вы и правда меня знаете с молодых лет?

- Было дело. Я ухаживал за твоей матерью. Ты-то не помнишь, тебе было лет пять-шесть. Очень я любил твою мать, но не сложилось. А жаль.
- Дядя Максим? – не поверила Светка. – Я вас помню, хотя, вы выглядели иначе.
- В ту пору и деревья были большими, и я был первым парнем на деревне, - усмехнулся дядя Максим. – Ты была забавной девчонкой. Мы с тобой быстро подружились.
- Я помню. Вы мне еще купили большой самосвал и пластмассовый пистолет зеленого цвета. Мама еще ругалась: зачем девочке машина и оружие!
- Гляди-ка, помнит.
- Я потом, когда вы исчезли из нашей жизни, я долго вас вспоминала. Терзала маму вопросом, когда вернется дядя Максим?
- А она что отвечала? – напряженным голосом спросил Азарх.
- Отвечала, что вас перевели по работе в другой город, очень далеко. И вы никогда сюда не вернетесь.
- Твоя мать предложила сделать выбор – или она, или моя работа. Я выбрал работу, несмотря на то, что любил ее больше жизни. Но я так устроен. Я нашел себя в этой профессии, не умею делать ничего другого, только ловить разных гадов... Но вернемся к нашим баранам. Как ты оказалась в квартире Мишкиной?
- Хотела повидаться с другом.
- Вы пришли вдвоем с Крашенинниковой?
- Случайно так совпало. Тетю Зину пригласили на ужин. Я об этом не знала. Мишкину срочно вызвали на работу. Она задержалась... Мы пришли и... вот.
- Дальше.
- Дядя Максим... Извините. Максим Гаврилович, между этой подвеской и моим признанием есть прямая связь.
- Я тебя внимательно слушаю, - проникновенным голосом доброго дядюшки произнес Азарх. От его голоса Светке стало не по себе.
- Эту подвеску я видела на серебрянном браслете толстого плетения. Запоминающийся браслет. И я знаю, кому он принадлежит...
- Кому? – выдержав паузу и ничего этим не добившись, все же спросил Азарх.
- Браслет принадлежит давнему поклоннику Юлии Мишкиной, - протараторила Светлана, кажется, даже глаза закрыла, от волнения.
- Его имя?
- Его зовут...
- Ну, смелее.
- Его зовут Эдуард Фомин, он живет в соседнем доме. Когда мы узнали, что у Степана Ефремушкина есть невеста, то я этому не поверила. Впрочем, зачем я вам это рассказываю – вы в курсе. Вы мне говорили об уголовной статье...
- Страшал. Или выражусь иначе - давал дружеский совет. Но ты, как я понимаю, к моим советам не прислушалась и решила провести собственное расследование.
- Так вышло. Я выяснила, что у Мишкиной, еще со школьной скамьи, был преданный поклонник. Был и есть – он недавно вернулся в родной город. До этого проходил службу в армии по контракту. Его комиссовали по состоянию здоровья, он приехал домой вместе с женой.
- Даже так?
- Но с женой Фомин быстро расстался. Она уехала, потому что поняла, что ее муж по-прежнему любит свою бывшую одноклассницу. Так было на самом деле, супруга Фомина не ошиблась. Фомин встретился с Юлией и понял, что испытывает к ней сильное чувство, что ничего в отношении к ней не изменилось. И начал ее преследовать. Об этом мне поведал еще один их бывший одноклассник. Но он к этому делу не имеет отношения. Когда я узнала о настойчивом поклоннике, я подумала – вдруг он что-то знает о связи Степана и Юлии, вдруг видел их вместе еще до того, как на Степку напали в собственной квартире, и

он потерял память в результате черепно-мозговой травмы. У нас состоялся с Эдуардом Фоминым доверительный разговор. Эдуард признался, что не видел Юлию с другим мужчиной, но она ему говорила, что не может ответить на его чувство, так как она любит другого. Но это не значит, что с этим другим мужчиной у нее были отношения. Может быть, она его любит, а он – ни сном-ни духом, что называется. Так бывает. Допустим, девушка влюблена в известного эстрадного певца, это не означает, что он отвечает на ее глубокое чувство взаимностью.

- Ближе к делу.

- К делу. Мишкина могла приврать, чтобы отвадить прилипчивого Фомина. Я виделась с Фоминым несколько раз. Мы говорили о Юлии. Я... я... я...

- Пластинка «заела»?

- Простите. Иногда сложно осознать, что ты косвенно причастен к нападению на близкого тебе человека.

- Каким же образом?

- Я... я... Простите... Я уговаривала Фомина бороться за Юлию, бороться за свою любовь.

- Уговаривали, преследуя свою корыстную цель - хотели, чтобы Юлия Мишкина рассталась с Ефремушкиным?- официальным тоном спросил следователь.

- Хотела, чтобы она оставила его в покое... Рассталась со своей затеей. Я поздно поняла, что мне не нужно было встречаться с Фоминым, вести с ним душевительные беседы, не нужно было настраивать его против Степана. Ведь я видела, что с Фоминым что-то происходит. И продолжала его науськивать. Это называется подстрекательство к убийству? Меня посадят?.. И пусть. Я того заслуживаю. Но я не думала, что Фомин зайдет так далеко... И, если честно, я и сейчас не думаю, что Фомин хотел убить Степу. Возможно, он видел, как уходила Мишкина, и пришел в ее квартиру, чтобы поговорить с Ефремушкиным. Но разговора не вышло, в мозгах Фомина что-то переключилось, и он въехал Степке по физиономии. Степка упал и стукнулся головой. Это непредумышленное нападение. Нападение в состоянии аффекта.

- Кто же его довел до состояния аффекта? Точно не вы, в состоянии аффекта действуют молниеносно, не откладывая дела в долгий ящик. А ваш подопечный Фомин думку думал-думал, выжидал-выжидал, потом явился к сопернику, чтобы...

- Поговорить, - вставила Светлана. – Вы же сами понимаете, если бы Фомин пришел убивать, то он пришел бы... во всеоружии. Ведь так? Степка точно бы раной на голове не отделался.

- Вы сейчас себя защищаете или Фомина?

- Обоих, - подумав, призналась Светлана.

В этот момент в кухню заглянул молоденький полицейский и сообщил, что пришел мужчина, он спрашивает «самого главного». Главным здесь был следователь Азарх.

Вскоре перед Азархом предстал Эдуард Фомин.

- Я хочу сделать заявление, - с порога кухни заговорил он, не замечая сидевшую здесь же Светлану. - Это я ударил... жениха Юлии Мишкиной. Я не хотел... Хотел только поговорить. Я видел, как Юлия ушла. Выждал и зашел в ее квартиру. У меня был ключ. Я сделал дубликат. На всякий случай. Зашел и увидел... этого... И такая злость меня взяла – как она могла поменять меня на этого хлюпика?! Да еще и потерявшего память... Ну и въехал ему по физиономии. Не рассчитал удар. Он упал и ударился головой о стену. Я не хотел... Хотел только по физиономии въехать.

- Ну, что я говорила! – радостно воскликнула Светлана.

- Молите Бога, чтобы все обошлось, - обратился Азарх к Фомину. Или к обоим присутствующим.

Когда Фомина увезли в следственный отдел, Светлана тоже решила сделать важное заявление:

- Максим Гаврилович, мною и тетей Зиной Крашенинниковой, Зинаидой Марковной, было установлено, что после того, как в квартире Ефремушкиных побывала Юлия Мишкина, из шкапулки покойной Марты Гордеевны исчезло ценное кольцо с жемчугом.

При этих словах Азарх скривился, как от жгучего перца, который он случайно проглотил.

- Не хочешь ли ты сказать, - по-свойски обратился он к своей старой знакомой, - что Мишкина украла кольцо, принадлежавшее покойной матери ее жениха?

- Это кольцо ей до фонаря, кольцо – это средство рассорить Степу с тетей Зиной, чье мнение для него имеет большое значение. Степка привык прислушиваться к мнению старших. Теперь, когда матери больше нет, ее место займет тетя Зины, ближайшая подруга и соседка. А Мишкиной совсем не хочется, чтобы Степка прислушивался к мнению посторонних людей. Вот таким хитрым способом – кражей кольца, которое в дальнейшем окажется у тети Зины, - Мишкина решила убрать соперницу за Степкину любовь и уважение.

- Сама пришла к этому выводу? Или кто подсказал?

- Сама. Я давно знаю Степку. Знала его мать. Я была в курсе их отношений.

- И что ты мне предлагаешь?

- Провести обыск в квартире Мишкиной на предмет поиска кольца с жемчугом. В квартире Крашенинниковой кольца нет, мы тщательно проверили. Но кольцо там обязательно оказалось бы, когда настал нужный момент.

- Свет, давай начистоту, - предложил дядя Максим. – Это ты сама план разработала после нашего разговора в отделе? Когда я дал тебе подсказку? Признавайся, лучше раньше да лучше... Не хочешь, значит. Тогда я. Не знаю, каким образом к тебе попало кольцо покойной Ефремушкиной, но идея пришла сразу. Потому ты и нагрянула в квартиру Мишкиной, хотела подбросить колечко. Потом заявила бы о пропаже, привлекла меня. Я бы прибыл на место, нашел кольцо и... Дальше ты знаешь... Будем признаваться без свидетелей и протокола? Обещаю, по старой дружбе тебя прощу. Но ты тоже мне пообещай...

- Больше не буду, - тут же вставила Светка, пряча глаза. – Простите меня, дядя Максим. Я заберу кольцо и верну его на место. Тетя Зина не в курсе моих планов, я ее обманула, сказала, что кольцо забрала Мишкина, чтобы «повесить» на нее воровство.

- Эх, пользуешься моим особым к тебе отношением...

Светлана вручила кольцо, некогда принадлежавшее покойной Марте Гордеевне Ефремушкиной, тете Зине, сопроводив вручение правдивыми объяснениями. Тетя Зина не выдержала и врезала ей подзатыльник. Светка потеряла макушку и согласилась – поделом. Рассыпалась в извинениях, заявила, что полетит в больницу к Степке и будет держать ее в курсе.

Тетя Зина быстро успокоилась, хотела тоже ехать в больницу, но Светка отправила ее домой.

Просочившись в палату, Куролес застала трогательную картину. Юлия сидела у постели больного и держала его за руку. Больной находился без сознания, но дышал ровно. Как сообщил лечащий врач – угрозы для жизни нет, состояние больного средней степени тяжести. Скоро он придет в себя.

Светке очень хотелось застать картину «прихода в себя». Она мечтала не пропустить сей момент, который считала очень важным.

Куролес давно предлагала стукнуть Степку по башке еще разочек, чтобы поставить мозги на место. В шутку. Но в каждой шутке...

Вместо нее это проделал несчастный Фомин, который сейчас дает признательные показания следователю Азарху по всей форме. Максим Гаврилович довел до сведения Светланы следующее: если пострадавший не будет иметь претензий к Фомину, то уголовное дело против Фомина будет закрыто. Не просто так сообщил: знал, что подруга детства окажет влияние на пострадавшего, дабы не позволить бедолаге Фоме угодить за

решетку за свою несчастную любовь. Не хотел убивать Ефремушкина, тем более, и это надо учитывать, сам явился с чистосердечным признанием...

Юлия заметила Светлану, появившуюся в больничной палате, поморщилась, но промолчала.

- Не приходил в себя? – шепотом спросила Куролес. Юлия отрицательно покачала головой, крепче сжимая руку Степана, как будто влюбленных хотели разлучить. – Может быть, тебе куда-то нужно? Ты иди, я с ним побуду. – Юлия снова покачала головой – не нужно.

Светка обогнула кровать и притулилась к подоконнику – выбрала удобную позицию. Сегодня у нее на сто процентов работало чутье. Вот и на квартиру Мишкиной явилась вовремя - успела оказать истекающему кровью Степану первую помощь, вызвать доктора. И сейчас: Степка обязательно, очнувшись, взглянет за окно, на небо, она в этом уверена. Светка хочет сразу попасть в его «объектив». Понять по глазам, каким он вернулся в этот мир. Прежним-прежним или прежним? Хотя бы прежним-прежним, с памятью. Хотя бы не зря, как ни глупо это звучит, ему вправил мозги поклонник Мишкиной.

У Светки не осталось никаких эмоций по отношению к Юлии. Светлана уверена - надо подождать, совсем чуть-чуть, и всё разрешится само собой, без ее участия. Довольно ее вмешательств. Она дала слово дяде Максиму... Как жаль, что он не женился на ее матери. Нельзя ставить мужчине ультиматум, ставить его перед выбором – в этом она убедилась еще раз.

Степан глубоко вздохнул. Светка напряглась. Она видела только его лицо, ничего больше. И никого.

Он вздохнул и открыл глаза.

Он взглянул на небо за окном, которое заслоняла напряженная женщина, вдруг переставшая дышать.

- Светка, - улыбнулся Степка.

- Степка, - выдохнула она.

Юлия бросилась ему на грудь и неискренне зарыдала. Степан Сергеевич перевел на нее взгляд, потом обратился с неммым вопросом к подруге детства. Та передернула плечами, предоставив ему самому принимать решение, делать выводы.

Юля почувствовала напряжение в атмосфере. Отпрянула, всмотрелась в лицо мужчины, а тот, в свою очередь, опешил и непонимающим голосом уточнил:

- Юлия, что-то случилось? Кто-то умер?

- Степа, я очень переволновалась, - призналась Юлия, чувствуя себя не в своей тарелке. Видимо, взгляд Степана говорил ей о многом.

- Степа? Для вас я был и остаюсь Степаном Сергеевичем.

- Что и требовалось доказать! – воскликнула Светка, перепугав воробьев за окном. – А теперь по порядку! Эта особа...

После рассказа Светланы Куролес особа хотела улизнуть, но Светлана ей не позволила.

- Юлия, мне, да и Степану Сергеевичу, хотелось бы узнать, кто вас надомнил стать его невестой? Чистосердечное признание уменьшает срок наказания.

- Никто, - обронила она, потупившись. Порассматривала что-то у себя под ногами, затем вскинула голову и с вызовом спросила, - а с чего вы взяли, что меня кто-то надомнил? Неужели непонятно...

- Что именно? – уточнила Светлана, не дождавшись продолжения.

Как быстро Юлия взвилась, так быстро и сникла. Она смотрела только на Светлану, которой казалось, что она боится взглянуть на Ефремушкина.

- Я давно люблю Степана Сергеевича, люблю безответно, - наконец, призналась Юлия, обращаясь к Куролес, как будто объекта ее любви в больничной палате не было, потому и говорила о нем в третьем лице. – А Степан Сергеевич никогда не уделял мне даже малейшего внимания. Того внимания, которого мне бы хотелось. У нас были только

деловые отношения. И как я только ни изощрялась, на какие уловки не шла... Впрочем, это уже не важно.

- Да уж, - обронил Ефремушкин, напомнив о себе, видимо, вспомнил об ухищрениях навязчивой девицы.

- И вы узнали, что Степан Сергеевич потерял память, и решили воспользоваться ситуацией. Решили воспользоваться его беспомощным положением, - констатировала официальным тоном Светка. – Ловко. За скорую сообразительность вам, Юлия, пятерка.

– Извините меня, пожалуйста. – На этот раз девушка нашла в себе силы и обратилась непосредственно к Степану Сергеевичу.

- Извиню, если напишите заявление по собственному желанию. Иначе все коллеги узнают о вашем неблагоприятном поведении.

- Можно и уголовную статью пришить, если очень постараться, - добавила Светка.

- Я напишу заявление... по собственному.

- Тогда мы вас больше не задерживаем, - сообщила Куролес.

Выпроводив Мишкину, друзья детства остались наедине.

Они говорили о смерти Марты Гордеевны. Светка дополняла рассказ друга своей информацией.

- Степа, ты встанешь на ноги, и мы обязательно пойдём с тобой на могилку. Мы похоронили твою маму рядом с отцом.

Степка вспоминал последние дни, проведенные вместе с матерью, а Светлана плохо слушала – наступило позднее раскаянье: да, это она послужила инициатором борьбы Фомина за его любовь. И еще не известно, чем бы всё закончилось.

- Свет, что с тобой? – наконец, не выдержал и спросил Ефремушкин.

- Степа, с этого дня я начинаю новую жизнь, - издали начала она. - Я обещала одному хорошему человеку исправиться. А раз обещала, то буду говорить правду и только правду.

- Не всем нужна твоя правда, иной раз лучше промолчать.

- Не хочу, чтобы ты узнал от кого-то другого, не от меня. Мир, как известно, тесен.

Светлана рассказала все как на духу, нисколько не оправдывая свое поведение заботой о друге.

Степан переварил полученную информацию, усмехнулся и сказал:

- Значит, надо сказать тебе спасибо – ко мне вернулась память.

- Память вернулась бы рано или поздно.

- И все равно – спасибо.

- Шутишь?

- Нисколько. И ты знаешь, за что я тебе благодарен.

- Знаю. Я торопила события, чтобы эта женщина не успела стать твоей законной супругой. Ты бы на ней женился, а потом, когда обо всем бы узнал, сжалился, долго думал - рвать, не рвать, что делать. Всегдашняя проблема.

- Светка, кажется, я стал совсем другим человеком, - признался Степан. – Чувствую себя другим.

- Вот и славно, трам-пам-пам...

Степан не пожелал сидеть «в четырех стенах», как сам высказался о своем пребывании в собственной квартире, и решил отправиться на дачу, заранее оповестив о своем решении тетю Зину и ближайшую подругу Светлану. Тетя Зина заохала от испуга, как будто ее сосед, почти родной сын, уезжает ни куда-нибудь, а на Северный Полюс, причем налегке – в летней одежде. Светлана, напротив, поддержала друга и предложила поехать на дачу на автомобиле Петра Алейникова. Степан наотрез отказался, настойчивая Светлана все же вышла победителем, приведя весомый аргумент:

- Я же тебе не предлагаю вызвать Петра на дуэль, победитель которой может рассчитывать на мое согласие выйти за него замуж.

Степан шутки не принял, энергично закивал головой и проблеял:

- Я... как-то... и не собирался на тебе...

Куролес не дала ему договорить:

- Я не буду обижаться – на больных не обижаются. – И криво улыбнулась, дав понять – обиделась.

- Я не болен, - заспорил Ефремушкин, запоздало сообразив, что гнет не ту линию. На всякий случай тоже улыбнулся, как ему показалось – открыто и располагающе - и поправился, - еще не совсем здоров.

- Так-то лучше! – с жарким согласием воскликнула Светлана. Можно подумать, Степка все-таки согласился вызвать Петра на дуэль, чтобы выяснить отношения, побороться за руку и сердце дамы, стоящей в данный момент перед ним и озабоченно оглядывающей кухню Степана, в которой они находились.

Сначала Светка сидела за столом, пила кофе, заедала бутербродом с докторской колбасой – угощением, предложенным «хлебосольным» хозяином. Затем в азарте выяснений вскочила с места и принялась перемещаться туда-сюда, не превышая трех шагов, которые себе будто бы отмерила. От коротких перемещений у нее закружилась голова, она остановилась, уцепившись руками на спинку стула, на котором не так давно восседала и уминала бутерброд, запивая бутерброд кофе.

- Что-то не так? – обеспокоился друг детства, почти здоровый человек.

- Все отлично, все прекрасно, - нерадостным голосом сообщила Куролес. Не желая слышать других вопросов, сама уточнила, обтекая стул и занимая свое прежнее место, - Степа, когда ты хочешь ехать на дачу?

- Хоть сейчас, - брякнул Степан, пояснив, - нищему собраться что подпоясаться.

Светлана уцепилась за последнюю фразу:

- Стеееп, у тебя проблема с деньгами?

- С чего ты взяла? Аааа, это я просто так сказал. А ты сегодня странная и шуток не понимаешь.

- Странная и шуток не понимаю, - повторила Светлана, явно не отдавая отчета, что она говорит.

- Эй, гражданка, вам до какой станции ехать?

- Что? – опомнилась Светка.

- Я говорю - нет у меня материальных проблем, - внятно произнес Ефремушкин. - Я вообще богач из богачей. Я отпускные получил. И вообще... - Он понизил голос, как будто собирался открыть великую тайну, не для чужих ушей, - у меня есть кое-какие накопления, я хочу купить автомобиль.

- Надо с Петей посоветоваться, - тут же вставила Света, - если я не ошибаюсь, он говорил, что кто-то из его знакомых продает машину. Естественно, не новую, но с небольшим пробегом, в отличном состоянии. – Заметив недовольную мину друга, спросила, - ли ты хочешь купить новый автомобиль, не поддержанный?

- Пока не знаю, это всего лишь планы на будущее, я не тороплюсь с покупкой.

- Дело в Пете, так и скажи. Не хочешь иметь с ним точек соприкосновения? Кроме меня, конечно... Или дуэль? – усмехнулась Светка. – Вижу по твоему лицу, о чем ты сейчас подумал.

- О чем же?

- Задолбала она своей дуэлью! Я не собирался за нее сражаться и не собираюсь впредь. Я права?

- Правдивый ответ тебя обидит, поэтому я лучше промолчу. Скажу лишь, что мне твой Петр не нравится. Не нравится и всё.

- Папочка, можно я выйду за него замуж, ну, пожалуйста, - заканючила «дочь».

- Сначала хорошо подумай, - сурово-нравоучительно высказался Степан Сергеевич. Потом не выдержал и улыбнулся. – Я рад, что ты повеселела, а то была сама не своя. Что происходит?

- Сама пока не пойму.
- Дело в Петре?
- Все решено-обговорено, Петя – мой будущий муж, и, пожалуйста, найди с ним общий язык. Ради меня.
- Спасибо, что не просишь меня полюбить его так, как любишь его ты, - процедил сквозь зубы Ефремушкин.
- А кто сказал, что я его люблю? – передернула плечами Светка и взялась за недоеденный бутерброд, чтобы скрыть волнение.
- А разве... нет? – удивился Степа. – Чего ты молчишь? Кто-то обещал жить по-новому, - напомнил он.
- По-новому – это не значит выворачивать душу.
- Свет, ты запуталась? Не можешь разобраться со своими чувствами?
- Если ты о себе, то зря беспокоишься. Я испытываю к тебе сестринские чувства. Причем я старше!
- И давно успела меня перерасти, малолетка?
- Всегда была старше, - без намека на юмор, обронила Светка. Вновь напомнила о себе затаенная печаль, объяснения которой пока нет.
- Мне совершенно не нравится твое настроение. Я, как брат, обязан знать, что происходит с моей сестрой.
- Переходный период у твоей сестры.
- Куда переходим?
- С одного берега переправляемся на другой.
- А если серьезно?
- Степ, у тебя когда-нибудь так было – ты чувствуешь, что в твоей жизни должно произойти что-то значительное? Что-то такое, что перевернет твою жизнь... с ног на голову?
- Лучше наоборот – с головы на ноги, так надежнее.
- Я тебе задала вопрос.
- Ну, наверное, - обтекаемо признался Степан. – У тебя сейчас предсвадебный синдром. Я читал, такое бывает накануне свадьбы.
- Ты так говоришь, как будто свадьба уже завтра. Мы еще и дату не назначили. Пока это только планы и разговоры.
- Судя по твоему виду, тебе совсем не хочется замуж.
- Я не знаю, - делая паузы между словами, проговорила Светлана. – Хочу ли я замуж вообще, и хочу ли я замуж за конкретного человека, за Петра Алейникова.
- Время еще есть, разберешься. Но пока не разберешься, не принимай его предложения.
- Уже приняла. И случилось это несколько месяцев назад. Далее пока не продвинулись, до конкретики не дошли, - с тоской проговорила она.
- Светка, так может быть ты обижаешься на Петра за то, что он не делает следующие шаги? Бери инициативу в свои руки, действуй, - по-своему понял ее приятель.
- Избави Боже, - замахала она двумя руками.
- А чего ты, вообще, хочешь?
- Хочу отвезти тебя на дачу – с глаз долой! – отшутилась Светлана.
- А из сердца вон?
- Куды ж тебя денешь, брателло?
Оба вдруг перестали улыбаться и переглянулись.
- Ты вспомнила Дюшу? – Светлана кивнула. – Я тоже сейчас о нем подумал. Жаль его мать. Совсем в старуху превратилась.
- Надо ее навестить. Или не надо? Я даже не знаю.
- Сегодня «не знаю» стало твоим любимым выражением, на тебя это совсем непохоже – ты всегда знаешь, как поступить.
- В новой жизни я стала другой. Получается, так.

- Сейчас я скажу тебе странную вещь...
- Прежняя Светка мне нравилась больше, - досказала за него Куролес.
- Мне страшно жить – ты знаешь наперед, что я хочу сказать.
- По сравнению с всевидящим дядей Максимом я - новорожденный ребенок.
- Согласен – он видит людей насквозь. Жаль, у меня нет таких способностей.
- У тебя масса других способностей, - заявила Светлана. - А касательно меня ты ошибаешься, я не умею... или правильнее сказать – не всегда умею читать чужие мысли. В данном случае, не могу прочесть твои мысли о Петре. Что в нем не так? Ты ограничиваешься одним – он мне не нравится. Могу узнать причину?
- Зачем тебе? Главное, чтобы он нравился тебе. А я, так и быть, буду с ним общаться, не выказывая своего отношения.
- И все же? Открой мне глаза на Петра, вдруг я что-то упускаю.
- Сам не пойму, как тебе объяснить.
- Прямо и честно.
- По своей преподавательской деятельности я много общаюсь с молодежью. Я не бурчу по поводу их внешности. Они молоды, они в тренде. Я уже немолод и не в тренде.
- Ой, ладно.
- Мои студенты, наверное, считают меня пожилым. И мы считали людей, старше нас на десять-пятнадцать лет, пожилыми, ничего не смыслящими в современной жизни. Ничего нового – круговорот жизни.
- Куда ты клонишь.
- Я клоню к тому, что всему свое время. Мне не нравятся стареющие мальчики, не нравится их желание любой ценой остаться в мальчуковом возрасте. Эта одежда, эта стрижка. Но это личное дело Петра, тем более, у тебя к его внешнему виду нареканий нет. Нет?
- Мне все равно.
- И это отвратительно! Будущей жене или просто жене нельзя применять слово «все равно», когда речь идет о будущем муже или настоящем. Нельзя быть безразличной. Или ты ни безразлична? Ты его любишь, поэтому не замечаешь недостатков, он для тебя совершенство во всем.
- Светка пожала плечами - опять.
- Коротко и ясно, - поиронизировал Степан. – Извини, если сказал что-то не то.
- Что тебя не устраивает в нем, кроме его желания остаться в мальчуковом возрасте? Или все остальное – одни положительные качества?
- Я его плохо знаю. Но мне кажется, у Петра покладистый характер... Он терпеливый.
- Значит... - протянула Светка, подталкивая к продолжению.
- Что ты хочешь от меня услышать? Что я одобряю твой выбор? Хорошо – я одобряю. – Светка вскинула брови – удивилась. – Да, одобряю, потому что... с таким характером как у тебя, сложно найти спутника жизни. Раз Петр тебя терпит, терпит все твои выходки – значит любит, значит, тебе прямая дорога в загс. Иначе остаться тебе в старых девах.
- Большое-пребольшое спасибо, брат и советчик, - высказалась Светка и зачем-то развела в стороны руки, наверное, показывала размер благодарности.
- Со мной мы все выяснили. Теперь ты мне скажи, когда будешь устраивать свою личную жизнь? А то, неровен час, Мишкина снова начнет... устраивать «концерт по заявкам радиослушателей».
- Ефремушкин скривился, словно Светка накормила его незрелым крыжовником.
- Прости, была не права, исправлюсь, - протараторила она. – И даже знаю, как?
- Только не надо так на меня смотреть!
- Как, так?
- Как гробовщик на покойника.
- Дурака ты, Степа. Не дурак, а дурака.
- Значительная разница, - хмыкнул Ефремушкин.

- Счастье само идет к тебе в руки, а ты не замечаешь.
- Счастье вдруг, в тишине, постучалось в двери, - фальшиво пропел Степан и побарабанил по столу.
- К тебе, к тебе стучится счастье, а ты, такой завидный жених, заперся на сто засовов и не открываешь. Дурака!
- Видимо я оглох – не слышу настойчивых стуков в дверь.
- Раз память к тебе вернулась, то тебе не нужно напоминать, о чем мы говорили незадолго... до всех событий. – Степка сделал отстраненное лицо – дескать обо всем помню, но продолжать тему не стоит. Светка не сдалась. – А мы говорили о сестре Петра, с которой я хотела тебя познакомиться.
- Света, сейчас не время.
- Я все понимаю, но не хочу, чтобы ты, Степочка, постоянно грустил и погружался в себя.
- А как ты прикажешь мне себя вести? Прыгать до потолка и радоваться?! Хочу тебе напомнить, что...
- Я не забыла. Твоя потеря невосполнима. И я не предлагаю тебе быстротечно жениться. Присмотрись, пообщайся.
- Мне хватает общения с тобой.
- Но это абсолютно разные вещи.
- Я пока не готов. Нет ни желания, ни... Не хочу.
- Дурной пример заразителен.
- Прошу тебя – оставь тему сватовства. И не вздумай устраивать случайные встречи. Я тебя знаю.
- И не собиралась, - поджав губы, выдала Куролес. .
- В дверь позвонили. Степан пошел открывать со словами: «Счастье нагрнуло, дождался». Вскоре в кухне появилась тетя Зина с блюдом среднего размера в руках. На блюде лежали жареные пирожки.
- С чем? - коротко спросила Светка, не поздоровавшись.
- Здравствуй, Светлана, - отчетливо выговорила гостя, выставляя на стол блюдо.
- Добрый день, - автоматически ответила Светка. – Так с чем пирожки?
- С печенью и картофелем.
- Обожаю с печенью и картофелем, - выхватывая с блюда пирожок, пропела Куролес. Откусила, закатила глаза от наслаждения и похвалила, - необыкновенная вкуснятина.
- Степан тоже взял пирожок и принялся есть.
- И чего это вы, тетя Зина, по такой жаре с пирожками затеялись? – с укоризной поинтересовался он.
- Егорушке в дорогу пирожков нажарила. Хотела еще курицу запечь... Но от курицы он наотрез отказался.
- А куда это Скоречник намылился? – с полным ртом спросила Света. – Неужто в командировку?
- Нет, не по работе, - пробормотала Крашенинникова.
- В отпуск? – прицепилась Светка. – Так насколько мне известно, он недавно на работу устроился, и отпуск ему не положен по трудовому законодательству. Или он взял отпуск за свой счет, без содержания?
- Не хочу говорить на эту тему, - пресекла дальнейшие разговоры тетя Зина.
- Это почему? Что за тайна, покрытая мраком? – заинтересовалась Куролес.
- Потому что вы станете Егорушку крыть на разные буквы алфавита, - нашлась пожилая женщина.
- Мы? – округлила глаза Светлана. – Мы на ЭТО не способны! Воспитание не позволяет. Но в критике некоторых личностей себе не откажем. Да, Степ?
- Степа задумчиво жевал пирожок с печенью и картофелем и смотрел в одну точку, на блюдо, на котором еще оставались пирожки.

- Степочка, если нужно, я еще принесу, - поняла его взгляд по-своему тетя Зина. – На дачу с собой возьмешь, чайку с пирожками попьешь.

- В отпуск, значит, - прервав молчание высказался Степа, не отреагировав на предложение, и многозначительно посмотрел на Свету, с которой они жарко обсуждали поведение Скворечника много раз. Последний раз накануне, когда Светка заглянула к нему с пластиковым контейнером мороженого.

Светка вмиг сообразила и приняла эстафету:

- На какие-такие шиши ваш Егорушка едет «не по работе»? Где деньги, тетя Зин? Нынче отдых простым смертным не по карману, чего уж говорить о тунеядцах. Али он известный блогер? Срубил деньжат по-быстрому и в круиз по Черному морю?

- Ты, Светка, не обзывай Егорушку нехорошими словами, - осадил ее тетя Зина, приняв слово «блогер» за нехорошее. – Да, он едет отдыхать на Черное море, на НАШЕ, - подчеркнула она, - Черное море, не на заморский курорт...

- Иной раз на заморском курорте отдых выйдет дешевле, - со знанием дела заметила Куролес.

- А деньги ему мать прислала, - не обратив внимания на ее высказывание, ответила с заминкой Зинаида Марковна.

- Почтовым переводом, - поиронизировала Светлана.

- Каким способом, не скажу, но деньги получены от родной матери.

- Его мать, которая приходится вам племянницей, сама о деньгах сообщила?

- Буду я еще справки наводить!

- А я бы навела.

- Светка, ты на что намекаешь?! Что Егорушка добыл деньги...

- Нечестным путем, - договорила за нее Светлана.

- Ты говори, да не заговаривайся!

- Тетя Зина, - вступил в разговор Степан, - если вас не затруднит, дайте мне номер телефона матери Скворечника. Хочу кое-что уточнить.

- Степ, - насупившись изрекла Зинаида, как будто собиралась его отчитывать за провинность,

- зачем тебе ее номер? Ну, зачем? Какая тебе разница, откуда у Егора деньги? Если что сотворил, то ответит.

- Номер телефона не дадите?

- Степочка, я зачем к тебе пришла-то, - засуетилась женщина, - раз Егор уезжает, то и мне нет смысла сидеть в духоте многоквартирного дома, я с тобой поеду на дачу. Если, конечно, ты не возражаешь.

- Я не возражаю. Буду только рад, если вы присоединитесь ко мне.

- Но прежде вы сами позвоните матери Скворечника и поинтересуетесь переводом денежных средств в немалом эквиваленте, - добавила Светка.

Тетя Зина вопросительно посмотрела на Степана, за которым было последнее слово. Тот сообщил:

- Я не буду ставить вам условий, тетя Зина, но очень вас прошу – позвоните.

- Если ты настаиваешь – позвоню.

- И не будете скрывать правду? – уточнила Светлана.

- Не буду.

- Прямо сейчас и позвоните, - предложила она.

- Завтра утром. Егоркина мать со смены вернется, тогда уж и... - Не договорив, Зинаида двинулась в сторону прихожей.

- К вечеру завтрашнего дня будьте готовы к поездке на дачу! – крикнул ей вслед Степан.

- Вас Петя отвезет! – доложила Светлана.

Когда за Крашенинниковой захлопнулась дверь, она спросила у Степы:

- И что ты обо всем этом думаешь?

- То же, что и раньше – Скворечник заработал деньги, оказав некую услугу. Работать сразу расхотелось, потянуло на юг... Как перелетную птичку в осеннюю пору.

- Птичка, черт ее дери. И что нам делать?

- Ждать новостей от тети Зины.

- Допустим, мать не присыла ему деньги. Допустим, он... как-то причастен ко всем событиям. Что дальше? Что Мы будем с ним делать? – перефразировала свой вопрос Светлана, сделала ударение на местоимении «мы», чем дала понять – они едины, поэтому непобедимы.

- Предлагаешь попытаться горячим утюжком? – пошутил Степан. Света шутки не приняла:

- Сами не будем предпринимать никаких действий. Пойдем и посоветуемся с Азархом.

- Ты ли это, Светка?

- Я ему слово дала – не влезать, - призналась она. – У меня новая жизнь, забыл?

- Не влезай – убьет, - задумчиво протянул Ефремушкин, вспомнив памятку на двери опасного места.

Светлана была погружена в свои думы, поэтому не сразу сообразила.

- Кто убьет? Кого убьет? Степ, ты думаешь, Скворечнику грозит опасность? Он, конечно, гад напоследний, но не хотелось бы...

- А вот об этом я не подумал, - вскинул брови Степан. – Если Скворечник является подельником лже-Добрынина, того самого «врача-гомеопата», то он... одновременно и свидетель. Он много знает. Пусть ни много, но кое-что такое, что опасно для преступника. Поэтому его, свидетеля и подельника в одном лице, нужно убрать.

- Степ, ты говоришь, как в детективе – свидетелей надо убрать.

- Ничего нового.

- Жду дальнейших указаний, гражданин начальник.

- В данный момент мы ничего изменить не в состоянии – пусть Скворечник едет на курорт. Когда вернется, тогда и будем думать...

На следующий день Степана разбудил звонок в дверь. Пока он копался, мысленно возмущался, в замке завожился ключ. Степан вмиг соскользнул с кровати, схватил первое, что попало под руку – увесистый том общей физики и осторожно двинулся в сторону прихожей.

Входная дверь распахнулась, Степан поднял над головой увесистое научное книжное издание и едва не огрел им тетю Зину, просочившуюся в прихожую.

- Ой! – испуганно дернулась она и прижалась к двери.

- Это вы, тетя Зина, а я решил – вор, - объяснил свое поведение Ефремушкин.

- Ты не открываешь, я подумала, тебя дома нет. Хотела тебе записку оставить.

- Передумали?

- Что передумала?

- Ехать со мной на дачу?

- Нет, что ты, не передумала. А ты?

- Тоже нет. Ближе к вечеру и отправимся.

- Хорошо, по холодку.

- Скворечник уехал? – издали подошел к интересующей его теме Степан.

- Ага, уехал. На поезде, вчера... Степ, как ты просил, я позвонила его матери. Она сказала, что не посылала сыну денег.

- Небось, напугали ее?

- Будет она пугаться. До сына ли ей - у нее нескончаемая бурная личная жизнь... И что получается? Что Егор эти деньги украл?

- Теть Зин, вы не переживайте. Он вернется, мы у него спросим. А пока не забивайте себе голову.

- Он мог где-то эти деньги заработать, - пробормотала она. – Раньше люди вагоны разгружали.

Степка не выдержал и коротко рассмеялся.

- Ладно, не буду голову забивать. Потом всё выясним. Да, Степочка?

- Да.

- А Юля не появлялась? Прости, что спрашиваю.

- Зачем ей здесь появляться, - разделяя слова, отчужденно ответил Ефремушкин.

- Вот заноза какая, воспользовалась ситуацией.

- Любовь однако, - глубокомысленно изрек Степан. – Уволилась Юля по собственному желанию. Я настоял, она не стала мне противоречить. Утешитель не заставил себя ждать – сразу вырос рядом, как гриб в дождливое лето.

- Ее давний воздыхатель? Фомин, кажется?

- Он самый. Одна коллега рассказывала, что Мишкина снова хвасталась подаренным колечком – опять замуж собирается, надеюсь, на этот раз по-настоящему.

- Не завидую я этому Фоме.

- Пусть сами разбираются. И мне не хочется вспоминать ту некрасивую историю, - поставил точку в разговоре Ефремушкин...

Ближе к шести прибыла Светка со своим Петечкой, за глаза названный тетей Зиной хахалем. Свое мнение о нем тетя Зина не высказывала, потому как мнение было положительным, в корне отличающееся от мнения Степана, которое ей было известно и без лишних объяснений.

Степка боялся, что Светка притащит с собой сестру Петечки. Но в машине они были вдвоем.

Загрузив всем необходимым багажник автомобиля, они отправились на дачу Ефремушкина, которая находилась в сорока километрах от города.

Поехать-то поехали, да недалеко отъехали.

Ни с того, ни с сего, как казалось, тетя Зина вдруг заверещала, едва они проехали пост ДПС на выезде из города:

- Стоп! Стоп!

Водитель, Петр Алейников, тотчас исполнил приказание. Следующий за ними автомобиль едва не «поцеловал» бампер их авто, благо успел вовремя затормозить, возмущенно скрипнув тормозами.

Молодые люди не успели обратиться к тете Зине с вопросом, она сама спросила напряженным голосом:

- Какое сегодня число? – Можно подумать, от ответа решалась ее судьба.

- Третье августа, - ответила за всех Светка и переглянулась с Петром и Степаном, как будто сомневалась и ждала поддержки. Те кивнули – согласились, третье.

- И куда я еду? – странно спросила Крашенинникова, поставив присутствующих в тупик. В их головы закралось сомнение в адекватности пожилой женщины.

Светлана взяла инициативу в свои руки.

- Зинаида Марковна, - официально обратилась она к ней, - сегодня третье августа, мы едем на дачу вашего любимого Степочки. – На всякий случай указала на Степочку, сидевшего на переднем сидении, рядом с Петром. Степка, опять же на всякий случай, боднул головой воздух.

Тетя Зина пристально всех рассмотрела, словно видела впервые, и показательно отвернулась со словами возмущения:

- Не надо из меня дурочку делать!

- Никто и не... - затынула Светка, но Степан ее перебил:

- Тетя Зина, все нормально? Вы хорошо себя чувствуете?

- Плохо, - брякнула тетя Зина и пояснила, - я забыла о главном дне месяца – о дне, когда доставщица приносит мне пенсию! Срок – через два дня.

- И что с того? - облегченно вздохнув, спросила Светлана.

- Что с того, что с того! Пенсию мне принесут через два дня! Мне нельзя уезжать!

- Прикажете вернуть вас на место? – осведомился терпеливый до невозможности Петр.
- Конечно! – выпалила тетя Зина.
- Не выдумывайте, - отмахнулась Светлана. – Решили ехать, значит, едем. А пенсию потом получите?
- Ты в своем уме? – поинтересовалась у нее пожилая женщина, позабывшая о главном дне месяца.
- Нет, - тотчас ответила Светлана с обворожительной улыбкой.
- Вы, ребяташки, меня простите, но мне надо домой.
- Тетя Зина, - обратился к ней Степан, - отдохнете на даче пару денечков, в потом я вызову вам такси. Или вернетесь домой на электричке. Какие проблемы?!
- Нет, домой. Лучше потом приеду. Пенсию получу и приеду.
Делать нечего – пришлось возвращаться домой...

Светлана была удивлена, что сад находится в идеальном состоянии, и в доме относительный порядок, даже не чувствуется запах плесени и запустения.

- Наш сосед сам вызвался ухаживать за садом и присматривать за домом. У него участок небольшой, земли почти нет - они с братом землю поделили, а брат свою часть земли продал.
- Брату?
- Чужим людям, хотя, брат просил его уступить ему половину наследованного участка, хорошие деньги предлагал, а тот ни в какую.
- Братья - враги? – зачем-то спросила Светлана, хотя, ей эта информация была до лампочки.
- Не сказать, что враги, но практически не общаются, особенно после этого случая с куплей-продажей. Сосед выстроил на своей половине хороший дом, как ты сама видишь, провел газ, воду, в общем устроился со всеми удобствами. У него есть квартира в городе, но в ней живет его дочь от первого брака, и единственного. Он предпочитает жить за городом, на свежем воздухе.
- Сосед пенсионер?
- Ему до пенсии еще далеко. Кажется, еще нет и пятидесяти, но я могу ошибаться.
- И чем же он занимается?
- Он писатель, создает шедевры о жизни, о людях труда, - как сам любит говорить.
- Ясно – про колхоз, - хмыкнула Светлана.
- Почему про колхоз? Необязательно.
- Это я повторяю слова моей мамы – у нее все книги о жизни и об отношениях людей – про колхоз. Сама не знаю, почему.
- Я тебя обязательно познакомлю с соседом, очень колоритная личность, скажу я тебе. Он любит вживаться в образы своих персонажей, осваивает новые профессии. Благодаря «вживлению» в образы знакомится с новыми людьми.
- В общем, идет в люди, - безразлично произнесла Светлана, тяготясь выбранной темой разговора – на черта ей сдался этот сбрендивший писатель?! – Петя, - обратилась она к своему жениху, - сколько вишни на дереве. Прямо, ветки ломаются от ягод.
- Сейчас мы соберем урожай, и вы возьмете вишню с собой, - засуетился хозяин.
После сбора урожая, они сели пили чай на открытой веранде.
- Разговор не клеился. Светлана порывалась заговорить о планах на ближайшее будущее, но Степан был погружен в свои мысли, а Петя изредка вставлял «конечно», что тоже не служило поводом для дискуссии.
Допив чай, Петр спросил у невесты:
- Ну что, поехали?
- Посидим еще. А ты можешь пойти прогуляться, здесь недалеко озеро... Степ, озеро еще не высохло?
- Что? Нет, не высохло. Кажется, - рассеянно ответил Степан.

- Пойду, проверю, - поднимаясь с места, согласился Алейников.
- Когда он вышел со двора, Светка обратилась к приятелю:
- Степа, если ты не хочешь оставаться на даче, то давай вернемся в город.
- Я хочу побыть на даче до конца лета. Пребывание в городской квартире меня тяготит.
- Понимаю. Хочешь, я побуду с тобой? Возьму недельку отпуска и побуду здесь, тем более, в эту пору совсем мало детских праздников, все дети разъехались по детским лагерям или уехали к бабушкам.
- Как тебе удобно – хочешь оставайся.
- Видимо, тебе всё равно, - обиделась Куролес. – Не хочу быть раздражителем... Через пару деньков приедет тетя Зина, тебе с ней будем веселее.
- Да, с ней не соскучишься.
- Степ, что-то не так?
- Воспоминания нахлынули, - с печальным вздохом признался он. – Как мы с мамой...
- Если надо выговориться, то я всегда готова выслушать.
- Хорошо здесь, - потянувшись, сказал Ефремушкин, переводя разговор на другую тему.
- Тихо. Странно, почему так тихо? Или людей совсем нет?
- Должны быть. Наверное, жара спала и все отправились на озеро купаться. Здесь живут в основном пенсионеры с внуками. Скоро вернутся и начнут поливать свои огороды. Станет свежо и ароматно-зелено.
- Степка, ты очень изменился в последнее время, стал другим, сам об этом говорил.
- Наверное, постарел.
- Да брось ты!
- Света, тебе тест: допустим, ты видишь целующуюся парочку на улице, какие чувства ты испытываешь?
- Радость за них, и, естественно, никакого старушечьего бубнения – ой, какая нынче молодежь, ай, ай, ай, вот в наше время... А ты? Неужели вид целующейся парочки вызывает у тебя раздражение?
- Нет никакого раздражения, еще не пришел, даже не приблизился, к тому возрасту, когда всё и вся раздражает. Я завидую этим молодым людям. Почему завидую? Потому что я бы так не смог. Не смог бы целоваться при всем честном народе.
- Еще вспомни свое правильное воспитание, - хмыкнула Светка. – А дело-то не в воспитании, а в желании...
- Вдруг поцеловать девушку, - скалясь, договорил Степан.
- Не просто девушку, а любимую девушку. Ты ее любишь, тебя общественное мнение мало интересует. Ты так хочешь ее поцеловать – здесь и сейчас, что, кажется, если не поцелуешь, то... что-то с тобой произойдет.
- Губы отсохнут.
- Возможно.
- Перейдем от любви к прозе жизни, - предложил Степан. – Представь – идешь ты по улице и вдруг... твой тонкий нюх улавливает нехороший запах.
- Уточни.
- Запах дерьма, заранее извиняюсь. Мимо тебя проходит человек. Твои мысли?
- Я подумаю, что где-то в траве нагадила собачка, нерадивый хозяин за ней не убрал. Только и всего.
- Как просто! То ли дело я! Я подумаю, что этот человек может подумать обо мне... что-то нехоршее.
- И в этом весь Степан, мой старинный друг! Человек – великий комплекс. Вот ответь мне – какая тебе разница, что о тебе подумает незнакомец?! Ты его знать не знаешь, видишь первый и последний раз! Пусть думает, что хочет. Это будет на его совести. Ты-то о себе всё знаешь – не был, не участвовал, не состоял! Всё! Обязательно копать в себе, накручивать

и сочинять небылицы? И, вообще, я не пойму, зачем ты завел разговор на эту тему? Поговорить, чтобы поговорить? Или это вступление? Я уже боюсь продолжения.

- Иногда ты точно знаешь, что не делал, долго думаешь, потом начинаешь сомневаться.

- В чем, я не понимаю.

- Я вот тут думал... на досуге... Свет, может это я... ненароком... отравил свою мать. Я человек рассеянный, пусть не великий ученый, но тоже страдаю бытовым кретинизмом: мог погрузиться в свои научные идеи и... перепутать, взять подкормку для цветов и добавить в пищу.

- Это еще хуже, чем я думала! Степка, что ты мелешь? Ты сам себя слышишь? Даже не смей? Слышишь, не смей об этом думать! Рано или поздно дядя Максим... Максим Гаврилович Азарх найдет преступника, и он предстанет перед судом. Твое дело – восстанавливать здоровье. Ты меня понял?

- Я тебя понял, - делая паузы между словами, проговорил Ефремушкин.

- Даешь честное пионерское, что будешь вести себя хорошо?

- Даю!

- Куда-то мой Петька запропастился. Может, пойдём его поищем?

Степан не успел ответить, калитка скрипнула и на участок зашел сухопарый мужчина. Он издали начал свою приветственную речь, Светка сразу сообразила, что появился писатель, сосед, который присматривает за дачей Ефремушкиных. Но чего она никак не ожидала, что с этим соседом-писателем она уже встречалась.

Пока мужчины обменивались крепкими рукопожатиями, Светка сидела сама ни своя. Вскоре внимание переключилось на нее.

- Василий Васильевич, познакомься с моей подругой, Светланой. Света, а это...

- Мы уже знакомы, - процедила сквозь зубы Куролес, - я оказалась в том месте, где Василий Васильевич вживался в роль... дворника.

- Было дело, - с мягкой улыбкой сказал мужчина, выглядевший совсем иначе, чем в тот день, когда Светка крутилась возле технического университета, путаясь в раздумьях касательно Юлии Мишкиной.

- Так вы, оказывается, писааатель, - протянула молодая женщина с явным недовольством, словно писатель на самом деле оказался дворником. – И что же вы, товарищ писатель, мне мозги пудрили? О погоде спрашивали? Мол, ехать вам на дачу или не ехать? У вас был выбор?

- Светка, ты чего на человека набросилась? – осадил ее Степан. – Василий, ты на нее не обращай внимания, ее иногда заносит.

Василий присел за стол, по-хозяйски налил себе чаю и только тогда признался:

- Степ, знаю о твоем горе. И сочувствую. И более ни слова. – Сказал как отрезал.

Светка почему-то сразу его зауважала: она бы так не смогла - без вступительных слов и расшаркиваний, без мямлинья, без нескончаемого потока ненужных слов. Душевно, коротко, понятно. Однако, она и не мужчина. Женщина не может коротко выражать свои мысли, не высказывать своего отношения, не выражать своих чувств.

Сегодня Василий не походил на бывшего алкоголика. Обычный мужчина, без выдающихся внешних «отличий», даже можно сказать – страшенький. Но симпатичный. Море симпатии!

Светлане стало ни по себе. Чего-то она перепугалась. Вовремя появился Петр Алейников. Мужчины познакомились, Светка тут же стала прощаться со словами, обращенными к другу: - Теперь я могу быть за тебя спокойна.

На Василия упорно не смотрела, словно его рядом не было. А он был рядом, провожал гостей вместе с хозяином. Зорко следил за ней – она замечала, ловила каждое движение, высматривала любую мимику на лице. И ждала. Хотела, чтобы он что-то сказал. Что-то мягкое и незамысловатое, доброе, но не отческое. И дождалась.

- Уже уезжаете? – И столько было в коротком вопросе необъяснимой горечи и обиды, что Светке захотелось его утешить. И чего скрывать, обнять. По-матерински, никак иначе.

Очередное вранье. А ведь обещала!

Себе-то можно слегка приврать, чтобы успокоиться, чтобы стать обычной женщиной, не испытывающей никаких трепетных чувств, от которых скулы сводит, а в душе, где-то в районе груди, растекается сладкая истома. Хочется смеяться и плакать одновременно.

Хо-ро-шо. За-ме-ча-тель-но. Ве-ли-ко-леп-но. В голове летают только слова в превосходной форме. Оказывается, жить-то здорово!..

Но что-то колет в спине, в левой части. Как будто кто-то предупреждает.

Или подсказывает- это то самое, чего ты ждала.

Она ждала? Она ждала. Еще накануне вела себя подозрительно-рассеянно-глупо. В преддверии. Чего? Счастья в полном его понимании.

Но рядом со счастьем ходит волнение огромного масштаба. Начинаешь тревожиться, задумываться, осмысливать.

Не рано ли? Может быть, это «удар в одни ворота»?

Его глаза говорят больше слов.

Еще в ту, первую встречу, Светка чувствовала себя необъяснимо-странно, словно он пытался укутать ее теплым одеялом, а она, продрогшая, озябшая в зимнюю пору одиночества, ждала его знака внимания и одновременно сопротивлялась.

Но тогда у нее мысли были настроены на другую волну, это ее и спасло.

Могла избежать новой встречи? Глупый-преглупый вопрос.

Кто-то сказал: наша встреча была предопределена небесами.

Пусть звучит высокопарно. Но других объяснений она подобрать не в состоянии.

Она ничего пока не знает. Не знает, как жить дальше со всем этим воздушным грузом? Как объясниться с Петей? И надо ли объясняться?

Пусть всё остается по-прежнему?

Прежним никто и ничего не будет: ни она, ни Петя, ни их отношения.

Где ты взялся на мою голову! – мысленно возмутилась она, пытаясь скрыть свое душевное состояние раздрая. А вслух ответила, стараясь говорить вежливо-тактично, как с мало знакомым человеком, который таковым и являлся:

- Уже уезжаем, пора знаете ли...

Степан успел ей шепнуть:

- Втюрилась, сестрица?

- Дурака ты, братец, - пробормотала она в ответ еле слышно.

- Научился читать твои мысли на расстоянии.

- Не о том думаешь.

- О чем надо? – подобрался Ефремушкин.

- Что-то мне подсказывает, что вскоре... - Досочинять начатое Светка не решилась, потому как обещала дяде Максиму измениться. Да, и способность к сочинительству улетучилась.

Голова была занята другим. Другим человеком.

- Что-то может случиться? – уточнил Степан.

- Или уже случилось, - думая о своем, брякнула Куролес.

- С кем? С тем, о ком я думаю?

Светка не расслышала, села в машину и уехала.

А Степан решил не думать больше о плохом. Настраиваться на позитив.

Настроись, как же...

Глава восьмая

Чем дальше, тем дебристее

Зинаида Марковна Крашенинникова не приехала на дачу к Ефремушкину ни через два дня, ни через три. Погода совсем испортилась, дождь зарядил, как в конце октября – лил и лил, не переставая. Сильно похолодало. Дороги развезло. Многие дачники еще в начале непогоды поспешили перебраться в город. Не было смысла сидеть в сырых домах, мерзнуть и смотреть на тяжелое свинцовое небо, не сулившего надежды на изменение погоды в лучшую сторону. В водостоках постоянно шумело и гудело, в зависимости от силы дождя-ливня, убаюкивало, иногда пугало: от природных катаклизмов можно ждать чего-угодно. Земля до того напиталась влагой, что казалось – ступишь и провалишься глубоко-глубоко, словно под ногами не обычная земля, а сплошь бездонный колодец. Уныние вызывали деревья, ветви которых обреченно согнулись до земли и обещали в скором будущем переломиться и погубить урожай. Особенно страдали яблони с еще не совсем поспевшими плодами.

Даже любители дождя в летнюю пору быстро забыли о своих «любительствах», сообразили, что лучше убраться пододру-поздорову и укатили восвояси. Остались особо стойкие – люди творческие и ленивые.

Степан Ефремушкин, решивший поленился всласть, наблюдал за «эвакуацией» насмешливо – поначалу, потом – удивленно, затем – встревоженно и с трудом уговорил себя не поддаваться панике. Это всего лишь летний дождь, пусть и затяжной. В любом случае, дождь рано или поздно закончится. Небо просветлеет, солнце, уставшее от отдыха, примется с удвоенной силой выполнять свою работу – сушка, глажка, выжигание, издевательство.

Степан очень надеялся на то, что погодная стихия уймется: даже для лени есть предел, тем более, у людей, привычных трудиться. Поначалу он бубнил под нос детский стишок, несколько его перефразируя: «Не мешайте мне лениться...» Никто Степану лениться не мешал, в итоге ему надоело и бубнить стишок, и лениться, он перешел к оригиналу: «Не мешайте мне трудиться, я водицы притащу...» Отдельная фраза, про водицу, вызвала неудержимый смех. Хорошо, что в этот момент Степана никто не видел, точно бы подумал, что якобы адекватный мужчина явно ни в себе. То, что он может делать всё, что угодно, не оглядываясь по сторонам, Степана развеселило еще больше. Посмеявшись, похрюкав, поикав, подержавшись за скулы, он, наконец, уgomонился.

Поначалу в груди еще тешилась сумасшедшинка, но внезапно в душу втерлась грусть-печаль. Степан вспомнил слова матери: нельзя так хохотать, потом будешь плакать. Она всегда так говорила, когда ее сын, не особый весельчак-затейник, смеялся до упада. Подобное с ним случалось ни с того, ни с сего, что называется – палец покажи и поехало-покатило. Вспомнив о необъяснимой связи дикого хохота и слез, Степка тут же затих и прислушался к своим ощущениям. Беспокойно что-то. Выдумки!

Время медленно ползло – всегда так бывает, когда ленишься, а стихия не унималась. Степан «примерил» на себя уважаемый возраст и принялся ворчать: «Надо и честь знать, хватит, довольно, мне надоело... Что за коты и клизмы, в самом деле». Коты и клизмы – это значит катаклизмы. Все-таки засовестился – не в том возрасте, чтобы наслаждаться ворчанием. Засовестился и вспомнил – у природы нет плохой погоды. Да-да. Надо наслаждаться тишиной и покоем. Что случается крайне редко, потому как в густо населенном дачном поселке постоянно стоит шум-гам-тарарам. И тут вдруг раз и тишь-блажь-божья благодать.

Казалось, что кроме Степана и Василия, человека творческого, в дачном поселке никого не осталось. Но два одиночества не тянулись друг к другу. Что-то на обоих нашло – захотелось усугубить, можно и так сказать, свое одиночество.

На писателя к тому же нашло вдохновение – он кропил свой очередной шедевр, сидя за письменным столом на втором этаже своего милого домика. Степан видел его макушку, держал в поле зрения, чтобы время от времени убеждаться – он ни один во всей вселенной, ничего ультраужасного в мире не произошло – не конец света, всего лишь непогода со всеми вытекающими последствиями. Особо стойкие и особо храбрые остались на местах, понимая, что природа решила мягко подготовить людей к осени, так сказать – репетиция перед запланированным выступлением. А раз особо стойкие еще держатся, не покидают насиженных мест, то природа не делает шагов назад, продолжает наступать.

Степка решил: ни за что не сдамся! Василий точно никуда не уедет, а я чем хуже? Надо поддержать компанию, пусть не слитную.

Дождь барабанил по крыше, усиливаясь и слегка затихая, но не переставая, как будто боялся, что «перекрыв кран», не найдет в себе сил для дальнейших издевательств над отдельными представителями рода человеческого. Степан решил назвать издевательство небесной канцелярии проведением испытаний, преследуя при этом лишь одну цель – чтобы усилить стойкость и противодействие, чтобы не сдаться. Даже принялся напевать: «Парни, парни, это в наших силах – землю от пожара уберечь...» Не сдержался и хмыкнуть – сейчас только про пожары петь, тем более таким противным гнусавым голосом.

Степан никогда не замечал в себе склонности к солированию – со слухом были большие проблемы. Но сегодня можно всё – он один на своей маленькой планете. Василий – не в счет – он незаметно перебрался к своим героям, с ними живет, с ними существует.

Да, писатель Василий усердно работал – Степан держал в поле зрения его макушку. Степка застыдился своего ничегонеделания. Когда бы он еще вот так просто лежал на старом диванчике на той части веранды, которая закрыта от непогоды – застеклена, и пялился через мокрое, плачущее, стекло на хмурое небо. Или дремал. Или ворчал. Или размышлял на ненужные темы. Или солировал – это пенье трудно слушать, и луна заткнула уши – это опять отрывок из детского стишка. Или читал – это уже не ничегонеделание (самоуспокоение). Читал Степка всё подряд – что нашел на старой этажерке, которую помнил с детства.

На четвертый день Степан неожиданно разволновался: понятно – непогода, в городе тоже не солнцепек с жарой, ясно, что тетя Зина отложила приезд на дачу, но в любом случае могла бы и позвонить. Почему не позвонила? Так обрадовалась получению пенсии, что тут же побежала тратить деньги?

Самоуспокоение. Недолгое – вспомнилась связь безудержного смеха и слез. Ерунда полная. Надо выбросить из головы.

И выбросил бы, если бы ни тетя Зина. Куда она подевалась?

Вообще-то, тете Зине подобное поведение несвойственно: она всегда предупреждает об изменении планов. Неужели что-то произошло? Но есть Светка. Если бы тетя Зина приболела, то обязательно сообщила бы о болезни Светлане, а Светлана связалась бы с ним и в мягкой форме донесла новости, ясно дело – нерадостные.

Степан обозвал себя черствым человеком, который наслаждается одиночеством, причем дошел до такой степени одиночества, что позабыл обо всем на свете. Есть он, есть писатель со своей макушкой, иногда исчезающей из поле зрения – не может писатель сидеть за своим столом двадцать четыре часа в сутки, и более никого на свете нет! Эгоизм высшей пробы!

Недолго думая, Степан схватился за телефон. Связь была безобразная, Степка долго ходил по дому, выискивая подходящее место. Почему-то «ловило» лучше всего на стремянке, на самом верху. Степан сам сообразил поставить стремянку на веранде и вскарабкаться на самый верх, едва не свалился при этом. Пришлось слезть и более устойчиво выставить лестницу-циркуль.

Когда пошли долгожданные гудки, Степка вновь чуть не свалился, от радости. Наверное, со стороны он напоминал обезьяну, которой удалось дотянуться до заветного плода. Но за ним никто не наблюдал, он на это очень надеялся, поэтому мог предаваться чувствам сполна.

Но радость была недолгой, гудки тянулись и тянулись, нервозность Степана достигала максимальных значений. Он уже успел подумать о самом страшном, мысленно успокоив себя – в любом случае, Светка уже была бы в курсе и сообщила. Сообщила ли? Мобильная связь работает отвратительно.

Степан хотел отключиться и позвонить заново, но, наконец, в трубке раздался... чужой голос, совершенно не похожий на голос тети Зины. Голос сказал: «Слушаю». И все-таки это была тетя Зина, она всегда так говорила, выделяя гласную «У», словно удивлялась, что кто-то ей звонит. Да, это была тетя Зина, но другая тетя Зина, какая-то неживая, пусть и со своим привычно-протяжным, паровозным «У».

- И я хотел бы услышать, почему... - вступил в разговор разозлившийся Степан, но неожиданно осекся.

- Слууушаю, - повторилась Зинаида Марковна.

- Это я, Степан, - на всякий случай назвалса он. - Хотел узнать... - Он забыл, что хотел узнать, о чем хотел поговорить. Все мысли вылетели из головы. Кроме одной – что-то произошло.

- Степочка, - сразу залилась слезами тетя Зина, как будто он сказал некий пароль, кодовое слово, после которого уже можно. Можно всё – рыдать, причитать. Признаваться. – Степочка, Степочка, - повторяла и повторяла плачущая женщина.

- Что случилось? – с трудом ворочая языком, спросил он. В голове билось и билось одно имя – Светка!

- Степочка, тут такое... тут такое...

- Говорите же! – вскрикнул Степка и тут же пожалел. А зря: тетя Зина перестала причитать, гнусавым голосом сообщила, сжато, видимо, слова давались ей с трудом:

- Егорушка утонул. – Причем в сообщении прослушивалась вопросительная интонация, кажется, пожилая женщина сама не верила в то, что говорила, и теперь ждала опровержения от своего оппонента. Именно, оппонента: он должен заспорить, удивиться высказанной глупости, даже обозвать ее сумасшедшей старухой. Она выдержит, она все снесет, лишь бы ее убедили в обратном – всё-всё ложь, полная чепуха, чей-то вымысел, а она, доверчивая до невозможности, поверила словам недоброжелателя, да еще стала «передатчиком».

- Как утонул? Где тонул? - понес полную ерунду Ефремушкин, ошарашенный новостью. Спросил, но не опроверг или удивился... ее глупой доверчивости.

Тетя Зина вновь залилась слезами. Степка не мог вынести ее слез и выкрикнул:

- Тетя Зина!

- Больше не буду, - вяло откликнулась она. - Я уже взяла себя в руки, больше не буду... Если смогу... И вновь заскулила, - Стееепочка...

- Зинаида Марковна, излагайте факты, без эмоций... Постарайтесь без эмоций, - мягче попросил он.

- Факты... такие. Егор ут... утонул в море, - споткнулась она на трудном слове и пояснила, для особо бестолковых, - он же поехал отдыхать.

- Я в курсе, куда он поехал. Но как ЭТО могло произойти?

Тетя Зина не среагировала на вопрос, монотонно проговорила:

- Его мать, моя племянница, поехала туда на опознание... Может, и не он это вовсе? – с надеждой в голосе спросила она у Степана.

- Может и не он, может, произошла ошибка. Вы звонили Егору? - задал совершенно глупый вопрос Степан. Ему показалось, что за все время его знакомства со Скворечником, он впервые назвал его по имени.

- Звонила. Абонент временно недоступен, - чеканя каждое слово доложила женщина отстраненным голосом.

- Это ничего не значит.

- Степ... Сте-па, - разбила она его имя по слогам, как будто в ее голове родилась идея, которую она осмысливает и вот-вот озвучит. - Я боюсь сказать вслух, но, как ни трудно мне

признать, но я сердцем чувствую, что с Егорушкой случилась беда. Сердцем чувствую, понимаешь? А верить не хочу. Понимаешь?

- Понимаю, - промямлил Степа и более убедительно добавил, - вот и правильно, вот и не верьте. Возможно, произошла ошибка. В жизни всякое может быть.

- Будто бы кто-то его уже оп...опознал, подтвердил личность. Будто бы квартирная хозяйка... И если это и вправду Егорушка, то я поеду... Мне надо ехать.

- Куда вы поедете?! Мать и без вас его опознает. Но это еще «бабушка надвое сказала» – вдруг погибший вовсе и ни Егор. Вдруг произошла чудовищная ошибка – мало ли похожих людей на свете. Бывают двойники, я слышал об этом. Они похожи друга на друга, но никаких родственных связей у них нет.

- А ведь правда, - сдержанно возликовала тетя Зина и затараторила, чтобы Степан не успел сказать то, что поставит под сомнение его предыдущее заявление. – Вот я недавно видела одного молодого мужчину, он мне кого-то очень напомнил. Только никак не могу вспомнить, кого. Но точно знаю, что тот, кого он мне напомнил, росточком пониже, а у этого, которого я видела, с лицом что-то не так.

- Мудрено выражаетесь, - высказался Ефремушкин, запутавшись в «показаниях» соседки.

- Извелась я, Степочка, - призналась Крашенинникова.

- Я вас прошу – не нужно изводит себя заранее. Помните о возможности чудовищной ошибки.

- Дай-то Бог, дай-то Бог.

- Почему-то мне кажется, что Егор жив. Ведь он хорошо плавал, в детстве посещал секцию плавания. – И вдруг ляпнул, не подумав, - конечно, даже с отличными пловцами случаются разные... недоразумения, - благо, подобрал подходящее слово, – допустим, ногу судорогой свело. Так бывает. Но в любом случае, они, пловцы, знают, как выходить из затруднительных ситуаций. А в фигурном катании учат правильно падать на лед. В каждом виде спорта есть свои особенности, свои подходы. Так что мое неосторожное предположение можно сразу исключить.

- Но море это не бассейн, - с сожалением промолвила тетя Зина.

- Конечно, не бассейн. Море - неуправляемая стихия, шторм и все такое. А безбашенная молодежь обожает нарушать установленные правила...

- Степа, ты меня так успокаиваешь?

Степан так погрузился в лекцию, что не обратил внимание на вопрос Крашенинниковой:

-... Купание запрещено, а они не взирают на запрет и лезут в воду. Оно и понятно – молодозелено, но надо думать не только о себе, нельзя быть эгоистом. Трагедия произошла во время шторма? – не сбавляя тона обличительно речи, все же уточнил Степан, уставший пороть горячку, что сам отлично понимал. Увы, надолго его не хватило, хотя, имелась преподавательская сноровка говорить много и практически без остановки, не всегда «по делу», потому как студенты устают и плохо воспринимают информацию, и, чтобы привести их в чувство, вернуть на правильную волну, приходится иногда развлекать, отступать от темы.

Но успел все-таки подумать: зачем я говорю все эти пугающие вещи? А затем, что давно жду, когда человек, причастный к гибели моей матери, а Скворечник причастен, я в этом уверен, поплатится за всё – ответил по заслугам. Я злюсь, и это нехорошо. И в душе ликую, что тоже нехорошо: все-таки погиб человек, причем вина этого человека пока не установлена. Надо поддержать тетю Зину, вселить в нее уверенность - чудовищное недоразумение, а я вселяю и тут же выдираю с кровью.

- Про шторм я ничего не знаю, - тревожно ответила тетя Зина.

Момент для извинений был упущен, сворачивать разговор не хотелось, хотелось услышать детали происшествия и позже их обмозговать.

- Что вам конкретно известно на настоящий момент? - строго спросил Степан Сергеевич.

- Говорят, несчастный случай. Егор... или это был ни Егор... одним словом, человек далеко заплыл в море, и на него наехал водный... велосипед... нет, не так, водный мотоцикл. Хотя, какая теперь разница.

- Нарушитель был пьян? Или гнал свой мотоцикл на бешеной скорости и не заметил плывущего человека?

- Кто ж его знает – пьян или не пьян. Он скрылся. Других подробностей я не знаю...

Как оказалось, «другие подробности» были известны Максиму Гавриловичу Азарху. И они, подробности эти, касались Степана Сергеевича Ефремушкина.

Буквально через час после телефонного разговора с Крашенинниковой возле дачного участка Степана Ефремушкина остановились два забрызганных грязью автомобиля, непостижимым образом преодолевших все препятствия на пути. Первый – обычный, гражданский, ничем непримечательный, на борту второго имелась надпись «Полиция».

Ничего не подозревающий Степан, доселе предававшийся диванным размышлениям на предмет трагических новостей, вышел на свободное пространство веранды, залитой водой, чтобы узнать, кого к нему нелегкая принесла, заранее решив, что проезжавшим мимо людям что-то нужно выяснить. Когда он увидел, как из первого автомобиля появляется его старый знакомый «дядя Максим», внутри предупреждающе екнуло и заняло.

А потом началось действие, которое не могло касаться Степана. Не могло и всё! Степан будто бы смотрел на это действие со стороны, из зрительного зала. Он неотчетливо слышал фразы «со сцены»: «Гражданин..., вы задержаны по обвинению в убийстве Егора Тертычного...» Запястья рук сковали наручники. Степана повели под дождем ко второму автомобилю, с надписью на борту «Полиция».

Боковым зрением Степан видел, как из своего дома выскочил Василий Васильевич, как он зашпешил в его сторону, выкрикивая на ходу:

- Что происходит? Мне может кто-нибудь внятно объяснить? Куда вы его увозите? Это произвол! Я буду жаловаться! Где это видано, чтобы невинного человека в «бобики» засовывать?!

Степан не мог понять, кого и в какой «бобик» будут засовывать. Но на всякий случай попытался странным способом успокоить человека, взывающего к справедливости: не сказал ни слова, поднял вверх руки, скованные наручниками, и потряс ими. Якобы молчаливо высказал: «No pasaran!»

По всей видимости, жест, он же политический лозунг, выражающий твердое намерение отстаивать свою позицию, писателя не убедил, он продолжал что-то выкрикивать, но на него никто не обращал внимания.

Степану, со скованными наручниками руками, помогли сесть в комфортный автомобиль импортного производства, который никак нельзя назвать «бобиком». С обеих сторон сели двое мужчин с жесткими лицами, словно вытесанными из камня. Дверца авто не успела захлопнуться, как вдруг появилась Светка. Она что-то выкрикивала, что-то доказывала всем и сразу, но ее никто не слушал. Служивые делали свое дело, Степан наблюдал за действием, в котором, как ему казалось, он не был участником...

Когда полицейские небольшого курортного городка осматривали вещи погибшего Егора Тертычного, они обнаружили фотографию неизвестного мужчины. Хозяйка частной гостиницы, в которой снимал номер Егор, заявила, что видела этого мужчину накануне гибели постояльца, вечером. Он приходил в гостиницу и интересовался Егором. Егора в тот момент в гостинице не было, он, как обычно, веселился в ночном клубе на набережной.

Обнаруженное в вещах погибшего фото было предъявлено еще одному человеку, работнику прокатной станции. Именно здесь преступник взял напрокат водный мотоцикл, на всей скорости наехал на Тертычного, который не предвидел надвигающейся на него опасности и вольготно раскачивался на волнах, лежа на спине. После преступления

нарушитель скрылся. Брошенный водный мотоцикл был обнаружен позже неподалеку от пляжа.

Работник прокатной станции, мужчина южных кровей, низкорослый, сильно загорелый, заявил, причем почти без акцента, что на фото именно тот мужчина, который взял у него водный мотоцикл. Отличие в одном – у мужчины были усы, у человека на фото усы отсутствовали. Паспорта с собой у мужчины не было, он оставил в залог мужской перстень-печатку, из золота. Других ценностей при себе не имелось, а погонять по водным гладям очень хотелось. Снял со среднего пальца перстень-печатку, из золота, и оставил в залог. Невооруженным глазом было видно, что перстень не представляет никакой ценности – булат. Но кавказец купился на изделие из булата, потому как не был специалистом. Одно успокоило – водный мотоцикл ему вернут после следственных мероприятий.

Следственные органы курортного городка послали запрос по месту жительства Тертычного, приложив фотографию неизвестного.

Неизвестным оказался... сосед погибшего – Степан Сергеевич Ефремушкин.

Как выяснилось позже, Ефремушкин по подложным документам взял в аренду автомобиль и отправился в курортный городок, где отдыхал его сосед Тертычный, к которому он испытывал неприязненные чувства.

Камера видеонаблюдения зафиксировала, как Ефремушкин на арендном автомобиле с панорамным лобовым стеклом покидает город на рассвете. Поздним вечером он прибыл на место. Найти на небольшом пляже нужного человека - Егора Тертычного - ему не составило труда. Он проследил за Тертычным, выяснил, где он остановился.

Когда Тертычный отсутствовал в частной гостинице, туда заявился Ефремушкин, «приукрасив» себя усами – для конспирации. Зачем он приходил, зачем «светился» перед хозяйкой гостиницы и интересовался постояльцем, осталось невыясненным. Но уже на следующий день он взял напрокат водный мотоцикл и совершил наезд на Тертычного, в результате наезда Тертычный скончался.

Обо всем этом поведал Степану Ефремушкину следователь Азарх. Степан слушал заворуженно, как будто Азарх рассказывал фантастическую историю с неожиданным концом. Именно фантастической она для Степана и была. Только точку в рассказе ставит никак не хотелось.

Видимо, у подследственного был такой блаженно-придурашливый вид, что Азарх, после взятой паузы, решил пояснить:

- Вы, Степан Сергеевич, специально укрылись на даче, чтобы тайно покинуть город. И ненастье сыграло вам на руку... - Далее пошло повторение уже сказанного. Итогом послужили следующие слова, - я понимаю, какие вы испытывали чувства к погибшему, но это не значит, что вы имели право совершить самосуд.

Из всего повествования следователя Степан отреагировал на начальную фразу, четко выговорив:

- Я никуда не уезжал, я не покидал пределов дачного участка. – Он постепенно возвращался в действительность.

Азарх выразительно хмыкнул. Степан скривился, словно его обозвали грубым словом. Он продолжал гнуть свою линию:

- Я даже в магазин не выходил – шел дождь, а продукты у меня еще были.

- Ненастье, ненастье, ненастье, - барабанил пальцами по столу, озадаченно проговорил Азарх. На первый взгляд казалось, что бормотание к делу не относится, на самом деле, напоминал о природном явлении, не абы каком – обычном, пусть не ограничившимся парой-тройкой деньков, которое, как он сказал ранее, тоже сыграло на руку подозреваемому.

При этом Азарх одарил Ефремушкина завистливым взглядом, как показалось самому Степану: везет же некоторым – даже природа на их стороне! А что делать простым смертным? Только и остается, что заниматься обычной рутинной работой.

- Я никуда не уезжал, - с завидным упорством повторил Ефремушкин, закипая от возмущения: нашел кому завидовать!

- У вас есть свидетели? – вклинился с вопросом «дядя Максим», добряк из добряков, который ждет помощи от человека, который подозревается в преступлении, и все с одной целью - чтобы снять с него все подозрения.

- Свидетели? Вряд ли. Соседи разъехались... Один сосед остался, но он был в другом мире, в мире своего романа, очередного шедевра. Он писатель, когда работает ничего и никого не замечает вокруг.

- Оказывается, замечает. Это же он выступил со всей революционной решимостью в вашу защиту?

- Не думаю, что его революционная решимость как-то мне поможет, - вздохнул Степан и обреченно повторил, - хотите – верьте, хотите – нет, но я пределов дачного поселка не покидал.

Следователь предъявил ему снимок отвратительного качества. Несмотря на отвратительное качество, Степан увидел на снимке себя за рулем автомобиля с панорамным лобовым стеклом, якобы взятым им в аренду по подложным документам.

- Это не я, - парировал Ефремушкин, - но надо признать, этот человек очень на меня похож. Вот только усы. У меня усов нет. - И зачем-то дотронулся к месту над губой, где у мужчин обычно бывают усы – решил проверить, на всякий случай. Степан уже ни в чем был не уверен. Вдруг у него провалы в памяти? Но в любом случае, надо за себя сражаться.

- Не удалось кардинально изменить внешность, гражданин Ефремушкин, - вставил Азарх, заметив ошарашенное удивление на его лице и странный проверяющий жест.

- Это не я, - без прежней уверенности произнес Степан, сообразив, что доказать свою невиновность ему будет крайне сложно. Все же решил «ухватиться за соломинку», - я вот что не могу понять: первое – зачем арендовать автомобиль с панорамным лобовым стеклом, где водитель виден как на ладони - инкогнито сохранить проблематично. Второе - зачем Егор хранил мою фотографию? Я ни его любимая девушка и ни его родная мать. Я ему никто. Третье – зачем человек, похожий на меня, приходил в гостиницу? Еще бы повесил на грудь табличку на грудь с надписью: я - такой-то такой-то хочу убить - такого-то такого-то. С указанием даты и времени. И четвертое – кавказец, работник прокатной станции, видел того человека, который арендовал водный мотоцикл, и опознал в нем меня по предъявленному фото. Причем человек, похожий на меня, никакого документа в залог не оставил, сунул «драгоценный» перстень-печатку. Раз авто был арендован по липовому паспорту, почему по этому же документу нельзя было взять водный мотоцикл напрокат? А?

- У вас есть ответ?

- Только один – чтобы никто не догадался. – Степан решил пошутить, чтобы окончательно не сойти с ума от этих загадок. Вспомнил фразу из фильма «Операция «Ы».

- И все же? – не принял шутки Азарх.

- У меняяя, - напряженно протянул Степан, - у меня есть один ответ и этот ответ касается фотографии, обнаруженной в вещах Тертычного: Егор вещал мой портрет на стену и бросал в него дротики. Раз следов от дротиков на фото нет, то мое предположение ошибочно. Других соображений по поводу портретного фото у меня нет. Что касается других вопросов, то могу сказать одно – это подстава, извините за жаргон. Но других слов я подобрать не могу.

- Знаете, Степан Сергеевич, некоторые люди, предчувствуя свою скорую гибель, оставляют записку поясняющего содержания...

- Да-да, в моей смерти прошу винить...

- Егор догадывался, что вы подозреваете его в причастности к гибели вашей матери. И просто так это дело без последствий не оставите. Он носил с собой вашу фотографию именно в этих целях.

- Максим Гаврилович, вы сами в ЭТО верите? Вы, человек с богатым опытом в делах сыска? Верите? Если верите, то я вас ошибался.
- Ваше мнение обо мне меня мало интересует, думайте, что хотите, я как-нибудь переживу. Я не гадаю на кофейной гуще, я руководствуюсь фактами. А факты говорят, что вы замазаны в этом деле по самое не хочу... Уж, извините за нелитературность.
- Вы... в... это... верите? Вы... верите... в... мою... виновность? – с паузами спросил Степан, задыхаясь от возмущения.
- Повторяю – я не гадаю на ромашке, не гадаю на кофейной гуще, не пользуюсь картами таро.
- Я могу... как-то... снять с себя обвинения? Что я должен для этого сделать? Максим Гаврилович!
- Вы должны помочь мне доказать свою невиновность, правдиво ответить на все мои вопросы. Досконально вспомнить все дни, проведенные на даче. Кто, кроме писателя, погруженного в свой мир, может подтвердить ваше алиби?
- Я с ни с кем не встречался, ни с кем не разговаривал. Ко мне никто не приезжал, все дороги развезло. Мне удивительно, что вы смогли добраться до моей дачи... Максим Гаврилович, вы же знаете, что я не убивал Егора! Да, я его не любил, да, я считал его подозревал его причастным к отравлению моей матери, но единственное, что я мог сделать – это проследить за ним, чтобы выявить его контакты. Но я не успел ничего сделать. Я недавно выписался из больницы. Сначала был дома, потом перебрался на дачу. Со мной хотела ехать тетя Зина Крашенинникова, но в последний момент передумала.
- Хотела ехать с вами, а потом передумала, - повторил Азарх последнюю фразу.
- Накануне тетя Зина пришла ко мне и сообщила, что ее внучатый племянник уезжает отдыхать. Я заинтересовался, откуда Егор взял деньги на поездку на море? Он постоянно был «на мели», клянчил деньги у тети Зины. На этот раз она не спонсировала его поездку на море. Егор ей сказал, что деньги ему прислала мать. По моей просьбе тетя Зина позвонила матери Егора, своей племяннице. Та сказала, что никаких денег сыну не присылала. Что получается? Что Егор получил деньги за оказанную услугу? Получается так? Но он был опасен для преступника, он был свидетелем и одновременно соучастником. Впоследствии мог стать шантажистом. Преступник решил его устранить, приняв мой облик.
- Вы сами в это верите?
- Только и остается, как верить в эту... фантастическую версию.
- Степан Сергеевич, вы спрашивали, что делать? У меня есть предложение. Фотография это одно, а сам человек это другое.
- Я пока вас не понимаю.
- Мы отправимся с вами с южный городок, где погиб Егор Тертычный, для проведения опознания.
- Я согласен.
- Ваше согласие мне не требуется. И я делаю это не ради вас и не ради моей старой знакомой, которая не дает мне вздохнуть спокойно, доказывая вашу невиновность, я делаю это ради справедливости. Не скрою, ваш сосед, тот самый писатель, который живет в своем мире, подтвердил, что вы постоянно находились в своем дачном доме, у него на глазах, лежали на диване с книжкой. Но его словам мало веры – он видел вас издалека.
- Сомневаетесь, что это был я? Не сомневайтесь, это был именно я...

Всю дорогу до курортного городка Степан Ефремушкин размышлял о раздвоение личности, вспоминал известные факты, примерял их к себе. В итоге окончательно запутался, но не расстался с уверенностью в своей непричастности к убийству Егора Тертычного.

Въехав в город, заполненный полуголыми туристами, они направились к отделению полиции. Степан остался в коридоре, темном и пыльном, сидел на облезлой скамейке и

пытался ни о чем не думать. Рядом с ним постоянно находился полицейский. Азарх засел в кабинете следователя.

Вскоре в кабинет завели Ефремушкина. Кроме незнакомого мужчины средних лет и Азарха в кабинете находились еще двое мужчин, отдаленно похожих на Ефремушкина.

Степана и двух его «двойников» выстроили в ряд и приказали не издавать ни звука во время опознания. Потом зашли еще двое, женщина и мужчина, как оказалось, - понятые.

Затем появилась говорливая особа, средней упитанности, среднего роста, в пестром сарафане и вороньим гнездом на голове.

Следователь ее быстро приструнил, особа прервала поток красноречия, который заключался в том, что «столько разной нечисти в городе развелось, что и ходить опасно в дневное время...»

После чего опознание подозреваемого пошло в нужном направлении. Особе предложили указать человека, который приходил в гостиницу и интересовался ее постояльцем Егором Тертыхным. Если он здесь присутствует, конечно.

Особа присмотрелась и тотчас указала на Ефремушкина, добавив:

- Только у него тогда были усы.

- Так и занесем в протокол, - повеселел незнакомый следователь.

После говорливой особы в кабинет зашел низкорослый кавказец. Процедура повторилась – ему предложили указать человека, который взял напрокат водный мотоцикл. В отличие от говорливой особы кавказец подолгу останавливал взгляд на каждом из трех мужчин, стоящих в ряд.

- Я могу подойти ближе? – почти без акцента, только вместо «ближе» сказал «блыже», спросил он.

Ему позволили подойти ближе. Он приблизился к каждому, взгляделся в лица, трижды приподнялся на носки, по непонятной причине, после чего заявил:

- Того человека среди этих мужчин нет.

- Вы уверены? Вы ничего не путаете? – с недовольством поинтересовался чужой следователь. Азарх оставался безучастным.

- Точно вам говорю – его здесь нэт. Тот был повыше этих. – И показал, насколько выше – почти на полголовы выше Степана, на голову выше него самого. – У меня рост маленький, я комплЭксую из-за своего роста, - признался он, кося глазом на единственную присутствующую здесь женщину, из понятых. – Кто-то обращает внимание на лицо, кто-то на походку, кто-то на голос, я – на рост человека. Поэтому уверенно говорю – тот человек был выше этих троих. Вот этот мужчина, - кавказец указал на Степана, - похож на преступника, но это не он. Тот был выше. Точно вам говорю.

- Мы уже поняли.

В кабинет неожиданно ворвалась говорливая особа.

- Товарищ следователь, - заверещала она, - я не хочу огульно обвинять невиновного человека. Я ведь сначала подумала, что это он, потом вышла из участка, посидела на скамейке и решила – все-таки, это не он. И сейчас скажу, почему я так решила. Помните, что говорили об актере Боярском на пике его популярности? - Ответ ей был не нужен, она защебетала дальше без остановки. - О нем, о Михаиле Боярском, тогда много разных сплетен ходило. И не мудрено – об известных личностях всякое судачат. Даже говорили, что у него, у Боярского, была заячья губа, он сделал себе пластическую операцию, шрам от операции остался, поэтому он носит пышные усы. Помните?

- Это к делу не относится, - процедил сквозь зубы чужой следователь.

- Как же, не относится! Очень даже относится! У того, который ко мне приходил и про Егора спрашивал, тоже были усы, роскошные такие, как у Боярского в молодости, и усы эти закрывали всю верхнюю губу. Когда он зашел в мой двор, я за столом сидела, чай пила, с постояльцами общалась. Сразу ему заявила, что свободных мест в моей гостинице нет. А он говорит: «Можно вас на два слова?» Я подумала, что он чей-то муж, выследил свою

супругу, укатившую на отдых с любовником, и сейчас начнется «буря в пустыне». У меня как раз жила одна дамочка якобы с мужем. Но я-то сразу скумекала – не муж он ей вовсе.

- Ближе к делу.

- Лампочка Ильича, что подвешена у меня во дворе, под плетущимся виноградом, дает плохое освещение, но зрение у меня... на зависть врагам. И вот когда я поднималась со стула, то успела хорошенько рассмотреть его лицо, особенно губы, именно верхнюю губу, что под роскошными усами. И мне показалось, что на верхней губе, прикрытой усами, имеется небольшой шрам. Еле заметный. Но у меня зрениееее, - затянула она, – врагам на зависть.

- Сами придумали или надоумил кто? – жестко спросил следователь.

- А меня надоумливать не надо, сами с усами. Это так, к слову пришлось. Так что могу вам сказать со всей моей ответственностью, что этот самый человек, на которого я первый раз указала, совсем не тот, что приходил ко мне в гостиницу. Ты, гражданин, извини, - обратилась она к Степану, - ошибочка вышла.

- С кем не бывает, - вырвалось у него.

- У меня глаз – алмаз, я раньше на мясокомбинате работала, в охране, мимо меня и мышь не проскочит, - зачем-то призналась говорливая особа. Она подлетела к Степану и неожиданно дернула его за волосы. – Свои, - обрадовалась она, - а у того, который ко мне приходил, как мне показалось, был парик. Говорю же – глаз–алмаз. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. – Снова всмотрелась в лицо Ефремушкина и протянула, - но до чего похож! – И восторженно покачала головой...

Чтобы в очередной раз не получить «день сурка»: покинуть казенное заведение поздним вечером, прийти домой и получить удар по голове, Степан Ефремушкин предпочел «выйти на свободу с чистой совестью» поутру.

Ночью опять лил дождь, дождю подвывал ветер, на рассвете принялась разоряться ворона, возможно, кому-то доказывала, что ей глубоко фиолетово на всё, включая непогоду. Так почему-то подумал Степан, не сомкнувший за ночь глаз. Но чувствовал он себя прекрасно, только ноги были ватными, занемевшими, как будто он их отсидел. Но все равно ноги резво понесли его в направлении родного дома. Но прежде Степка поозирался по сторонам, выискивая подругу Светку с хлебным караваем - для торжественной встречи. Ни Светки, ни каравая не наблюдалось, что заставило грустить.

Ефремушкину не нужны торжественные встречи, напыщенные речи – ему хочется с кем-то поговорить, услышать ласковое слово. Если уж совсем по-честному – не хотелось возвращаться в квартиру одному. Не сказать, что боязнь подкралась. Просто не хочется. К тому же тетя Зина еще не вернулась от племянницы. И неизвестно, когда вернется. Со слов всезнающей Светки - решила еще погостить, поддержать убитую горем мать. Какими бы ни были отношения матери и сына, но вот пришла беда, и мать поняла, что для нее значил сын.

Раздумывая над сюрпризами жизни, Степан не заметил, как налетел на пешехода. Для пешехода его «налет», что таран бульдозера неким насекомым, нечувствительно, ввиду разницы веса и габаритных размеров. Но Степка вежливо извинился, толком не рассмотрев пешехода. Пешеход пробасил в ответ: «Бывает».

Степан Сергеевич пошел своей дорогой, да недалече ушел.

- Степка?! Ефремушкин?! Ты?! – вновь пробасил все тот же голос.

Степан Сергеевич крутанулся на каблуках, пронзил мужика взглядом и тут же расплылся в улыбке:

- Димон! Комелюк!

Старинные приятели обнялись, похлопали друг друга по плечам.

- Димон, пошли ко мне, посидим, поболтаем, нам есть что вспомнить.

- Как-нибудь в другой раз, у меня дела, - с грустью ответил друг детства.

- Я могу чем-нибудь помочь? Ты давно...
- Откинулся? – усмехнулся Дмитрий, не услышав от приятеля продолжения. – Недавно. Заходил к участковому, отметить и... так, для беседы. Надо устраиваться на работу, а с этим у меня проблемка – не хотят брать на работу бывшего зэка.
- Мне надо подумать, может быть...
- Степ, я сам разберусь. И наш участковый поможет, он мужик хороший. Предложил пойти в психушку. В психиатрическую лечебницу. Там рабочие руки нужны. А что? Я согласен. Иной раз психи лучше нормальных людей. Я прав?
- Бесспорно. Дим, ты торопишься?
- Есть острое желание поговорить? Хочешь, пойдём со мной. Здесь недалеко. По пути и поговорим.
- Пойдем, - обрадовался Ефремушкин, даже не спросив, куда именно они направляются... Путь оказался недолгим. Вскоре приятели оказались у детского сада. Веселенькое двухэтажное здание, высокая ограда из металлических прутьев, калитка с кодовым замком, деревья, игровые площадки, беседки.
- Степан думал, что они пройдут внутрь, но Димон повел его вдоль ограды, предварительно махнув рукой – предложил следовать за ним. Болтающий без умолку Степан тут же прикусил язык, осознав важность ситуации. Они прошли по периметру детского сада, после чего Комелюк заявил:
- Надо подождать.
- Будем ждать, - брякнул Степан, но быстро опомнился, - Димка, ты... это... как бы выразиться, чтобы тебя не обидеть... Ничего не замышляешь? Тебе очередной срок не нужен, Дим.
- Свихнулся, что ли? Я хочу на дочку посмотреть. Их группу скоро выведут на прогулку.
- На дочкууу? У тебя разве есть дочь?
- Есть! – гордо произнес отец. – Правда, ее мамаша, моя бывшая, лишила меня родительских прав. Я ее не осуждаю. Ее новый муж удочерил Машеньку. Но по факту она мне дочь. Дочь?
- Дочь, - кивнул Ефремушкин, слегка ошарашенный новостью.
- Я ни на что не претендую. Постою в сторонке, посмотрю на нее, полюбуюсь, этого мне достаточно. Она ведь меня совсем не помнит... И не надо. Зачем ей такой отец.
- Вырастет твоя Машенька, ты ей всё объяснишь.
- Так и сделаю... Степ, вон их группа вышла на прогулку. А вон и моя Машенька.
- Которая?
- Вон та, кучеряшка, - расцвел отец.
- Так она у тебя совсем взрослая. Сколько ей?
- На следующий год пойдет в школу...
- Граждане, вы что здесь делаете? – вклинился в мужской разговор суровый женский голос. Мужчины так увлеклись наблюдением за Машей-кучеряшей, что не заметили, как с другой стороны забора к ним подобралась девушка. Так поначалу решил Степка, но приглядевшись, понял – девушка только выглядит пацанкой, на самом деле, ей за тридцать. Очень миленькая коротко стриженная брюнетка с большими серо-голубыми глазами.
- Мне вызвать полицию? – продолжала стращать граждан миловидная особа пацанистого вида.
- Зачем сразу полицию? – удивился Ефремушкин. – Мы ничего предосудительного не делаем, просто стоим и разговариваем.
- Найдите другое место для разговоров. Здесь дошкольное учреждение, здесь дети, и я попрошу вас удалиться.
- Как вас зовут? – заинтересовался Степан, решив сплести хитроумную ложь про собственного ребенка, которому он подбирает дошкольное учреждение.
- Я заведующая детским садом, меня зовут Нина Петровна Алейникова.
- Как, простите?

- Вы глуховаты? Или у меня дикция не четкая?
- Я глуховат, - тут же нашелся Степан.
- Нина Петровна Алейникова, - четко выговаривая слова, повторилась женщина-пацанка, которая нравилась Степке все больше и больше.
- Вы приходите сестрой Петру Алейникову?
- Вы знакомы с моим братом? - опешила Нина.
- Не так чтобы... Больше с его невестой, со Светланой Куролес. Она моя подруга детства. И вот этот мужчина, - он указал на стоящего рядом Комелюка, - тоже мой друг детства, следовательно, и Светлане тоже друг.
- Дмитрий, - на всякий случай назвал себя Димон Комелюк.
- А вас как зовут, друг детства невесты моего брата? – усмехнулась Нина.
- Степан Ефремушкин. – Заметил на ее лице удивление со смущением, добавил, - да, то самый.
- Может быть, пройдем ко мне в кабинет? – предложила завдетсадом.
Мужчины переглянулись.
- Спасибо, в другой раз, мы спешим, - заторопился Димон. Он не собирался посвящать женщину в свои проблемы, а пришлось бы, задав она вопрос о причинах их «стояния на Угре».
- Димон отошел в сторонку - тактичный, наблюдательный и сообразительный. Степан, совсем не умеющий правильно ухаживать за женщинами, начал нести всякую чушь – если бы он раньше знал... Нина тотчас его перебила:
- Степан, запишите номер моего телефона. Если захотите, позвоните.
- Спасибо... Я обязательно...

Друзья заглянули в продуктовый магазин, затем направились к дому Ефремушкина.

Во дворе маячила знакомая фигура. Завидев их, фигура сразу набросилась со словами:

- Где тебя носит, Степка?! Я примчалась к Азарху с требованием «свободы попугаю», а он и говорит, нет твоего друга, он давно уже дома. Я сюда. Звоню, звоню, без результата. Так где тебя носит, друг ситцевый?!
- Светка, посмотри, кого я привел.
- Только сейчас Светка обратила внимания на человека, стоящего рядом с Ефремушкиным. Сначала хмурилась – копалась в памяти, потом ее лицо осветилось.
- Димон! Дружище!
- Светка!

Начались объятия с братанием. Потом троица переместилась в квартиру Степана.

- Где твой Петя? – поинтересовался Степан, чтобы перейти к важной новости дня.
- Где-где, на работе, - пробурчала Светлана, как будто ее жених целыми днями лодырничает и тунеядствует.
- Теперь Степан Сергеевич решил - уже можно! И обстоятельно поведал о встрече с Ниной Петровной Алейниковой. Хватило трех минут.
- Втюрился? – обратилась Света с вопросом ни к самому втюрившемуся, а к Димону.
- Как пить дать, - скоро отреагировал Димон. – Ты бы видела, как он пожирал ее глазами.
- Нинка очень хорошая женщина, во всех отношениях. Мой жених, Петя, ее брат, они с Ниной двойняшки, - пояснила она Димону. Но вызвала удивление у Степана.
- Двойняшки, - протянул он, - впервые об этом слышу. Почему ты мне раньше не говорила?
- Это что-то бы изменило? Кстати, ты и имени ее не знал. Я никогда его не называла, потому что боялась твоей неправильной реакции, - призналась Куролес.
- Брось ты, - отмахнулся Степка. – Что ж мне теперь всех Нин десятой дорогой обходить.
- Да, было времечко, - с ностальгией вздохнул Димон. – Жаль, вернуть его нельзя. Глядишь, моя жизнь сложилась бы по-другому.

- Ребята, я хочу вам кое-что рассказать. Сейчас Димка вспомнил прошлое, которое, увы, не поддается сослагательному наклонению, и я кое-что вспомнила.

- Светка, не делай такое лицо, как будто ты увидела привидение. А то нам с Димкой уже страшно. Да, Димон?

- Когда я вижу эти полные ужаса глаза, мне всегда страшно, - без улыбки поддержал друга Комелюк.

- Мне не до смеха. Я хочу вам рассказать один странный сон.

- Про бабушку-колдунью из деревни Чубликово? - взвыл Степан.

- Ты сначала послушай, а потом будешь развлекаться...

- Что так прям и сказала - все в твоих руках? Ты можешь? – спросил Ефремушкин, выслушав рассказ Светланы о ее странном видении с участием девочки Нине, вещуньи.

- Так и сказала.

- А мне надо серьезно подходить к выбору спутницы жизни, - констатировал Димон. – Где раньше была твоя девочка Нина!

-- Наверное, всему свое время, - подумав, предположила Светка. – Она как бы тебя предупредила. Через меня. На будущее. Если ты снова надумаешь жениться, то надо учесть прошлые ошибки.

- Кому я нужен? Зэк.

- Был зэк, теперь станешь нормальным человеком. Устроишься на работу. Заживешь... Было бы желание всё изменить, - высказался Степан и спохватился, - Димон, может, тебе жить негде, так живи у меня. Сколько хочешь, столько и живи.

- Нет, спасибо, у меня есть, где жить.

Они помолчали, думая об одном и том же.

- Получается, Нина предупредила тебя о смерти Дюши? – спросил Комелюк Светлану.

- Не совсем предупредила. Но этот сон мне привиделся как раз в ту ночь, когда скончался наш бедный Дюша, - печально вздохнула она. – Представляете, и про Веньку она все верно сказала. Как это объяснить, сама не пойму. Столько лет прошло, и ни разу мне не снилась девочка Нина. И вдруг... Почему?

- Не все в этой жизни поддается объяснению, - глубокомысленно изрек Степан Сергеевич.

Фраза неожиданно вырвалась у Степана. Если бы он только мог предположить, что совсем скоро с ним начнут происходить очень странные вещи, разобраться в которых ему будет весьма сложно...

Но Нина сказала – он всё сможет!

Где взять силы?

А один в поле разве воин?..

Светка предложила Степану перевезти его на дачу, но он отказался. И по неизвестной причине обиделся, как будто его отправляли на необитаемый остров на неопределенное время. Возможно, до конца дней. Светка засуетилась, принялась расшаркиваться, лебезить, отчего сильно злилась на себя – ну, не виновата она ни в чем, в самом деле! Хотела как лучше, а получилась как получилось.

- Забыли! – пресек «хороводы вокруг себя» Степан. – Но на дачу я все равно не поеду.

- Не хочешь – не надо, - передернула плечами подруга. – Чем думаешь заняться?

- Писать научные статьи в научные журналы, - с едва заметным высокомерием произнес Ефремушкин, при этом сомневаясь, что будет писать. Леня матушка впила в него клещами, трудиться совсем не хотелось. Но в городской квартире будет другая леня, не та леня, что на даче - не диванная с чтением по сто раз читанной-перечитанной литературы.

Поленится немного, потом ему надоест и примется на научные статьи.

Светка еще посидела какое-то время, пощebetала, постоянно поглядывая на часы.

- Если ты торопишься, то я тебя не держу, мне массовики-затейники не нужны, - брякнул Степка. Он еще дулся на нее. Тут же извинился за грубость и поинтересовался, - к Петечке

торопишься? – Вышло язвительно. Но Светка не обратила внимание на язвительность, отреагировала на вопрос:

- У меня назначена встреча. Деловая. Надо с клиентом встретиться. – Она засуетилась, заторопилась, наскоро чмокнула друга в небитую щеку и испарилась.

- Странная женщина, странная, - пропел Степан, стоя у окна и провожая взглядом Светлану, ускоренным шагом пересекающую двор. Она почувствовала его взгляд, повернула голову, увидела его и помахала рукой. Степка помахал в ответ и пробубнил себе под нос, - странная женщина. И ведет себя очень подозрительно. Ну, и ладно, она девочка взрослая, пусть сама разбирается со своими... клиентами.

Лениться передумал, весь вечер разгребал завалы на антресоли. Что-то напевал, в основном минорные мотивы. Быстро выдохся, но довел дело до конца, знал, если бросит на полдороге, то больше к разбору завалов не вернется. Когда стемнело, сделал несколько ходок к мусорным контейнерам – столько скопилось ненужного барахла на антресоли. Теперь Степан понял, как он будет «лениться» до самого начала учебного года – избавляться от ненужного хлама.

Перед сном хотел выпить какого-нибудь легкого снотворного, типа валерианы вечерней в таблетках, из материнских запасов, но передумал: все-таки не нервическая дамочка, которая без «дозы» уснуть не может. Мужик, молодой, пусть с черепно-мозговой травмой, пусть перенесший испытания, потери... Негоже...

С этими мыслями и уснул, едва голова коснулась подушки.

Степану приснилась девочка, похожая на Машу-кучеряшу, маленькую дочку Димона Комелюка. Но он знал, что эту девочку зовут иначе. Девочка качалась на веревочных качелях, рядом с ней стояла Нина Петровна Алейникова и загадочно улыбалась. Он ждал, что девочка или Нина что-то ему скажут, но обе молчали. Девочка каталась на качелях, качели скрипели, громко, монотонно и противно. Нина улыбалась. И все.

Степан устал ждать и проснулся. За окном была темная ночь с добавлением унылой серости. Степка пошел на кухню, налил воды в стакан и со стаканом в руках замер у окна. На душе было тревожно. Степану не хватало воздуха. Он распахнул окно и стал глубоко вдыхать влажный тяжелый воздух. Ему казалось, что при каждом вздохе он надувается как воздушный шар. Еще немного и взлетит ввысь. Туда, в небо, серо-темное, беззвездное, несказочное, пугающее. Похожее на воронку, которая затягивает всё живое.

Всё живое. А он, Степан Сергеевич Ефремушкин, жив? Он живой человек? Или живой труп? Скорее, полуживой человек, который вышел из тьмы и начал движение в сторону света. Из минуса в плюс. Благодаря милой коротко стриженной брюнетке по имени Нина. Само ее появление в жизни Степана стало толчком к движению. Степану захотелось захотеть жить.

Вдруг задул ветер, бросив занавеску Степану в лицо. По карнизу забарабанил дождь – привычное дело.

Степан очнулся от дум, закрыл окно, открыл холодильник, что-то изучил в нем, закрыл, зевнул и направился в спальню, оставив на столе стакан воды.

Немного поворочался, засыпая, расслышал как кто-то скребется. Прислушался, без всякого напряжения, потому как засыпал и мечтал увидеть во сне продолжение про девочку на качелях и Нину. Нет, никто не скребется. В их доме отродясь не было мышей, вообще, не было никаких грызунов и насекомых.

Это дождь. У дождя странный звук, - решил для себя Ефремушкин.

Звук повторился. И усилился.

- Я хочу спать, - прошептал Степан, заныривая головой под подушку. – Я буду спать, и никто мне не помешает. Никто-никто... Никто-никто.

Он погрузился в сон. Теперь он не слышал никаких звуков...

Следующий день прошел по плану, в трудах и заботах. О еде Степан не забывал, что-то готовил себе на скорую руку. К вечеру так вымотался и устал, как будто не физически работал, а подвергался пыткам.

Степан принял душ, выпил чаю с пряниками, растянулся на кровати с научным журналом в руках. Очень быстро журнал выпал и рук, Степка засопел.

Первая фаза глубокого сна прошла, сквозь сон до Степкиного восприятия добрались вчерашние шаркающе-скребущие звуки. Звуки усиливались, забирали остатки сна. Теперь Степан мог слышать не только «мышиную возню», но, что самое удивительно, голоса.

Степан точно знал, что в квартире он один. Откуда взялись голоса?

Степан непроизвольно прислушался.

Один голос нашептывал: «Его надо казнить». Другой спорил: «Если он сможет жить после всего того, что он натворил, пусть живет». Однообразный спор продолжался достаточно долго. Степан затыкал уши, накрывался покрывалом с головой, привычно прятал голову под подушкой. И боялся признаться себе, что хочет узнать, чего же такого ужасного он натворил. Он был уверен, что речь идет о нем.

Надо бы спросить. У кого? У голосов, поселившихся в его голове? Если они там поселились, то нет смысла затыкать уши, накрываться, прятаться.

Но как-то надо от них, от голосов этих, избавиться. Как? Как, если они в твоей голове? Избавиться от головы?

Нет, все-таки голоса звучат в пространстве квартиры. Значит, можно... спрятаться, закрыться. Можно найти беруши и заткнуть ими уши. Все дела. Легко и просто. Но для этого надо встать с кровати, дойти до комода, открыть верхний ящик. В верхнем ящике лежит коробка с берушами для сна – чтобы никто не мешал, чтобы никто не тревожил разговорами.

Но простое движение – подъем с кровати и передвижение к комоду были для Степана не легче, чем переход через Альпы.

Он не нашел ничего лучше, как замычать. Тихо и протяжно.

Степан, урбанист, не знал, как мычат чем-то встревоженные коровы, и, вообще, бывают ли они встревоженными, но ему казалось, что именно так – тихо и протяжно – они мычат, когда чем-то озабочены. Коровы – озабочены? Смешно.

Он еще помычал – тихо и протяжно. За мычанием ему было не слышно спорящих голосов, бубнивших одно и то же, не переставая.

Степан включился во «встревоженность», коровью, и с легкостью отключился от внешних звуков. Мычание стало чаще-прерывистым, паузы удлинились. В голове мелькнула мысль: хорошо, что меня не видит Нина. И не слышит...

Утром Ефремушкин позвонил Светке Куролес и заявил, что передумал – он хочет уехать на дачу. Мог бы поехать на электричке, но почему-то хочет добраться с комфортом, на машине Петра Алейникова.

Степан боялся признаться даже себе, что о комфорте он думает в последнюю очередь – он боится наступления ночи. Он постоянно думает о ТЕХ ДВОИХ, с голосами, которые не последуют за ним только в том случае, если рядом будут друзья. Друг. Светка.

- Не думаю, что это хорошая затея, - неожиданно заявила друг-Светка, хотя, еще недавно предлагала ему поездку на дачу.

- Ты имеешь ввиду ночной ливень: мы туда не проедем по бездорожью? – уточнил Степан.

- Здесь не было никакого ливня.

- Где это – здесь? Ты... что? Ты... на даче? У меня на даче?

- Ты обалдел, Ефремушкин! - испуганно заверещала Куролес и отключилась.

- Очень интересно, - проговорил Степан в пустоту, мгновенно успокаиваясь. – Однако, прокололась ты, моя милая... На даче! Ха! Ну, и дела-делишки... Там не было ливня. Ха! И еще раз «ха»! Ну, и Светка. То-то я смотрю, ты, Светочка, о Петечке говоришь вскользь, как бы между делом. Никогда с ним не приезжаешь. И что выходит? А то и выходит, что... люди встречаются, люди влюбляются, иногда женятся.

Помянув Петра Алейникова, Степан невольно вспомнил о его сестре-двойняшке, о Нине. Невольно. Как бы не так: о ней, о Нине, он вспоминал все последние дни. Даже ночью ему приснилась. Пусть один раз, но приснилась. И девочка на качелях. Что за девочка?

О чем он думает. О ком? Когда у него ТАКАЯ проблема! Го-ло-са!

Хотелось поразмышлять на тему: сошел ли он с ума окончательно: уже разные голоса мерещатся – мерещатся, ключевое слово! - или не сошел, это всего лишь слуховые галлюцинации, вызванные непогодой?

Что хотел услышать, то и услышал.

Что он хотел услышать? Что он в чем-то виновен? И будет с ЭТИМ жить?

Или его надо казнить? Без суда и следствия?

Те двое знают больше, чем он.

Долгое время Ефремушкин раздумывал, не он ли совершил преступление, отравил свою мать, пусть не предумышленно. Действовал на подсознании.

А потом, так же на подсознании, разработал план устранения Скворечника. Разработал и привел в исполнение.

Если в первом случае, еще можно допустить его, так сказать, участие – как ни ужасно это звучит (все-таки, мать, женщина, которая дала ему жизнь), то во втором случае нет никаких сомнений – не разрабатывал, не исполнял – тому есть свидетели.

Куда деть «первый случай»? Никуда его не денешь. Остается принять и сделать пугающий вывод: в нем живут два человека. Один – порядочный ученый, любящий сын, второй – расчетливый убийца собственной матери. Раздвоение личности. Это диагноз. Психическое заболевание.

А те два голоса в его голове, кому принадлежат? Судье и адвокату? Непохоже.

Степан попытался успокоить себя: нельзя делать скоропалительные выводы после единичного случая. Вдруг так «звезды сошлись»? Или обстоятельства сложились?

Сам-то ты в это веришь, Степан Сергеевич? Физик-теоретик или...

- Без всякого «или»! – приказал себе физик-теоретик.

Приказывай, не приказывай, а успокоения как не было, так и нет.

В голове Степана порхала и пугала мысль – а вдруг одной прошлой ночью всё не закончится? Вдруг последует продолжение? А потом еще и еще?

Как обычно бывает в подобных случаях, человек задается вопросом: за что мне это?! Кажется, не заслужил, не за что. Кажется. А на самом деле?

На самом деле, это сумеречное помутнение сознания – вот такой очередной диагноз спонтанно родился в больной голове, в голове после черепно-мозговой травмы.

Раньше Степан думал, что умным быть хорошо, теперь начал в этом сомневаться: меньше знаешь, не выдаешь диагнозы с легкостью плевка.

Что Степану известно о данном психическом заболевании? Только одно – человек способен спонтанно выполнять какие-то действия, не отдавая себе отчета. Причем зачастую эти действия носят деструктивный характер, направленный во вред. Даже себе.

Что бы сказала Светка, если бы Степан поделился с ней своими соображения? Только одно: «Ефремушкин, ты сошел с ума!» И была бы права на все сто: нельзя «чужие» знания постоянно примеривать к себе, профану в вопросах психических заболеваний. Еще возьми медицинский справочник, изучи его от корки до корки и... делай выводы. Как в одном известном литературном произведении Джером К. Джером: нашел у себя все болезни, кроме воспаления коленной чашечки и родильной горячки.

То, что чувство юмора его не оставило, несколько успокоило Степана Сергеевича. Но это не значит, что тревожные мысли отступили.

Опять же благодаря начитанности на ум пришли слова Бернарда Шоу: «Нет ничего чудовищнее того, что мы можем внушить себе сами». Это высказывание тоже выступает за здравый разум Степана: он себе внушает, внушает и внушает. И конца края этому нет.

То, что он занимается неправильным самовнушением – это плохо, то, что понимает, что это плохо – это хорошо. Как-то так.

Где очередной вывод?

Вывод не заставил себя долго ждать.

Дождь. Слуховые галлюцинации. Точка.

Жизнь продолжается.

Как там пела Эдита Пьеха (маме очень нравилась эта певица) в далеких семидесятых, когда Степана на свете не было – а жизнь продолжается, а жизнь продолжается, и каждый из нас – за счастье сражается.

За счастье!

Все в его руках! Он может! - повторяй это как мантру, и все получится.

И не только повторяй, но и что-то предпринимай.

Недолго думая, Степан позвонил Нине Алейниковой и пригласил на свидание...

Погода и на этот раз не порадовала, была «нелетной» для прогулок, мужчина и женщина оказались в небольшом уютном кафе. Посетителей было немного, они выбрали столик у окна, подальше от других людей, как бы отгородившись от всех здоровенной кадкой с раскидистой пальмой. Степану мимолетно показалась, что они на жарком юге, под пальмами. Но погода за окном втолковывала, что всё совсем не так, и пусть нынче август, но он совершенно непохож на летний месяц. За окном «раскинулось море широко» - дождь льет и льет, сливная канализация не справляется, вода стоит и не уходит.

Но «морская» непогода за окном, в кафе сухо и тепло.

Степан больше помалкивал, говорила в основном Нина. Больше рассказывала о своей работе, которую очень любила. Мужчина слушал и думал о своем. Ну, никак не мог избавиться от проблем. От проблемы. Чем ближе подходило время возвращения домой, тем Степан сильнее погружался в себя.

Нина задавала какие-то вопросы, Степан отвечал невпопад.

Потом Степан проводил Нину до дома, пробовал попроситься в гости, но Нина мягко отказала, без всяких объяснений. И не обязана она давать объяснения первому встречному, решил Степан, направляя стопы к собственному дому. Несмотря на отказ, настроение не рухнуло до критически-низких значений: он был рад отказу Нины, она поступила правильно - негоже приводить в дом первого встречного, каковым он пока для нее являлся.

Степан шлепал по лужам, держа над головой зонт. Время от времени убирал зонт в сторону, подставляя лицо под холодные капли дождя и наслаждался. Хорошо. Жизнь продолжается. Он будет сражаться за счастье, не позволит болезни, если она есть, конечно, развиваться.

Нина нравилась ему все больше и больше. Никогда ему никто так не нравился. А, может, это любовь?

Кажется, с таким названием был старый фильм...

Степан напился чаю с печеньем и завалился спать. Хотел почитать научный труд, но где там – хватило на полстраницы.

Его разбудил пилящий звук, как будто кто-то пилил дрова. Скрип его кровати заставил звук смолкнуть. И сразу раздался уже знакомый шепот. ЭТИ ДВОЕ вновь обсуждали, как нужно с НИМ поступить.

Степан не стал затыкать уши, прятать голову под подушку. Он поднялся и обошел всю квартиру, чтобы найти непрошенных гостей.

Гостей не было, голоса продолжали звучать... В его голове?

Когда он снова лег, один голос четко выговорил:

- Он обязан убить себя, другого выхода я не вижу.

- Как он это должен сделать? – заинтересовался другой голос.

- Выбор он должен сделать сам, - ответил первый.

- Я невиновен! – неожиданно выкрикнул Степан. – Я никого не убивал!
- Ты глубоко ошибаешься – ты убил свою мать! – Впервые голос обратился к нему непосредственно. Степана включили в разговор, который до этого был диалогом.
- Убил, убил, убил! – зачастил второй. – Ты убил! Ты убил! – выпалил он. - И теперь ты убьешь себя! Должен, должен, должен!
- Обязан, - подсказал первый. – Тогда мать тебя простит. Она сама об этом тебе скажет, когда вы с ней встретитесь на небесах. Надо... себя... убить.
- Самоубийство? – задался вопросом Степан. – Это неправильно... Я не хочу... Я не могу...
- А убить мать ты смог? – вкрадчиво спросил один из голосов, Степка не разобрал, какой именно.
- Я... нет... я... не убивал... Я любил маму.
- Никого ты и никогда не любил, кроме себя! Ты конченный эгоист!
- И слабак! - подхватил другой. – Ты не найдешь в себе силы поступить по-мужски. Пришло время отвечать за свои деяния.

Чтобы вернуть себя в здоровое русло, Ефремушкин затараторил:

- Я здоров. Я совершенно здоров. Я где-то читал: человеческий мозг – одна из самых непознанных природных систем. И подтверждением тому служит не столько гениальность выдающихся представителей цивилизации, ученых, философов, конструкторов, сколько, напротив, феноменальная сила безумия. Вот был у меня один студент. В те годы я был еще начинающим преподавателем. Этот студент получил черепно-мозговую травму в результате дорожно-транспортного происшествия. Хотел стать физиком, неожиданным образом превратился в эксперта в политико-экономической сфере. При этом страдал манией величия при параноидальной психопатии – распространенный вид помешательства. Или еще один случай. Тоже из студенческо-преподавательской жизни. Девушка. Молодая. Вполне себе ничего. Ее бросил парень. Она хотела покончить с собой. – Степан на пару секунд загнулся, но быстро вернулся к лекции, говорил громко и бойко, чтобы никто не успел его перебить, вставить едкое словцо с пожеланиями и предложениями. Степан сам не мог понять, почему воспоминания, давно позабытые, лезут наружу, выстраиваются в четкую правильную линию. Он знал одно – так надо. Только нельзя молчать, надо говорить, говорит без остановки. ТЕ ДВОЕ устанут и отступят, они поймут, что он нелегкая добыча, просто так он им не дастся, он не позволит руководить собой. - Так вот, девушка хотела покончить с собой, но вовремя вмешалась ее соседка по комнате в студенческом общежитии. Девушку спасли, но произошел надлом. Она стала безучастна ко всему. Затем за ней стали замечать странности: то возомнит себя великой балериной, то монахиней, что девочкой-малолеткой. Личности сменяли друг друга, каждая отличалась мимикой лица, тембром голоса, манерой поведения. В каждом состоянии она была другой. И что в итоге? В итоге девушка загремела в психушку. А все почему? Где «собака зарыта»? В ее неблагополучной семье – отец сильно пил, бил мать, когда та носила под сердцем дочь. Девочка родилась нормальной, потом в ее жизни произошел нервный срыв, в голове что-то щелкнуло и жизнь пошла под откос.

Как ни пытался Ефремушкин вспомнить что-то еще, из своей жизни или из жизни своих знакомых, но на ум ничего не приходило.

Тогда он начал насвистывать мелодию надоевшей за день песни – а жизнь продолжается. При этом наслаждался отсутствием двух голосов, так ему опостылевших. Голосов не было.

А были ли?

Что происходит в голове Степана? Сумеречное помутнение сознания? Его подводят под самоубийство?

И теперь, каждый вечер ему придется «читать лекции» - бла-бла-бла – глупость несусветная! Что вижу, о том и пою. Практически – акын...

Если бы ни встречи с Ниной, Степан точно бы наложил на себя руки. Нина его спасала, сама о том не ведая.

Время шло, ночные уговоры-нападения продолжались. Уже и «лекции» его не спасали от голосов. Степан потерял счет времени. Он вымотался, устал. Сказывался недосып, постоянные волнения, ожидание вечера в пустой(?) квартире.

Нина с участием спрашивала, все ли с ним в порядке. Он отвечал, что переживает. Она была осведомлена обо всех испытаниях, которые ему пришлось пережить. Что-то знала от Светки или брата Петра, что-то от самого Степана. Она ему сочувствовала и помогала как могла. Они перешагнули первичные отношения, переместились на новый уровень отношений. Будущее не обсуждали, но обоим казалось, что всё уже решено, осталось только немного подождать и озвучить.

В начале сентября у Нины был запланирован отпуск. Она звала с собой Степана, но ему предстоял новый учебный год. Хотя на этот раз начало учебного года перенесли на октябрь, всему преподавательскому составу предложили выйти на работу в сентябре, чтобы заняться «бюрократией»: составлением планов, написанием методических пособий и так далее.

У Степана жизнь делилась на две части – дневная, когда он пытался оставаться нормальным человеком, и ночная, когда он ощущал себя умалишенным со всеми вытекающими последствиями. Сам удивлялся, как ему удастся оставаться «на плаву».

В первых числах сентября нагрянула Светка, которую Степан не видел с посиделок на его кухне вместе с Димоном.

- Степка! – с порога взвизгнула она. – Я уезжаю!

- Куда и с кем, позволь спросить?

- Нет, не так, - покачала она головой. – Я неправильно выстроила новости. Новость об отъезде должна быть второй.

- А первая?

- Первая новость – я вышла замуж! – легко и просто сообщила Куролес.

- Уже? Значит, салатики мы не поедим, - показно опечалился Степан.

- Ладно я, женщина, потерявшая голову от любви, но ты, ученый человек, обязан правильно выстраивать диалог. Какой вопрос должен последовать за моим заявлением?

- Салатики мы не поедим, - стоял на своем Степан, прожигая Светку хитрым взглядом.

- Нет, не поешь, - сдалась она, - мы решили не устраивать никому не нужные посиделки с криками и драками.

- Можно без драки.

- Значит, ты не хочешь узнать, за кого я вышла замуж. – У Светки было такое лицо, как будто она выиграла сто миллионов, ни меньше, а приятель хочет всеми правдами и неправдами лишить ее выигрыша.

- За кого, за кого, за Василия Васильевича, конечно, - брякнул он с надменным лицом.

- Это тебе проболтался? Ну, я ему задам!

- Я Васю сто лет не видел. И по телефону с ним не разговаривал. Я сам сложил два и два и получил в итоге четыре.

- Не слепой, однако.

- Точно, зрячий.

- Степка, я очень счастливая! Представляешь, я в него влюбилась с первого взгляда! – призналась Светлана. – Или со второго? Скорее, со второго. Там, у твоего университета, он мне не сильно глянулся. Но чем-то меня Вася все-таки зацепил. Я потом его часто вспоминала. Степ, он такой... Он такой... замечательный. Лучше него нет на всем белом свете!

- Верю. А как же Петя? Мне Нина ничего не говорила. Петя в курсе того, что его невеста вышла замуж за другого?

- Что я совсем... того. – Светка покрутила указательным пальцем у виска. – Петр недостойн того, чтобы играть с ним в кошки-мышки.
- Значит, он в курсе, - подытожил Степка. – И как он воспринял «радостную» весть о том, что его невеста сбежала практически из-под венца.
- Ниоткуда я не сбежала, - отмахнулась Светлана, по-прежнему продолжая лучиться счастьем, в связи с чем, все другие люди, ее окружающие, тоже обязаны лучиться, светиться, ни в коем случае не грустить, понимать и принимать ее выбор. В том числе и Петр Алейников.
- И все же? Петр жив-здоров?
- Он адекватный человек. Он мужчина.
- Я заметил.
- Ни ехидничай. Теперь-то ты его можешь оставить в покое?
- Теперь, могу, - с печалью в голосе признался Ефремушкин.
- Еще бы! Как-никак, а скоро породнитесь, - хихикнула Светлана Куролес.
- Откуда ты знаешь?
- Степа, не делай круглые глаза. Тоже мне, новость Полишинеля!
- Я объявление в газету не давал, в Интернете не размещал, на всех заборах листовки с объявлением не развешивал. Я еще сам не знаю, что будет дальше.
- Куда ты денешься с подводной лодки, - хмыкнула Светка. - Скажу одно, мой дорогой друг: если ты не женишься на Нине, то ты, вообще, не женишься.
- Так уж...
- Послушай умного человека.
- Давай поговорим о Пете.
- Чего о нем разговаривать. Петя – перевернутая страница... Он хороший, он мне нравился. Но как ты успел заметить, я ее никогда не любила. А я так не могу, без любви, да в загс... И, положила руку на сердце, хочу тебе признаться: я чуть-чуть на Петю обижена. Самую малость. Знаешь, почему? – Степан вскинул брови - заинтересовался, почему подруга обижена на бывшего поклонника. Подруга ответила на молчаливый вопрос. – Петя, как будто ждал именно этого – моего отказа выйти за него замуж. У него будто гора с плеч свалилась. Еще бы немного и запрыгал до потолка от радости. Возможно, и запрыгал, когда я ушла.
- Да, ладно! Не сочиняй!
- Ничего ни ладно! И не сочиняю я! Говорю же - воспринял новость спокойно, с виду, а внутри возликовал. Что я его не знаю? Знаю как облупленного.
- А чего бы тебе хотелось? Скандала? Битья посуды? Рукоприкладства?
- Тоже, скажешь! Петя и рукоприкладство! Но он должен был...
- Пустить скупую мужскую слезу, - подсказал Степан.
- Ах, оставьте, ах, оставьте, - пропела Светка. – Ни о том речь.
- А о чем?
- Получается, он меня обманул? Он меня не любил? Хотя, клялся в любви, замуж звал. – Светка возмущенно посопела. - Если не любил, зачем... зачем всё это?
- Что – всё? – уточнил Степка.
- Всё! Хотя, что уж теперь. Что было, то прошло,- мечтательно протянула Светлана и опять засветилась счастьем, вмиг позабыв о недавнем прошлом. – Степка, я замужняя женщина. Ты себе ЭТО представляешь?
- Представляю. Но если ты будешь обижать Василия, я не знаю, что с тобой сделаю. Вырву все твои рыжие волосы.
- Наконец-то заметил, что я вернулась в свой обычный цвет. Это Вася настоял.
- И ты его послушала?
- Теперь он мой супруг, и я слушаться его должна. Кажется, так у Лопе де Вега в «Собаке на сене».
- Что-то нескладно, но смысл тот же. Так вы едете в свадебное путешествие?

- Сейчас мы умрешь со смеху: мы едем на озеро Байкал! Спасибо Чудищу Природы, подсказала. Ой, не помяни черта в суче.
  - Оставь ее в покое.
  - Давно уже оставила. Степ, что-то ты неважно выглядишь? – спохватилась Светлана. - Как твоё здоровье? Голова не болит?
  - Все нормально.
  - Как Нина?
  - Она прекрасная женщина. Кажется, я влюблен.
  - А я о чем! Конечно, влюблен. И кажется, боишься своих чувств. Потому и говоришь, что в будущее не смотришь. Глупец! Но я не люблю слова «влюблен», есть в нем что-то ветренное, непостоянное. То ли дело «люблю» - надежное, как скала. Хотя... Но не будем об этом. Степка, я уезжаю в свадебное путешествие!
  - Желаю вам счастливого пути. И вообще, будьте счастливы, молодожены.
  - Сам скажешь Васе, вот вернемся и посидим в узком кругу, отпразднуем. Обещаю! Что нового? Тетя Зина не вернулась?
  - Все по-старому. Тетя Зина не вернулась, - отчитался Степан. – Но она звонила, сказала, чувствует себя неважно. Домой не торопится.
  - Я ее понимаю. Лучше им с племянницей держаться друг друга. Степ, ты не раскисай. Я оставляю тебя в надежных руках.
- Степан не стал говорить Светлане, что «надежные руки» накануне отбыли в отпуск, по туристической путевке в теплые страны...

Глава девятая

Ларчик непросто открывался

Степан осознавал, что его болезнь «пустила корни» в организме. Пока ее, эту самую болезнь, название которой страшно озвучить, еще можно «вырвать» с корнями, но нужен помощник, специалист в известной области.

Один в поле не воин.

Но решение Степан Ефремушкин принял сам. Он смог разобраться – болен. Смог принять свою болезнь. Смог найти в себе силы, чтобы решиться на Поступок. Да, для него обращение за помощью к специалисту по психиатрии – это Поступок, иначе не назовешь. Он обязан сделать это не только ради себя и своего будущего, но и для Ниночки, с которой неразрывно связано его будущее, по крайней мере он на это надеется, он этого хочет, он об этом мечтает. Но одними диванными мечтами ограничиваться нельзя, нельзя доходить до крайней черты и, тем самым, разрушать свою жизнь и жизнь близкого человека, который не случайно появился рядом с ним, когда показалось, что всё вокруг рушится, рушится и он сам, разваливаясь на обломки, которые рано или поздно превратятся в прах. И от Степана ничего не останется... Если только память: друзья будут о нем помнить. Это немало. Ужасно другое – после него НИКОГО не останется. Его род прервется.

Впервые за свою недолгую тридцатипятилетнюю жизнь Степан Сергеевич подумал о наследнике или о наследнице. Скорее всего, у них с Ниночкой будет дочь: недаром приснился сон, пророческий! Впрочем, ему все равно, кто родится, главное, чтобы их семья увеличилась на одного человека, для начала, а там будет видно.

Степан очень хочет ребенка от любимой женщины. Сколько раз он слышал подобное высказывание с экрана телевизора из уст мужчин, которые выглядели, по его мнению, полными придурками, или из уст женщин, с которыми он тесно-недолго общался, и которые не могли держать при себе свои мысли и восторженно говорили об их будущих детях. В связи с чем общение резко прерывалось: услышанная фраза заставляла Степана бежать, не чуя ног, испаряться, укрываться в засаде и ждать – вдруг его недавняя возлюбленная, имевшая неосторожность заявить о своих желаниях и, тем самым,

предъявить права на Ефремушкина, вновь ворвется в его жизнь и озадачит новостью, для нее – радостной, для него – убийственной: у них скоро будет ребенок!

- Дети должны рождаться в любви, - часто говорила Марта Гордеевна, как бы предупреждая сына от опрометчивой любовной связи. Для нее все любовные связи сына были опрометчивыми. То ли, мать ревновала единственного сына, то ли знала лучше него, что очередная пассия это всего лишь потеря драгоценного времени.

Интересно, - задумался Степан, - как бы мать отреагировала на появление в моей жизни Ниночки?.. Известно, как – приняла бы в штыки, заявив, что эта женщина для него стара, еще неизвестно, сможет ли она родить ему ребенка – все-таки возраст перевалил за тридцатник.

Глупости! Это в прежние времена женщины за тридцать считались старородящими, а сейчас настали другие времена и другие возможности.

И все же – как бы приняла Ниночку мать?

Степан Сергеевич представил картину знакомства будущей свекрови и невестки и... ничего не увидел, кроме счастливого улыбающегося лица Ниночки и смазанного, как скрытого в тумане, лица матери.

- Еще вступи в контакт с покойной матерью и потребуй высказать свое мнение! - поерничал он и осуждающе попытлел. - Время властвования матери надо мной закончилось. Матери больше нет, как ни прискорбно об этом говорить. Я стал взрослым, детство ушло, должен отвечать за себя сам, не ждать подсказок... И принимать ответственные решения обязан сам. Совершать Поступки. Я смогу. Всё в моих руках.

Так сказала девочка Нина Светке Куролес в ее сне. Спрашивается, зачем Светке надо было красочно описывать свой мистический сон? Кто ее об этом просил?! Ни я, ни Димон точно не просили. Можно подумать, Светка будет спрашивать у кого-то разрешения. Завела свою песню и, не прерываясь, затарахтела как пулемет Максим, а мы сидели и слушали, открыв рты. Не знаю, как отнесся к ее рассказу Димон, но у меня в голове засели слова девочки Нины. Она как будто дала мне установку... И что в этом плохого? И правильно сделала Светка, что рассказала, своевременно.

Кому-кому, а мне установка нужна. Нужна для того, что собраться, поверить в себя и... слушать и слышать только себя. Не какого-то там барабашку. Почему, собственно, барабашку? Или правильнее сказать – барабашек. Их же двое. А двое ли? Они не стучат, скребутся, оповещая таким способом о своем прибытии. Пришли и заговорили между собой. Диалог двух... существ, в котором они рассуждают о третьем человеке, присутствующим здесь же, тем самым они его принижают – он не достоин того, чтобы участвовать в разговоре, он тварь дрожащая и права не имеет. Почти по Достоевскому.

А диалог ли это? Вдруг в его квартире появляется одно существо, скребется и начинает говорить разными голосами. Этакий чтец новомодного романа, своеобразная аудиокнига... без развития сюжета – долдонит одно и то же.

А если вступить с ним... или с ними – если их все-таки двое – в разговор, высказать свою точку зрения? Попытаться их переубедить? – неожиданно пришло в голову Ефремушкина. От новой идеи ему стало еще отвратительнее, чем было. Хотя, отвратительнее, как казалось, уже некуда.

С кем он собирается вступать в разговор? С голосами, которые поселились у него в голове? Третьим будешь?

Известная фраза заставила задуматься: а не выпить ли сто граммов горячительного для... избавления от голосов? Чтобы в голове зашумело, чтобы мозги отключились вместе с остатками разума.

«Прекрасная» идея! – мысленно восхитился зародившимся желанием Степан Сергеевич. – Не хуже предыдущей – вступить в контакт с существами. Давай, давай, принимай на грудь, только сто граммами не ограничивайся – сто граммов не спасут «отца русской демократии».

Быстро втянешься в это лечение «клин клином», начнется обратный процесс - антидарвинизм, от человека к обезьяне.

- И, вообще, ты, Степка, жить хочешь? – обратился к себе с философским вопросом Ефремушкин и ответил вопросом на вопрос, - как жить? С существующей проблемой в «обнимку», делая вид, что ничего не происходит? Едва ли получится – от себя ТАКОГО не убежишь!

Какого такого? Полусумасшедшего? Остатки разума еще остались. Он понимает – надо лечиться. Всё в руках Степана: захочет - пойдет к врачу-специалисту, расскажет всю правду о себе и достойно выслушает вердикт; захочет - не пойдет, чтобы не рассказывать правду о себе, не выслушивать неутешительный вердикт. Оставит все как есть – будет жить в «обнимку» и со страхом ждать наступления ночи, медленно терять остатки разума. В итоге выполнит то, о чем ему твердят голоса, вбивают в голову мысль, что он виновен... во всех смертных грехах и выход один - своеобразно покаяться, наложив на себя руки.

Глупо стоять на перепутье и делать выбор. Выбор известен – путь в светлое будущее, едва ли разумный человек пойдет на пути смерти. Но то разумный...

Степан не сумасшедший, он принял свою болезнь, осознал – болен, готов к лечению. Готов услышать вердикт специалиста высшей квалификации в области психиатрии: Степан покопался в Интернете, прежде чем выбрать лечащего врача...

Ефремушкин понимал, времени осталось ни так много, неизвестно, сколько он еще выдержит, не сломается, не поддастся уговорам и приказам.

То, что выбранный им специалист занимал должность главного врача той самой психиатрической больницы, где с недавнего времени работал друг детства Димон Комелюк, несколько успокаивало Степана Сергеевича – все-таки дружеская поддержка не помешает.

Друг детства совмещал на новом рабочем месте несколько специальностей – и санитара, и завхоза и еще кого-то. У Димона были «золотые» руки и голова светлая. Но как он сам про себя добавлял – да дураку достались. И что самое удивительно – находясь в местах не столь отдаленных, к Димону не прицепилась всякая «мерзопакость», которая вселяется в людей ему подобных. У Димона была правильная речь, без «междометий», он выглядел нормальным человеком. Он и был нормальным человеком. Пусть он не профессор, но ни всем же быть профессорами, кто-то должен делать грязную работу, главное, чтобы они делали эту работу хорошо.

Димон не был посвящен в проблему Степана – про голоса по ночам, про подстрекательство к самоубийству. Степан не решился сказать правду, а что-то лепетать о некоем знакомом, у которого переутомление и на почве переутомления «расшаталась» нервная система, как следствие - бессонница и сопутствующие ей «развлечения», посчитал глупостью, объяснением для дураков. Димка Комелюк никогда дураком не был. Он был суровым немногословным мужчиной, несчастным человеком, на долю которого выпало немало испытаний. Но он никого не винил, только себя. И каждый раз при встрече с Ефремушкиным говорил о дочери, Машке-кучеряшке. Было заметно, что отец тоскует по ней, но, увы, ничего изменить не в состоянии. Надо подождать. Степан боялся, что Димон наделает глупостей, а его бывшая жена только этого и ждет, как будто поставила себе цель упечь бывшего мужа далеко и надолго. Для нее - чем он дальше, тем спокойнее для всех.

Странная женщина. И чего ей не хватает? Вышла замуж, будто бы счастлива в новом браке, Димон ее не донимает. Но она пребывает в «режиме ожидания», потому как, по ее мнению, от этого ужасного человека, ничего хорошего ждать не приходится.

Степан ходил к бывшей Димкиной супруге, разговаривал с ней, пытался переубедить, но где там. Иначе, как тюремщиком, бывшего мужа не называет. И не понимает эта глупая женщина, что из-за нее, из-за любви к ней и пострадал Комелюк. Степка так опешил от эпитетов, которым нарекала бывшего мужа неприятная особа, что растерял свой запал убеждения и ляпнул банальную фразу: «Дмитрий встал на путь исправления...» Особа

встала в позу сахарницы и начала громко смеяться, запрокинув голову. Степка даже испугался – как бы ее голова не отломилась от шеи, как сухая ветка от ствола дерева под сильным напором ветра. При этом успел заметить отсутствие двух зубов в верхней челюсти и кариес еще на двух зубах. Подобным образом можно закатываться смехом только при частом посещении стоматолога или прекрасной «зубной» наследственности, - нехстати подумал Ефремушкин и поспешил ретироваться. Ушел, что называется, «не солоно хлебавши». И никак не мог взять в толк, что нашел в этой неприятной женщине его друг детства Димон Комелюк? Однако, любовь зла...

«Ни кожи, ни рожи, и характер не «сахар», - как когда-то высказывалась Марта Гордеевна об очередной пассии сына еще в ту пору, когда он имел неосторожность знакомить мать со своими девушками. Хм... Девушками... Почему во множественном числе? Как-то познакомил, по глупости, с одной девушкой, еще по молодости, и... получил «приговор суда». Мать отбила всякую охоту... ловеласничать. И знакомить, в том числе.

В общем, встреча с бывшей супругой Димона не дала нужного результата. Если честно, то Степка особых иллюзий на встречу не питал, но попробовать стоило. Недолго раздумывал и признался Димке – ходил, пытался вразумить. И попросил Димку не держать обиды – хотел, как лучше. Комелюк передернул плечами, что можно было трактовать по-разному – то ли так возмущился, то ли поблагодарил за участие, то ли согласился – бесполезное занятие. Хорошо, что не разругался с посредником-самовыдвиженцем. После чего Димон с головой ушел в работу, старался без нужды не покидать стен психиатрической больницы, и нисколько этим не тяготился – его выбор...

Степан мысленно отрепетировал разговор с Димоном, собрался с духом и позвонил другу, поинтересовавшись в начале, не занят ли он, есть ли у него минутка, не отвлекает ли его от важных дел? В общем, «шарк-шарк ножками», лелея надежду, что тот крайне загружен, времени для болтовни у него нет, и иди-ка ты, друг ситный, подальше, и не звони больше, от отвлекай занятых людей пустопорожней болтовней.

Как расценивать подобное «шарк-шарк ножками»? Как переусердную воспитанность? Как бы не так! Это обычная трусость. Ай-ай-ай, Степан Сергеевич, как тебе не стыдно, а еще мужчиной называешься, хочешь создать крепкую ячейку общества! Решился, иди до конца, не уваливай, не ищи причин.

Димон был раз звонку, друзья немного поболтали, о том, о сем, в основном о новом статусе Светланы Куролес, а потом Степка вскользь поинтересовался, бывают ли у главного врача психиатрической больницы приемные часы для посторонних лиц, с улицы: дурачком прикинулся – справки-то навел! И пояснил, не дожидаясь вопросов, что черепно-мозговая травма дает о себе знать, мозги работают плохо, мысль постоянно «улетает», он не может сосредоточиться на одном деле, по ночам не спит, и никакие препараты не помогают, а днем ходит полусонным. Опять же в редкие моменты сна его мучают ночные кошмары. С утра мучается головной болью, на протяжении всего дня беспокоит постоянный шум в ушах, головокружения вошли в норму – по улице он ходит будто пьяный, пошатываясь.

Димон посочувствовал, пообещал всё узнать и перезвонить.

Он позвонил в тот же день, ближе к вечеру и радостным тоном сообщил:

- Степа, можешь меня ругать на все буквы алфавита, но я записал тебя на прием к главврачу. Не было возможности тебе перезвонить, ты уж меня извини. Понимаешь, прием давно расписал на месяц вперед, и тут такая удача – один мужик позвонил и предупредил, что не сможет прийти, он уезжает в командировку, вот я и... сориентировался. Ты как, не в обиде за то, что я опередил события?

- Напротив, я тебе весьма благодарен, - сдержанно проговорил Степка, понимая, что отступить некуда.

- Честно-честно? – пошутил Комелюк, почувствовав неуверенность в словах друга.

- Без всякого сомнения – благодарен, поверь. Если ни сейчас, то точно бы откладывал-переносил визит к врачу, а потом и вовсе передумал. А так уж не отвертись. Хочешь-не хочешь, а придется идти.

- Судя по голосу, ты не рад. Но если не хочешь, то я могу...

- Не надо, Димон. Завтра значит завтра.

- В пятнадцать ноль-ноль, – предупредил Димон и назвал адрес...

Степан привычно обратился за подсказкой к Интернету. Нашел карту города и пригородов и сообразил, что психиатрическая больница находится за городской чертой, не так чтобы далеко, всего в десяти километрах, вблизи поселка Чапаево, куда ходит рейсовый автобус.

Степа решил ехать до места именно на рейсовом автобусе, ни в коем случае ни на такси. Он не собирался называть водителю такси конечный пункт следования, все-таки неловко, мог назвать просто – поселок Чапаево, но он нисколько не сомневался, что водитель догадается, куда направляется его пассажир – до психбольницы! И значит...

А то и значит, что у него в той больнице проходит лечение родственник, к нему пассажир и направляется.

Давай-давай, убеждай себя, успокаивай! Ты лицо свое в зеркале видел? Безумные глаза свои видел? А бегающий взгляд тебе о чем-то говорит?

Вдруг вспомнились строки из стихотворения Александра Блока: «...Безумья ль в вас, надежды ль весть? От дней войны, от дней свободы – кровавый отсвет в лицах есть...»

О чем это я? – опомнился Степан. – Ясно, о чем: ключевое слово – безумство! Все остальное – «ракушки, прилипшие к бокам». Это уже из Маяковского: «люди-лодки, хотя и на суше, проживешь свое пока много разных...»

Эка, батенька, как вас колбасит!.. И этот человек, - подумал о себе Степан, - считает себя адекватным, пусть и с небольшими отклонениями в психике. Но все поправимо... Будем надеяться и верить... А что делать с мнительностью?! Сам утверждал, что после черепно-мозговой травмы изменился, стал другим, иначе смотрит на окружающий мир и в том числе на себя. Ему до фонаря, что о нем подумают люди. По крайней мере, он страстно убеждал в этом Светку, которая, что ни удивительно, нисколько ему не поверила, хотя, ей хотелось в это верить...

После выхода из амнезийного состояния, Степан остался прежним – сомневающимся и зависимым от чужого мнения, а потом, когда встретил Нину... пытался не размышлять о себе новом, пытался убедить себя в обратном – он другой, он может, он сделает.

Он трус и враль!

Пусть так, но он найдет в себе силы пойти к врачу и обо всем честно рассказать. Он не хочет быть трусом. И хочет избавиться от непрошенных гостей. Или гостя... Что сути дела не меняет.

После телефонного разговора с Димоном Степан долго сидел на кухне и сосредоточенно пил чай, поглядывая на настенные часы. Прямо, не привычное вечернее чаепитие, а некое установление рекорда, «на время», как в неизвестном виде спорта.

Степан не думал о предстоящем визите к главному врачу психиатрической больницы, старался не думать, потому что свою «речь» уже отрепетировал до оскомины на зубах. Расскажет всё начистоту и будет ждать «приговора». Другого выхода нет. Уж чего он точно не станет делать, так это кончать жизнь самоубийством.

Пока он еще находит в себе силы противостоять голосам, своим ночным кошмарам.

Именно о голосах в данную минуту со страхом думал Степан Ефремушкин. Думал и ждал, привычно надеясь, что сегодня ИХ не будет. И не будет больше никогда.

Чем ближе время подступало к полуночи, тем сильнее и сильнее Степана окутывал противно-липкий страх, как окутывает страх маленького ребенка, которого оставили в доме одного. Сначала ребенок занимается своими важными детскими делами, но время идет, день клонится к закату, комната погружается в темноту. Он еще делает вид, что

сосредоточен на игре, но боится поднять головы и осмотреться, чего уж говорить о том, чтобы встать и подойти к выключателю. Момент упущен. Что он может сделать, так это подползти к столу и найти под столом укрытие. Сидеть там, трястись от противно-липкого страха и ждать возвращения родителей.

Степану очень хотелось найти где-то укрытие, в каком-то вакуумном пространстве, куда не будут доходить никакие звуки.

Он не сводил взгляда с настенных часов, трусливо ждал наступления полуночи и ругал себя за теперешнее бездействие.

Он осознавал, что сегодняшняя ночь много для него значит – переживет сегодняшнюю ночь, и все наладится. Только бы пережить, только бы не податься.

Тело деревенело, внутри поместили глыбу льда, которая не собиралась таять, напротив, глыба сжирала своим холодом все внутренности, превращая их в ледышки. Только в голове полыхал пожар, мозги плавилась. И это несомещение холода и жары позволяло понять, что он – это уже не он, на самом деле, он раб тех господ-сущест, которые вскоре появятся, отдадут приказ, и он безропотно пойдет его исполнять.

Сердце тревожно-предупреждающе заныло. Потом екнуло и будто бы затихло. Степан задержал дыхание, замер с чашкой в руке от пугающего осознания того, что всё кончено. Еще немного и конец. Конец не приходил, но Степан не шевелился, не дышал или дышал слабо, с большими перерывами, лишь бы не потерять сознание. Он боялся конца и одновременно боялся пропустить слабое биение своего сердца, что даст ему надежду.

Нина! – ударило в плавающую голову Степана. И сердце тут же запустилось, и пусть оно билось неравномерно и шаталось по всему организму, но оно было живо, подтверждая, что жив его обладатель.

Степана охватило безумное желание куда-то бежать, двигаться, что-то делать. Но он не успел претворить желаемое в жизнь – на смену деятельному желанию мгновенно пришла пластилиновая мягкость и отсутствие всяких желаний. Наверное, так бывает с замерзшими путниками, которые мечтают об одном – свернуться клубочком и заснуть, во сне видеть теплую избу, печь с полыхающим огнем. Умирать блаженно. Не чувствуя боли.

Степан почувствовал безумную усталость. Да, он устал от постоянного напряжения, постоянных ожиданий, от споров с самим собой, от репетиций, от ожиданий чего-то лучшего.

Ждать и ничего не предпринимать?

Но он чертовски устал! Устал так, как не уставал никто! Это лето заняло не три привычных месяца, а протянулось на годы, годы испытаний, которые он проходил-проходил с разной степенью успеха, а потом... выдохся. Но осталось-то совсем немного – всего-то подождать до завтрашнего дня, до пятнадцати часов, а потом жизнь сделает крутой поворот, оставит позади нескончаемое лето с его печалью и потерями, с неразберихой. Вместе с летом уйдет зависимость... от себя самого, с комплексами и дурью. Наступит золотая осень, начнется новая пора, новая жизнь.

Но где взять силы для последнего рывка?! Степану казалось, что еще немного, и он сползет со стула на пол и больше не поднимется. Он будет валяться на полу, чувствовать «костлявую руку смерти» – кажется, так пишут в третьесортных романах - и готовится к главному действию, когда раздадутся два голоса, от которых он впадает в ступор...

Ему только кажется, что у него есть силы противостоять голосам. Или уже не кажется? Он себя обманывает.

Костлявая рука смерти. Это он репетирует? Или это «шутка юмора»? Если он юморит, но надежда еще есть, как есть силы для борьбы.

Степан! Соберись! Ты можешь! Ты сделаешь это!

Я не могу. У меня больше нет сил. Сейчас они заговорят, и... наступит конец.

Степан! А как же Нина?! Она тебя любит! О ней ты подумал?!

У меня нет сил им противостоять. И существа с противными голосами об этом знают. Эти существа знают обо всем. Знают ли? Неужели то, что они обсуждают между собой, правда? Нет и еще раз нет!

Что они еще знают? Интересно, они осведомлены о предстоящем визите к доктору? Если им об этом известно, то сегодня они не отступят. У них есть последний шанс.

И у Степана есть последний шанс. Надо только избавиться от голосов, убежать, что-то сотворить, чтобы не слышать. Хорошо бы оглохнуть на время.

Доктор – сильный для них соперник. Поэтому они не позволяют Степану, своему подопечному, выйти из-под контроля. Они хотят завершить начатое ими дело, хотят победить зло, которое олицетворяет собой Степан Ефремушкин. И сколько он не пытался переубедить существа с голосами – не убивал, не виновен в смерти матери, – существа стояли и стоят на своем.

Значит, сегодня все решится...

А он так и будет сидеть и ждать? Ничего не будет предпринимать?

А как же Нина? Его Ниночка! Как она будет жить без него и с осознанием того, что мужчина, которого она полюбила, оказался совсем не тем, он убийца собственной матери. И не только матери. Возможно, Степан расправился с кем-то еще.

Он обязан пережить эту ночь, не покончить жизнь самоубийством, чтобы у него был шанс доказать Нине свою невиновность. В первую очередь Нине, а потом уже всем остальным.

Степан, всё в твоих руках, ты можешь! Ты уже предпринял важные шаги, доверши начатое дело.

Ведь жизнь, новая жизнь, уже постучалась к тебе в двери! Ты обязан открыть дверь, выпустить новую жизнь. Ты должен бороться! Степан, очнись!

Я вымотан до невозможности. Я не в силах сделать последний рывок.

Всего лишь надо пережить эту ночь. И только-то. И потом будет много ночей, спокойных, счастливых.

Степан постарался переключить свое упирающееся внимание на доктора, своего спасителя. Того самого врача-психиатра, который является сильным соперником для существ с противными голосами.

Он сказал себе, что не будет думать о существах с их противными голосами, он не будет смотреть на часы. Уже завтра...

Хотелось закрыть глаза, открыть и увидеть рассвет. А там и до назначенного времени недалеко.

Завтра он пойдет на прием к специалисту в области психиатрии. Не наобум к нему решил идти, собрал информацию. Сначала думал, что это седовласый старик, похожий на Айболита из сказки Чуковского. Известный психиатр должен, по мнению Степана, быть сам немного «ку-ку» – общение с пациентами накладывает отпечаток. Но с фотографии в Интернете на него смотрел мужчина средних лет, около сорок пяти. Хорошее открытое лицо, добрый взгляд с прищуром. Никакого легкого безумства во взгляде. Волосы зачесаны назад и открывают высокий лоб. В общем, внешность вызывает доверие. Так для себя решил Степан – чтобы не передумать. Тут главное – настрой.

Степан ему доверяет.

Он переживет сегодняшнюю ночь, отключит слух, даже будет творить разные безумства, чтобы НИЧЕГО не слышать. И завтра... решит свою сложную проблему с помощью специалиста. Специалист ему поможет, подскажет, возможно, убедит, что с ним все в порядке, что это всего лишь переутомление, последствие черепно-мозговой травмы... Что угодно, но не какое-то заболевание.

А если заболевание? Если Степан медленно сходит с ума?

Но он осознает, что с ним не всё в порядке, он сам принял решение, значит, не все так плохо. Время не упущено.

Надежда умирает последней.

Но как пережить одну ночь?

Степан очнулся от дум, встрепенулся, как будто сбросил с себя еще не застывшую корку цемента, уверенно допил чай, поднялся со стула, некоторое время постоял, чувствуя, как кровь приливает к конечностям, сделал несколько неуверенных шагов, тщательно вымыл чашку, изучил вымытую чашку со всех сторон, словно только что вылепил ее из глины, и поставил на сушилку. Так же тщательно вытер руки вафельным полотенцем и в очередной раз понял, что сил у него не осталось. Хотелось одного – доковылять до кровати, лечь и попытаться уснуть.

Этого делать нельзя, – подумал Степан и мысленно повторил, - ни в коем случае нельзя. Опять подумал о замершем путнике, о спасительном тепле в бревенчатом домике с печкой.

Внутри Степана кто-то вырабатывал лед. Чтобы как-то согреться, он снова включил горячую-прегорячую воду, подставил под струю воды свои сжатые ладони и с интересом наблюдал, как краснеют кисти рук.

Потом выключил воду, потряс кистями рук, приложил влажные горячие ладони к щекам. Ему казалось, что его щеки пылают огнем, оказалось, что щеки не пылают, он холодные, совсем. Значит, никакого пожара в голове нет и не было, он сам себе внушил. Мозги не плавятся, он способен нормально рассуждать, принимать решения, правильные и необходимые в данный момент.

Ефремушкин уверенно покинул кухню, задержался в прихожей. Оценил свое бледно-зеленое лицо в зеркале, недолго думая, схватил с вешалки ветровку, сумку на длинном ремне, в которой лежали деньги, паспорт, ключи от квартиры, и выскользнул в подъезд.

Скорым шагом спустился по лестнице, вышел в тихий двор и поймал себя на мысли, что исчезла пластилиновая податливость, и разница температур исчезла, организм пришел к среднему-арифметическому, к нормальному состоянию с нормальной температурой, а сердце робко притаилось в положенном ему месте, больше не скачет по всему организму, вызывая растущее беспокойство. Тикает себе и тикает, умиротворяюще.

Кажется, Степан улыбается. Странно выглядит со стороны? И пусть. Он чувствует себя победителем – нашел в себе силы убежать из дома. Глупость какая, на первый взгляд. Но кому, как, для него – это маленькая победа.

Вне квартиры он не услышит голосов – в этом он уверен.

Покинув двор, Степан оказался на шумной улице. По тротуарам гуляли, спешили по своим делам, просто стояли и разговаривали молодые люди. Степка осмотрелся, и зашагал «куда глаза глядят».

Незаметно добрался до железнодорожного вокзала. На вокзале кипела жизнь. Ефремушкин прошел по первому этажу, с деловым видом постоял у табло с расписанием движения поездов, потом поднялся на эскалаторе на второй этаж, подошел к круглосуточно работающему буфету, купил себе кофе и булочку. Пристроился за стойкой, тянул гадкий кофе и наслаждался. Сlopал с удовольствием и булочку, пусть и не первой свежести. Сегодняшней ночью ему было всё в радость.

Купив газету и первую попавшуюся книгу, он уселся в зале ожидания и стал ждать... утра. Никто из стражей порядка его не беспокоил. Прилично выглядевший человек всего лишь коротает время в ожидании своего поезда. Скорее всего, поезда дальнего следования из города-героя Минска: только один скорый-нескорый поезд задерживался уже на несколько часов. При каждом объявлении часть пассажиров напряженно вслушивалась и начинала недовольно ворчать. Степка тоже вслушивался, но не ворчал, осуждающе покачивал головой.

Ближе к утру Степана потянуло в сон. Но он боролся со сном изо всех сил.

Выпил два стакана кофе, теперь из автомата, запил минеральной водой – воду тоже купил в автомате. Высмотрел еще шоколадный батончик, купил и жадно съел. Помогло.

В семь часов поутру покинул здание железнодорожного вокзала и пошел пешком на работу, в университет.

На работе он оказался первым. При появлении коллег прикинулся простуженным, наслаждался чихом и сморканием, коллеги посоветовали отправиться домой, чтобы он всех не заразил, и взять больничный лист. Степан доделал неотложные дела и только тогда прислушался к советам коллег.

Артист, - мысленно обозвал себя Ефремушкин, покидая здания университета на неопределенный срок.

Позже, после прохождения курса лечения в психиатрической больнице, он что-нибудь придумает, сочинит для правдоподобности, очень надеется на помощь своего друга-кардиолога. И надеется, что тайное не станет явным...

В квартире Степан не задержался. Только покидал в сумку кое-какие вещи, бритвенные принадлежности и поспешно вышел.

Он был рад, что тетя Зина еще не вернулась, иначе пришлось бы объясняться.

Автобус в поселок Чапаево ходил по расписанию, с перерывом в полчаса. Степан немного опоздал, пришлось ждать следующего автобуса. Но время позволяло.

Дорога заняла всего пятнадцать минут. Конечно, он доехал до поселка Чапаево, выйти возле психиатрической больницы Степан не решился, несмотря на то, что лично самому просить не пришлось – одна из пассажирок, пухленькая дамочка средних лет, попросила водителя «остановить у больницы». Водитель остановился, дамочка вышла. Никто из пассажиров не проводил ее заинтересованно-понимающим взглядом. Только один Степан, но не заинтересованно-понимающе, а уважительно: сам-то он не решился наплевать на чужой интерес.

Степан вышел из автобуса вместе с оставшимися немногочисленными пассажирами. Конечная остановка находилась на небольшой площади, главным украшением которой служил двухэтажный универмаг, строение годов семидесятых. Рядом с универмагом расположился импровизированный рынок. Торговки, завидев потенциальных покупателей, стали навязчиво предлагать свой товар.

Ефремушкин деловито отвернулся и потрусил по тротуарам с колдобинами в обратный путь, обзвывая кирпичные дома жителей поселка Чапаево. В одном дворе слышалось гоготание гусей, в другом- кудахтанье кур, в третьем дворе его облаял вертлявый пес, кудлатый и озорной. Показал свою власть и быстро затих.

Степан наслаждался тишиной и привычными деревенскими звуками, приятно разбавляющими тишину, любовался мохнатыми астрами, разноцветными и веселыми, поглядывал на небо, сулившее только хорошую погоду. От чистоты воздуха слегка кружилась голова, но мимо по узкой проезжей части промчался недавний автобус и мигом все пришло в норму - «аромат» выхлопных газов вернул городского жителя в привычное состояние.

Вскоре Степан добрался до шоссе, протрусил по обочине и достиг высокого глухого серого бетонного забора. Зачем-то оценил высоту забора, вспомнил Шурика из «Кавказской пленницы», так же удивленно покачал головой и почесал затылок, как будто он, как Шурик, перелетел через высокий забор с чужой помощью, и зашагал к проходной в полной уверенности, что всё плохое уже позади.

На проходной Степан замешкался, а суровый охранник пенсионного возраста, чрезвычайно важный и чрезвычайно усатый, подозрительно на него уставился из-под очков, поигрывая усами.

- Я по записи, - наконец, «открыл великую тайну» Ефремушкин.

Охранник потребовал предъявить паспорт. Степан предъявил. Охранник сверился со списком, который лежал у него под стеклом. Стоя у окошка, Степан изрядно перенервничал – вдруг Димон что-то перепутал? Вдруг его в списке нет? Вдруг придется опять проводить ночь на вокзале? Как назло, уехала Нина! И Светка уехала! Можно поехать на дачу. Но на

даче Степан будет один. Какова вероятность, что существа с противными голосами не последуют за ним на дачу? Почему он решил, что они «поселились» у него в квартире?

В квартире, без сомнения, иначе он не смог бы от них спастись в зале ожидания железнодорожного вокзала.

Или они поселились в его голове, но напоминают о себе, когда рядом никого нет?

- Проходите, - наконец, процедил сквозь зубы охранник, возвращая Ефремушкину документ. – Вы, товарищ, никуда не сворачивайте, идите прямо по аллее, увидите кирпичное здание, там вам объяснят, где кабинет главного врача.

Стараясь не думать об охраннике с его выводами касательно него, Степан преодолел проходную и очутился на аллее. Вокруг широкого тротуара с уложенным давным-давно асфальтовым покрытием высились клены с желто-зеленой листвой и стройные гордые березы, пребывающие пока в летнем убранстве. Среди деревьев выделялся раскидистый каштан, на котором висели слегка поржавевшие «булавы» - колючие панцири каштанов, давшие небольшие трещины.

Степан осмотрелся, завидел вдали кирпичное строение и уверенно зашагал по аллее.

Неожиданно на аллее появилась знакомая фигура. Степан узнал Димона Комелюка. Друг его ждал. Степан был безмерно счастлив: все-таки дружеское участие и поддержка ему сейчас очень нужны.

Друзья поздоровались. Димон взглянул на Степку и приказал:

- Не дрейфь!

- Так заметно, что я боюсь?

Димон лишь успокаивающе похлопал его по плечу и подвел к входной двери.

- Еще есть немного времени, может быть мы посидим на скамейке, - проблеял не своим голосом Ефремушкин.

- Перед смертью не надышишься, - хмыкнул Комелюк и мягко впихнул друга внутрь.

Они вошли в гулкий холл.

- Сейчас тихий час, так что тихо, - предупредил Димон Комелюк и приложил указательный палец к губам.

- Да я как-то петь песни и не собирался, - шепотом отшутился Степка.

- Мы с тобой еще споем, Лизавета, - вспомнил слова из фильма «А зори здесь тихие» Дмитрий.

- Не сомневаюсь... Дим, а... эти... ваши пациенты выходят из своих больничных палат? Или больше лежат, привязанные к кровати, - прежним тихим голосом заинтересовался Степан, когда друзья очутились на лестнице, выкрашенной в салатовый цвет. Стены имели желтый цыплячий оттенок.

- Ты не думай, что здесь лежат одни буйные. Буйные, конечно, тоже есть, но им... не дают буйствовать, принимают необходимые меры. Но все по предписанию доктора.

- Это как... принимают меры?

- Укольчик успокаивающий и всё. А ты что подумал?

- Про укольчик и подумал.

- Буйные не имеют право покидать свои палаты, а остальным не возбраняется гулять в положенное время – когда нет обхода, лечебных процедур и когда погода позволяет. Ты не думай, что здесь все совсем... того, - Димка покрутил пальцем у виска, - некоторые пациенты выглядят вполне нормальными. Но чтобы не усугублять болезнь, они проходят лечение два раза в год – весной и осенью, в период обострения. Как я понимаю, ты пришел с вещами?

- Не надо было? Но я хотел бы...

- Доктор разберется.

Алексей Георгиевич Асеев, главный врач психиатрической больницы, не отличался от фотографии, которую долго изучал Степан Ефремушкин на мониторе своего компьютера.

Алексей Георгиевич был среднего роста, широкоплечим, коренастым, имел выправку кадрового военного.

Доктор Асеев увидел перед собой невысокого худощавого мужчину с бледным лицом и запавшими глазами. Взгляд мужчины метался, голос дрожал. Было заметно, что мужчина волнуется, что решение обратиться к доктору далось ему нелегко.

Сначала пациент говорил о своей проблеме сбивчиво, перескакивая с одного на другое, уходил в сторону, но благодаря наводящим вопросам доктора Асеева, его успокаивающему голосу, постепенно мужчина смог совладать с эмоциями, успокоился, начал излагать складно, даже блеснул собственными познаниями в психиатрии, определив свою проблему, как слуховую галлюцинацию.

Доктор Асеев мягко вставлял уточняющие вопросы, пока своего мнения не высказывал, смотрел на пациента добрым взглядом со своим характерным прищуром, в котором не было ни хитрости, ни скрытой насмешки или всёпонимания, убийственного для Степана: ему не нужны вердикты слета.

Но специалист высшей категории, имевший большой практический опыт за плечами, быстро разобрался, что у пациента ярко-выраженная форма параноидальной шизофрении в незапущенной форме. Но, естественно, не высказался вслух.

- Доктор, что со мной? – робко спросил Степан Сергеевич, закончив свой рассказ.

- Пока что-то конкретное говорить рано, - придержал свои выводы доктор Асеев. – Надеюсь, вы не думали, что я сразу вынесу свой вердикт, пропишу вам необходимые препараты, и вы пойдете восвояси?

- Н...не думал... Всё... так... плохо?

- Плохо или хорошо, я сказать не могу. Но раз вы здесь, раз вы обратились за помощью, то вы сами понимаете, что всё не совсем хорошо. У вас есть проблема, и мы будем вместе разбираться. Согласны?

- Только на это и надеюсь. На совместную работу.

- Вот и отлично. Сейчас вас отведут в палату.

Степана Ефремушкина, пациента психиатрической больницы, поместили в общую палату. Кроме него в палате находились еще три человека. Как и говорил Димон, на вид вполне нормальных.

Для начала доктор Асеев назначил ряд стандартных диагностических процедур.

Магнито-резонансная томография выявила незначительное повреждение головного мозга. Дифференциальная диагностика исключила возможность явных неврологических нарушений. Анализы крови на содержание психотропных и наркотических препаратов оказались отрицательными. Генетической предрасположенности к возникновению заболевания в роду Ефремушкиных также не наблюдалось. На учете в психоневрологическом учреждении мужчина не состоял.

Прописав пациенту лечение нейролептиками в комплексе с групповыми и индивидуальными сеансами психотерапии, доктор Асеев наблюдал пациента, стараясь выявить клиническую картину заболевания в ходе ежедневных бесед.

Доктор Асеев был осведомлен, что Ефремушкин имеет ученую степень кандидата физико-математических наук, состоит в должности доцента, ранее вел уединенный образ жизни и нисколько этим не тяготился. Он холост, детей нет. На память не жалуется. Основной причиной заболевания может быть сильный психологический стресс. Ранее своей проблемой ни с кем не делился: на работе был на хорошем счете, боялся получить репутацию сумасшедшего.

С каждой новой беседой Степан становился более откровенным. Теперь он свободно рассказывал о голосах в ночное время, которые с рассветом исчезали. Тех, кому принадлежали голоса, он не видел, значит, зрительные галлюцинации у него отсутствуют.

Первоначальное наблюдение за больным зафиксировало, что ведет он себя настороженно, прислушивается к каждому шороху, плохо спит, но со временем, после комплексной терапии, состояние больного заметно улучшилось, напряжение спало, восстановился сон и жизненная активность. Степан Сергеевич начал общаться с другими пациентами, играл в шахматы, проводил время в парке, читал книги, художественную и научную литературу.

И сам недоумевал – как ему могли померещиться какие-то голоса?!

Медикаментозное лечение заменили на реабилитационные курсы. Острая фаза болезни сменилась ремиссией...

Однажды в больничной палате, в которой находился Степан и еще два пациента – третьего пациента к тому времени выписали из больницы, что-то случилось с электрической проводкой. Не работали ни электрические розетки, ни светильник на потолке. Быстро устранить проблему не удалось, пришлось расселить пациентов по другим палатам. Благо свободные палаты были. Степан уже чувствовал себя здоровым, поэтому выбрал одиночную палату – захотелось вернуться к привычному спокойствию «без посторонних».

На это и рассчитывали существа с противными голосами, которые, как считал пациент психиатрической больницы, давно и навсегда его покинули. Оказалось, ждали подходящего момента для возвращения.

Ночью медсестра сообщила дежурному врачу, что с одним из пациентов случилась истерика. Двое санитаров пытались связать пациента полотенцами, но он вырывался и кричал: «Они опять здесь! Они вернулись!» Он рыдал и задыхался. Впадал в невменяемое состояние.

Больного с трудом привязали к койке, медсестра сделала инъекцию диазипама. Когда больной заснул, его перенесли в наблюдательную палату, чтобы держать под особым контролем.

Доктор Асеев не мог понять, почему случился рецидив.

На следующий день больной Ефремушкин выглядел изможденным и мрачным. И не мог вспомнить, что с ним произошло. Но доктора Асеева провести было сложно, он не отступал.

- Вы помните, что с вами произошло? – упорно повторял свой вопрос доктор Асеев.

- Лучше бы не помнил, - наконец, еле слышно признался Степан Сергеевич, глубоко вздохнув. – Доктор, это было ужасно. Я так надеялся, что всё уже позади, что я окончательно выздоровел... И тут опять... Больше я этого не вынесу.

- Расскажите подробнее, прошу вас. Тогда я смогу вам помочь.

- Наверное, мне никто не сможет уже помочь, - кося глазом на доктора, признался Ефремушкин. Видимо, что-то в лице доктора было такое, что с лихвой отрицало его утверждение, поэтому он заговорил, - голоса раздавались откуда-то из-за стены... Они взялись за старое. Эти... не знаю, как их назвать – люди или не люди, я про себя называю их существами с отвратительными голосами – они уверены, что я убил свою мать и поэтому должен понести наказание. Только самоубийство поможет мне снять с себя грех. Но я не могу пойти на это. И знаете, доктор, почему? Нет, не потому что я слабоволен, я бы мог убить себя, и я бы сделал это, окончательно свихнувшись от голосов, твердящих одно и то же, но я не желаю заканчивать свою жизнь самоубийством, тем самым признавая свою вину... Иногда мне в голову приходит такая грешная мысль – вдруг этот ужас совершил я? Вдруг что-то в моей голове переклинило, я убил свою мать, лег спать, как ни в чем ни бывало, проснулся, обнаружил ее бездыханное тело, при этом позабыв о содеянном? Сомнения меня гложат. Во всем. Или мне кажется, что я не спал, что занимался какими-то делами... Де-ла-ми. Избавлялся от улик? Потом... изображал убитого горем сына... Нет, я не убивал... Я так думаю, что это злодеяние совершил не я. И знаете, доктор, почему я так думаю? Сейчас вы услышите от меня ужасную вещь. Я долго разбирал ситуацию «по косточкам», и понял одно - я выбрал бы другой способ убийства. Вы шокированы? - спросил Степан и сам ответил на вопрос, - вы слышали в этом кабинете и не такие признания, поэтому удивить и шокировать вас сложно. А меня мой вывод удерживает от опрометчивого поступка.

- Вы могли бы убить человека, Степан Сергеевич?
- Я часто задаю себе этот вопрос в последнее время. Раньше мне ничего подобное и в голову бы не пришло. Но сейчас я обязан разобраться.
- И у вас есть ответ?
- Есть. Я убил бы человека, защищая свою мать. Или жену. Или ребенка. Но разработать план убийства, долго его муссировать, что-то меняя, я не в состоянии. Хотя, мой мозг любит решать сложные задачи и находить правильные ответы. Он так устроен. Но мозг любит созидать, а не разрушать, убивать... Я мог бы убить в состоянии аффекта. Я так думаю.
- Получается, вы согласились с тем, что не могли убить свою мать.
- Получается, - упавшим голосом подтвердил Степан. – Или я ошибаюсь? Когда вам постоянно твердят, что вы убийца, что вы должны понести наказание, вы начинаете сомневаться. Если я виновен, то я должен... то я должен себя убить, только в этом случае мама меня простит. Алексей Георгиевич, что со мной? Я совсем запутался.
- Степан Сергеевич, галлюцинаторные голоса вызвали у вас сильные эмоциональные переживания. Так бывает вследствие перенесенного стресса. То, что вы услышали, отложилось у вас в подсознании, и время от времени всплывает из недр вашей памяти.
- Это сон наяву?
- Длительные стрессы часто вызывают реалистические ночные кошмары.
- Но я не могу с ЭТИМ жить. Понимаете – больше не могу. И не хочу. Может быть, надо решить проблему... легко и просто, благодаря чужой подсказке?
- Вы так легко сдаетесь? Получается, я в вас ошибся – вы показались мне борцом.
- Я не сдаюсь. Я не хочу сдаваться. Но у меня больше нет сил. Ведь уже наступила ремиссия, я поверил, что все позади, и вдруг...
- Так бывает. Лечение еще не закончено, выводы делать рано. Вы готовы продолжить лечение?
- Я готов, - недолго думая, отрапортовал Ефремушкин, пациент психиатрической больницы. Решено было вернуться к лечению психотропными препаратами, но добиться улучшений все же не удавалось. Ефремушкин впадал в состояние меланхолии, все больше погружался в себя, был неразговорчив, перестал общаться даже с близким другом, с Дмитрием Комелюком...
- Спустя неделю в психиатрической больнице случилось чрезвычайное происшествие. Ночью сработала пожарная сигнализация по причине сильного задымления. К тому времени как специальные службы прибыли на место, работники больницы успели вывести перепуганных пациентов, закутанных в одеяла, на улицу.
- Дмитрий Комелюк не заметил среди спасенных пациентов своего друга Степана и бросился в его палату. В палате он увидел смятую постель. Ефремушкина нигде не было. Димон опять побежал на улицу в поисках друга детства. Степан исчез...

Каждую ночь Ефремушкин слышал голоса. Но он боялся признаться доктору Асееву. Степан не привык к голосам, не мог к ним привыкнуть, но постепенно привыкал к мысли, что он должен прислушаться к приказам. Раз они говорят, что он виновен, значит, он виновен.

И, наверное, Степан давно бы придумал, как покончить с собой. И не только бы придумал, что и осуществил, но он был очень слаб. Тряпичная кукла без мыслей, без желаний – безразличная ко всему, с одной неуверенной мыслью в тряпичной голове.

Тут случилось то ли возгорание, то ли просто сильное задымление, хотя утверждают, что дыма без огня не бывает. Но помещение окутало дымом, сработала пожарная сигнализация, на которую Степан не обратил никакого внимания. Он смотрел на звездное небо в клеточку – в клеточку по причине решетки на окне. Степка сосредоточился на одной яркой звездочке, которая словно пряталась от него за прутьем решетки, когда он склонял

голову. Они играли со звездочкой в прятки и ждали существ с противными голосами. Сегодня они почему-то запаздывали.

Тут в его одиночную палату вбежал санитар, который не так давно появился в больнице, он сразу выделил Степана среди других пациентов и принялся по-дружески его опекать, вызывая неудовольствие Димона Комелюка. Но раз новый санитар был добр по отношению к его другу, Димон не препятствовал их общению.

- Надо укрыться в подвале, - озабоченно произнес санитар и прихватил Ефремушкина за руку, чуть выше локтя. Так стиснул, что Ефремушкин скривился от боли, но безропотно подчинился. В подвал, так в подвал.

Они прошли быстрым шагом по длинному коридору третьего этажа, вышли на запасную лестницу. Снизу слышались голоса, но санитар потянул Степана не вниз, а вверх, где точно не было никакого подвала.

Но Степан ничего не спросил, безропотно следовал за санитаром. Поднявшись на два лестничных пролета, санитар указал Степану на люк в потолке, к которому вела лестница, сваренная из металлических труб небольшого диаметра, выкрашенная привычной желто-цыплячьей краской.

- Иди вперед, - приказал санитар и подтолкнул Степана. Тот взобрался по лестничным перекладинам и вопросительно взглянул на санитаря, стоящего внизу. – Толкай люк, открыто.

Степан так и поступил – толкнул, открыл, откинул. И забрался на чердак, по которому расстилалась полоса лунного света, падающего из открытого чердачного окна.

Санитар быстро забрался на чердак за Степаном и осветил помещение фонариком. Галогеновый свет мазнул по лунной дорожке, разорвав ее на две части, выхватил старенькую кровать с затертым матрасом. Степан увидел цель – ноги отказывались его держать, а кровать очень подходила для отдыха. Степану хотелось растянуться на кровати и смотреть на небо, ограниченное пространствами чердачного окна. А еще лучше – погрузиться в вязкий сон и ни о чем не думать.

Он не успел дойти до кровати. Сначала он ничего не понял, потом до него дошло, что его шею стянула удавка. Удавка все сильнее и сильнее затягивалась на его крепкой шее. Он не собирался бороться на свою никчемную жизнь.

И хорошо, так даже лучше, так правильно, - успела мелькнуть в его голове последняя мысль...

Она очень хотела родить ребенка любимому мужчине. Своему первому и единственному мужчине. Он ее любил. Она его обожала, она его боготворила, она его безумно любила. Сама себе говорила: «Так нельзя, так неправильно: если он ее разлюбит, то ее жизнь в тот же миг закончится. Она будет ходить, есть-пить, но это будет не она, это будет живой труп».

Спустя несколько лет после свадьбы, она дождалась – узнала, что беременна. Их счастью не было предела. Любящий и заботливый муж превратился в сумасшедшую заботливую мать, сиделку, няньку, прислугу – всё в одном лице. Ей не нужны были мамки-няньки, она чувствовала себя превосходно, но его забота ее умиляла, заставляла влюбиться заново в какого-то другого, но по-прежнему обожаемого мужа, который открылся для нее с новой стороны.

У них будет долгожданный ребенок! Какое неземное счастье! Пусть это будут мальчик!

Через девять месяцев ОН родился! И опять счастью не было предела... Но недолго.

Матери сообщили, что у ее малыша, у ее сына, их сына, врожденный порок сердца и внешний дефект – заячья губа. Заячья губа – это не проблема, с ней они справятся – не восемнадцатый век, начало восьмидесятых. Останется маленький шрамик над губой, от которого в дальнейшем тоже можно избавиться при помощи пластической хирургии. Иное дело – порок сердца. Серьезное заболевание. Возможно, в следующем веке и эту проблему будут решать, но сейчас...

- Какие у нас шансы без операции? – спросила мать.

- Если честно – никаких, - убил ее признанием прямолинейный врач-педиатр.

А она подумала тогда: «Лучше бы мальчик умер».

Да, это был выход: муж не должен знать, что она родила ему больного ребенка, значит, она ущербная, она ему не подходит, она ему не нужна.

Вот в следующий раз у нее получится. Обязательно.

Не получилось.

Но первенец «умер». Для нее, а главное – для мужа.

На самом деле она написала отказ от ребенка. И всеми правдами-неправдами (большой взяткой) уговорила подкупных людей дать липовое заключение о смерти. Не подумав тогда, что эти деньги можно пустить на лечение ИХ сына. Хотя бы попытаться его вылечить.

Не захотела лечить, потому что слышала вердикт врача, в связи с чем не была уверена в конечном положительном результате, но знала, что случится с их браком, если муж узнает всю правду о рождении больного ребенка. Брак... Слово-то какое. И она бракованная, раз родила больного ребенка. Муж не должен об этом знать.

Он не мог ее осуждать – скорее всего, ребенок умер не по ее вине. Он как мог ее поддерживал, они переживали горе вместе.

Она старательно не думала о ребенке, в итоге решила, что мальчик давно на том свете. Как будто успокоилась.

И каково же было ее удивление, когда спустя три с лишним десятилетия на пороге ее квартиры возник тот, который давно должен быть на том свете – ее родной сын.

О чем она тогда подумала? Впервые за все годы ее вдовства, она подумала: хорошо, что ее муж не дожил до этого дня и не узнал правды. Он бы ее разлюбил.

Но далее за удивлением и спорным успокоением пришло убийственное осознание – ее сын очень похож за соседа, на Степана Ефремушкина. Безумно похож, только ростом повыше. Еще и усы, скрывающие маленький шрамик над верхней губой. И характер у сына почти такой же, как у Степана – сын тоже безоговорочно принимает авторитет матери...

Когда-то Макару Дианину, так звали ее сына, повезло. Его усыновила богатая бездетная пара. Были сделаны нужные хирургические операции, которые завершились благополучно. Мальчик быстро забыл о проблемах с сердцем, об одышке, о болях, об онемении конечностей.

Едва он окончил школу, погиб его приемный отец – его убили поздним вечером во дворе их дома. Через два года скончалась приемная мать.

Несмотря на обычную внешность, и малозаметный, но изъясн – шрам над верхней губой, Макар Дианин пользовался успехом у женщин, в свое время без труда поступил в институт искусств, на момент смерти приемной матери он успешно учился и легко совмещал учебу с любовными свиданиями. В качестве возлюбленных выбирал богатеньких нескучных дамочек, которые и помогли ему доучиться, не нищенствуя: он быстро размотал родительские деньги и остался на бобах. Макар окончил институт его и был принят в труппу местного драматического театра. Сначала играл роли «кушать подано», потом, покочевав по постелям стареющих прим, начал получать главные мужские роли. За ним ходили табунами поклонницы – обычный на вид, но ни бесталанный молодой человек по-прежнему мог легко очаровывать женщин разного возраста. Но сам молодой драматический артист оставался безразличным к представительницам слабого пола. Он презирал всех женщин, считал их всех предательницами и лгуньями. Первой в списке предательниц и лгуний стояла его биологическая мать.

Но с годами ему стало казаться, что мать не хотела оставлять своего новорожденного ребенка в доме малютки, что-то ее подтолкнуло к этому нелегкому решению. Он начал ее оправдывать, загорелся желанием ее отыскать, встретиться с ней и разобраться в интересующих его вопросах.

Но кто ему поможет в поисках матери?

Преследуя эту цель, он нашел себе невесту, выбрал из толпы поклонниц. Выбор на нее пал не случайно – она была дочерью одного высокого чина из местного МВД.

Прикрываясь именем тестя, Макар Дианин получил доступ к архивам, выяснил, кто его настоящие родители, где они проживали до недавнего времени.

Внезапно его тесть попал под сокращение. Тесть пал духом, его зять воспрял духом – теперь он может без последствий для себя избавиться от надоевшей супруги. Еще повезло, что успел узнать то, что хотел узнать, пользуясь связями тестя.

Макар уволился из театра, распрощался со всеми своими любовницами и отправился на встречу с биологической матерью.

Как оказалось, у него есть сводный брат по отцу. Матери удалось выяснить, что за девять месяцев до рождения Степана Ефремушкина его родной отец, Иван Иванович Крашенинников, проходил плановое лечение в одном из санаториев Кавказских Минеральных вод. В этом же санатории и в то же время находилась Марта Гордеевна Ефремушкина.

Зинаиде Марковне Крашенинниковой, пришлось «открыть душу» подруге-соседке, рассказать, что однажды изменила мужу, о чем сожалеет до сих пор. Марта, пытаясь успокоить подругу, тоже призналась, что один раз изменила мужу, не называя, что естественно, имен-фамилий. Но ляпнула про санаторий. Мать Макара заинтересовалась, не встречалась ли они после с любовником? Марта, отводя взгляд в сторону, сказала, что, конечно же, нет.

Только сейчас, спустя многие годы, Зинаида Крашенинникова вспомнила, как ошарашенно посмотрели ее муж и соседка друг на друга при первой встрече. Скорее всего, Марта была уверена, что Иван Крашенинников никогда не догадается, кто является настоящим отцом Степана. Мужчины, в отличие от женщин, не любят занимать арифметикой, высчитывая даты.

Обида на мужа-предателя, ради которого Зинаида Марковна пошла практически на убийство сына, обида на подругу, с которой ее муж, возможно, продолжал крутить любовь на ее глазах, до такой степени ее накрыла, что Зинаида слегла. У нее случился микроинсульт. Но жажда мести заставила быстро оправиться.

Еще лежа на больничной койке, она разработала план мести, который корректировался по мере претворения его в жизнь.

Лучше поздно, чем никогда.

Опять же итальянская пословица не зря гласит: холодная месть приятнее всего на вкус. Или еще одно «крылатое» выражение, позаимствованное из фильма «Крестный отец» и из романа Шодерло де Лакро «Опасные связи»: месть – это блюдо, которое подается в холодном виде.

Макару было поручено везде следовать за Степаном, изменяя свою внешность, что не составило труда профессиональному актеру.

В кафе «Встреча друзей» Макар Дианин сидел за соседним столиком и отчетливо слышал разговор Степана и Светланы. Так увлекся, что едва не выдал себя. Светлана обратила на него внимание и указала на него приятелю. В тот раз у Макара на переносице висели очки с толстыми диоптриями, а на голове был парик в виде лохматой шапки из каштановых волос.

Именно, в тот раз, в кафе «Встреча друзей», он услышал о мнительности Степана, своего брата по отцу, о его психической неустойчивости. И сказал об этом матери, которая успела позабыть о случае с найденным телом пропавшей девочки Нины.

Пришлось перерабатывать план мести.

Врачом-гомеопатом тоже выступал он, Макар Дианин. Кое-какие навыки были – играл в одной пьесе доктора, о нетрадиционных методах лечения, о гомеопатии, нашел информацию в Интернете, даже видео посмотрел, чтобы придать себе уверенности.

Времени для подготовки было мало. Еще повезло, что визит врача-гомеопата Добрынина Марта Гордеевна перенесла на два часа.

Телефонный разговор Степана Ефремушкина с его приятелем-кардиологом подслушала Зинаида Маркова. Узнав новости, сразу сообразила, как они поступят. Она приказала Макару убить настоящего доктора Добрынина и под его видом нанести визит Ефремушкиным. Макар даже не колебался – надо так надо. Чего не сделаешь ради родной матери, которая с его помощью успешно отвела от себя подозрение в отравлении Марты Гордеевны.

А теперь о другом: как Зинаиде Марковне Крашенинниковой удалось подслушать телефонный разговор Степана с приятелем?

Об этом стоит рассказать подробнее.

Перед смертью Иван Иванович Крашенинников находился в полубредовом состоянии. То впадал в беспамятство, то приходил в сознание, узнавал жену и беседовал с ней слабым голосом. В бреду что-то болтал о тайной двери между двумя конспиративными квартирами КГБ. Откуда он об этом узнал, осталось невыясненным. Но не это главное.

В каждом бреду есть доля бреда, но основная доля – правда. Так решила Зинаида, которая проводила все дни-ночи напролет у постели больного мужа.

Информацию о существовании тайной двери, которая связывает две бывшие конспиративные квартиры бывшего Комитета Госбезопасности, Зинаида Марковна «намотала на ус». Не зря супруг постоянно повторял одно и то же: получается, он говорил об их квартире и квартире соседей. В бреду Иван твердил о каком-то рычаге, который надо надавать, чтобы дверь между конспиративными квартирами открылась.

Ясно, что ничего не ясно.

Прошло время, Зинаида и думать забыла о тайной двери, но воспоминание всплыло, когда в жизни Крашенинниковой появился сын Макар.

Когда внучатого племянника, Егора Тertyчного, не было дома, Зинаида призвала на помощь Макара, поведала о тайной двери, и они вдвоем принялись исследовать общую стену с соседями. Их внимание привлек огромный шкаф в прихожей. Зина знала, что у соседей в этом же месте тоже стоит подобный шкаф из ценных пород дерева.

И получается, что тайная дверь находится в шкафу?

А ведь Иван болтал в бреду о задней стенке шкафа. По утверждению Крашенинникова задняя стенка – это и есть тайная дверь. Дверь-то дверь, но как ее открыть? Зинаида призадумалась, сосредоточившись на воспоминаниях. Между тем Макар болтал без умолку:

- Конспирация секретных служб советского прошлого: очень удобно, две квартиры по соседству. В случае необходимости, можно легко покинуть одну квартиру и укрыться в соседней. Переждать и потом спокойно выйти на улицу. Да, мам? Здорово придумано.

- Цыц! Я думаю.

Макар нисколько не обиделся, снова влез в шкаф и принялся простукивать заднюю стенку шкафа согнутым указательным пальцем.

- Макар, ты думаешь, что творишь?! – прошипела на него мать. – Сейчас соседи услышат и заинтересуются, чем мы здесь занимаемся.

- Не мы, а ты: про меня они ничего не знают, думают, что я водопроводчик.

- Марта уже спрашивала у меня: «Зина, что это к тебе водопроводчик зачастил?»

- А ты?

- А я ей: «Трубы старые, все прогнили, вот он и латает, где можно подлатать, а где нельзя – то меняет».

- Значит, можно постучать, - выдал Макар.

- Ага, в шкафу, - хмыкнула мать. - Вылезай оттуда, будем думать вместе.

- Чтобы думать, надо знать, что тебе рассказывал отец. Может быть, никакой двери и нет?

- Я вот что подумала: о тайной двери знал не только мой муж Иван Крашенинников, но и Сергей Ефремушкин. Не зря двое кадровых военных, проверенных-перепроверенных, получили квартиры в этом доме по соседству, почти в одно и тоже время...

- Что еще?

- Где-то должен быть рычажок, после нажатия на который дверь и откроется.

- Дерни за веревочку, дверь и откроется, - вспомнил известную сказку Макар. – Рычажок... Хм... Где ж его искать?

- В шкафу, где же еще! Точно ни в кухне и ни в комнате. Будут кэгебисты бегать по квартире... А так раз – надавил, дверь открылась, и ты уже в другом помещении. Раз и закрыл за собой дверь. Была дверь, стала глухая стенка.

Порядком уставший от поисков Макар терпеливо вытащил из шкафа всю верхнюю одежду и снял с держателей перекладину, на которой висела на вешалках одежда. Теперь он смог разглядеть сбоку от держателя небольшой крохотный рычажок. Недолго думая, потянул рычажок вниз, и тотчас задняя стенка шкафа разделилась на две половины, обе половинки разъехались, не издав даже шороха. Макар от неожиданности отпрянул и тихо охнул.

- Из странного материала сделала задняя стенка шкафа, - изучив, прошептал он, - наверное, материал разработан в секретной лаборатории КГБ. Тут тебе надежная звукоизоляция, и твердость при достаточной тонкостенности.

Зинаида Марковна, женщина преклонных лет, так впечатлилась «выкрутасами» старинного шкафа, что без труда вытащила сына из шкафа, он не успел опомниться, впорхнула внутрь, оказавшись перед верхней одеждой, принадлежавшей соседям Ефремушкиным.

Из соседней квартиры не только отчетливо слышались голоса Марты и ее сына Степана, но даже тиканье настенных часов.

Теперь Зинаида была в курсе всех дел своих соседей...

Сын Макар подчинялся матери безропотно, почувствовав в ней умную женщину, которая всегда права, которая знает, чего она хочет.

Макар не держал на нее обиды. Да и как держать, если мать, с ее слов, не знала, что ее сын жив. Ведь ей сказали, что он умер от врожденной болезни сердца. Зинаида «кормила» сына рассказами о своей печали, о тяжких воспоминаниях.

Макару казалось, что он любил свою биологическую мать всю жизнь. Всегда мечтал о встрече. А когда встретил, когда узнал, как обидел, как обманул ее муж, его отец, которого мать боготворила, которому она слепо доверяла, Макар решил ее поддержать и помочь...

В тот поздний вечер, когда Степан вернулся домой из СИЗО, в его квартире находился Макар Дианин. Зинаида ведать не ведала, что ее сын временно обосновался в соседней квартире. Через тайную дверь он проникнуть не мог, поэтому взял и стащил у матери запасной комплект ключей. На вопрос матери – зачем? – он расплывчато ответил – сам не знаю, наверное, из интереса. «Вразумительный» ответ.

Когда вошел Степан, он перепугался и саданул его по голове статуэткой – первым, что под руку попало. Как ему показалось, саданул не сильно, хотел только оглушить, после чего сбежал. А Степан едва не погиб, спасла добрая женщина, соседка тетя Зина.

Макару потом здорово досталось от матери – едва не провалил операцию. Степан должен сам наложить на себя руки, взяв на себя вину за смерть матери.

Но прежде – двинуться разумом.

Голоса изображал профессиональный актер Макар Дианин, сидя в шкафу Ефремушкиных, куда он попал через потайную дверь.

Но до того Макару пришлось решать еще одну неожиданную проблему в лице внучатого племянника Егора Тертычного...

Однажды, еще до всех событий, Егор неожиданно вернулся домой, тихо открыл дверь своим ключом и стал невольным свидетелем разговора бабки и незнакомого молодого

мужчины. Глупый – не глупый был Егор, но кое-что из разговора понял, и начал шантажировать бабуку – вот возьмет и расскажет обо всем Марте Гордеевне. Бабка отмахивалась и называла его дитем неразумным. Дескать, ничего ты не понял, они с водопроводчиком обсуждали детектив, который недавно по телевизору показывали. Не все ж трудяге работать, пусть передохнет, чайку попьет и проведет время в приятной беседе.

Не дождавшись требуемой суммы за молчание, Егор отправился к соседке Марте Гордеевне. Хотел припугнуть бабуку. Бабка вся извелась в ожидании. А Егор сказал Марте, что Зинаиды нет дома, в квартиру он попасть не может. Посидел и ушел. Не выдал. Деньги получил.

Потом Марты не стало. Егор почувствовал свою власть над бабушкой.

- Он будет шантажировать меня до бесконечности, - пожаловалась она сыну Макару. Тот предложил избавиться от шантажиста – другого выхода нет.

Зинаида подумала-подумала, с опаской поглядывая на сына, который вошел во вкус их «приключений», и согласилась. Она не сомневалась, что от шантажиста надо избавляться, но озадачилась своей судьбой – что ее ждет, когда план мести осуществиться?

Все будет хорошо, - успокоила себя Зинаида, - сын меня любит, он мне верит.

И предложила Макару «подвести под монастырь» Степана Ефремушкина. Пусть сработано было грубо, но он помучался, отмываясь. Опять же - еще одна монетка в копилку его сумасшествия.

Потом Зинаида уехала к племяннице – скорбеть вместе по невинно убиенному Егору, а ее сын Макар остался полноправным хозяином в квартире, по ночам развлекаясь театральным действием, сидя в шкафу.

О планах Степана – о визите к доктору Асееву – Макар не знал, повезло, что вовремя сориентировался и проследил до самой психиатрической больницы.

Позвонил матери и поделился последними нерадостными новостями – улизнул от них «клиент». Мать приказала устраиваться туда же на работу. Где-где, а в психбольнице точно не хватает рабочих рук. Так в больнице появился новый санитар, в котором нельзя было узнать всех прежних «знакомых» Ефремушкина.

Сначала санитар вошел Степану в доверие, потом фанатично взялся за дело – вывел из строя единственный светильник, повредил электрические розетки в палате, в которой лежал Степан и еще двое пациентов. Пришлось переводить пациентов в другие палаты.

Макар предложил Степану самую лучшую из имеющихся свободных палат, одиночную, светлую, с видом на водоем, расположенный за пределами больницы. Через стенку находилась маленькая кладовка для предметов не первой необходимости. Между палатой и кладовкой имелось вентиляционное отверстие. Никто не помнит, что раньше было вместо кладовки, и зачем два помещения связывает вентиляционное отверстие.

Вентиляционное отверстие, закрытое металлической решеткой, сослужило хорошую службу санитару Макару Дианину. По ночам он проникал в кладовку, залезал на старенькую тумбочку и бубнил в вентиляционное отверстие.

Степан Ефремушкин опять слышал ненавистные голоса, призывающие его к самоубийству. В итоге у него случился рецидив, и он оказался в наблюдательной палате.

После наблюдательной палаты Степана снова вернули в палату с вентиляцией. Макар продолжил свои эксперименты над пациентом психиатрической больницы, который до этого неожиданно решил пойти на поправку, что не входило в их с матерью планы.

Время шло, Макар не мог добиться поставленной цели. Пришлось устроить задымление, увести Степана на чердак, придушить, чтобы потом подвесить на крюк. Чем не самоубийство?

Ничего удивительного - пациент, что называется, дошел до крайней черты, и повесился на чердаке психиатрической больницы.

И если бы не вмешался Дмитрий Комелюк, еще один санитар, друг детства Степана Ефремушкина, блестящий план Зинаиды Марковны Крашенинниковой был претворен в жизнь.

Макар Дианин взял вину на себя, якобы мать ничего не знала. Все убийства совершил он один. Он разработал план. Пожалел мать, которую предал муж.

Но следователь Азарх открыл сыну правду о матери – отказалась от больного новорожденного сына, бросила на произвол судьбы.

Макар был ошеломлен, впал в ступор. Долго молчал, а потом, наконец, заговорил...

Заключение

Степан вышел из здания университета, слегка пошатываясь от усталости. Но настроение было приподнятым – он вновь оказался в своей стихии, получал от работы и от общения со студентами огромное удовольствие.

Здоровье постепенно приходило в норму, головные боли отступили, в редкие дни молоточки постукивали в голове, но он не обращал на эти стуки-перестукивания внимания, никакие лекарства не принимал, чувствовал себя победителем.

Он и был победителем: смог полюбить женщину, хотя, еще недавно считал, что это возвышенное чувство ему неподвластно, и что самое важное – женщина ответила ему взаимностью.

Степан Сергеевич очень устал, язык не ворочался, все-таки четыре лекции у «дневников» и еще две лекции у «заочников». По болезни много пропустил, приходилось наверстывать.

Сырой осенний воздух тотчас проник Степану под куртку и заставил прибавить шаг. Издали Степан любовался недавней покупкой – своим собственным авто, подойдя, смахнул с капота несколько ржаво-желтых листьев, сел в салон, завел двигатель и выехал со стоянки.

На панели «затанцевал» мобильный телефон. Степан хотел включить громкую связь, передумал, свернул на обочину, остановился и ответил. Звонила Светка.

- Степка, ну ты как?

- Нормально.

- Так вы приходите в субботу? А то всё откладываем и откладываем по независящим от нас причинам. Сколько можно!

- Салатики будем трескать?

- Тебе бы только пузо набить, - напускно обиделась подруга детства.

- Конечно, придем. Уже и подарок купили.

- Да? А что?

- Сюрприз!

- Обожаю сюрпризы! – восхитилась Светка, бывшая Куролес.

- Странно, еще недавно...

- То было тогда, в прежней жизни, - перебила его Светка, попытала в трубку, собираясь с духом и вкрадчиво спросила, - Степка, я могу открыть тебе великую тайну?

- Можешь, - разрешил он, напрягшись.

- Степ, я беременна, - выпалила подруга.

- Опа! Здорово! А счастливый папаша в курсе?

- Пока еще нет. Степ, я боюсь. Вдруг он не обрадуется? Вдруг дети будут мешать ему писать романы?

- Светка, ты дура! – вынес диагноз Степан.

- Я знаю, - хлюпнула носом бывшая Куролес. – Думаешь, Васе надо сказать?

- Необходимо!

- Ладно. – Светка отключилась, не попрощавшись, видимо, побежала сообщать мужу радостную новость.

Степан слегка позавидовал Василию. Не успел тронуть автомобиль, как опять зазвонил телефон.

- Никуль, что-то случилось? – тревожно спросил Степан Сергеевич.

- Ефремушкин, ты джентльмен? – в лоб спросила Нина, не ответив на поставленный вопрос.

- Как сказать, - промямлил мужчина.

- Я серьезно спрашиваю!

- Жду пояснений.

- Если ты джентльмен, то обязан на мне жениться.

- После всего того, что между нами было, я, конечно, обязан на тебе жениться, - улыбаясь во весь рот, заявил джентльмен Ефремушкин.

- Обязан жениться на мне или хочешь жениться? Это две разные вещи, - пояснила дама сердца, позабыв о своем первоначальном высказывании.

- Хочу!

- Я тебя не принуждаю, - обронила Нина с обидой.

- А кто сказал, что ты меня принуждаешь? Это мое горячее желание.

- Мне не понравилось, как ТЫ ЭТО сказал!

- Как сказал?

- Бесстрастно, вот как!

- Нин, что-то случилось?

- Ничего не случилось! А что?

- Вот и я спрашиваю: «Что?» Ты сегодня сама не своя, на себя не похожа, капризничаешь, к словам цепляешься, я волнуюсь, - без тени волнения проговорил Степан Сергеевич, предчувствуя подвох со стороны Ниночки.

- Степ, ты меня любишь?

- Очень люблю и предлагаю выйти за меня замуж... Согласна?.. Нин, почему ты молчишь?

- Размышляю.

- Значит, ты пока не всё для себя решила?

- В данный момент я думаю о другом.

- Она думает о другом в такой ответственный момент! Как можно! – театрально возмущился Степан и уточнил игривым тоном, - Нина, ты думаешь о другом мужчине или о чем-то другом, постороннем?

- В субботу мы идет в гости к Светке и Васе?

- Идем, - протянул Степан, - но не нужно уводить разговор в сторону.

- Степ, а чего ты испугался?

- Еще пять минут назад, до того, как ты мне позвонила, я думал, что уже ничего в жизни не боюсь, а сейчас я понял, что боюсь одного – что тебя рядом не будет. Нин, я не могу без тебя.

- И я не могу без тебя, Степа... Но я не знаю, как ты отнесешься... к одной новости.

- Ты тоже беременна? - вырвалось у Ефремушкина.

- Что значит – тоже? - упавшим голосом спросила Нина, не дала мужчине ответить и набросилась на него, - вот чего-чего, а ЭТОГО я от тебя, Ефремушкин, не ожидала!

- Чего не ожидала? – не понял он.

- Что ты бабник!

- Нина, я не бабник, я тебя люблю, я хочу на тебе жениться! И я хочу знать – ты беременна?

- Степа, лучше нам поговорить об этом не по телефону, глядя друг другу в глаза. Вот приедешь домой, и мы... сядем рядком и поговорим ладком.

- Тебе сложно ответить на мой вопрос? Я имею право знать?

- Имеешь, конечно. А я имею право узнать, кто еще беременный? Или правильнее – беременная? Хотя, мне без разницы, как правильно. Жду ответа!

- Нин-ка! - восхитился Степан.

- Я-то Нинка, а ты... а ты...
- А я безумно счастливый человек!
- Степан, ты не отвечаешь, значит, тебе есть что скрывать.
- Это не моя тайна, это Светкина тайна... Или уже не тайна.
- Светка беременна?
- Что в этом удивительного? – передернул плечами Ефремушкин.
- Ничего, конечно... Так бывает...
- Бывает, - согласился Степан, - и не только у Светки с Васей, но и у... нас, - в заключении рассуждения слышались вопросительные нотки.
  - И у нас, - подтвердила Ниночка с легкой опаской. – Степа, ты рад?
- Кажется, я сейчас сойду с ума от счастья.
- От счастья еще никто с ума не сходил! – отрезала будущая мать. - Степ, ты скоро приедешь? Я сижу, жду. Я очень голодная.
- Я лечу!
- Степ, ты там поосторожнее.
- Я буду очень осторожен. Я не имею права быть неосторожным...
Некоторое время он сидел и глупо улыбался, позабыв, что надо спешить домой, к беременной Ниночке, его будущей жене, будущей матери его будущего ребенка. И повторял снова и снова:
- Я буду отцом... У меня родится дочь.
С пассажирской стороны кто-то постучал в стекло, плачущее от дождя. Степан не заметил, что на улице сначала начал накрапывать дождь, а потом безответственно полил. Степан открыл окно и увидел мужчину в кепке, с козырька которой стекала дождевая вода.
- Извините, что я вас беспокою, но мне не у кого спросить, город будто вымер. Я приезжий, впервые в этом городе, приехал погостить к дальним родственникам. Вышел на прогулку и... заблудился. И как назло мобильный телефон забыл.
- Адрес дальних родственников вы знаете?
- Конечно, улица Красных Партизан, дом сорок шесть.
- Садитесь, я вас подвезу, мне как раз по дороге.
- Вот спасибо...
Незнакомец плюхнулся на сиденье, автомобиль тронулся.
- Простите, мы с вами раньше не встречались? – поинтересовался Степан, - кажется, мне знакомо ваше знакомо?
- Честно говоря, мне тоже знакомо ваше лицо, - пристально изучив водителя, признался незнакомец. – Возможно, вам что-то скажет моя фамилия. Борис Жидков, - назвался он.
- Степан Ефремушкин, - представился водитель и повторил, - Борис Жидков. Не припомню.
- Мне ваше имя тоже ни о чем не говорит. Наверное, вы мне напомнили кого-то из моих знакомых.
Степан доставил Жидкова до места, тот поблагодарил и исчез за стеной дождя.
И только когда тот исчез, Ефремушкина осенило:
- А ведь он напомнил мне меня самого... Еще один двойник? Или тайный родственник?.. – Степан не сдержался и закатился смехом. – Двойник! Что за ерунда лезет в голову! Долой кавардак!..

Март – август 2018г.